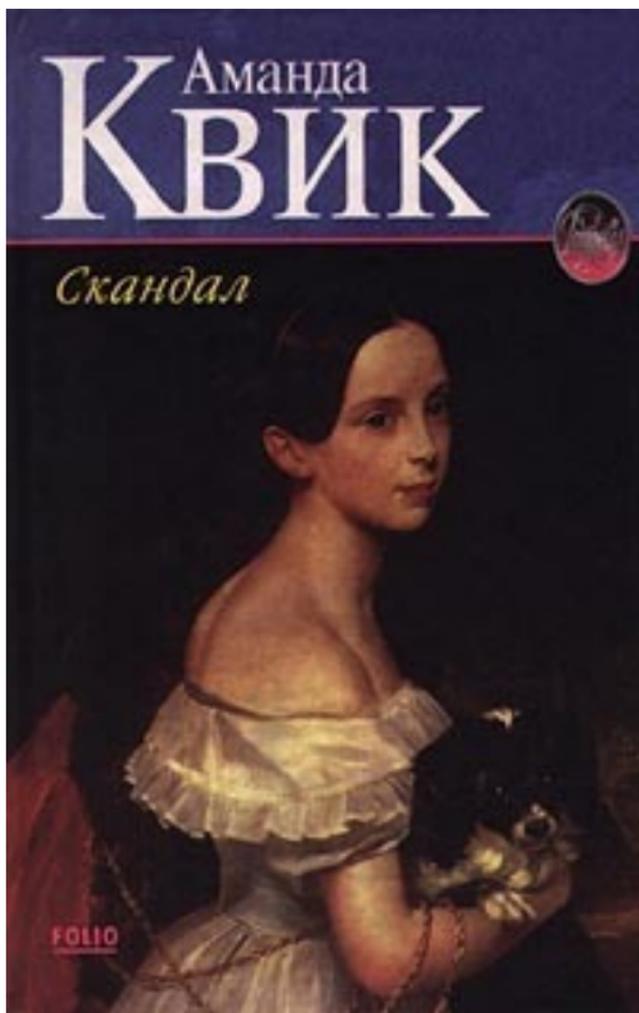

Аманда
КВИК

Скандал

FOLIO

Аманда Квик Скандал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130308

Скандал: АСТ; Москва; 1998

ISBN 5-237-00834-8

Аннотация

«Скандал» – это история любви возвышенной и чувственной. Мисс Эмили Фарингдон встречается мужчину своей мечты – таинственного и могущественного графа Блэйда. Одержимый жаждой мести, граф приводит в трепет весь Лондон, но только не Эмили...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	55
Глава 4	79
Глава 5	110
Глава 6	144
Глава 7	174
Глава 8	194
Глава 9	215
Глава 10	240
Глава 11	262
Глава 12	284
Глава 13	307
Глава 14	328
Глава 15	351
Глава 16	372
Глава 17	398
Глава 18	428
Глава 19	449
Глава 20	470

Аманда Квик

Скандал

Глава 1

Ключом к отмщению станет дочь. Он понял это несколько месяцев назад. Воспользовавшись ею, он отомстит всему семейству Фарингдонов, ибо из четверых, кто должен заплатить за случившееся двадцать три года назад, Бродерик Фарингдон несет самую страшную вину. Он сделает дочь Фарингдона орудием своей мести, вернет себе все, что принадлежало ему по праву рождения, и покарает вора.

Саймон Траэрн, граф Блэйд, остановил своего гнедого посреди рощицы вязов и сквозь спутанные голые сучья смотрел на великолепный дом. Двадцать три года граф не видел Сент-Клер-холла, и сейчас дом предстал отягощенному мыслями взору Саймона таким же, каким запомнился ему в тот день.

В бледных лучах позднего зимнего солнца каменные стены казались высеченными из холодного серого мрамора. Этот загородный особняк поражал благородным изяществом. Он не имел ничего общего с громоздкой архитектурной мешаниной, какую нередко представляли собой подобные строения.

Выполненный строго в палладианском стиле, столь распространенном в прошлом веке, он олицетворял собой суровое достоинство.

Здание не было особенно массивным, подобно многим другим, зато в каждой его линии – от высоких внушительных окон до просторных ступеней, ведущих к парадной двери, – присутствовала безупречная, хотя и несколько холодноватая элегантность.

Сам дом не изменился, а вот то, что его окружало, узнавалось с трудом. Где строгая череда зеленых газонов с мраморными чашами классических фонтанов?..

Вместо них появились цветники. Великое множество цветов. Явно кто-то страстно увлекался их разведением.

Даже среди зимы они значительно смягчали облик дома. А весной и летом холодные стены Сент-Клер-холла, наверное, возносятся к небу из яркого буйства цветов, вьющихся виноградных лоз и причудливо подстриженных зеленых изгородей.

Нелепость. Этот дом никогда не был приветливым и манящим. И ему совершенно не пристало окружение легкомысленных цветников и дурацких изгородей. Саймон догадывался, кто виновник столь возмутительного пейзажа.

Гнедой нетерпеливо взвился на дыбы. Граф рассеянно потрепал коня затянутой в кожаную перчатку рукой.

– Теперь уже недолго, Лэп Сэнг, – пробормотал он, натягивая поводья. – Скоро я выброшу вон свору фарингдонских

ублюдков. Через двадцать три года я наконец-то отомщу.

И ключом к отмщению станет дочь.

О нет, мисс Эмили Фарингдон вовсе не была юной девочкой только что со школьной скамьи. Ей уже исполнилось двадцать четыре, и, если верить леди Гиллингем – хозяйке дома, где он гостил, – девушка прекрасно понимала, что у нее почти нет шансов на удачное замужество. Ему туманно наметнули на какой-то скандал в прошлом молодой леди – скандал, не оставивший никакой надежды на достойную партию.

И это обстоятельство оказалось очень кстати для его плана.

Саймону вдруг пришло в голову, что нравы Ост-Индии, где он прожил столько лет, действительно изменили его образ мыслей и рассуждает он уже не как англичанин. Не случайно друзья и знакомые часто обвиняли его в излишней загадочности и склонности к тайнам.

Возможно, так оно и есть. Даже месть в его представлении уже не была чем-то простым и открытым, она была целым действием, требующим чрезвычайной продуманности и тщательной подготовки. По восточным обычаям месть требовала расправы не только с самим врагом, но и со всем его семейством.

Честный английский джентльмен благородного происхождения и в мыслях не допустил бы сделать невинную молодую девушку орудием своей мести. У Саймона никаких сомнений не было. Совершенно никаких.

В любом случае, если слухи справедливы, леди не так уж и невинна.

Когда Саймон мчался обратно к дому, где гостил, он ощущал в своей душе холодное удовлетворение. После двадцати трех лет ожидания он наконец-то отомстит и вернет себе Сент-Клер-холл.

Эмили Фарингдон знала, что влюбилась. Правда, она никогда не встречалась с героем своего романа, но это ничуть не мешало ей всецело отдаться романтическому чувству. По письмам мистера Траэрна она поняла: с этим человеком у них духовное общение высшего порядка. Он был образцом мужчины – вдохновенный, с утонченными чувствами, широким кругозором, ярким интеллектом и сильным характером. Словом, само совершенство.

Но какое несчастье: шансов когда-нибудь встретиться с ним – не говоря уже о романтических отношениях – было ничтожно меньше, чем шансов на выигрыш в любой азартной игре.

Эмили вздохнула, надела очки в серебряной оправе и выбрала письмо Саймона Траэрна из пачки конвертов, газет и журналов утренней почты. За последние месяцы она уже научилась безошибочно узнавать четкий изящный почерк Траэрна и его необычную печатьку в виде головы дракона. Из-за обширной переписки и огромного количества подписных изданий на ее письменном столе красного дерева всегда ле-

жали целые кипы почты, но письма от Саймона Траэрна она находила сразу.

Эмили всегда очень осторожно распечатывала конверт ножом для бумаг, дабы не повредить драгоценную печать. Каждая деталь посланий Траэрна для Эмили была очень важной и достойной вечного хранения в особой шкатулке, специально купленной для этого.

Она аккуратно вскрывала печать из красного воска, когда дверь в библиотеку отворилась и в комнату неторопливо вошел ее брат.

– Доброе утро, Эм. Я смотрю, ты, как всегда, усердно трудишься. И как только ты умудряешься, сестренка?

Чарльз Фарингдон чмокнул сестру в щеку и грациозно опустился в кресло напротив широкого письменного стола. Элегантно закинув ногу на ногу, он улыбнулся ей беспечной обворожительной улыбкой, которая отличала всех мужчин рода Фарингдон.

– Ума не приложу, что бы мы все делали, если бы тебе не нравилось хоронить себя здесь и погружаться в эту противную занудную переписку.

Эмили неохотно опустила письмо Саймона Траэрна на стол и как бы между прочим накрыла его последним номером «Журнала для джентльменов». Письма Траэрна – ее личное дело, а потому не следовало открыто оставлять их на столе, где они могли привлечь чей-нибудь случайный интерес.

– Ты, кажется, в прекрасном настроении, – заметила она непринужденным тоном. – Полагаю, ты оправился от разочарования последних проигрышей и собираешься вскоре снова вернуться в город?

Она всматривалась в своего красивого братца через круглые стеклышки очков, испытывая привычное смешанное чувство раздражения и душевной привязанности. Эмили любила Чарльза, равно как и его близнеца Девлина и своего беспечного свехобщительного отца. Но нельзя было отрицать, что некоторая безответственность и даже безрассудность в поведении мужчин Фарингдонов – да черт с ним, со всем! – порой чрезвычайно утомляли. Их красавицу мать, умершую шесть лет назад, часто огорчало сие обстоятельство.

Эмили не могла не признать, что, за исключением ее самой, Фарингдоны были красивой семейкой.

Вот и в это утро в костюме для верховой езды Чарльз, как всегда, неотразим: куртка от Уэстона – Эмили только что оплатила за нее счет; покрой бриджей выгодно подчеркивает его прекрасную фигуру, а сапоги начищены до зеркального блеска, так что в них можно смотреться.

Высокий блондин, с волосами, отливающими на солнце золотом, и глазами, голубыми как летнее небо, Чарльз выглядел истинным представителем рода Фарингдон. Вдобавок к чертам юного Адониса он обладал еще и шармом Фарингдонов.

– Да, знаешь, совсем оправился, – бодро заверил ее Чарльз. – Через пару минут уезжаю в Лондон. Чудесный день для прогулки верхом. Если у тебя имеются какие-либо поручения для Давенпорта, буду рад их передать. Собираюсь обогнать почтовую карету по дороге в город – я даже заключил пари с Пирсоном!

Эмили покачала головой:

– Нет, сегодня для мистера Давенпорта у меня ничего нет. Разве что на следующей неделе, когда мои корреспонденты в Эссексе и Кенте сообщат о видах на летний урожай бобов и я приму кое-какие решения.

Чарльз пренебрежительно наморщил свой изящный нос:

– Бобы... И как ты только можешь заниматься такой чепухой, как выращивание бобов, Эмили? Это же жуткое занудство!

– Полагаю, не большее, чем производство железа, добыча угля и урожай зерновых, – парировала она. – Меня весьма удивляет, что ты сам перестал интересоваться подобными делами. Все, чем ты наслаждаешься в жизни, – от твоих шикарных сапог до прекрасного жеребца для охоты, которого ты купил в прошлом месяце, – только результат внимательного отношения к столь скучным вещам, как выращивание бобов.

Чарльз улыбнулся и, подняв руки вверх, решительно встал:

– Довольно читать мораль, Эм. Пожалуй, это даже скуч-

нее, чем бобы. Кстати сказать, новый жеребец действительно прекрасное животное. Отец помог выбрать его на аукционе «Таттерсоллз», и не тебе мне объяснять, какой у отца глаз на породу.

– Да, но это ужасно дорогой жеребец, Чарльз.

– Считай мою покупку вложением капитала. – Чарльз еще раз легко поцеловал ее в щеку. – Ну, раз для Давенпорта новостей нет, я удаляюсь. Увидимся, когда мне снова понадобится отдохнуть от карточных столов.

Эмили улыбнулась ему с затаенной грустью:

– Передавай привет папе и Девлину. Мне даже захотелось поехать с тобой в Лондон.

– Глупости. Ты же говоришь, что чувствуешь себя лучше всего здесь, в деревне, где всегда есть чем заняться. – Чарльз направился к двери. – Сегодня четверг. У тебя собрание литературного общества, не так ли? Ты ведь не можешь его пропустить?

– Да, пожалуй. До свидания, Чарльз.

– До свидания, Эм.

Эмили подождала, пока дверь библиотеки закроется за братом, и лишь тогда подняла «Журнал для джентльменов» с письма Траэрна. Она улыбнулась от затаенного удовольствия, приступая к чтению написанных элегантно подчерком строк.

«Моя дорогая мисс Фарингдон!

Боюсь, письмо покажется Вам очень коротким, но смею

надеяться, что Вы простите мне мою спешку, когда я объясню Вам ее причину. А причина в том, что очень скоро я приеду в ваши края. Я собираюсь погостить в загородном доме лорда Гиллингема, который, насколько я понимаю, живет по соседству с Вами. Не сочтите за излишнюю назойливость, если я выражу надежду на то, что Вы будете так добры и предоставите мне возможность познакомиться с Вами лично во время моего пребывания там...»

Эмили в ужасе застыла – Саймон Траэрн приезжает в Литл-Диппингтон!

Она не могла поверить своим глазам. С колотящимся от волнения сердцем схватила письмо и перечитала первые строки.

Да, так оно и есть. Он собирается гостить у Гиллингемов – их загородный дом совсем недалеко от Сент-Клер-холла. Дрожащими пальцами Эмили осторожно положила письмо и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с захлестнувшим ее волнением. Волнением, граничащим с ужасом.

Та часть ее существа, что жаждала увидеть Саймона Траэрна, боролась со страхом перед этой встречей. От напряжения кружилась голова. В отчаянной попытке сохранить здравый смысл Эмили пыталась убедить себя, что эта встреча не сулит ничего романтического. Скорее всего ей предстоит расстаться и с драгоценной перепиской, ставшей за последние несколько месяцев самым важным в ее жизни.

А ужас заключался в том, что во время своего пребывания у Гиллингемов – в столь близком соседстве – Траэрн непременно услышит какой-нибудь скользкий намек на несчастное происшествие в ее прошлом. Разумеется, хозяйка дома, где он будет гостить, леди Гиллингем, как и вообще все в Литл-Диппингтоне и в округе, прекрасно осведомлена о страшном пятне на репутации Эмили. Хотя все случилось пять лет назад и теперь разговоры уже поутихли, но никакой тайны ни для кого не было.

Эмили пыталась рассуждать здраво. Рано или поздно – если Саймон Траэрн задержится в их краях надолго – кто-нибудь непременно упомянет о происшествии.

– Черт подери! – довольно громко произнесла Эмили, нарушив тишину библиотеки, и поморщилась от своих неженских слов.

Одним из не слишком приятных последствий длительно-го уединения в большом доме в обществе одних только слуг было то, что она заимела некоторые дурные привычки. Например, когда ей того хотелось, могла свободно выругаться, как мужчина. Эмили мысленно приказала себе следить в беседах с мистером Траэрном за своей речью. Она была уверена, что такой человек, как он, с его утонченностью чувств сочтет ее привычку к резким выражениям совершенно недопустимой для женщины.

Эмили тяжело вздохнула. До чего же трудно будет соответствовать высоким требованиям Саймона. И она виновато

подумала: а не ввела ли она его в некоторое заблуждение относительно своих собственных духовных качеств – утонченности и ума.

Она порывисто встала и подошла к окну, обращенному на цветник. Эмили и в самом деле не знала, радоваться ей или отчаиваться из-за письма Траэрна. Она чувствовала себя так, словно стояла на краю глубокой пропасти.

Саймон Траэрн приезжает в Литл-Диппингтон. Это никак не укладывалось у нее в голове. Потрясающие возможности и риск будоражили воображение. Он не написал, когда прибудет, но похоже, что в скором времени. Наверное, через несколько недель или в следующем месяце.

Может, ей лучше изобрести срочный визит к какой-нибудь дальней родственнице?

Нет, она не переживет, если упустит такой шанс. Пусть даже потом все рухнет. О, как ужасно, что приходится бояться встречи с человеком, которого любишь.

– Черт подери! – повторила Эмили и обнаружила, что улыбается как идиотка, хотя ей хочется плакать.

Напряжение стало почти невыносимым. Она вернулась к большому столу и дочитала письмо Траэрна до конца:

«...Благодарю Вас за экземпляр Вашего последнего стихотворения» Мысли во мраке перед рассветом «. Я прочел его с большим интересом и должен Вам сообщить, что особенно меня потрясли те строки, где Вы рассматриваете поразительное сходство между треснувшей вазой и разбитым

сердцем. Очень впечатляюще. Надеюсь, к тому времени, как Вы получите это письмо, у Вас уже будет положительный отзыв от издателя.

Всегда Ваш С. О. ТраэРН».

Теперь Эмили знала, что вряд ли решится поспешно уехать к несуществующей родственнице. Будь что будет, но она не в силах устоять перед возможностью встретиться с человеком, который так понимает ее поэзию и назвал ее стихи очень впечатляющими.

Она аккуратно сложила письмо Саймона и спрятала за корсаж своего бледно-голубого утреннего платица с завышенной талией. Быстро взглянув на часы, она поняла, что пора возвращаться к работе – ей предстояло сделать еще очень много, прежде чем отправиться на очередное заседание Общества литературных четвергов.

Разобрав уже половину почты, Эмили наткнулась на письмо с очередным отказом издателя. Она сразу узнала конверт, ибо получила уже немало таких писем. Мистер Паунд, человек с явно ограниченным интеллектом и маловосприимчивый, очевидно, не счел ее поэзию очень впечатляющей.

Но странно, мысль о скором приезде Траэрна значительно смягчила этот удар.

– Черт, не понимаю, чего ради вам захотелось посетить собрание литературного общества, Блэйд? – Нахмутив лохматые брови, лорд Гиллингем пристально смотрел на своего

гостя.

Они с Саймоном стояли во дворе перед домом Гиллингемов, ожидая, пока подадут лошадей.

– Я думаю, это может оказаться весьма забавным. – Саймон слегка похлопывал хлыстом по сапогу. Теперь, когда оставались считанные минуты до встречи с мисс Эмили Фарингдон, его охватывало нетерпение.

– Забавным? Станный вы человек, Блэйд. Хотя чему тут удивляться, ведь вы столько лет провели на Востоке. Долгое пребывание среди иностранцев не идет на пользу, вот что я вам скажу. От этого и возникают всякие чудные идеи.

– Но это принесло мне еще и состояние, – сухо напомнил Саймон.

– Что ж, справедливо. – Смущенно кашлянув, Гиллингем тактично сменил тему:

– Я предупредил о вашем визите обеих Инглбрайт. Думаю, вам будут очень рады, но считаю своим долгом предупредить: это общество всего лишь стайка старых дев, которые собираются раз в неделю и превозносят до небес жалкую кучку стихоплетов. Женщины, знаете ли, очень склонны ко всякой романтической чепухе.

– Да, слышал, слышал... И все-таки мне любопытно посмотреть, как теперь развлекаются в сельской глуши.

– Ну, если вам угодно... Я подъеду с вами к Розовому коттеджу, представлю вас, а дальше вы уж сами. Вы не будете возражать, если я не останусь на их болтовню, а?

– Разумеется нет, – рассеянно пробормотал Саймон; слуга подвел лошадей. – Это же мое чудачество, и я готов пожинать его плоды.

Саймон легко вскочил в седло своего Лэп Сэнга и теперь скакал по дорожке рядом с лордом. Нетерпение охватывало его все сильнее и сильнее, терзая душу. Он старался обуздать его. Он всегда гордился своим железным самообладанием.

Саймон почти не сомневался в радушном приеме сестер Инглбрайт и всех остальных обожающих поэзию старых дев. Может, он и не обладает красотой в стиле Байрона, Эшбрука и прочих, но он, в конце концов, граф.

Сей простой факт – как хорошо известно Саймону – плюс его огромное богатство и влияние вполне способны скрасить множество физических недостатков, а также смягчить самые разные грехи, ошибки в суждениях и даже дурные черты характера.

Леди из Общества литературных четвергов, без сомнения, пришли в совершенный восторг, узнав, что их скромный салон желает почтить своим присутствием сам граф Блэйд...

Розовый коттедж в действительности оказался весьма скромным. Маленький аккуратный домик, окруженный небольшим ухоженным розарием, стоял чуть в стороне от узенькой дорожки, неподалеку от поселка.

Хрупкие, строгие седовласые женщины неопределенного возраста приветствовали у ворот трех посетительниц, види-

мо только что пришедших пешком. Все они кутались от холода в поношенные допотопные накидки и пелерины самых скучных тонов. Их старомодные шляпки были плотно стянуты под подбородком.

Подъезжая с лордом Гиллингемом, Саймон с любопытством рассматривал леди, стоящих у ворот. У него сразу же возникло впечатление, что ему предстоит встреча со стайкой пугливых серых голубей. Он тихонько ругнулся про себя, размышляя, какая же из этих невзрачных птичек Эмили Фарингдон. Он испытывал странное чувство смятения, тревоги и некоторого удивления.

По письмам Эмили он бы никогда не представил ее себе одной из этих весьма чопорных дам почтенного возраста. Он ожидал увидеть молодую особу, полную дерзкой энергии, сверхромантическую.

Пять пар настороженных женских глаз устремились на него из-под старомодных шляпок. Ни одной из обладательниц этих взоров он не дал бы меньше сорока. Саймон нахмурился. Он уверен, что мисс Фарингдон должна быть моложе и симпатичнее. Фарингдоны славятся своей внешностью не меньше, чем беззаботностью поведения.

– Добрый день, леди. – Гиллингем галантно снял шляпу и весело улыбнулся. – Я привез вам гостя на сегодняшнее собрание. Позвольте представить графа Блэйда. Совсем недавно он возвратился из Ост-Индии, знаете ли. И ему не терпится услышать, что делается в литературных кругах здесь,

в Англии.

Саймон уже приветственно снимал свою касторовую шляпу с загнутыми полями, внутренне собираясь для выполнения предстоящей задачи, когда до него неожиданно дошло, что ни на одном из этих женских лиц нет ни малейшего признака радушия.

Он прищурясь наблюдал, как Гиллингем совершал церемонию представления. Сомневаться не приходилось: леди из Общества литературных четвергов были, определенно, не в восторге от нового знакомства. Более того, Саймон мог поклясться, что читает на их лицах некоторое беспокойство и подозрительность. У него даже промелькнула мысль, что милые леди из литературного общества предпочли бы, чтобы он тут вообще не появлялся.

Гиллингем быстро покончил с формальностями:

– Мисс Инглбрайт, мисс Брейсгердл, мисс Хорнсби и мисс Остли...

Дамы вежливо, но без особого энтузиазма ответили на приветствие. Мисс Фарингдон среди них нет, отметил про себя Саймон. Он не мог отрицать, что испытал некоторое облегчение, однако дело усложнялось. Оставалось только надеяться, что леди просто запаздывает.

– Очень любезно с вашей стороны присоединиться сегодня к нам, милорд, – довольно холодно произнесла мисс Брейсгердл, высокая костлявая женщина с вытянутым лицом.

– Весьма любезно, – чопорно подхватила старшая из сестер Инглбрайт. Но это прозвучало так, будто она предпочла бы, чтобы он отправился на охоту. – Как мило с вашей стороны интересоваться нашим скромным сельским обществом. Боюсь лишь, что вы сочтете нас ужасно скучными... совсем не похожими на посетительниц блестящих салонов в Лондоне.

– Да-да, наши заседания совершенно не похожи на лондонские, – живо вмешалась мисс Остли, пухленькая и безвкусно одетая. – Мы здесь слишком отстали от времени, милорд.

– Я не встречал в Лондоне особенно блестящих литературных салонов, – вежливо отвечал Саймон, заинтересовавшись столь необычным приемом. Что-то было явно не так. – Просто группки вечно щебечущих леди и денди, предпочитающих обсуждать последние скандалы, а не новости литературы.

Пять дам смущенно переглянулись. Младшая из сестер Инглбрайт кашлянула:

– Признаться, мы иногда тоже опускаемся до подобной болтовни, милорд. Вам, полагаю, известно, как это бывает в деревне. У горожан, несомненно, есть более интересные предметы для обсуждения.

– В таком случае и у меня найдется для нас несколько последних on-dite, – не без лукавства заметил Саймон.

Они от него так легко не отделаются. Он сам решит, когда

ему уходить.

Дамы переглянулись с еще более неуверенным и обеспокоенным видом. В этот момент всеобщее внимание привлек топот конских копыт по дорожке.

– А вот и мисс Фарингдон! – воскликнула мисс Хорнсби, впервые проявляя признаки радостного оживления.

Неуловимая мисс Фарингдон, ну наконец-то. Сначала Саймон увидел серую в яблоках кобылу, которая неслась во весь опор к группке у ворот. Он напряженно вглядывался. Во-первых, всадница сидела на лошади верхом по-мужски, а не боком. Во-вторых, ее волосы оказались не фамильного золотого цвета – под элегантной соломенной шляпкой свободно металась ярко-рыжие кудри... Что-то блеснуло на ее лице. Саймон почувствовал себя заинтригованным. Эмили Фарингдон носила очки в серебряной оправе! Их вид на несколько мгновений приковал его взор – ни одна из его знакомых ни за что на свете не появилась бы на людях в очках...

– Мисс Эмили Фарингдон, – доверительно шепнул ему лорд Гиллингем. – Эмили довольно мила, но по натуре все они игроки, вся их семейка. Их здесь так и величают: вертопрахи Фарингдоны. Кроме, пожалуй, Эмили. Славная девушка. Очень жаль, что у нее в прошлом было это несчастное происшествие...

– Ах да, происшествие... – Саймон вспомнил сплетню, которую ему удалось потихоньку вытянуть из хозяйки дома, где гостил.

Весьма полезные сведения. И хотя у него пока еще не все подробности, он знает о прошлом Эмили достаточно, чтобы иметь солидное тактическое преимущество в той наступательной кампании, которую собирался развернуть. Он не мог отвести взор от Эмили Фарингдон. С изумлением Саймон обнаружил, что ее маленький носик усыпан веснушками, а глаза за поблескивающими стеклами зеленые. Невероятно зеленые.

Лорд Гиллингем деликатно кашлянул в кулак.

– Мне не следовало говорить, – пробормотал он. – Ей, бедняжке, тогда едва минуло девятнадцать. Все в прошлом. Об этом, сэр, давно никто не вспоминает. Надеюсь, сэр...

– Ну разумеется, – отозвался Саймон. Лорд Гиллингем слегка приподнялся в седле, приветливо улыбаясь Эмили:

– День добрый, мисс Эмили.

– День добрый, милорд. Денек и вправду чудесный, не находите? – Эмили придержала кобылу и приветливо улыбнулась Гиллингеми. – Так вы присоединитесь к нам сегодня? – Она уже хотела спешиться, не дожидаясь помощи.

– Позвольте мне, мисс Фарингдон. – Саймон соскочил с лошади и передал поводья Гиллингеми.

На ходу он успел окинуть Эмили быстрым оценивающим взглядом. Он все еще никак не мог поверить, что наконец-то перед ним желанная добыча, которую так долго выслеживал. Все Фарингдоны, кого ему доводилось видеть раньше, были высокими блондинами и отличались необычайной красотой.

Но Эмили... Саймону оставалось лишь предположить, что некая зловредная фея двадцать четыре года назад подбросила в детскую к Фарингдонам дитя сказочных эльфов. Впрочем, она и сейчас напоминала маленького эльфа. В сей представительнице рода Фарингдон не было ничего от статуи богини. Слишком маленькая, хрупкая, она не поражала пышностью форм. Напротив, все в ней казалось тонким и изящным – от слегка вздернутого носика до нежного изгиба бедер, почти не различимого под тяжелой тканью ее старомодной выцветшей амазонки.

Солнце вновь сверкнуло в стеклышках очков Эмили, когда она наконец изволила взглянуть на Саймона. Он внезапно осознал, что просто пригвожден к земле этим пытливым взглядом, в котором светилось удивительное сочетание живого ума и невинной доброты.

Саймон сразу решил, что мисс Эмили Фарингдон может оказаться какой угодно, только не скучной. Пусть немного несовременной, но определенно не скучной. Она, в конце концов, похожа на свои письма. Эта леди – оригиналка.

Саймон протянул руки, сомкнув их на тоненькой талии Эмили. Его пальцы почувствовали, какая она гибкая и нежная и между тем достаточно сильная для своего небольшого роста, и полна женственности.

Проклятье! Его возбудило одно только прикосновение к ней. Саймон нахмурился и немедленно овладел собой.

Гиллингем торопливо представлял их друг другу, но Эми-

ли не слишком внимательно его слушала.

– Благодарю вас, сэр, – чуть задохнувшись, молвила она, соскальзывая с кобылы. Все ее внимание, казалось, занимала туго набитая сумка, притороченная к седлу. – Ваш спутник сказал – граф Блэйд? Надо же! Не каждый четверг мы принимаем графа...

– Мое имя Саймон... Саймон Огастас Траэрн, – со значением произнес Саймон. – Смею надеяться, вы знаете меня как Траэрна, мисс Фарингдон.

Эмили Фарингдон в изумлении приоткрыла рот, а глаза ее за стеклышками очков округлились от ужаса.

– Траэрн! Нет, невозможно, чтобы вы были мистером Траэрном. – Она рванулась из его рук, словно они обожгли ее.

– Поосторожнее, мисс Фарингдон! – крикнул Саймон, увидев, как вздернулась от испуга лошадь.

Но предупреждение запоздало. Ногой, обутой в сапожок, Эмили случайно угодила кобыле в живот. Бедное животное тут же обиделось на столь дурное обращение и нервно заплясало, сумка зашлепала по бокам.

Эмили попыталась поправить соскочившие на нос очки, одновременно стараясь укротить лошадь. Но девушка уже почти выбралась из седла, когда кобыла снова всхрапнула, резко дернувшись в сторону, и Эмили начала медленно, но неотвратимо падать.

– О господи, – завопила мисс Брейсгердл, – она же падает

с лошади!

– Так ведь... – начал лорд Гиллингем с явной тревогой.

Одна из сестер Инглбрайт метнулась вперед, стараясь уцепиться за уздечку, но для кобылы это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения: животное резко встало на дыбы, забив копытами в воздухе.

– Черт подери! – пробормотала Эмили, окончательно теряя равновесие и падая прямо в объятия Саймона.

Глава 2

Эмили хотелось, чтобы пол Розового коттеджа разверзся и поглотил ее вместе со стулом. Она чувствовала себя униженной и оскорбленной. Нестерпимые душевные муки терзали ее. Чего бы только она не отдала, чтобы суметь угаснуть от тоски. К несчастью, чувства ее не столь утонченные!

Наоборот, она была просто в ярости: невыносимо сознавать, что величайшая любовь ее жизни подкралась к ней так неожиданно и застигла совершенно неподготовленной к столь знаменательному событию.

Чтобы успокоиться, она отхлебнула глоточек чаю, внимая тому, как леди литературного общества делают бесславные попытки обсудить последние статьи в недавно вышедшем «Эдинбургском обозрении». Но особого энтузиазма не ощущалось.

Чашка резко звякнула о блюдец, когда Эмили поставила ее на стол. Этот звук выдал Эмили с головой. В таком состоянии недолго и чай пролить на ковер.

– Полагаю, не следует удивляться тому, что пишут о последней работе Саути. – Спокойный низкий голос Саймона прорезал едва теплящуюся беседу о последнем, довольно нудном произведении Джона Макдональда «Географический мемуар о персидской империи». – Как обычно, обозреватели со своими замечаниями казались явно не на высоте.

Они просто не знают, как подступиться к Саути. Да и к Вордсворту или Колриджу тоже, не правда ли? Можно подумать, что для них это как вендетта по отношению к поэтам «Озерной школы».

Вялое обсуждение, которое и в начале никак не могло разгореться, теперь окончательно угасло. В очередной раз.

Саймон отпил чаю и выжидательно оглядел комнату. Но так как никто не заговорил, он героически попробовал возобновить беседу:

– Конечно, чего ждать от группки шотландцев, которые называют себя обозревателями? Как отметил Байрон несколько лет назад, критики в «Эдинбургском обозрении» – это просто кучка ограниченных невежд. Я склонен согласиться с ним. А как считает ваше собрание?

– Вы имеете в виду стихотворение Байрона, озаглавленное «Английские барды и шотландские обозреватели», милорд? – с натянутой вежливостью спросила мисс Хорнсби.

– Совершенно верно. – В голосе Саймона слышались нетерпеливые нотки.

Мисс Хорнсби побледнела, словно ее укусили. Некоторые из дам литературного общества, смущенно покашливая, нервно переглянулись.

– Еще чаю, милорд? – отважилась наконец Лавиния Ингльбрайт, схватившись за чайник.

– Благодарю вас, – сухо отозвался Саймон. Эмили с болью ощущала явное раздражение и разочарование графа, когда

общая беседа в очередной раз угасла, но не смогла сдержать быстрой улыбки. Леденящее влияние Саймона на Общество литературных четвергов в некотором роде забавляло ее.

Словно дракон в гостинной... Все понимают, что лучше быть чрезвычайно любезными, но не знают толком, что же делать с этим существом.

Восседавший на почетном месте у каминной решетки Траэри занял, казалось, все свободное пространство этой аккуратной, по-женски украшенной рюшечками и оборочками комнатки, словно заполнил ее своей неодолимой, немного опасной мужественностью.

Эмили вздрогнула от странного возбуждения, потихоньку разглядывая графа. Он был крупным, крепким, стройным мужчиной с широкими плечами. Плотные облегающие бриджи четко очерчивали его сильные бедра. Эмили уловила, как Лавиния Инглбрайт беспокойно поглядывает на изящное креслице, в котором расположился граф. Бедняжка Лавиния, наверное, опасается, что столь хрупкая мебель может не выдержать и рассыпаться. Эмили мысленно нарисовала картину публичной катастрофы.

Да, граф, сидящий среди обломков креслица Лавинии Инглбрайт, весьма любопытное зрелище, сказала себе Эмили. В следующее мгновение она подумала, что, должно быть, впадает в истерику. Неужели этот невыносимый вечер никогда не кончится?

Она подавила стон и слегка скосила глаза, пытаясь разгля-

деть ближайший столик, чтобы избавиться от дребезжащей чашки с блюдцем. Без очков все казалось сплошным размытым разноцветным пятном. Она сдернула и запихнула их в сумочку, едва граф поставил ее на ноги. Но удар уже был нанесен – Саймон видел ее в них...

После стольких месяцев тайных надежд и мечтаний встретиться наконец с великой любовью своей жизни и – надо же! – оказаться в очках. Просто невыносимо!

Но и это еще не все... Блэйд также видел, что верхом она ездит по-мужски. Он застал ее в старомодной шляпке и в самой старой амазонке. И конечно, она не позаботилась запудрить веснушки, прежде чем выехать сегодня из Сент-Клерхолла. Но ей и в голову не приходило пудриться здесь, в деревне. Все в округе Литл-Диппингтона прекрасно знали, как она выглядит.

Боже милостивый, какое фиаско!

Зато Саймон Огастас Траэрн, граф Блэйд, как она и предполагала, был само совершенство... Правда, ее несколько смутила холодность его странного взгляда, но некоторого холодного блеска и следовало ожидать в глазах дракона, успокоила она себя.

Неожиданной для нее оказалась и резкость черт его лица. Конечно же, не вина Блэйда, что нет и намека на нежность и мягкость в его четко очерченном профиле, высоких скулах и решительно вылепленном подбородке. Без сомнения, это лицо человека с сильным характером, размышляла Эмили.

Лицо, отражающее огромную силу воли. В высшей степени мужественное лицо. Лицо настоящего мужчины.

Как жаль, что он оказался графом. Теперь пропасть между ними стала еще шире, чем когда он был просто Траэрном.

Чашка с блюдцем опять предательски звякнула, когда Эмили наклонилась вперед.

– Позвольте мне принять у вас чашку, мисс Фарингдон. – Теплые сильные пальцы Саймона случайно задели ее руку, когда он решительно отобрал у нее чашку.

– Спасибо. – Эмили прикусила губу и откинулась в кресле.

Теперь ее унижению не было предела. Она явно чуть не поставила свою чашку на чьи-то колени, возможно даже на его колени. Черт подери! Она отчаянно молилась, чтобы этот кошмар наяву наконец прекратился.

– Советую вам надеть очки, мисс Фарингдон, – вполголоса пробормотал Саймон, пока остальные леди продолжали вымученную дискуссию о справедливости статей в «Эдинбургском обозрении». – Нет никакого смысла ходить вслепую. Мы с вами ведь старые друзья. Со мной вам можно не волноваться о веяниях моды.

Эмили вздохнула:

– Полагаю, вы правы, милорд. В любом случае вы меня в них уже видели.

Она порылась в своей сумке и извлекла оттуда очки. Мужественные черты лица Саймона и странная холодность его глаз обрели наконец четкость. Она увидела, что он очень

внимательно изучает ее, и попыталась прочесть его мысли:

– Кажется, не совсем то, что вы ожидали, да, милорд?

Его губы дрогнули в мимолетной веселой усмешке.

– В жизни вы еще интереснее, чем в письмах, мисс Фарингдон. Уверяю вас, я ничуть не разочарован. Надеюсь только, что вы можете сказать то же самое.

Эмили раскрыла рот от изумления.

– Раз-зочарована? – заикаясь произнесла она. – Нет-нет, ничуть, мистер Траэрн, то есть... я хочу сказать, милорд.

Эмили покраснела, напомнив себе, что ей уже двадцать четыре года и она не глупенькая ученица. Более того, она переписывалась с этим человеком уже несколько месяцев.

– Хорошо. Видите, мы продвигаемся вперед. – В голосе Саймона прозвучало удовлетворение.

Он не спеша отпил еще чаю, и что-то неуловимое в изгибе его рта намекнуло, что он не в восторге от этого сорта.

Итак, Эмили решила вести себя, как подобает взрослому человеку, а посему попыталась включиться в вяло текущую беседу, что шла в гостиной. Члены общества тщетно пытались оживить нудную дискуссию о влиянии поэтов «Озерной школы», и Эмили изо всех сил старалась помочь им.

Граф какое-то время только молча потягивал чай.

Эмили уже начала чувствовать себя более привычно, когда Саймон вдруг отставил чашку и, словно гром среди ясного неба, разразился словами:

– Кстати, о Байроне и ему подобных: кто-нибудь имел

случай прочесть последнее творение лорда Эшбрука «Герой Марлианы»? Лично мне оно кажется лишь слабым подражанием Байрону, что едва ли достойно рекомендует автора. Этот господин далеко не столь интересен, как Байрон, не так ли? Ему не хватает настоящего чувства иронии. Но без сомнения, Эшбрук сейчас очень моден в определенных кругах. Любопытно было бы узнать ваше мнение.

Ошеломляющее воздействие сего, казалось бы, безобидного замечания проявилось сразу же. Обе мисс Инглбрайт одновременно поперхнулись. У мисс Брейсгердл от ужаса задрожали губы. Мисс Хорнсби переглянулась через всю комнату с мисс Остли. Эмили уставилась на свои руки, крепко сжатые на коленях. Даже Саймон, несмотря на всю свою философскую холодность, казался слегка опешившим от свинцовой тишины, нависшей над гостиной. Эта тишина была совсем иная, чем та, что время от времени устанавливалась раньше. В той чувствовалась неловкость, а в этой были явная враждебность и даже обвинение.

Саймон огляделся с несколько озадаченным видом:

– Я понимаю... вероятно, никто из вас не имел случая прочесть поэму Эшбрука?

– Нет, милорд. Мы ее не читали. – Эмили избегала его взгляда, зная, что щеки ее полыхают. Она снова потянулась за чашкой в отчаянной попытке занять чем-то свои дрожащие пальцы.

– Не слишком большая потеря, уверяю вас, – нараспев

произнес Саймон. В его золотистых глазах загорелся опасный интерес – интерес дракона, наметившего себе добычу.

Леди из Общества литературных четвергов неожиданно пробудились к жизни. Они полностью завладели беседой, словно упоминание имени Эшбрука подхлестнуло их к действию. Их голоса зазвучали громче, заполнив гостиную долгим скучным обсуждением последнего произведения Марии Эджворт «Покровительство». Даже в «Эдинбургском обозрении», обычно заискивающем перед мисс Эджворт, затруднились отыскать в этом сочинении что-нибудь хорошее. Леди из литературных четвергов разметали его в клочья.

С холодной непонятной улыбкой Саймон вновь откинулся в кресле и предоставил дискуссии бушевать без него.

– Извините меня, – пробормотал он Эмили. – Похоже, я сказал что-то неудачное.

Эмили поперхнулась чаем.

– Ничего подобного, милорд, – выдавила она меж судорожных попыток вздохнуть. Глаза ее увлажнились. – Просто мы здесь не очень хорошо знакомы с произведениями лорда Эшбрука.

– Понятно. – Саймон наклонился и спокойно хлопнул Эмили по спине.

Эмили покачнулась, а затем вернула себе равновесие и способность дышать. Ей удалось произнести:

– Благодарю вас, милорд.

– Всегда к вашим услугам. – Сардонически усмехаясь

уголками рта, граф встал. В гостиной мгновенно воцарилась тишина, на сей раз явно исполненная надежды на его уход. Он приподнял брови. – Прошу меня извинить, леди, но я доджей вас покинуть. Я обещал леди Гиллингем вернуться рано. Надеюсь иметь удовольствие видеть вас еще. Уверяю вас, это был очень познавательный вечер.

Несколько минут вежливой суматохи, и Саймон был поспешно препровожден к двери. Он вежливо поклонился и зашагал по узкой тропинке к воротам, где был привязан его жеребец. Он вскочил в седло, прощаясь, приподнял шляпу и поскакал по дорожке.

Почувствовав облегчение, все пять женщин дружно повернулись к Эмили.

– Я думала, он никогда не уйдет, – пробормотала Присцилла Инглбрайт, плюхаясь обратно в кресло. – Лавиния, налей нам всем по чашечке чая, хорошо?

– Конечно. – Ее сестра подняла чайник, пока остальные усаживались на свои места. – Такое было потрясение, когда лорд Гиллингем известил, что Блэйд вознамерился посетить нас. Отказать было невозможно. По словам Гиллингема, граф очень влиятельный в Лондоне человек.

– Блэйд, пожалуй, недурен в своем роде, – рассудила ее сестра, – но вряд ли он уместен в нашем маленьком кружке.

– Вряд ли, – вздохнула мисс Хорнсби. – Это все равно что развлекать громадного зверя, ненароком забредшего к нам в гостиную.

– Дракона, – тихо заметила Эмили.

– Дракон... Очень удачное сравнение, – немедленно согласилась мисс Остли. – Блэйд выглядит довольно опасным человеком, не правда ли? Что-то особенное есть в его странных глазах, от чего настораживаешься. Прямо дрожь пробирает от этих глаз.

– Нам следовало бы гордиться тем, что нас посетил граф, и я уверена, все мы чувствуем себя польщенными, но, честно говоря, я испытала большое облегчение, когда он ушел. Подобные люди не годятся для таких маленьких сельских гостиных, вроде нашей, – заявила Присцилла Инглбрайт. – Весьма утомительно, когда такой человек находится рядом.

– Его семья, кажется, когда-то жила в наших краях... – Лавиния задумчиво нахмурилась. Эмили с удивлением восприняла новость:

– Вы уверены?

– О да. С тех пор уже прошло больше двадцати лет. Мы с Присциллой тогда только поселились здесь. Семье графа принадлежали обширные угодья, как я припоминаю. – Лавиния вдруг осеклась, и в глазах у нее появилось странное выражение. – Впрочем, как я уже говорила, это было двадцать лет назад, и я, конечно же, не вспомню всех подробностей.

– Должна заметить, его появление именно сегодня оказалось несколько некстати, – заметила мисс Хорнсби. – Мы все целую вечность ждали вестей от Эмили и битый час обсуждали новейшие литературные обозрения. Чрезвычайно уто-

нительно. Все планы нарушились. Но теперь мы наконец-то займемся делом. – Она перевела нетерпеливый взгляд своих поблекших глаз на Эмили. – Ну как, милочка? Как все прошло?

Эмили решительно поправила очки и открыла сумку. Теперь, когда Саймон Траэрен ушел, она ощущала гораздо большую ясность в мыслях:

– Леди из Общества литературных четвергов, я рада сообщить вам хорошую новость. – Говоря, она рылась в сумке и вытаскивала оттуда какие-то бумаги. – Акции навигационного канала, которые мы купили, проданы с большой прибылью. Я получила отчет мистера Давенпорта с утренней почтой. Он уже отнес чеки в банк и положил деньги на ваш счет.

– Ах ты господи! – оживилась мисс Брейсгердл, и глаза ее засияли. – Я наконец-то смогу позволить себе приобрести тот домик в конце улочки. Какое облегчение знать, что у тебя будет крыша над головой, когда твой последний подопечный уедет на будущий год в школу.

– Все это так волнующе, – заявила мисс Хорнсби. – Подумай только, Марта, – обратилась она к мисс Остли, – мы уже на пути к тому, чтобы обеспечить себе приличную пенсию.

– Особенно, – отозвалась Марта Остли, – когда становится очевидно, что ни один из наших работодателей не собирается утруждать себя заботой, чтоб она у нас была. Какое облегчение не думать, что старость твоя обречена на бедность.

– Если так пойдет, у нас с Лавинией скоро будет доста-

точно денег, чтобы открыть институт благородных девиц, – с восторгом подхватила Присцилла Инглбрайт. – Так долго все казалось недостижимой мечтой, и вот мечта уже почти осуществима.

– Благодаря Эмили, – добавила Лавиния Инглбрайт, тепло улыбнувшись самой молодой участнице заседания.

– Я содрогаюсь при мысли о том, что бы со всеми нами стало, если бы вы не предложили нам этот чудный план собрать наши деньги и вложить их в акции и фонды, Эмили. – Мисс Хорнсби покачала головой. – Я, например, боялась, что мне придется стать компаньонкой одной из моих престарелых родственниц. Они сущее наказание – мои родственники. Все до единого. Приходится пресмыкаться из-за каждой малости.

– Мы спасены и целиком обязаны этим Эмили, – провозгласила мисс Брейсгердл. – И если вы знаете, как мы можем отблагодарить вас, Эмили, то должны нам немедленно сказать.

– Вы мне уже тысячу раз отплатили своей дружбой, – серьезно заверила их Эмили. – Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, когда я сваяла дурака пять лет назад.

– Глупости, милочка, – возразила мисс Брейсгердл. – Мы всего лишь настояли, чтобы вы продолжали посещать наши скромные собрания по четвергам, как обычно...

И тем самым всем и каждому дали понять, что порядочные люди в Литл-Диппингтоне не собираются подвергать де-

вушку из семьи Фарингдон остракизму только потому, что случилось несчастное происшествие, с внезапно нахлынувшей теплотой подумала Эмили. Она всегда будет благодарна этим леди из литературных четвергов.

Лавиния Инглбрайт встала, глаза у нее сверкали.

– Предлагаю отпраздновать удачу! Не достать ли мне бутылочку кларета, которую мы приберегали, Присцилла?

– Славная мысль! – воскликнула Присцилла.

Саймону пришлось еще с добрых полчаса бесцельно прогуливать своего жеребца среди деревьев, прежде чем его жертва наконец соизволила появиться.

Граф молча злился. Его кампания началась вовсе не так гладко, как он предвкушал, устраивая себе посещение салона литературных четвергов. Вынужденный предпринять стратегическое отступление, он решил устроиться в засаде, поджидая Эмили на обратной дороге в Сент-Клер-холл.

Он был совершенно уверен, что собрание литературного общества быстро завершится после его ухода, но, очевидно, почтенные леди все же нашли о чем поговорить. Он чертовски замерз, хотя день выдался необычно теплый. Но в конце концов, никуда не денешься – на дворе февраль.

Лэп Сэнг тихонько заржал, прядая чуткими ушами. Саймон замедлил шаг и прислушался. Он уловил далекий перестук копыт скачущей по дорожке лошади.

– Давно пора, – проворчал он, вскакивая в седло. А по-

том нахмурился, заслышав звонкий голосок Эмили, которая, сбиваясь с мотива, во все горло распевала фривольную песенку:

Что хорошего в мужчинах, я вас спрашиваю, леди?

Будь мы хоть чуть-чуть разумней, дела б с ними не имели.

Они хвастают, что будто всем-всем-всем они нужны.

Но уж если захотите знать, зачем они нужны,

Леди, загляните к ним в штаны.

Несмотря на свое мерзкое настроение, Саймон невольно усмехнулся. Члены литературного общества явно угостились после его ухода кое-чем покрепче чая.

Он натянул поводья и послал Лэп Сэнга из укрытия на середину дороги. Мгновением позже у поворота показалась серая в яблоках кобыла.

Эмили сначала его не заметила – слишком увлеклась своей неприличной песенкой. Ее очки поблескивали на солнце, рыжие кудри подпрыгивали в такт мелодии. Саймона охватило внезапное желание узнать, как выглядит эта буйная масса волос, если вынуть из них шпильки и рассыпать по плечам.

– Ко всем чертям! – пробормотал он себе под нос, поджидая, пока Эмили поймет, что он стоит прямо у нее на дороге.

Ему меньше всего хотелось обнаружить, что эта женщина физически привлекает его. Для осуществления того, что он задумал, нужно сохранить трезвость ума. Для хладнокровной мести требуется хладнокровность мысли.

– Добрый день, мисс Фарингдон. Ахнув от неожиданности, Эмили рывком остановила лошадь.

– Боже мой, что вы здесь делаете, милорд?! – Она покраснела, и в ее эльфовых глазах появилось тревожное беспокойство. – Вы заблудились? Гиллингемы сразу же за этим небольшим подъемом. Вам нужно просто свернуть у ручья и держать прямо вверх по холму.

– Благодарю, – сказал Саймон. – Но уверяю вас, я не заблудился. Я поджидал вас. И уже начал опасаться, что вы отправились домой другой дорогой.

Она непонимающе уставилась на него:

– Но позвольте, вас же рано ждут у Гиллингемов...

– Сознаюсь, это был лишь предлог, чтобы удалиться раньше. Трудно было не заметить, что мое присутствие действует парализующе на почтенных леди из литературного общества.

Эмили, словно совенок, захлопала глазами.

– Боюсь, вы правы, милорд. Нам еще не приходилось развлекать драконов... – Она ужаснулась своим словам и попыталась исправить ошибку:

– Я хотела сказать, графов... на своих четвергах.

– Значит, дракон? Вот каким вы меня видите, мисс Фарингдон?

– Нет-нет, милорд, – быстро заверила она. – Ну, может быть, глаза чуть-чуть похожи... Саймон невесело усмехнулся:

– А как насчет зубов?

– Лишь самое отдаленное сходство. Но все это пустяки, уверяю вас, милорд. Вы именно такой, каким я вас себе представляла по вашим письмам.

Саймон медленно выдохнул, с трудом сохраняя самообладание:

– Вы не согласитесь немного прогуляться со мной? У нас с вами есть что обсудить...

– Да?

– Конечно. Мы же с вами старые друзья, не правда ли?

– Да?

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, мисс Фарингдон, но мне казалось, что мы с вами переписывались уже несколько месяцев...

Она мгновенно оживилась:

– Да-да, милорд. Конечно же. Несомненно. – И рыжие кудри Эмили запрыгали под шляпкой – она торопливо кивала в знак согласия. – Мне кажется, я знаю вас целую вечность.

– У меня тоже такое чувство.

– Дело в том... я никак не предполагала, что когда-нибудь встречу с вами.

– Понимаю. Так вы ничего не имеете против прогулки вдоль ручья? – Саймон спешился и решительно направился к ней, держа Лэп Сэнга на поводу.

Она взглянула на него, не скрывая сильного желания согласиться:

– Мне бы очень хотелось, милорд, но, боюсь, это не совсем удобно.

– Глупости. Кто нас увидит? И даже если кто и заметит нас вдвоем, вряд ли будет иметь основания громко возмущаться. В конце концов, нас же только что по всем правилам представили друг другу на собрании местного литературного общества.

Ее недолгие колебания растаяли без следа. Она одарила его сияющей улыбкой:

– Вы совершенно правы, милорд. Признаться, я никак не могу поверить, что мы наконец встретились. Это исполнение всех моих надежд.

Она начала потихоньку слезать с лошади, и Саймон протянул руку, чтобы помочь ей. На этот раз она сохранила равновесие и не свалилась к нему в объятия. Он даже слегка разочаровался, так как хотел бы вновь ощутить это мягкое, гибкое, женственное тело на своей груди.

– Простите, что застал вас сегодня врасплох, – сказал он, ведя лошадей между деревьями. – Я рассчитывал устроить вам сюрприз. Я знаю, вы любите сюрпризы.

– С вашей стороны очень любезно вспомнить об этом, – ответила она. – Я и вправду люблю сюрпризы... – И, немного помолчав, добавила:

– Чаще всего.

Он усмехнулся:

– Но не всегда...

– Просто мне очень хотелось выглядеть наилучшим образом, когда мы встретимся, – призналась она. – Вы даже не представляете, как я переживала, получив сегодня утром ваше письмо. Я-то полагала, что у меня еще целые недели для подготовки. Впрочем, вряд ли от этого многое изменилось бы.

Он посмотрел на нее сверху вниз и увидел, что она едва достает ему до плеча. Росточек невелик. Но в ее движениях была какая-то завораживающая воздушная грация.

– Позвольте заметить, мисс Фарингдон, выглядите вы просто прекрасно. По правде говоря, я был очарован в тот же момент, как вас увидел.

– Да? – Она наморщила носик, озадаченная этим признанием.

– Совершенно очарован.

Ее глаза засияли от радости.

– Благодарю, милорд. Уверяю вас, я очарована точно так же. Вами, я хотела сказать...

Что-то уж слишком быстро и легко, подумал граф.

– Но я ни в коем случае не имел намерения расстроить вас или distinguished леди. Вы должны меня простить.

– Видите ли, мы вообще-то не собирались сегодня обсуждать поэзию или последние обозрения, – пояснила Эмили, легко вышагивая рядом с ним.

– Что же вы собирались обсуждать?

– Вложения капитала. – Она неопределенно махнула ру-

кой.

Он пристально посмотрел на нее:

– Вложения?

– Да. Я понимаю, вам это должно показаться ужасно скучным. – Она с беспокойством взглянула на него. – Но сегодня был совершенно удивительный день. Я получила прекрасные новости относительно вложений, которые осуществила по просьбе моих друзей. Они все очень озабочены своей пенсией. И не стоит их винить за это.

– Вы взяли на себя заботу об их будущих пенсиях?

– У меня есть определенные способности к финансовым делам, и я просто предпринимаю все, что в моих силах. Леди, с которыми вы сегодня познакомились, были чрезвычайно добры ко мне. И это самое малое, чем я могу их отблагодарить. – Она улыбнулась ему, как бы успокаивая. – Но уверяю вас, обычно мы довольно оживленно обсуждаем и новые книги, и поэзию. К примеру, на прошлой неделе подробно анализировали книгу мисс Остин «Гордость и предубеждение». Я как раз собиралась написать вам об этом в письме.

– Как вы находите ее роман?

– Ну, полагаю; он неплох в своем роде. То есть мисс Остин очень тонкая писательница. Необычайно талантливо отображает некоторые характеры, но...

– Но?.. – Он невольно заинтересовался.

– Дело в том, что предмет ее повествования слишком уж прозаический, вы не находите? Она пишет о самых обычных

людях и событиях.

– Да уж, мисс Остин не Байрон, вы правы.

– Разумеется, – с энтузиазмом подхватила Эмили. – Ее книги чрезвычайно занимательны, но в них нет того волнения, той экзотики, как в произведениях лорда Байрона, не говоря уже об атмосфере приключений и плещущих через край бурных страстей. Наше литературное общество только что закончило чтение «Гяура».

– И в восторге от него, не так ли?

– О да. Такая волшебная атмосфера, такие замечательные приключения, такое жутковатое ощущение пылкой страсти. Мне поэма понравилась не меньше, чем «Чайльд Гарольд». Я с нетерпением жду следующего произведения Байрона.

– Как и весь Лондон.

– Кстати, сэр, вы не знаете, как все-таки правильнее прочитать по-английски: «Гяур» или «Джаур»? Мы долго обсуждали это в прошлый четверг, и так никто и не знает точно, хотя мисс Брейсгердл отлично разбирающаяся в древней истории, утверждает, что правильнее «Джаур», с мягким «дж».

– Насколько мне известно, тема еще не закрыта. – Саймон дипломатично ушел от прямого ответа.

Он еще не имел случая прочесть поэму, да и, признаться, не собирался. Он погрузился в романтическую литературу и поэзию лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы приманить добычу. Теперь, когда ловушка вот-вот за-

хлопнется, не имело значения, прочтет ли он когда-нибудь еще одну приключенческую поэму. Не лучше ли потратить время на что-нибудь поинтереснее.

– Да в общем-то не так уж и важно, – тактично заверила его Эмили. – Я имею в виду «г» или «дж».

Саймон пожал плечами:

– По-моему, для Байрона это все-таки важно.

Они дошли до ручья и теперь были надежно защищены деревьями от посторонних взоров с дорожки. Он машинально свернул вправо и устремился вверх по течению ручья.

Эмили с какой-то безыскусной грацией приподняла подол своего выцветшего платья, и от этого жеста оно почему-то стало почти изящным. Она с любопытством озиралась во-круг:

– Извините, милорд, но, мне кажется, вы отлично знаете, куда идете. Вы помните эту дорожку с тех пор, как жили здесь ребенком?

Саймон бросил на нее настороженный взгляд. Конечно же, слухи должны были дойти до нее довольно быстро.

– Откуда вы знаете, что моя семья жила здесь?

– Лавиния Инглбрайт упомянула об этом.

– С тех пор, как я жил в ваших местах, прошло немало времени, – осторожно заметил Саймон.

– Все равно, какое поразительное совпадение, правда? Только представьте, милорд: вы начали со мной переписываться, потому что совершенно случайно узнали, что я раз-

деляю ваш страстный интерес к романтической литературе; затем выясняется, что ребенком вы жили недалеко от Литл-Диппингтона. А теперь наконец мы встретились. Просто невероятно.

– Жизнь полна странных совпадений.

– Я предпочитаю верить, что это судьба. Знаете, я прямо вижу вас маленьким мальчиком, резвящимся у ручья, возможно с собакой. У вас была собака, сэр?

– Да, как будто.

Эмили кивнула:

– Я так и думала. Я сама часто прихожу сюда. Вы не помните мое последнее стихотворение под заглавием «Строки, рожденные летним днем на берегу пруда»?

– Прекрасно помню.

– Оно родилось вон у того маленького пруда, – гордо сказала она. – Может, вы припомните строчку-другую?

Достаточно было взглянуть в ее полные надежды зеленые глаза, и Саймон принялся отчаянно рыться в памяти, пытается отыскать милое, но в общем ничем примечательное стихотвореньице, которое она бережно вложила в одно из своих последних писем. Он испытал громадное облегчение, когда его превосходная память поспешила ему на выручку. Он попробовал воспроизвести первые строки:

Здесь, у пруда, где капли солнца

Играют в светлой глубине,

Так сладостно мне было молча

Мечтать в манящей тишине.

– Вы вспомнили!.. – Эмили, казалось, затрепетала от счастья, словно он осыпал ее золотом. Потом она покраснела и доверительно прибавила:

– Я понимаю, мне нужно еще поработать над ним. «Солнца – молча»... По-моему, слишком вольная рифма, вы не находите?

– Ну, как сказать... – осторожно начал Саймон.

– Но сейчас это не имеет значения, – пылко заявила она. – Я работаю над большим произведением, и пройдет некоторое время, прежде чем я смогу вернуться к «Строкам, рожденным в летний день на берегу пруда».

– Над большим произведением? – Саймон понял, что беседа принимает несколько иное направление, чем ему хотелось бы.

– Да, я назвала его «Таинственная леди». Длинная эпическая поэма с приключениями и пылкой любовью, в духе Байрона. – Она застенчиво взглянула на него. – Вы единственный, кроме членов нашего литературного общества, милорд, кому я поведала о ней.

– Я польщен, – медленно произнес Саймон. – Приключения и пылкая любовь, вот как?

– О да. Это будет история про молодую женщину с волосами, как пламя заката, которая отправляется на поиски пропавшего возлюбленного. Они должны были пожениться, понимаете? Но ее семья отвергла его и запретила им встре-

чаться. Ему пришлось уехать. Но перед отъездом он подарил ей кольцо и поклялся, что вернется за ней и они обвенчаются вопреки воле ее родных.

– Но что-то помешало его планам?

– Да. Он не вернулся, и героиня понимает, что он попал в беду и отчаянно нуждается в ней.

– И как же она узнала об этом? – спросил Саймон.

– Они с героем так близки, так тесно связаны своим чистым и благородным чувством, что между ними возникает связь более высокого порядка. Она просто знает, что он попал в беду. Она покидает дом и отправляется на поиски любимого.

– Довольно рискованная затея. А если он просто воспользовался неодобрением родителей как предлогом, чтобы от нее отделаться? Или она ему надоела, и благодаря тому, что родители вышвырнули его вон, у него появилась возможность пристойно выйти из той неловкой ситуации, в которую он угодил... – Не успев договорить, Саймон готов был дать себе пинка. Смятенного лица Эмили оказалось достаточно, чтобы в нем зашевелились последние крупинки совести.

– Ах нет! – выдохнула Эмили. – Все совсем не так.

– Ну конечно, – произнес Саймон, выдавив невеселую улыбку. – Я вас просто поддразнил. Простите меня. Откуда мне знать сюжет вашей истории? Это же вы пишете поэму.

– Вот именно. И уверяю вас, конец в ней будет счастливым. Я предпочитаю, чтобы все кончалось хорошо, понима-

ете?

– Скажите мне вот о чем, мисс Фарингдон. Если бы вам сегодня кто-нибудь дал десять тысяч фунтов, что бы вы с ними сделали?

Необыкновенное воодушевление исчезло как по волшебству. От внезапного вопроса Саймона мечтательный взгляд Эмили за стеклами очков стал вдруг спокойным и расчетливым. В глазах эльфа запылало зеленое пламя пронизательного и острого как бритва ума.

– Я бы купила несколько акций вновь образованного предприятия на канале, о котором недавно узнала; купила бы, пожалуй, несколько банковских облигаций и вложила бы деньги под четыре процента. С последним, впрочем, лучше быть поосторожнее. Изнурительная война с Наполеоном скоро закончится, и стоимость фондов может упасть. Следует сохранять легкость перемещений, когда имеешь дело с государственными деньгами.

– Превосходно, – пробормотал он себе под нос. – Мне просто хотелось убедиться, что я имею дело... именно с той женщиной. На какое-то мгновение я засомневался.

Эмили моргнула:

– Что вы сказали?

– Да так. Изволю шутить. – Саймон улыбнулся. – Ваши финансовые советы превосходны, мисс Фарингдон. У нас с вами, кажется, сходная стратегия.

– Да? Вы играете на бирже?

– Помимо всего прочего. У меня широкий круг финансовых интересов.

Он остановил лошадей и привязал поводья к двум ближайшим деревьям, потом взял Эмили под руку и повел к большому валуну у пруда.

Он наблюдал, как она села, грациозно расправив тяжелую юбку своей амазонки. На мгновение он даже забыл о цели, любуясь движением ее рук, разглаживающих складки, но быстро одернул себя. Пора приступать к намеченному, подумал Саймон.

– Вы не можете себе представить, что значит для меня наша встреча, – заявил он, устраиваясь рядом с ней и глядя на пруд. – Я часто рисовал в своем воображении это место. И всегда рядом с собой представлял вас. Когда я прочел ваши стихи, то понял, что вы должны любить это место, как и я.

Она прищурившись смотрела на поросшие травой берега и неглубокий округлой формы прудик:

– Вы полагаете, я точно передала пейзаж, сэр? Вы уверены, что узнали именно это место из описания в моих стихах?

Саймон проследил за ее взглядом, вспоминая дни своей одинокой юности, когда он убегал сюда, прячась от гнева хладнокровного тирана-отца и от бесконечных укоров болезненной, вечно недомогающей матери.

– Да, мисс Фарингдон. Я узнал бы его при любом упоминании о нем.

– Здесь так красиво. Я часто прихожу сюда, чтобы поси-

деть в одиночестве, поразмыслить над своей поэмой «Таинственная леди». А теперь, когда я знаю, что и вы имели обыкновение приходить на это место, оно значит для меня еще больше.

– Вы мне льстите.

– Я лишь говорю правду. Странно... – Она повернулась к нему, с самым глубокомысленным видом сдвинув брови. – Но, прочитав ваше первое письмо, я сразу почувствовала, что вы мне очень близки. Вы не находите, что это просто чудесный перст судьбы, что мы обрели друг друга в нашей переписке.

– Просто поразительный перст судьбы.

Саймон подумал о том, сколько долгих недель он ломал голову в поисках наилучшего подхода к мисс Фарингдон. Письмо, написанное ей под предлогом, что он услышал о ее увлечении поэзией, показалось в конце концов самым быстрым и легким способом вновь ступить на порог Сент-Клерхолла.

– Я поняла из первого же вашего письма, что вы необыкновенный человек, милорд.

– Это я был поражен, поняв, что переписываюсь с удивительной женщиной. – Саймон галантно поднес к губам ее руку и поцеловал.

Она задумчиво улыбнулась.

– Я так долго мечтала о взаимоотношениях, подобных нашим, – призналась она.

Он метнул на нее оценивающий взгляд... Все легче и легче. Эта женщина уже почти влюбилась в него. В очередной раз Саймон захлопнул дверь перед докучливым чувством вины, которое билось где-то в глубине его души.

– Мисс Фарингдон, а какими вы видите наши взаимоотношения?

Она покраснела, но ее глаза засверкали от воодушевления.

– Очень чистыми, милорд. Скажем, отношениями более высокого порядка, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Более высокого порядка?

– Да. Наши отношения видятся мне чисто интеллектуальными. Отношения, которые существуют уже в метафизическом мире. Дружба, основанная на родстве душ и взаимопонимании. Иными словами, духовное общение, милорд. Союз, не омраченный низменными помыслами и соображениями. Наши чувства иного – высшего – порядка...

– Ко всем чертям! – не выдержал Саймон.

– Милорд? – Она взглянула на него с таким невинным удивлением, что ему вдруг захотелось ее встряхнуть.

Неужели она настолько наивна, несмотря на все свои стихи? В конце концов, ей уже двадцать четыре, да и в прошлом у нее то самое несчастное происшествие, о котором упоминали Гиллингемы.

– Боюсь, вы переоценили степень моего благородства, мисс Фарингдон, – заговорил он, забыв о галантности. – Я

приехал в Хэмпшир вовсе не затем, чтобы возвращать прозрачные метафизические отношения с вами.

Сияние ее глаз мгновенно померкло.

– Простите, милорд?

Саймон стиснул зубы и снова взял ее за руку.

– Я приехал сюда с более прозаической целью, мисс Фарингдон.

– И с какой же, милорд?

– Я здесь, чтобы просить вашей руки.

Последовавшая реакция была совсем иной, нежели можно было ожидать от старой девы с далеко не безупречным прошлым, которой следовало, конечно же, прийти в неописуемый восторг, услышав, что граф собирается говорить с ее отцом о предстоящем браке.

– Черт подери! – выпалила Эмили. Саймон окончательно потерял терпение с этой странной особой, что сидела сейчас с ним рядом.

– Ну все, хватит, – заявил он. – Сдается мне, мисс Фарингдон, что самое время найти верное средство прекратить романтические бредни о любви на метафизическом уровне, которыми вы пичкали себя все эти месяцы.

– Милорд, о чем вы?

– Ну как же, разумеется о пылких чувствах, мисс Фарингдон. – Он рывком притянул ее к себе и крепко обнял. – Чрезвычайно любопытно посмотреть, действительно ли вы к ним так уж стремитесь.

Глава 3

Эмили ошеломленно замерла в его сильных руках. Прошло пять лет с того дня, как она оказалась с мужчиной в столь же недопустимой близости. А то, что теперь рядом с ней не кто иной, как Саймон, было просто выше ее понимания. Саймона она считала лишь спутником в мире метафизики, благородным, возвышенным и чутким другом, товарищем по духу и единомышленником.

Лишь глубокой ночью в своих самых сокровенных мечтах осмеливалась она представлять его своим возлюбленным из плоти и крови.

– Ах, Саймон! – выдохнула она, не сводя с него глаз, полных изумления и непреодолимого влечения, заставлявшего ее трепетать в его объятиях.

Он не ответил; в золотистых глазах бушевало пламя, которое во всяком другом мужчине испугало бы ее. В этом взгляде, пожалуй, больше беспокойного нетерпения, чем нежности. Все так, но, может, виной всему ее воображение?

Не произнося ни слова, он снял с нее очки и шляпку, положил их на валун рядом со своей шляпой. Наконец его губы медленно и неотвратимо приблизились к ее губам; Эмили забыла обо всем на свете, кроме его крепкого, властного поцелуя.

Поцелуй был именно таким, каким она представляла его

в тишине глубоких бессонных ночей, когда разрешала себе предаваться несбыточным мечтаниям.

По правде говоря, это было даже лучше, чем она мечтала. Она не могла бы представить себе в полной мере этого ощущения его губ на своих губах, потому что никогда еще не испытывала ничего подобного. Это совершенно не походило на те поцелуи пять лет назад. Ощущение рук Саймона, обнимавших ее, ошеломляющая интимность его губ вдребезги разбили хрупкие романтические иллюзии, какими она жила до сих пор, и в одно обжигающее мгновение научили ее подлинному смыслу страсти.

Рука Саймона, обвивающая ее талию, медленно заскользила вверх, к ее груди. Эмили смутно чувствовала, что следовало бы немедленно остановить его, но она была не в силах... Ее обнимал ТраэРН – человек, которого она возвела на пьедестал, которого любила издали любовью светлой и чистой... Мужчина ее мечты...

И вдруг в ослепительный миг чувственного озарения Эмили поняла, что Саймон ответил на ее любовь. Свершилось чудо, и все остальное казалось, уже неважным.

Пальцы Саймона продолжали свое путешествие по лифу ее амазонки, пока маленькая грудь Эмили не наполнила своей мягкой тяжестью мужскую ладонь. Эмили услышала его стон, когда он нежно провел пальцем по плавному изгибу груди. Ее сосок вдруг болезненно напрягся под тяжелой тканью. Эмили задрожала, и ладонь Саймона властно обхвати-

ла ее грудь.

– Иди сюда, эльф, – пробормотал Саймон низким хриплым голосом, притягивая ее к себе.

Согнутым коленом и твердыми как железо руками он удерживал ее в этой прочной ловушке у своей груди. Его сила должна была бы испугать Эмили, но она совсем не боялась. Ведь это ее дракон, и она была с ним в безопасности.

Ее ладони легли на его грудь и пальцы крепко сжали ткань сюртука. Как приятно пахнет, мелькнула у нее мысль. Удивительное сочетание запаха кожи, лошади и мужского тела. Сладкий дурман затягивал ее, все теснее становились объятия.

– Раскрой свои губы, – мягко потребовал Саймон.

Эмили инстинктивно подчинилась, и язык Саймона дерзко скользнул ей в рот. Эмили потрясенно задохнулась и отпрянула. Она внезапно ощутила тяжелую выпуклость естества мужчины на своем бедре и почувствовала, что у нее ярко зарозовели щеки.

– Господи, Эмили...

Все вокруг, казалось, замерло. Она едва могла дышать, не то что отвечать.

– Эмили, откройте глаза и посмотрите на меня.

Как во сне, Эмили подняла ресницы и увидела словно высеченное из камня лицо Саймона. Оно было совсем близко, и Эмили могла разглядеть каждую его черточку даже без очков. Мерцающий огонь в его глазах, растопивший их былую

холодность, заморозил ее. Теперь в этом прекрасном искрящемся взгляде горело пламя, буйное пламя мужского желания, сдерживаемого жесткой волей.

– Дракон, – тихо прошептала она, касаясь пальцами его твердой щеки. – Мой собственный золотоглазый дракон.

Он смотрел на нее с легким прищуром.

– У дракона опасная репутация, особенно насчет юных девушек.

Она мягко улыбнулась ему:

– Бесплезно изрыгать огонь и дым, пытаясь напугать меня, милорд. С вами я в полной безопасности.

– Почему вы так уверены?

– Я очень хорошо знаю вас. Ваши письма я читала и перечитывала. И все же, признаться, я не могу окончательно поверить, что это происходит на самом деле...

– И я тоже. – Он резко изменил позу, так что она выскользнула из его объятий, провел рукой по своим темным волосам. – Бог ты мой, я, должно быть, потерял рассудок.

– Я понимаю, о чем вы. По-моему, поэты называют это сладким буйством чувств. Захватывающе, не правда ли? –
j Эмили выпрямилась. Немного смущенная и потрясенная, она чувствовала себя счастливой.

– Захватывающе – это только одно из определений. Могу предложить парочку других.

– Например?

– Глупо.

Эмили нахмурилась от его мрачно-иронического тона.

– Что-то не так, милорд? – Она пыталась на ощупь отыскать свои очки.

Саймон отодвинулся, и теперь она не могла как следует разглядеть выражение его глаз.

– Вот, возьмите. – Он нетерпеливо подал ей очки.

Она надела их и сразу же увидела, что Саймон заметно помрачнел.

– Что-то не так? Что же, милорд?

Он искоса бросил на нее насмешливый взгляд:

– Вы меня спрашиваете, после того что чуть было не случилось минуту назад?

Эмили, склонив голову набок, внимательно смотрела на него.

– Вы меня поцеловали. Это было чудесно. Это самое чудесное, что я испытала в жизни. Почему что-то должно быть не так?

– Проклятье!.. Женщина... еще пять минут – и мы бы... О черт! Ладно.

– Еще пять минут – и нас бы «унесло к берегам любви златым, манящим, чудным»?

– О господи! Сейчас не время для поэтических эвфемизмов. – Саймон уставился на зеркальную гладь пруда. Он уже начал что-то говорить, но вдруг его губы изогнулись в лукавой усмешке. – «Унесло к берегам любви златым, манящим, чудным»? Из какого же стихотворения вы, леди, выкопали

эту строчку?

– Сама сочинила, – сообщила ему Эмили не без гордости. – Это строка из той самой поэмы, над которой, как я уже вам говорила, сейчас работаю. «Таинственная леди». Я еще не подыскала выразительную рифму к «чудным».

– А «занудным» не подойдет?

Она улыбнулась:

– Ну вот, вы меня опять дразните. Скажите мне правду, сэр: вам нравится эта строка?

Он поглядел на нее через плечо, в его золотых глазах играли искорки... Хорошо, если бы страсти, но Эмили боялась, что это лишь искорки смеха.

– Очень удачное выражение, мисс Фарингдон. Идите ко мне...

Она охотно вернулась в его объятия, но на сей раз он лишь нежно поцеловал ее в лоб, потом в кончик носа и мягко отстранил от себя:

– А теперь, мисс Фарингдон, будьте внимательны, потому что я собираюсь сообщить вам нечто чрезвычайно важное.

– Да, милорд?

– Отныне всякий раз, как только для нас возникнет опасность унести к манящим, золатым брегам любви, я требую, чтобы вы давали мне пощечину. Вы меня поняли?

Она потрясенно посмотрела на него:

– Я этого делать не буду.

– Нет, сделаете, если у вас есть хоть капля здравого смыс-

ла...

– Вы не переступите границ порядочности, милорд.

– Я их уже давно переступил, – процедил он сквозь зубы, мрачней на глазах.

– Дело в том, милорд... – Она озабоченно нахмурилась. – Мне кажется, в подобных ситуациях мы не можем положиться на мой здравый смысл. Похоже, в таких делах у меня его не слишком-то много. Так что придется нам полагаться на ваше чувство чести и порядочности. Не тревожьтесь, милорд, я уверена, вы всегда будете знать, когда следует остановиться.

– Бога ради, что вы имели в виду, утверждая, что у вас нет никакого здравого смысла в подобных делах?

– Нет-нет, ничего, совершенно ничего, – поспешно произнесла Эмили, не желая обсуждать несчастное происшествие без особой на то необходимости. Ведь как только Саймон узнает о том, что случилось с ней в девятнадцать лет, он конечно же прекратит все эти чудесные разговоры о любви. – Просто моя семья считает, что на меня очень дурно влияет любовь к романтической литературе, – без особого энтузиазма пояснила она. Что в общем-то было чистой правдой.

– И она действительно на вас повлияла? – Взгляд его золотых глаз казался непроницаемым.

Эмили покраснела и опустила глаза, словно ее заинтересовал безупречно повязанный галстук Саймона, который, кстати, ничуть не сбился при недавнем проявлении буйных

чувств.

– Вы можете сами ответить на свой вопрос, милорд. Вы, несомненно, знаете меня лучше, чем кто бы то ни было.

– Благодаря вашим письмам, конечно?.. – Он мягко приподнял ее подбородок, заставив взглянуть ему в глаза. – А знаете, пожалуй, вы правы. Я не ошибся в своих предположениях, что вы печально непонятая молодая женщина. Но вы ошибаетесь, полагая, что знаете обо мне столько же, сколько я о вас.

– Я ни минуты не сомневаюсь, что мнение мое верно, милорд. – Она с серьезным видом взглянула на него. – В наших письмах мы с вами обрели поистине идеальную интеллектуальную и духовную связь. Я убеждена, что эта связь – связь более высокого порядка приведет нас к истинному пониманию...

– Довольно, – резко прервал он. – Мисс Фарингдон, глупо полагать, что можно полностью доверять мужчине там, где речь идет о страсти.

Она безмятежно улыбнулась, уверенная в своей правоте:

– Не думаю, милорд. Только не в нашем случае. Я доверяю вам всецело.

– Черт! – Саймон покачал головой и отпустил ее подбородок. – Похоже, ваша семья права. Полное отсутствие здравого смысла... Так, значит, вы не против риска любовной игры?

Она слегка пожала плечами:

– У меня в роду много азартных игроков, сэр. Это в крови.

– И как же часто вы рисковали подобным образом?

Эмили окинула взглядом пруд, тщательно подыскивая слова. Гордость требовала от нее честности, но мысль, что вся идиллия безвозвратно исчезнет, если она поведаст ему свою историю, была невыносимой.

– Я еще никогда не любила. По-настоящему. Теперь я это знаю. Однажды, очень давно, я думала, что люблю, но, увы, ошиблась. С тех пор я не встречала никого, с кем бы мне захотелось рисковать.

– Любопытно.

Она с трудом повернула голову – граф наблюдал за ней холодным оценивающим взглядом.

– Милорд?

Он что-то пробурчал себе под нос и поднялся:

– Не обращайтесь внимания. Верно, я утратил четкость мысли. Следствие опасного приближения к золотым манящим берегам... Идемте же. Я провожу вас, пока взору нашему не откроется Сент-Клер-холл.

– Я опять сказала что-то не то, милорд?

– Ни в коей мере. Думается, теперь между нами все пойдет гладко. Просто мне хотелось получить определенные сведения, прежде чем действовать. И кажется, я их получил.

– Я понимаю вас. Очень мудро. – Эмили с облегчением улыбнулась ему, совсем не заботясь о том, что глаза выдают все ее чувства. Она ясно осознавала, что будущего у них

нет, но есть настоящее, и она собиралась насладиться им как можно дольше. – В вашем последнем письме вы признались, что мои стихи о треснувших вазах и разбитых сердцах произвели на вас сильное впечатление.

Его губы тронула улыбка. Граф взял Эмили за руку и повел к лошадям.

– Да, весьма сильное впечатление, мисс Фарингдон.

– Что ж, мне очень приятно, что они вас заинтересовали, – бодро сказала Эмили. – А вот мистера Паунда, книготорговца и издателя, к сожалению, нет. С утренней почтой я получила от него еще один гнусный отказ.

– У мистера Паунда явно еще меньше вкуса, чем у критиков из «Эдинбургского обозрения».

Эмили рассмеялась от удовольствия.

– Совершенно верно. – Она опять замолчала, пронзенная острым чувством вины. Наверное, все-таки следует предупредить его о неизбежности разочарования. – Милорд?

– Да, мисс Фарингдон? – Саймон отвязывал ее серую в яблоках лошадь.

– Вы действительно хотели сказать, что приехали сюда, чтобы... чтобы просить у отца моей руки?

– Да, мисс Фарингдон, я сказал именно то, что хотел сказать. – Он легко подсадил ее в седло.

Она коснулась его руки, соскользнувшей с ее талии. На глаза навернулись слезы.

– Это совершенно невозможно, как вы сами скоро пойме-

те... Но вы должны знать, я буду вам вечно благодарна за чудесные мгновения. Я на всю жизнь сохраню в моем сердце память о них.

– Что за черт?! – Саймон, нахмурившись, взглянул на нее.

Эмили не могла долее оставаться с Траэрном. Сейчас он непременно спросит о причине ее слез. Слегка сжав бока своей серой кобылы, она быстро развернулась и поскакала от него прочь к дороге на Сент-Клер-холл.

Холодный ветер смахнул с ее щек капли текущих по ним слез.

Саймон нашел в себе силы сдерживать обуревавшее его любопытство до тех пор, пока леди Гиллингем, как всегда элегантно-томная, не поднялась из-за стола, оставив джентльменов за традиционной порцией послеобеденного портвейна.

Как только леди удалилась, оба джентльмена сразу же отбросили церемонии. Откинувшись на стульях и вытянув под столом ноги, они взялись за свои бокалы. Лорд Гиллингем зажег сигару.

Саймон готовился сделать то, чем добропорядочные джентльмены грешили с незапамятных времен: обсудить некую леди за бутылкой портвейна. Он дожидался только удобного момента, и момент этот, разумеется, не замедлил наступить. Гиллингему, успевшему изрядно угоститься кларетом во время обеда, не терпелось поболтать.

– Ну и как вам наше литературное общество? – поинтересовался он, щурясь на сизые клубы дыма от своей сигары.

– Довольно любопытно. – Саймон покрутил в руке хрустальный бокал, наблюдая за игрой света на его гранях. – Страсть к новой романтической поэзии явно распространилась за пределы Лондона. По крайней мере, среди женщин.

– Даже не знаю, чего и ждать, – вздохнул лорд Гиллингем, мрачно покачав головой. – Вся эта романтическая чепуха, без сомнения, очень дурно повлияет на дам.

– Только не на почтенных дам в Литл-Диппингтоне.

– Ну, за тех, кто постарше, вроде наших сестер Инглбрайт, опасаться не стоит, но что касается леди помоложе, все это, определенно, никуда не годится.

– Беспokoитесь за таких, как мисс Фарингдон? – мягко осведомился Саймон.

– Чертовы поэтические бредни, они совсем погубили бедную девочку. Жаль. Но впрочем, вряд ли могло произойти иначе, ведь она росла в этом гнезде никчемных мотов и картежников. Вопрос времени... А после смерти матушки беда стала неизбежной.

– Насколько мне известно, ее мать умерла шесть лет назад?

– Славная была женщина. И красивая, конечно. Все эти вертопрахи Фарингдоны чертовски смазливы – что сильный пол, что слабый. Кроме разве что мисс Эмили. Эти ее рыжие волосы и веснушки как-то не очень... Да еще и очки. Может,

ей и удалось бы на время светского сезона скрыть некоторые свои недостатки, да вот беда – девчонка так ни на один и не попала.

– Из-за смерти матери?

– А потом случилось несчастное происшествие, – грустно пояснил Гиллингем.

– И как же серьезно было то самое несчастное происшествие. – осторожно спросил Саймон. Пришло время выяснить все грязные подробности этого дела.

– Достаточно серьезно, если верить ее отцу. Бедная крошка.

– Это случилось пять лет назад? – закинул удочку Саймон.

– Где-то так. Мисс Фарингдон тогда исполнилось девятнадцать. Она с год как потеряла матушку. Ее чертов отец и шалопаи братцы вечно разъезжали, бросая ее одну в громадном доме. Фарингдона долго не удержишь вдали от карточных столов. В общем, мисс Фарингдон была предоставлена самой себе, жила со слугами. Конечно же, она чувствовала себя очень одиноко. Даже посоветоваться не с кем. Бедняжка была обречена на несчастье.

Саймон не спеша взял бутылку с портвейном и доверху наполнил бокал хозяина дома:

– И оно разразилось?

– Несчастье-то? Не замедлило. Разумеется, в виде молодого негодяя. Обычное дело, не правда ли?

– Да.

Саймон безмятежно тянул свой портвейн и удивлялся, отчего ему вдруг захотелось прервать беседу.

Он уже догадывался, чем закончится история, и больше не желал об этом слушать. Но он давно уверился, что информация любого рода может оказаться весьма полезной, особенно когда разрабатываешь план мщения.

– Этот молодой человек... он по-прежнему живет в здешних краях?

– Эшбрук? Да нет же, черт бы его побрал. Его после происшествия не видели. Я слышал, пару лет назад он получил титул. Барон теперь. И поэт. Доболтаться чуть подольше по гостиним Лондона – непременно наткнешься на него или его поклонниц. Вы, определенно, встречали барона на каком-нибудь модном сборище. Из-за него сейчас все просто с ума сходят.

Пальцы Саймона непроизвольно сжали бокал. Он незаметно расслабил их, опасаясь, как бы тонкий хрусталь не хрустнул в его руке.

При упоминании имени лорда Эшбрука он вдруг отчетливо вспомнил пять пар обвиняющих женских глаз, когда он в разговоре небрежно затронул последнюю поэму этого поэта. Он поморщился при мысли о своем досадном faux pas .

– Так, значит, не кто иной, как Эшбрук, погубил Эм... то есть мисс Фарингдон?

– Уговорил сбежать с ним... Печальная история.

– Тайный побег к венцу?

– Бедняжка мисс Фарингдон считала, что так. Но лично я сомневаюсь, чтобы у Эшбрука были хоть какие-то намерения жениться. Фарингдон настиг их на следующий день, и говорят, будто Эшбрука там уже не оказалось и перед разъяренным отцом он не предстал. Но урон чести юной леди, конечно, уже был нанесен. Парочка провела ночь вместе в гостинице, Фарингдон мне сказал по секрету.

– Понятно.

– Чертовски жаль. Эмили славная крошка. У нас стараются не упоминать о несчастном происшествии, чтобы не причинять бедняжке боли. Я бы просил вас тоже особо не распространяться, сэра.

– Разумеется.

Перед Саймоном вдруг возникло лицо Эмили, в отчаянии пытавшейся объяснить ему, что просить ее руки для него совершенно невозможно. Она явно, как и все прочие, считала, что погибла в мнении света. Самое большее, на что ей теперь оставалось надеяться в смысле нежных чувств, – это чистая, благородная, высокоинтеллектуальная связь, возможная лишь в переписке. Неудивительно, что она пришла в такое смятение, вдруг увидев его перед собой.

Саймон припомнил, что он встречал Эшбрука на балах в Лондоне. Тот прилагал немало усилий для создания образа эдакого уставшего от жизни циника с обольстительной таинственностью. Дамы, порхавшие вокруг, явно находили его обворожительным. Не секрет, что они видели в нем вопло-

щение нового романтического стиля, ставшего модным благодаря лорду Байрону.

– Почему Фарингдон не заставил Эшбрука жениться на своей дочери? – спросил Саймон.

– Полагаю, он предпринимал такие попытки, но Эшбрук, очевидно, отказался. Не так-то просто заставить мужчину жениться, знаете ли. Конечно, дело чести и все такое прочее, но... К тому же у Фарингдона не слишком большой вес в обществе. Настоящего-то положения у него нет. Бродерик Фарингдон, кажется, потомок какого-то обнищавшего барона в Нортумберленде, и только.

– Значит, Фарингдон смирился.

– Боюсь, что да. У нашей маленькой мисс Фарингдон не было ни внешности, а в то время и приданого, чтобы вызвать у Эшбрука интерес к законному союзу. Молодой человек просто играл ее чувствами, и леди поплатилась за свое неблагоразумие, как это частенько случается с молодыми леди...

Саймон разглядывал свой бокал:

– Меня удивляет, что ни сам Бродерик Фарингдон, ни близнецы даже не попытались вызвать Эшбрука на дуэль.

– Фарингдоны рискуют лишь за карточным столом, иное дело – рисковать своей шеей...

– Понятно.

– В общем, ужасно жаль малышку, – заключил Гиллингем, принимаясь за портвейн. – Спасибо добрым леди из ли-

тературного общества!..

Саймон поднял глаза:

– Что вы сказали?

– Компания скучноватая, но весьма и весьма почтенная.

Они тогда сплотились и приняли в свой круг мисс Фарингдон, ясно дав всем понять, что не собираются порывать с ней, даже если свет сочтет ее репутацию погибшей. По-моему, они там все ей втайне завидуют. Она внесла некоторое оживление в их однообразную жизнь.

Саймон оценил это весьма проницательное замечание. Интересно, известно ли Гиллингему, что Эмили отблагодарила своих покровительниц, обеспечив им всем к старости неплохую пенсию?

– Итак, мисс Фарингдон не вышла замуж из-за этого скандала. Однако мне не верится, что поблизости не оказалось никого, кто, закрыв на все глаза, просил бы ее руки. Малышка чертовски привлекательна.

– Да нашелся один такой – Прендергаст, – задумчиво произнес Гиллингем. Саймон нахмурился:

– Кто он, этот Прендергаст?

– Из землевладельцев. У него обширные угодья в здешних местах. Год назад похоронил жену. Так вот, он дал понять, что готов закрыть глаза на происшествие в прошлом мисс Фарингдон. Конечно, он далеко не предмет мечтаний юных дев, но и мисс Фарингдон юной уже не назовешь. Да и выбора у нее особого не предвидится.

Несколькими часами позже Саймон оставил безуспешные попытки заснуть. Он отшвырнул тяжелое одеяло, выбрался из кровати, быстро оделся и, подхватив пальто, вышел в холл. С того момента, как он поднялся в свою спальню, пожелав спокойной ночи хозяевам, его не переставали терзать сомнения. Прогулка поможет ему успокоиться.

В доме царили темнота и прохлада. Саймон подумал, не зажечь ли свечу, но потом решил обойтись без света. Он всегда обладал способностью видеть ночью.

Он бесшумно спустился по устланной коврами лестнице, миновал коридор, ведущий в кухню, еще мгновение – и он шагнул в морозную темную ночь.

Отыскать дорогу в Сент-Клер-холл через освещенный лунной лес оказалось довольно легко. Годы прошли с тех пор, как он последний раз ступал по родной земле, но эту дорогу он не забыл.

Через десять минут Саймон уже шел по длинной подъездной аллее к дому, прислушиваясь к легком хрусту мерзлой земли под сапогами. Приблизившись к элегантной лестнице, он замедлил шаги, затем повернулся и направился через сад к боковому крылу здания. Он с изумлением увидел свет, горевший в окне библиотеки.

Сердце его сжалось. Так же ярко горел свет и в ту ночь двадцать три года назад, когда он ворвался в библиотеку и обнаружил своего отца, уткнувшегося лицом в письменный

стол, залитый кровью.

Теперь Саймон знал, что привело его в эту ночь к библиотеке. Он хотел убедиться, не витает ли еще дух его несчастного отца около того старинного стола из красного дерева.

Где-то в подсознании Саймон почти ждал, что увидит пистолет, по-прежнему зажатый в мертвой руке графа, кровь, и разорванную плоть, и что-то серое, разбрызганное по стене позади кресла. Долгие годы прожил он с этим жутким видением.

Но вместо призрака человека, который потерял все и предпочел трусливо сбежать в небытие, оставив двенадцатилетнего сына одного справляться с бедой, Саймон увидел Эмили.

Она примостилась на краешке большого кресла, усердно склонившись над огромным письменным столом, и казалась такой маленькой и воздушной. В пламени свечей ее рыжие волосы блестели не меньше, чем атласные бока его красавца Лэп Сэнга под лучами солнца.

На ней был милый кружевной чепчик и скромный халатик с оборками вокруг шеи. Она сидела скрестив под креслом ножки, обутые в мягкие атласные ночные туфельки, и деловито строчила что-то гусиным пером в толстой тетради в тяжелом кожаном переплете.

Саймону пришло в голову, что столь романтическое создание, как Эмили, непременно ведет дневник. А если так, то нет сомнений, что он, Саймон, – один из главных персо-

нажей ее сегодняшней записи.

Или она сочиняет новые строфы своей «Таинственной леди»?

Он еще несколько минут смотрел на нее, говоря себе, что надо уходить. Однако не шевельнулся и не отправился в обратный путь через лес к дому Гиллингемов, пока Эмили не отложила наконец перо. Потом она взяла свечу, чтобы посветить себе на лестнице, и вышла из комнаты.

Теперь в библиотеке было темно.

Саймон вдруг очнулся, понял, что по-прежнему стоит и смотрит в окутанную мраком комнату, и усилием воли заставил себя оторваться от окна и вернуться к Гиллингемам.

Он так и не увидел то, ради чего приходил сюда. Дух отца, который должен был обитать в библиотеке, изгнан рыжеволосой зеленоглазой Титанией, восседавшей за их старинным письменным столом.

Всю следующую неделю Эмили словно витала в облаках. Никогда еще стихи не сочинялись так легко. Все, к чему бы она ни прикоснулась и что бы она ни увидела, вызывало у нее прилив вдохновения. Особенно Саймон. А с ним Эмили виделась часто.

Она понимала, что облако, на котором она в восторге качается, скоро развеет ветер и она больно ударится, упав на землю. Но она решила наслаждаться своим полетом как можно дольше. Она буквально впитывала в себя новые див-

ные ощущения, словно для того, чтобы их хватило на всю жизнь.

Эмили была влюблена, и ее возлюбленный сумел оказаться всюду, где она появлялась в эту неделю.

В субботу вечером она встретила Саймона у Хаттерсейгов, где собрались поиграть в карты. Он был ее партнером в висте, и они выиграли. А как же иначе? Разве могла проиграть такая команда, рассудила Эмили позже.

В понедельник днем он посетил музыкальный час Сьюардов. Эмили обменялась с ним тайным смеющимся взглядом, когда младшая дочь Сьюардов сбилась в «Дивертисменте» Моцарта. Когда та закончила, они ей так отчаянно хлопали, что раскрасневшаяся девочка согласилась сыграть на бис.

Саймон был в поселке, когда Эмили пришла туда за покупками. И он остановился поболтать с ней.

Он оказывался на дороге к Сент-Клер-холлу всякий раз, когда Эмили выезжала на прогулку верхом.

В конце недели Саймон неожиданно возник у ворот садика викария, как раз когда Эмили прощалась с миссис Людлов, женой викария. Он был верхом на гнедом жеребце, которого звал Лэп Сэнгом. С должной любезностью поприветствовав миссис Людлов, он спешился и довольно долго беседовал с обеими дамами.

Наконец он отвесил прощальный поклон и вскочил в седло, но еще на мгновение задержался, улыбаясь Эмили.

– Надеюсь, вы подарите мне танец на завтрашнем балу у

Гиллингемов, мисс Фарингдон? – сказал он, натягивая поводья.

– Да, конечно, – задыхнувшись, ответила она.

Первый раз она будет танцевать с ним, думала Эмили, глядя, как он скачет вдаль по лесной дорожке. Она с трудом сдержала волнение.

– Так-так... – пробормотала жена vicария с понимающей улыбкой. – Блэйд выказывает к вам явный интерес, молодая леди.

Эмили покраснела, с ужасом представив себе, о чем размышляет сейчас миссис Людлов. Жена vicария была доброй женщиной и, несомненно, жалела Эмили, так как никто в округе не сомневался, что рано или поздно Блэйд узнает о происшествии и его ухаживаниям за Эмили придет конец.

– Граф очень любезен, – вяло отозвалась Эмили. Следующее замечание миссис Людлов удивило ее.

– Одно время его семья жила здесь, – задумчиво произнесла миссис Людлов. – Более двадцати лет назад, по-моему.

Эмили ждала мягкого предостережения, что не следует давать графу повод думать, будто любезность с его стороны может перерасти в нечто большее, и теперь она растерянно заморгала.

– Мисс Инглбрайт тоже рассказывала...

– Мальчик с матерью уехали, когда его отец умер... Такая грустная история. – Миссис Людлов, похоже, собиралась сообщить что-то еще, но неожиданно передумала. Она реши-

тельно трянула головой. – Не важно, милая. Все это было и прошло много лет назад и теперь уже не имеет значения. Ну что, Эмили, завтра вы, конечно, наденете свое лучшее платье, да?

Эмили улыбнулась, полагая, что настало время для чтения морали и предостережений.

– Да, я собираюсь это сделать, – произнесла она с легким вызовом.

– Вот и ладно. Молодежь должна веселиться, когда можно. Ну что ж, до свидания, милая; и я не сомневаюсь: бедняки Литл-Диппингтона будут очень благодарны за одежду, что вы сегодня принесли для них.

Так, значит, на сей раз обойдется без нравоучений? Эмили облегченно вздохнула и вернулась туда, где привязала свою лошадь. И все же поведение соседки ее озадачило. Похоже, никто и не собирался предостерегать ее от флирта с графом. И видимо, пока никто не счел своим долгом предупредить Блэйда о несчастном происшествии.

Эмили начинала подумывать, уж не надеются ли в самом деле почтенные обитатели Литл-Диппингтона на счастливое завершение ее романа? Однако рано или поздно кто-нибудь все равно не утерпит и поведаст графу кое о чем интересном...

Когда Саймон появился на следующем собрании литературных четвергов, Эмили окончательно поняла, что дело заходит до неприличия далеко. В глубине души она понимала,

что нельзя позволять графу так открыто ухаживать за ней, когда все настолько безнадежно.

Чувство вины охватило ее с новой силой. Она знала, что больше тянуть нельзя. Скандал все равно разразится рано или поздно. И если никто не собирается рассказать ему о чем следует, придется ей взять на себя решение ужасной задачи... Она еще никогда и ничего не боялась так, как этого момента признания. Но ведь ей с самого начала было ясно, напомнила она себе, что ее любовь к графу Блэйдду обречена. Пора покончить с этим романтическим маскарадом.

Глава 4

Эмили заканчивала шотландский рил, в душе понимая, что смеется чересчур весело и что щеки у нее слишком уж покраснелись. Эта преувеличенная веселость... Эмили хорошо знала ее причину. Она собиралась с силами для выполнения предстоявшей задачи.

Совесть не позволяла ей откладывать далее разговор с Саймоном.

Вечером, собираясь на бал к Гиллингемам, она поклялась себе без дальнейших проволочек рассказать ему обо всем. Эмили знала, что, как бы ни нравился ей тот мир фантазий, в котором она сейчас пребывала, она не сможет жить дальше в невыносимом ожидании, когда же падет топор. Ей нужно сделать решительный шаг. Чем дольше все будет тянуться, тем больше она будет жалеть себя, когда Саймон обнаружит наконец истину и с отвращением отвернется от нее.

Эмили выбрала свой самый лучший наряд, сшитый местной белошвейкой. Она впервые надела это бледно-зеленое муслиновое платье, украшенное желтыми лентами и несколькими рядами пышных оборок. Лорнет благопристойно раскачивался на пришитой к пояску ленточке. Он был досадным неудобством, но очки Эмили надевать не стала.

Глубокое декольте и завышенная талия подчеркивали прелестную грудь. Эмили заказывала это платье в надежде,

что оно хотя бы зрительно придаст пышности ее далеко не внушительным формам. Однако, примерив его сегодня вечером, она испугалась, что таким покроем только привлечет внимание к своей худобе.

– И ничего подобного, – настаивала Лиззи, ее горничная, глядя на хозяйку восхищенными глазами. – Вы в нем вся такая воздушная и нежная, будто умеете летать в лунном свете и все такое прочее.

Эмили хотелось надеяться, что девушка права. Сама она чувствовала себя сегодня не очень-то воздушной и легкой. Все внутри у нее наливалось свинцовой тяжестью, и тяжесть эта усиливалась с каждой минутой.

Небольшой бальный зал Гиллингемов был до отказа заполнен представителями местного дворянства, разнаряженными в самые лучшие туалеты. Лорд и леди Гиллингем имели обыкновение в виде благородного жеста раза два в год принимать у себя своих знатных соседей. Пребывание Саймона в качестве именитого гостя в их доме как раз и послужило поводом для такого праздника. Угощали шампанским и сладостями.

Саймон привлек к себе и Эмили всеобщее внимание, протанцевав с ней первый танец. Эмили, благодаря отсутствию очков и окутывающей ее дымке романтического настроения, не замечала множества пристальных и любопытных взглядов, которые, как она знала, устремились на них с графом. Саймон тоже их не замечал, но лишь потому, что вообще

никогда не снисходил до того, чтобы обращать внимание на подобные вещи.

Эмили не могла даже представить, чтобы что-то смогло пробить брешь в холодном самообладании Саймона. Это ощущение внутренней силы и уверенности, которые являлись неотъемлемой частью его натуры, порой настораживало, но, несомненно, очень впечатляло.

Несколько мгновений Эмили глядела в лорнет, незаметно изучая толпу гостей, пока не обнаружила Саймона, беседующего с викарием. Блэйд, решила она, определенно, самый великолепный мужчина на сегодняшнем балу. Конечно, ее мнение было несколько предвзятым. Но в самом деле, нельзя же отрицать интригующей и где-то даже опасной привлекательности Саймона в его черно-белом одеянии среди многоцветия ярких фраков и жилетов, заполнивших комнату.

– Добрый вечер, мисс Фарингдон. Позвольте принести вам бокал лимонада?

Эмили едва подавила стон досады, услышав такой неприятный для нее голос Элиаса Прендергаста. В бессилии она опустила лорнет – он был не нужен, чтобы разглядеть знакомую толстую красную физиономию с пышными бакенбардами.

Не нужны были ни очки, ни лорнет и для того, чтобы заметить, что дородный мистер Прендергаст ради сегодняшнего случая облачился в корсет. Она слышала, как он поскрипывает при каждом движении мистера Прендергаста.

– Нет, благодарю вас, – пробормотала Эмили.

Если ей что-нибудь сейчас и нужно, так это бокал шампанского.

Когда Прендергаст придвинулся ближе, она раскрыла веер и принялась усиленно обмахиваться. Судя по тому, как пахло от этого человека, он явно не утруждал себя принятием ванны перед балом. Прендергаст придерживался старых правил и питал недоверие к новой моде часто пользоваться водой и мылом. Вместо этого он явно предпочитал обильно поливать себя духами.

– Собираюсь заглянуть к вам, мисс Фарингдон, ибо я уже больше не в трауре, – начал Прендергаст многозначительно. – У нас как будто есть о чем поговорить.

Эмили вежливо улыбнулась:

– Боюсь, это было бы не совсем удобно, сэръ. Вы, конечно, подождете, пока мой отец не вернется домой.

– Вот то-то и оно, шут возьми, – сказал Прендергаст с явным раздражением. – Ваш отец слишком много времени проводит здесь, в провинции. И не угадаешь, когда придет, а?

– У него очень много дел в столице. Чудесный вечер, не правда ли? – Эмили описала веером грациозную дугу, словно желая охватить всю залитую огнями залу. – Впрочем, леди Гиллингем всегда слыла великолепной хозяйкой.

Насупившиеся кустистые брови Прендергаста сошлись на переносице. Он прокашлялся. У Эмили упало сердце. Она с

ужасом предчувствовала, о чем сейчас пойдет речь.

– Мисс Фарингдон, дорогая, я считаю себя в некотором роде вашим наставником, поскольку ваш отец отсутствует так подолгу, – зловеще начал Прендергаст. – А мне стало известно, что в наших краях появился гость, который в последнее время довольно часто видится с вами.

– Вы меня поражаете, сэр. Никогда бы не поверила, что вы обращаете внимание на местные сплетни. Должно быть, следить за ними весьма утомительное занятие.

Прендергаст гневно фыркнул и устрашающе покраснел. Как все знали, усопшая миссис Прендергаст при жизни была тихой, скромной мышкой, которая и помыслить не могла о том, чтобы позволить себе столь бесцеремонное замечание.

– Ну вот что, юная леди. Мне слишком хорошо известно, как легко вскружить женскую головку романтическим вниманием, подобным тому, что Блэйд уделяет вам, мисс Фарингдон, если вы, конечно, позволите мне заметить.

– Нет, сэр, не позволю.

Улыбка Эмили становилась все более ослепительной и колючей, по мере того как в ней разгорался гнев. Прендергаст намеревается испортить то недолгое время, которое оставалось у нее с Саймоном.

На тяжелом лице Прендергаста застыло предвестие надвигающейся грозы, что Эмили прекрасно видела и без очков.

– Я говорю исключительно из глубокой тревоги за вашу

репутацию, мисс Фарингдон.

– Всем известно, сэр, что моя репутация безвозвратно погублена. Вам не стоит о ней тревожиться.

– Ну-ну, можно ли быть к себе столь суровой, – смиловился Прендергаст. – Конечно, в прошлом у вас имел место неприятный скандал. Но вы тогда были совсем молодой и глупенькой и совершили ошибку. С молоденькими девушками такое случается. Будучи человеком широких взглядов и не без некоторого опыта в обращении с пылкими особами, я готов закрыть глаза на происшествие.

– Как любезно с вашей стороны, сэр.

– Да-да, именно. От Блэйда, конечно, этого ждать не приходится. Ему надо помнить о фамильной чести и титуле, знаете ли.

Пальцы Эмили сжали» веер.

– Прошу вас не утруждать себя дальнейшими советами, сэр.

Прендергаст выпрямился во весь рост. Скрипя корсетом, он склонился к Эмили:

– Мисс Фарингдон, однажды вы уже поддались своим чрезмерно пылким чувствам и погубили себя в глазах общества. Вы ведь, конечно, не забыли урока, полученного из того весьма неприятного случая?

– Уверяю вас, я ничего не забыла, – сказала Эмили сквозь зубы. – Но вы начинаете мне докучать, сэр.

– Мисс Фарингдон, вы меня не правильно поняли. У ме-

ня самые честные намерения. Я хочу лишь помочь вам найти достойный выход вашей склонности к пылкости чувств. — Он схватил ее руку и стиснул в своих влажных мясистых ладонях.

— Прошу вас, сэръ, освободите мою руку. — Эмили безуспешно попыталась выдернуть пальцы из его потных лап.

Прендергаст даже не обратил внимания на ее протест, его пальцы сжались еще сильнее, причиняя ей боль. Он придвигался все ближе, пока его скверное дыхание и густой запах духов чуть не довели его жертву до обморока, и наконец, доверительно понизив голос, произнес:

— Мисс Фарингдон, я вполне понимаю, как трудно столь пылкой женщине, как вы, вынести необходимость подчиняться жестким правилам общества. Я убежден, вы будете гораздо более счастливы в браке. В освященной узами брака постели вы сможете дать полную волю тем порывам, которые вам теперь приходится сдерживать.

— Сэръ, если вы не отпустите меня сию же секунду, я буду вынуждена прибегнуть к крайним мерам.

Но Прендергаст намеревался довести свою миссию до конца.

— Вам нужен мужчина, который способен справиться с чрезмерной пылкостью ваших чувств, моя дорогая. Уверяю вас, этот мужчина — я. Более того, я собираюсь не откладывая зайти к вашему отцу и заявить ему о своих намерениях.

— Нет! — выдохнула Эмили, придя в ужас от одной только

мысли о подобном браке.

– Поэтому, – продолжал Прендергаст, словно не слыша тревоги в ее голосе, – я написал ему письмо, где сообщил об опасности, которой вы себя подвергаете, и заверил его, что присмотрю за вами до тех пор, пока он не приедет, чтобы оградить вас от домогательств Блэйда.

– Вам лучше заняться своими делами, сэр. Я не желаю, чтобы меня ограждали от его ухаживаний.

– Он просто играет вашими чувствами, дорогая. Точь-в-точь как тот другой негодяй пять лет назад.

У Эмили наконец лопнуло терпение. Она с треском сложила веер и довольно резко опустила его на руку Прендергаста. Удар был нанесен с такой силой, что тонкие палочки хрустнули.

– Фью-ю! – Прендергаст быстро разжал пальцы, потирая тыльную сторону кисти. На его пухлых щеках запылали красные пятна. – Да, мисс Фарингдон, вы поистине страстная натура. Не могу дождаться, когда мы с вами обвенчаемся. Уверяю, я прекрасно с вами справлюсь, дорогая. Очень даже прекрасно...

– Не тратьте сил в ожидании этого знаменательного события, – посоветовал Саймон в своей хладнокровной мрачной медлительной манере.

Подскочив, Эмили резко обернулась и увидела рядом с собой неизвестно откуда взявшегося графа. Она сияюще улыбнулась своему дракону. Он достаточно велик и свиреп, по-

думала она, и у него целая куча острых белых зубов, причем явно его собственных, чего нельзя сказать о зубах Элиаса Прендергаста.

– Ах, милорд! – радостно воскликнула Эмили. – Надеюсь, вы чудесно веселитесь?

– О да! Я подумал, что и вам это не помешает. – Он протянул ей бокал шампанского.

– Вы так проникательны, сэръ? – Пальцы Эмили благодарно обхватили бокал.

– Мисс Фарингдон предпочитает лимонад, – заявил Прендергаст.

– Ошибаетесь. – Эмили отпила глоток. – В настоящий момент мисс Фарингдон отдает явное предпочтение шампанскому.

Прендергаст злобно сверкнул глазами на нее как ни в чем не бывало улыбающееся лицо:

– Мы обсудим это после – в более удобное время, мисс Фарингдон.

– Обсудим что? Мой выбор в пользу шампанского? Уверю вас, здесь нечего обсуждать.

– Я говорил о другом, более важном предмете, – прошипел Прендергаст. Он заносчиво вздернул голову. – Прошу извинить, мне надо побеседовать с другом. – Он удалился с величайшим достоинством, однако несколько подпорченным звуком похрустывающего корсета.

Эмили подавила вздох. Как ни несносен Прендергаст, он

прав в одном: она не может больше обманывать Саймона. Она сделала еще глоток шампанского и подняла глаза на графа – тот стоял совсем близко и рассматривал ее со знакомой иронией в лучистых глазах.

– Похоже, у меня есть соперник в поисках вашей руки, – пробормотал Саймон.

Эмили быстро замотала головой, кудри ее запрыгали.

– Не обращайтесь на мистера Прендергаста внимания. Он докучает мне с тех пор, как скончалась его жена. Саймон, я должна с вами поговорить.

– Я весь внимание.

– Нет, не здесь. Не сейчас. – Она огляделась, украдкой покосившись, не стоит ли кто-нибудь слишком близко. – Саймон, мне надо поговорить с вами наедине.

– Звучит многообещающе.

– Я вовсе не шучу, милорд. Право же, это очень-очень серьезно. Пожалуйста, когда я смогу увидеться с вами? Все зашло уже достаточно далеко, и есть... – Эмили замолчала, поднесла к глазам лорнет, чтобы еще раз быстро оглядеться, и прибавила тихим несчастным голосом; – Есть нечто, о чем мне следует вам рассказать.

– О-о.

– Было непростительно с моей стороны не упомянуть о некоторых весьма важных вещах сразу, когда мы только познакомились. Трусость, конечно, но я почти не сомневалась, что кто-нибудь выполнит эту задачу за меня.

– Вы меня пугаете, дорогая моя. Я чувствую себя персонажем из романов издательства «Минерва Пресс». Кажется, я начинаю дрожать от «тяжкого ужаса перед неведомым».

– Милорд, вы сами прекрасно знаете, что ничто не заставит вас дрожать от ужаса, – сердито сказала Эмили. – Право же, мне и так трудно. И не передразнивайте меня, пожалуйста.

– И в мыслях не было. Ну что ж, раз мне не позволено дрожать от ужаса, я соберу все свое мужество и встречу с вами, чтобы выслушать сие ужасное признание. Как насчет вашей библиотеки, ну, скажем, в час ночи сегодня? К этому времени вы уже наверняка будете дома, а слуги уйдут спать.

Совершенно потрясенная, Эмили выронила лорнет:

– В библиотеке? Вы хотите пробраться в Сент-Клер-холл? Сегодня ночью?

– Так вы сумеете оказаться в библиотеке одна?

– Ну да. Разумеется. Я часто работаю там, уже когда слуги отправляются спать. – Она нахмурилась, вспомнив о некоторых затруднениях. – Мне придется отодвинуть для вас засов на входной двери.

– Не нужно. – Он отпил шампанского из своего бокала, рассматривая прогуливающиеся в ожидании следующего танца пары. – Просто будьте в час ночи в вашей библиотеке. Я непременно приду к вам.

Эмили подняла лорнет и взгляделась в его лицо. Как обычно, она не смогла прочесть, о чем он думает. Она находи-

ла совершенно восхитительным его умение полностью скрывать свою чувствительную страстную натуру под этим холодно-отстраненным видом.

– Очень хорошо, милорд. Значит, в час.

Эмили была вынуждена признать, что, хотя вечер должен завершиться для нее разбитым сердцем, романтичность, с которой Саймон обставил их предстоящую последнюю и тайную встречу, была необычайно увлекательной. Но ведь в графе Блэйде все необыкновенно. Она запомнит их короткий роман на всю жизнь, и долгие годы нетленная память о нем будет вдохновлять ее творчество и питать мечты.

За несколько минут до часа ночи Эмили уже сидела за письменным столом красного дерева, неподвижно уставившись на графинчик с бренди. Очки снова были на ней, но она собиралась их мгновенно сдернуть и спрятать в ящик стола, как только Саймон войдет.

Графинчик выглядел весьма заманчиво. В нем тепло пошверкивал бренди, а Эмили мерзла от волнения и ожидания. Последние полчаса она колебалась, не налить ли себе для храбрости.

Стрелки больших каминных часов передвигались так медленно, что Эмили начала беспокоиться, уж не остановились ли они вовсе. Рядом горели две свечи, только их пламя и освещало комнату. В камине лежали приготовленные на утро дрова, но Эмили не осмеливалась разжечь огонь. Кто-

нибудь из прислуги заметит завтра, что она опять сидела допоздна, и все будут волноваться, что она слишком много работает. В комнате становилось довольно холодно.

Внезапно Эмили почувствовала, как по рукам у нее поползли мурашки от неожиданного порыва холодного ветра, налетевшего сзади. Она поежилась в своем украшенном рюшами халате и, подумав, не распахнулось ли окно, хотела встать с кресла.

В то же мгновение она ощутила, что в комнате кто-то есть. Схватив со стола нож для разрезания бумаг, она вскочила на ноги, готовая закричать.

Но не успела. Большая мужская рука твердо зажала ей рот, и Эмили оказалась притиснутой к сильному мужскому телу.

Поняв, кто ее держит, она перестала сопротивляться.

– Я чувствовал бы себя гораздо более желанным гостем, если бы вы положили нож на место, – сказал Саймон, убирая руку с ее рта. Он потушил свечу, которую держал в другой руке.

– Саймон! Черт подери! – Эмили отшвырнула ножик и, повернувшись, сердито взглянула на него сквозь стекла очков. – Вы меня ужасно напугали. Откуда вы пришли? И как вам удалось так незаметно подкрасться? Я уже целую вечность смотрю на дверь.

Саймон расстегнул пальто и отступил в сторону, небрежно кивнув на секцию книжных полок, которая медленно и бесшумно поворачивалась, становясь обратно на свое место

в стене. Эмили успела увидеть темную пасть каменного провала позади полок с книгами, и глаза ее расширились от удивления.

– Потайной ход! Саймон, как замечательно! – Эмили метнулась мимо него к быстро исчезающему отверстию. Она так долго готовилась к своему признанию, но в одну минуту забыла обо всем перед лицом возможного приключения.

– Умерьте свой пыл, мисс Фарингдон. – Саймон, схватив ее за руку, заставил остановиться. – Вас раздавит шкафом. Он слишком тяжел, чтобы открывать его вручную. Нужно воспользоваться потайным рычагом.

– Каким потайным рычагом? Где он? Ой, как здорово! Прямо как в каком-нибудь из тех леденящих кровь романов «Минерва Пресс», о которых вы сегодня упоминали. Просто не верится. Подумать только, я прожила в доме почти всю жизнь и не знала этого секрета.

– Успокойтесь. – Явно забавляясь ее неумным восторгом, Саймон оглядывал комнату, пока не заметил графинчик с бренди. Он сбросил тяжелое пальто на стул. – Рычагов два, – пояснил он, подходя к маленькому столику с бренди.

– Два?

– Один в проходе за стеной, второй спрятан в самом шкафу. – Он налил две рюмки бренди... – Человек, построивший Сент-Клер-холл, считал необходимым иметь возможность срочно покинуть дом.

– Но откуда вы узнали про потайной ход? – Эмили с со-

жалением смотрела, как книжный шкаф вновь плотно встал на место.

– А вы еще не догадались? Вы меня удивляете. Мне известно про потайной ход, потому что я жил здесь.

В один миг забыв обо всем, Эмили резко повернулась к нему – он стоял с элегантною непринужденностью прислонившись к столу и потягивая бренди. Эмили заметила, что Саймон переоделся. Вместо вечернего костюма на нем были обычные бриджи, сапоги и льняная рубашка. Он даже галстука не надел. Он выглядел как человек, отдыхающий в уюте своего дома.

Своего дома.

Саймон молча протянул ей другую рюмку. Словно он хозяин, а я гостя, подумала вдруг Эмили.

– Сент-Клер-холл был вашим загородным домом? – Эмили взяла рюмку с бренди обеими руками, вглядываясь Саймону в лицо. – Какое поразительное совпадение...

– Как раз для записи в вашем дневнике. – Он сделал хороший глоток бренди.

Эмили прикусила нижнюю губу, не совсем уверенная, что понимает его настроение.

– Вы, наверное, были еще мальчиком, когда уехали?

– Мне было двенадцать.

– Почему же вы не сказали раньше, что дом когда-то принадлежал вам? Он пожал плечами:

– Сие обстоятельство не казалось мне особенно важным.

Эмили отпила бренди, снова нахмурившись. Она сердцем чувствовала: здесь что-то не так, но никак не могла понять, что именно... Ее романтическое воображение снова взяло верх.

– Очевидно, это странное совпадение – просто еще одно таинственное обстоятельство нашего рокового знакомства, милорд, – с решительным видом заявила Эмили после минутного замешательства.

Саймон бросил на нее проницательный взгляд:

– Рокового, говорите? Признаюсь, я не так силен в терминах романтической литературы, как вы. Может, поясните?

Эмили отпила еще бренди и начала вышагивать по комнате. Ее шелковые туфельки бесшумно ступали по ковру.

– Я должна сказать, милорд, что у нас с вами нет надежды на счастливый конец... И только по моей вине.

Он наблюдал за ней чуть прищуренным взглядом.

– Почему же?

Эмили так сильно стиснула свою рюмку, что у нее побелели костяшки пальцев. Дойдя до конца комнаты, она повернулась и зашагала обратно к столу, не смея взглянуть Саймону в глаза. Лучше быстро все сказать и покончить с этим раз и навсегда, решила она.

– Милорд, я сознаюсь, что самым бесстыдным образом ввела вас в заблуждение, отчаянно флиртовала с вами. Я бессовестно увлекла вас и позволила надеяться, что с радостью приму предложение выйти за вас замуж.

В комнате повисла недолгая напряженная тишина. Затем Саймон холодно спросил:

– Не хотите ли вы мне сказать, что не примете подобного предложения?

– Нет-нет, милорд. Совсем не то. – Она бросила на него страдальческий взгляд, повернулась на каблучках и снова храбро зашагала в противоположный конец комнаты. – Уверю вас, я сочла бы подобное предложение большой честью для себя. Очень большой. Но совесть не позволяет мне допустить, чтобы вы его сделали...

– И как же вы намерены меня остановить? – поинтересовался Саймон.

– Рассказав вам правду о себе. Правду, которую, как я надеялась, вам уже давно должен был кто-нибудь сообщить. – Эмили на мгновение нахмурилась. – В самом деле, я не понимаю, как это никто до сих пор даже не намекнул о несчастном происшествии. Но раз уж добропорядочным жителям Литл-Диппингтона удалось держать рот на замке, я должна признаться во всем сама.

– Признание действительно обещает быть интересным, раз его понадобилось сделать тайно и глубокой ночью...

Со стороны столика с графинчиком послышалось нежное позвякивание хрусталя. Эмили отважилась искоса взглянуть туда: граф налил себе еще бренди. Она подумала, что один глоток ей бы тоже не помешал...

– Милорд, я постараюсь быть по возможности краткой,

чтобы вы смогли, не теряя времени понапрасну, вернуться к своим собственным делам. – Эмили глубоко вдохнула, собираясь с силами. – Ужасная правда состоит в том, что вам нельзя просить моей руки... по той простой причине, что я... погибла.

– Погибли? На мой взгляд, вы в добром здравии. Здоровы как бычок!

Эмили крепко зажмурилась, остановившись перед книжными полками в дальнем конце комнаты.

– Вы не поняли меня, милорд, – тихо произнесла она. – Я стараюсь объяснить вам, что в глазах общества я погибающая женщина. Короче говоря, в моем прошлом был большой скандал.

– Скандал?

– Да, скандал, в котором замешан мужчина... Скандал столь ужасный, что, как заверила меня моя семья, ни один благородный человек – особенно если он, подобно вам, обязан блюсти свой высокий титул – не захочет жениться на мне.

Ну вот и все, обессилев, подумала Эмили. Сказано. Она ожидала бури, которая, конечно же, не замедлит разразиться. Граф Блэйд явно будет не в восторге от того, что по ее вине ему целую неделю пришлось разыгрывать столь глупую роль.

– Случайно, не о той ли глупости идет речь, которую вы совершили, когда вам было девятнадцать? – вкрадчиво спросил Саймон.

От смущения Эмили бросило в жар.

– Так вы слышали о происшествии, милорд?

– Уж поверьте мне, дорогая моя, я всегда стараюсь раздобыть как можно больше информации, прежде чем приступить к выполнению какого-нибудь своего замысла. Старинная привычка. Я приобрел ее за годы, прожитые на Востоке.

Она повернулась и уставилась на него, не понимая, как он может так легко отнестись к ее словам.

– Милорд, это не пустяки. Это был тайный побег с возлюбленным. Вернее, я полагала, что это тайный побег с возлюбленным... Боюсь, я поддалась порыву пылких нежных чувств и поплатилась за свою глупость.

– Становится все интереснее.

– Черт подери, Блэйд, не шутите! Вы что, не понимаете? Я сбежала с мужчиной. Мой отец настиг нас, но... – она слегка откашлялась, – ...было слишком поздно.

– Слишком поздно? – Граф вздернул бровь с самым невозмутимым видом.

– Нам пришлось провести вместе ночь, – прошептала Эмили. Она не отводила взгляда от горящих глаз Саймона. – Отец разыскал нас лишь на следующее утро.

– Понятно. Но, Эмили, почему у меня складывается отчетливое впечатление, будто вы не слишком сожалеете о том происшествии!

Эмили вновь зашагала по комнате:

– Поверьте, сейчас я очень сожалею. А тогда, признаюсь,

это было самое волнующее событие в моей жизни. – Она потерянно вздохнула. – Но мой отец вскоре объяснил мне, что оно наверняка останется и единственным, потому что теперь ни один порядочный мужчина не возьмет меня замуж. Он привез меня домой и заявил, что другого выхода нет – я должна посвятить свою жизнь изучению игры на бирже и размещению капитала.

– И вам нравится вести дела?

– Да, порой. Представьте, здесь есть нечто привлекательное. – Она неопределенно махнула рукой. – Но теперь все это уже не важно... – Она вздохнула. – Милорд, я полагаю, после моих слов вы, разумеется, откажетесь от своих намерений просить моей руки.

– Я редко отказываюсь от своих намерений, Эмили. У меня репутация человека, всегда и во всем идущего до конца. Спросите кого угодно в Лондоне.

– Ну, в данном случае вы вряд ли подтвердите свою репутацию, – парировала она. – Люди вашего положения не женятся на женщинах, погибших для общества... Ну вот, милорд, я сделала свое признание, и, если вы не испытываете ко мне полного отвращения, мне хотелось бы сказать еще кое о чем.

– Уверяю, Эмили, я не собираюсь покидать вас и с большим интересом выслушаю все, что бы вы мне ни преподнесли...

– Ну что ж, хорошо. Вы, наверное, удивлены, почему на

наше тайное свидание я пришла в халате.

– Полагаю, вы мерзнете, а халат, несомненно, значительно теплее того совершенно очаровательного платья, в котором вы появились сегодня на балу. Библиотека всегда была холодной комнатой.

Эмили застонала. Ее впервые посетила мысль, что есть вещи, в которых граф Блэйд не слишком-то сообразителен... По-прежнему уставившись в книжный шкаф, она заставила себя продолжать:

– На мне халат, потому что я собираюсь предложить вам вступить со мной в незаконные романтические отношения...

– Боюсь, я не совсем понимаю, дорогая моя. Мы с вами уже вступили в законные романтические отношения.

Она быстро обернулась, вне себя от раздражения:

– Я думала, вы человек свободных взглядов. Прошу вас, выслушайте меня внимательно. Поскольку брак между нами невозможен, а я безнадежно влюбилась в вас, я приняла решение предложить вам... *liaison*.

– *Liaison*? – Он опять лишь вопросительно посмотрел на нее.

– Я предлагаю вам вступить в любовную связь, тупица вы этакий! – Эмили задохнулась от ужаса, поняв, что она только что сказала. Ее глаза закрылись от стыда. Она вся вспыхнула. – Милорд, простите меня. Я вовсе не хотела называть вас тупицей. Боюсь, у меня расшалились нервы, и вообще, долж-

на сознаться, у меня несносный характер. Порой я с ним не справляюсь.

– Да, вы, несомненно, очень пылкая женщина, как недавно заметил Прендергаст.

– А вы явно мужчина, которого забавляют очень странные вещи. – Эмили поставила обратно свою рюмку с бренди – она, пожалуй, уже выпила больше, чем нужно... – и засунула руки в карманы халата. – Ну? – запальчиво спросила она. – Так как насчет моего предложения?

Граф медленно выпрямился и отставил свою пустую рюмку. Он подошел к ней, его руки тепло легли ей на плечи.

– Эмили, дорогая моя, поверьте, я глубоко польщен вашим очаровательным предложением. У нее упало сердце.

– Но?..

– Но я думаю, что, поскольку вы создание очень пылкое и обладаете бурным романтическим темпераментом, будет лучше, если вы позволите мне руководить вами в подобных делах.

– Почему? – без обиняков спросила она. – Надеетесь, в подобных делах вам удастся сохранять то же хладнокровие, какое вы стараетесь проявлять во всем остальном?

– Те, кто хорошо со мной знаком, подтвердят, что я умею сохранять и обычно сохраняю хладнокровие во всем... Берегитесь, Эмили.

– Хитрец. Все это только видимость. Бесполезно убеждать меня, что вы хладнокровны, – я знаю правду. Не забывайте, я

многое узнала о вас из ваших же писем, милорд. Наши мысли встречались... сплетались на более высоких уровнях в мире трансцендентальных метафизических ощущений. Мы глубоко заглянули друг другу в душу.

– Думайте что угодно, дорогая моя. Тем не менее, согласитесь, я, помимо всего прочего, старше вас и гораздо больше повидал в жизни.

– Несомненно. Я-то всю жизнь проторчала в Литл-Диппингтоне.

– В таком случае вы должны признать преимущество моего жизненного опыта и позволить мне принимать решения относительно наших взаимоотношений в будущем.

– Я должна вам это позволить?

– Да, Эмили, – очень мягко сказал он. – Должны. – Он наклонился и поцеловал ее в кончик носа. – Я убежден, что вам лучше дождаться свадьбы, прежде чем полностью отдаться очередному порыву пылких романтических чувств.

– В таком случае, милорд, – резко возразила она, – мне придется ждать целую вечность, поскольку у меня нет ни малейшего намерения выходить за Элиаса Прендергаста, а он, похоже, единственный, кто готов просить моей руки.

– Нет, дорогая моя, не единственный. Я тоже собираюсь просить вашей руки, как только ваш отец вернется в Литл-Диппингтон.

Эмили смотрела на него, ничего не понимая:

– Вы собираетесь просить моей руки? Но, милорд, я же

только что объяснила, что погибла для общества.

– Думаю, – холодно сказал Саймон, – в дальнейшем мы не будем больше обсуждать несчастное происшествие в вашем прошлом.

– Не будем?

– Кажется, вы начинаете понимать. – Он скользнул губами по ее губам и отстранился, слегка улыбаясь.

Она поймала его большую руку в свои маленькие ладошки:

– Саймон, правда? Вы собираетесь сделать мне предложение, несмотря на тот ужасный скандал в моем прошлом?

– Да, Эмили, да. Я полон решимости просить вашей руки.

Эмили никак не могла поверить. Она прямо-таки задохнулась от радостного волнения:

– И вы не желаете вместо этого вступить со мной в незаконную романтическую связь?

– Конечно, нелегко отказывать женщине со столь горячими чувствами, как у вас, Эмили, но я намерен дождаться нашей брачной ночи, чтобы осуществить наш союз.

– О-о!

Саймон тихо рассмеялся, встретив ее взгляд, полный горестного разочарования. Не сводя с нее глаз, он поднес ее руку к губам и поцеловал в запястье.

– Это вовсе не значит, моя радость, что мы не можем позволить себе откусить разок-другой от запретного плода.

Она просияла и обвила руками его шею.

– Это значит, что вы собираетесь меня целовать?

– Помимо всего прочего. – Он наклонил голову. Его драконьи глаза горели расплавленным золотом. Его губы тепло прижались к нежной шее.

– О Саймон!

– Мне нравится, когда ты так произносишь мое имя. Очень нравится. И то, как ты дрожишь, когда я дотрагиваюсь до тебя.

Он крепко обхватил ее за талию и приподнял высоко над собой. Он нес ее к старинному столу красного дерева, а она с радостным изумлением смотрела на него сверху вниз, упираясь руками в его плечи.

Усадив ее на краешек стола, Саймон медленно развязал пояс ее ситцевого халата. Так же медленно, не выпуская ее взгляда из плена своих глаз, он распахнул халат, приоткрыв вышитую муслиновую сорочку с высоким строгим воротничком.

Эмили чувствовала, что краснеет с головы до пальчиков ног. Несомненно, он видит, как набухли ее соски под тонкой тканью. Она вдруг вспомнила, что она погибшая женщина и он ждет от нее некоторой умудренности в подобных вещах.

Она откашлялась.

– Милорд, и это вы называете «целовать»? – спросила она в легкомысленной, как она надеялась, манере.

– Нет, я называю это «вкусить от запретного плода». – Он улыбнулся и, склонившись над ней, накрыл ее губы своими.

Его рука легла ей на грудь.

Эмили застыла от потрясения, а потом издала тихий стон. Ее руки плотнее обхватили его шею. Большой палец Саймона ласкал ее сосок, превращая его в тугой бутон желания. Его губы дурманяще зашевелились на ее губах. Жар его приникшего тела прогнал холод.

Чудесно взволнованная поцелуем Саймона, Эмили не заметила, когда его руки скользнули вниз – он приподнял край ее ночной сорочки и крепко сжал ее колени, медленно, нежно развел их, а потом потрясающе интимным движением дерзко шагнул между ними.

Глаза Эмили распахнулись.

– Милорд... Саймон, я...

– Тише, моя радость. – Говоря, он не отнимал губ от ее рта. Его пальцы обманчиво случайными движениями скользили по внутренней стороне ее ног. – Ты такая мягкая. словно теплый шелк.

Она инстинктивно попыталась сжать колени и наткнулась на его твердые мускулистые бедра. Она почувствовала грубую шероховатость ткани его бриджей на своей обнаженной коже – ощущение, от которого по всему ее телу разлилось тревожное возбуждение.

– Закрой глаза и не думай о том, что я делаю, – мягко приказал Саймон.

Его рука приблизилась к самому сокровенному месту ее тела. Она закрыла глаза, ловя губами воздух.

– Поцелуй меня, Эмили. – Голос Саймона был низким и хриплым.

В приливе виноватой тревоги Эмили осознала, что все свое внимание сосредоточила на движениях его рук. От нее явно ждали ответа на поцелуй.

Боясь его разочаровать, она взяла его лицо в ладони и стала жадно прижиматься губами к его губам – так старательно, что даже стукнулась зубами о его зубы.

– Уже лучше, моя радость, – ободряюще пробормотал Саймон. – Только расслабься немного. Открой мне свой рот.

Вздвогнув, Эмили подчинилась. Язык Саймона скользнул глубоко между ее губ, и одновременно его пальцы отыскивали пульсирующую теплоту ее лона.

Эмили замерла. Она попыталась было что-то сказать, но не смогла. Попыталась сделать глубокий вдох, и тоже не смогла. Попыталась сообразить, как ответила бы на ласки умудренная опытом погибшая женщина, и опять ничего не получилось. Она была переполнена происходящим. В глазах все поплыло.

Саймон, казалось, и не ждал от нее ничего, кроме той легкой дрожи, что охватила ее с головы до ног. Его губы не отрывались от ее рта, а пальцы гладили ее с потрясающей нежностью.

Эмили чувствовала, как там, внизу, разливалось тепло и напряжение, и она начала забывать о странности происходящего. Ее пальцы яростно впились в мягкую ткань рубашки

Саймона.

– Саймон! – выдохнула она, наконец вырвавшись на мгновение из-под его губ и глядя на него снизу вверх огромными вопрошающими глазами.

– Обними меня крепче, эльф, – мягко велел он. – Обещаю тебе, все будет хорошо. Вспомни, что говорят поэты. Нужно открыться миру чувственных переживаний, если желаешь познать истину о природе метафизического мира. Откройся же, Эмили. Доверься мне.

Совершенно растерявшись, чувствуя себя плывущей в море по волнам странных незнакомых ощущений, Эмили подчинилась. Она закрыла глаза и приникла к Саймону так, словно от этого зависела ее жизнь.

Его пальцы стали теперь чуть влажными и ласкали лепестки ее лона. А потом эти ласковые осторожные пальцы отыскивали, видимо, какое-то совершенно особое местечко. Эмили беспомощно выгнулась от возникшей внутри нее требовательной жажды чего-то, что, казалось, вот-вот взорвется!.. Она отчаянно нуждалась в чем-то, но не знала, в чем именно... В конце концов она решила, что это прикосновения Саймона. Она инстинктивно раздвинула колени пошире, молча умоляя о еще более сильных ошеломляющих ощущениях.

– Да. – Саймон осыпал поцелуями ее лицо, и Эмили снова ощутила на себе его руки. – Да, моя радость. Ну же, Эмили. Покажи мне, какое ты в самом деле страстное создание... –

Его палец скользнул меж лепестков в ее жаркое нежное лоно.

Эмили задохнулась. Ее рот приоткрылся в страстном сто-не, и все ее тело содрогнулось. Губы Саймона прижались к ее губам, заглушая тихий женский вскрик облегчения.

Несколько мгновений Эмили чувствовала себя парящей в высоте, которая могла быть только истинным метафизиче-ским миром, а потом мягким клубочком медленно упала на грудь Саймону.

– Черт подери! – опьяненно пробормотала она ему в пле-чо.

В ответ на свое столь страстное восклицание Эмили услы-шала не то смешок, не то стон – она не разобрала, что имен-но.

– О Эмили! Ты действительно очень страстное создание. – Он медленно и нежно привел ее одежду в порядок.

Эмили подняла голову с его плеча. Она все еще чувство-вала себя опьяненной и почему-то с трудом различала его лицо, пока наконец не поняла, что в какой-то миг он снял с нее очки.

– Ах, Саймон!

– Ах, Эмили! – Он поцеловал ее в кончик носа и с граци-озной услужливостью подал ей очки.

Надев их, она увидела, что он улыбается своей мягкой непроницаемой улыбкой. Но глаза его, полуприкрытые века-ми, горели желтым огнем. Никогда еще он не выглядел таким опасным и таким завораживающе привлекательным. Эмили

опустила взгляд вниз и увидела явную выпуклость под его бриджами.

– Саймон?

Огонь в его глазах потух, когда он не без сожаления понимающе проследил за ее взглядом.

– Не беспокойтесь, Эмили. Со мной все будет в порядке. Но во избежание дальнейших уступок восхитительному искушению, которое вы сегодня предлагали, мне лучше уйти. Долгая прогулка по холодному ночному воздуху лучшее лекарство в моей сложной ситуации. – Он отошел от нее и взял пальто.

– Я скоро вас увижу? – Ей отчаянно не хотелось, чтобы он уходил.

– Если не ошибаюсь, я, и ваши подруги из литературного общества приглашены завтра на чай в Сент-Клер-холл. С нетерпением жду этой встречи.

Эмили улыбнулась ослепительнейшей улыбкой и прыгнула со стола. Она чуть пошатнулась, и ей пришлось ухватиться за его край. Но когда она поняла, что чувствует себя необыкновенно хорошо, несмотря на несколько смущавшее ощущение влаги между ног, глаза ее наполнились смехом.

– Да, в самом деле. Завтра за чаем. Милорд, раз уж вы сегодня вечером не намерены больше вкушать запретного плода, не окажете ли вы мне одну очень большую любезность?

Уже одетый в пальто с пелериной, он с выжидательным интересом взглянул на нее.

– И какую же?

– Не объясните ли вы мне, как открывается потайной ход?

Граф только усмехнулся:

– Подозреваю, возможность узнать тайну этого хода волнует вас ничуть не меньше, чем возможность провести ночь в незаконной романтической страсти.

Эмили испугалась, что обидела его. Она успокаивающе дотронулась до его руки:

– Просто мне очень нравятся такие романтические вещи, как потайной ход, милорд. И я так хотела бы использовать его в своей поэме «Таинственная леди». По-моему, это замечательно впишется в сюжет.

– Разве я посмею встать на пути вашей литературной музыки? – Саймон взял ее за руку и подвел к книжному шкафу.

Глава 5

Эмили сосредоточенно нахмурилась, читая письмо поверенного ее отца, мистера Давенпорта.

«Дорогая мисс Фарингдон!

Настоящим сообщаю Вам, что выполнил Ваше распоряжение о продаже акций Южной морской компании и индийских облигаций. Вам будет приятно узнать, что конечная цена и того и другого оказалась весьма удовлетворительной.

Не будете ли Вы так любезны сообщить мне Ваше решение о капиталовложениях горнодобывающей промышленности, упомянутых Вами в Вашем прошлом письме.

Ваш покорный слуга Б. Давенпорт».

Эмили удовлетворенно улыбнулась и набросала записку, в которой Давенпорту рекомендовалось приступить к вложениям в строительство нортумберлендских шахт. Закончив, она протянула руку и дернула шнурок колокольчика, висевший у стола. Дакетт, дворецкий, появился почти мгновенно.

– А, Дакетт, вот и вы! – жизнерадостно улыбнулась Эмили. – Сообщите, пожалуйста, всем остальным, что акции Южной морской компании и индийские облигации принесли свои плоды. Вложенные вами деньги дали солидную прибыль, и ваши акции проданы в понедельник. Деньги в банке.

Благодарная радость осветила суровые черты лица Дакетта.

– Все очень обрадуются, мисс Фарингдон. Просто очень. Позвольте выразить вам нашу самую глубокую благодарность. Вы не представляете себе, какое облегчение – получить надежное финансовое положение в старости... – Он немного поколебался. – В сложившихся обстоятельствах...

Эмили сморщила носик:

– Мы знаем друг друга много лет, Дакетт. И можем быть откровенны друг с другом. Я прекрасно понимаю, если люди в нашем доме будут полагаться на то, что мой отец не забудет отложить кое-что для их пенсий, то все вы рискуете к старости умереть с голоду.

– Довольно резко, но недалеко от истины. – Дакетт позволил себе едва заметную улыбку. – В любом случае мы чрезвычайно благодарны вам за советы и помощь в размещении наших сбережений, мисс Фарингдон.

– Это я вам чрезвычайно благодарна, Дакетт, – очень серьезно произнесла Эмили. – Вы все так замечательно обо мне заботились. Не знаю, что бы я без вас делала. Мне было бы так одиноко, поверьте.

– Спасибо, мисс Фарингдон, – тепло сказал дворецкий. – Мы стараемся. Она улыбнулась:

– И весьма успешно. Да, и еще одно, Дакетт, пока вы не ушли.

– Слушаю, мисс?

Эмили помолчала, подыскивая слова. Ей очень не хотелось кого-нибудь обидеть.

– Нет ли у миссис Хикинботэм каких-либо... э-э... вопросов по поводу сегодняшнего чая?

Дакетт успокаивающе посмотрел на нее:

– Совершенно никаких, мисс Фарингдон. Могу вас заверить, на предыдущем месте работы миссис Хикинботэм тоже устраивала чаепития, так что у нее весьма богатый опыт.

Эмили сразу смутилась, что своим вопросом поставила под сомнение деловые качества домоправительницы.

– Конечно-конечно. Я просто немного волнуюсь. Мы так редко принимаем гостей здесь, в Сент-Клер-холле. И еще ни разу к нам на чай не приходил граф.

– Если я не ошибаюсь, миссис Хикинботэм как-то упомянула, что несколько лет назад ей довелось заниматься подготовкой чая для маркизы.

– Замечательно. – Эмили с облегчением признала необоснованность своих опасений. – Спасибо, Дакетт.

– Всегда к вашим услугам, мисс Фарингдон. Уверяю вас, сегодня все пройдет гладко.

– Вы, несомненно, правы. Только вот еще что: не попросите ли вы миссис Хикинботэм посмотреть, остался ли у нас чай сорта «Лэп Сэнг»? Если да, мне бы хотелось, чтобы она заварила его вместо «Конгу».

– «Лэп Сэнг»? Я обязательно спрошу.

– Благодарю вас. Понимаете, это для графа. Он почему-то называл Лэп Сэнгом своего коня, так что я полагаю, он предпочитает именно этот сорт китайского чая.

– Коня? – слегка озадаченно спросил Дакетт, но тут же овладел собой. – Понимаю. Я немедленно переговорю с миссис Хикинботэм, мисс Фарингдон. – И дворецкий бесшумно удалился из библиотеки.

Эмили, глядя, как закрывается дверь, подумала, что надо бы не забыть как-нибудь поинтересоваться у Саймона, почему он назвал своего гнедого Лэп Сэнгом. У нее еще столько вопросов к нему...

Так много увлекательных тем для их будущих бесед ждут своего часа. Как замечательно выйти замуж за человека, с которым у них общие интеллектуальные интересы, с которым она может общаться на высшем, трансцендентальном уровне, за человека с такой утонченностью чувств.

Конечно, их общение на более земном, физическом уровне тоже очень привлекательно. Эмили почувствовала, как ее обдало жаром, хотя огонь в камине не горел.

Она мечтательно посмотрела в окно. Никогда еще в своей жизни она не испытывала ничего похожего на то всепоглощающее чувство полного расслабления, которое испытала вчера ночью здесь, в библиотеке. Оно позволило ей совсем по-новому увидеть некоторые поэтические отрывки из ее любимых авторов. Оно дало ей совершенно новое понимание выражения «вершина страсти».

Легкая дрожь чистого, ничем не омраченного счастья пронизала ее, как разряд от тех электрических устройств, что используются для научных экспериментов. Все это неве-

роятно. Почти недоступно пониманию.

Она не привыкла к везению в чем-либо еще, кроме финансовых дел.

– Черт подери! – вслух прошептала Эмили. И тут же намурилась. Пора бы прекратить выражаться в столь неподобающей для леди манере. Она скоро станет графиней, а графини, по твердому убеждению Эмили, так не выражаются.

Она надеялась, что высокие и благородные принципы Саймона не вынудят его настаивать на длительном сроке помолвки. В обществе не редкость помолвки сроком на целый год. Как правило, возникает множество досадных мелочей, которые приходится обсуждать, тех мелочей, которые называются дурацким словом «соглашение». Эмили казалось, что ей просто не вынести целый год ожидания.

Она неохотно заставила себя вернуться к письмам, журналам и уведомлениям, горой возвышавшимся на ее столе. Меньше всего в это утро ей хотелось работать над распределением капиталовложений. Но при той скорости, с какой мужская часть семьи Фарингдон тратила деньги, было необходимо уделять постоянное внимание финансовым вопросам. Мать частенько объясняла Эмили, что кто-то же должен присматривать за папой и близнецами. И наконец со всей твердостью она внушила это Эмили перед самой своей кончиной. Без всякого энтузиазма Эмили придвинула поближе «Журнал для джентльменов» и раскрыла его на ежемесячной сводке о ценах на бирже. Она просмотрела ежедневные ко-

лебания цен на акции каналов, на индийские акции, на банковские облигации и фонды и сделала себе несколько быстрых пометок, прежде чем перевернуть страницу.

Затем она провела кончиком пальца по сводке последних цен на пшеницу, рожь, овес и бобы в центральных графствах и сравнила их с ценами в графствах побережья. И вновь взялась за перо и набросала пару-другую замечаний. Потом проверила средние цены на муку, сахар, сено и солому за последний месяц, стараясь понять общую тенденцию.

Выписав последние цены на товары, Эмили обратилась к ежемесячной метеорологической таблице. В нее она заглянула лишь на минутку. Пока стоит зима, ежедневная температура и количество осадков не так важны, как летом и весной. Через пару месяцев она начнет пристально их изучать, стараясь предугадать виды на урожай.

Наконец, выудив все, что нужно, из «Журнала для джентльменов», она обратилась к деловой переписке. У сэра Альфреда Чамли имелись сведения о новом угледобывающем предприятии, а некая миссис Мидл-тон осведомлялась в письме, не проявит ли Эмили интерес к кораблю, отплывающему вскоре в Ост-Индию. Предполагалось, что по возвращении он даст хорошую прибыль, как это было и в прошлый раз.

Миссис Хикинботэм нашла «Лэп Сэнг».

Эмили с беспокойством наблюдала, как Саймон отхлеб-

нул первый глоток экзотического дымящегося напитка. Когда он улыбнулся ей поверх чашки и они обменялись понимающим взглядом, ей даже захотелось заключить миссис Хикинботэм в объятия. Глаза домоправительницы вспыхнули от удовольствия, но выражение ее лица оставалось подобающе бесстрастным, и она, сделав реверанс, удалилась, оставив участников литературного собрания за беседой.

Эмили трижды меняла решение, какое платье ей надеть, пока Лиззи не уговорила ее выбрать муслиновое с воланами и круглым плотным воротничком. Платье было бледно-золотистого цвета в тонкую белую полоску, и Лиззи клялась, что оно очень удачно оттеняет цвет волос Эмили. Правда, та была не совсем уверена, следует ли оттенять рыжие волосы, но Лиззи развеяла ее опасения.

Леди из литературного общества приехали преисполненные самых радужных надежд, За эти дни они привыкли к присутствию графа, и его внимание к Эмили не осталось незамеченным. Почтенные леди пребывали в тайном восторге от возвышенных нежных отношений, расцветающих у них на глазах, и теперь приветствовали Саймона с истинной сердечностью.

Как всегда, расположившись среди них, он был похож на мрачного золотоглазого зверя, окруженного стайкой жизнерадостно щебечущих птиц. Саймон, казалось, не замечал контраста. Но впрочем, как Эмили уже знала, граф почти всегда сохранял невозмутимость.

В целом все, включая угощение и беседу, протекало настолько естественно и свободно, что Эмили начала подозревать в себе доселе скрытый талант к приему гостей. Пожалуй, стоит делать это почаще, решила она, радуясь, что разговор принимает все более оживленный характер.

– А как ваша поэма, Эмили? – спросила мисс Брейсгердл после завершения жарких споров о достоинствах лекций Сэмюэля Кольриджа о Шекспире.

Естественно, лекции эти никто из присутствующих не посещал, но они публиковались во многих изданиях, и общее заключение было таково, что они оказались не столь высокого уровня, какого можно было бы ожидать от Колриджа.

– Я работаю над дополнительными строфами, где описывается новое приключение, – объявила Эмили. Она взглянула на Саймона, и ее щеки чуть порозовели. – Меня посетила чудесная мысль о сцене в потайном ходе.

– Как замечательно! – Мисс Остли, более других увлекавшаяся романами «Минерва Пресс», была явно заинтригована. – И наверное, с привидением? Мне ужасно нравятся привидения.

Эмили, приподняв брови над стеклами очков, поразмышляла о возможности появления привидения в «Таинственной леди»:

– Привидение – отличный образ для приключенческой или любовной истории. Но вот рифму к нему подобрать нелегко. Так и напрашивается «привидение» или «заблуж-

дение».

– Или «объединение», – предложил Саймон.

Мисс Хорнсби, уже угостившаяся вместо чая рюмочкой шерри, хихикнула. Лавиния Инглбрайт метнула на нее уничижающий взгляд. Она уже открыла было рот, собираясь предложить другую рифму, но ее прервал шум колес экипажа и топот лошадиных копыт по подъездной дорожке. Она изумленно посмотрела на Эмили:

– По-моему, к вам кто-то приехал.

Эмили застыла на месте, ее взгляд устремился на невозмутимое лицо Саймона. К ней почти никогда никто не приезжал, и все в гостиной это знали.

– Без сомнения, вернулись отец и братья. – Значит, письмо Элиаса Прендергаста все-таки достигло Лондона, и он добился чего хотел. – Я не ждала их.

Не сейчас. Не так скоро.

Но Саймон, который, по-видимому, прекрасно понял, о чем она «думает, лишь улыбнулся своей непроницаемой улыбкой и отпил из чашки дымящегося» Лэп Сэнга «.

Топот сапог по коридору, гудение нетерпеливых мужских голосов, еще мгновение – и дверь в гостиную широко распахнулась.

Три прекрасных представителя мужской половины семейства Фарингдон ворвались в гостиную, словно три золотистых смерча. Высокие, красивые, одетые в наимоднейшие костюмы для верховой езды, с легкой эффектной небреж-

ностью в одежде и прическах – после путешествия. Близнецы Девлин и Чарльз быстро оглядели почтенное собрание в поисках хорошенького женского личика и, видимо не найдя ничего себе по вкусу, удивленно воззрились на Саймона.

Бродерик Фарингдон, отец Эмили, порядком подрастерял часть своей некогда роскошной шевелюры, а та, что осталась, из золотой стала серебряной. Но ему еще удавалось сохранять ту особую элегантность, какой отличались и его сыновья. Орлиный нос и голубые глаза в сочетании с его ампула беззаботного повесы по-прежнему привлекали женщин.

– Добрый день, леди. Блэйд.

Пока леди торопливо бормотали ответные приветствия, Бродерик Фарингдон небрежным кивком поздоровался с Саймоном.

Эмили почувствовала, как в комнате вдруг воцарился холод. Что-то было не так. Она инстинктивно чувствовала, что здесь не просто недовольство отца, рассерженного неподходящим поклонником дочери... Ее глаза вопрошающе устремились на Саймона.

Но дракон ответил на приветствие таким же кивком и вновь отхлебнул своего» Лэп Сэнга «.

– Папа! – Эмили встала с кресла. – Ты меня не предупредил: мы не знали, что ты приедешь.

– Я не предупредил, потому что знал, что окажусь здесь раньше почты. Мой новый жеребец обскочет любое четвероногое. Вы не хотите подойти и встретить своего отца как

положено, мисс?

Эмили послушно приблизилась и, как того требовали правила, поцеловала его в щеку. Но тотчас отступила, сердито прищурившись. Теперь, когда прошло первое потрясение, она ужасно разозлилась из-за того, что ее чаепитие так бесцеремонно прервали.

– Право же, папа, тебе следовало меня предупредить.

– Это мой дом, девочка. Почему я должен предупреждать о себе, словно я здесь гость?

За спиной Эмили стайка леди из литературного общества быстро поднималась с кресел, собираясь уходить.

– Право же, нам пора, – заявила Присцилла Инглбрайт. – Благодарю вас за сегодняшний чай, Эмили.

– Да, было очень мило, – решительным голосом произнесла мисс Брейсгердл, беря свою сумочку.

После этого прощание пошло весьма бурными темпами. Эмили, демонстративно улыбаясь, стояла в дверях, так и кипя внутри от негодования. Ее отец и братья все испортили.

Только Саймон не спешил с уходом.

За дверью в холле торопливо одевались накидки и завязывались шляпки... Через мгновение distinguished леди уже оказались в экипаже, который заранее заказала Эмили, чтобы развезти их по домам.

Над гостиной повисло холодное опасное молчание.

Черт подери, подумала Эмили. Она повернулась лицом к отцу:

– Итак, папа, чем я обязана счастьем вашего столь поспешного возвращения?

– Спроси у Блэйда. Полагаю, ему известен ответ. – Бродерик Фарингдон не сводил взгляда с Саймона, который спокойно допивал чай. – Не скажете, какого дьявола вам здесь нужно?

Саймон чуть приподнял брови:

– По-моему, это очевидно, Фарингдон. Я приглашен на чай и наслаждаюсь чашкой очень недурного» Лэп Сэнга «.

– Не пытайтесь морочить меня своей болтовней о чае. Вы что-то замышляете, Блэйд.

Саймон улыбнулся своей самой леденящей улыбкой и отставил пустую чашку. Что-то похожее на удовлетворение или торжество вспыхнуло в его глазах.

– В таком случае я буду здесь завтра в три, чтобы обсудить этот вопрос.

– Черта с два вы здесь будете! – отрезал Фарингдон.

Эмили поразило безобразно побагровевшее лицо отца. Девлин и Чарльз смотрели на нее так, словно она навлекла на них позор и в очередной раз погубила себя.

– Непременно буду. – Все с тем же убийственным спокойствием Саймон встал – он оказался на голову выше Фарингдонов. – До завтра, Фарингдон. – Он подошел к Эмили, взял ее руку и поцеловал. Его глаза улыбнулись ей. – Спасибо за чай, мисс Фарингдон. Мне было очень приятно. Как, впрочем, и всегда в вашем присутствии.

– Прощайте, милорд. Благодарю, что посетили сегодня наш салон. – Эмили вдруг ощутила нестерпимое желание уцепиться за фалды его безупречного голубого фрака и не отпускать его из гостиной. Ей совсем не хотелось оставаться одной с отцом и братьями, но она ничего не могла поделать.

Через мгновение Саймон, приняв у Дакетта свою касторовую шляпу с элегантно загнутыми полями и коричневые кожаные перчатки, неторопливо прошел к поджидавшей у парадной двери двуколке Гиллингемов. Послышался стук копыт, прошумели колеса – он уехал.

Стиснув руки перед собой, Эмили свирепо воззрилась на отца и братьев:

– Надеюсь, вы довольны. Вам вполне удалось испортить мне чаепитие. Все было так чудесно, пока вы не ворвались, не соизволив даже предупредить меня.

– Повторяю, это мой дом, девочка. Мне не нужно никаких разрешений, чтобы войти в свою собственную гостиную. Эмили, что здесь, черт возьми, происходит?! – Уперев руки в бока, Бродерик Фарингдон смотрел на дочь. – Я получил от Прендергаста письмо, где говорилось, что за тобой ухаживает ни много ни мало сам граф Блэйд.

– Да, ухаживает. По-моему, папа, ты должен бы гордиться и радоваться.

– Гордиться?! – Девлин налил себе бокал кларета из приготовленной для Саймона бутылки и с сожалением взглянул на сестру. – Ты что, спятила, Эм? Ты же понимаешь, что бу-

дет, когда Блэйд узнает о происшествии. И вообще, чего ради ты водишь его за нос? Тебе прекрасно известно, чем все кончится.

Чарльз покачал головой:

– К чему было принимать его ухаживания? Теперь, конечно, не избежать неприятной сцены. Вся старая грязь всплывет, и ты будешь чувствовать себя полной идиоткой.

– Он уже знает о скандале! – закричала Эмили, сжимая свои маленькие кулачки. – Он уже знает, и ему наплевать. Вы меня слышите?! Ему плевать на это!

Наступила мертвая тишина. А потом старший Фарингдон устало приложился к бокалу кларета.

– Теперь мне понятна его игра, – тихо произнес Бродерик. – Я не сомневался, что он замыслил какой-то гнусный план. Чертовски опасный тип. Всем в Лондоне это известно. Много бы я отдал, чтобы он оставался в своей Ост-Индии. Какого дьявола он вернулся оттуда?

– Какой план? – требовательно спросила Эмили. – Что ты такое говоришь, папа? Этот человек собирается просить моей руки. Он знает, что для света я погибла, но все равно любит меня.

– Эмили, дорогая. Ты чертовски наивна. – Бродерик плюхнулся на диван и сделал хороший глоток. – Такие, как Блэйд, обычно не женятся на таких, как ты. К чему им это? С его титулом и состоянием, которое он сколотил в Ост-Индии, Блэйд может выбрать себе хорошенькую девственницу

из тех, что выставляются на брачном базаре каждый сезон. Зачем ему подпорченный товар?

Эмили покраснела, борясь с привычным чувством унижения:

– Его, похоже, подобные вещи не задевают, папа.

– Подобные вещи задевают любого мужчину, – безжалостно заявил Чарльз.

– Неужели? – яростно обрушилась на них Эмили. – А не вы ли пускаетесь во все тяжкие, чтобы соблазнить первую попавшуюся бедную несчастную девицу и превратить ее в» подпорченный товар «?

– Ну, знаешь, – отрезал Девлин, – мы с Чарльзом джентльмены. И не занимаемся соблазнением невинных юных леди нашего круга.

– Только невинных юных леди низших классов, у которых нет выбора? Вы, наверное, думаете, что их зависимое социальное положение позволяет вам все, что угодно.

– Хватит! – взревел Бродерик Фарингдон. – Мы ушли от главного. Эмили, я буду откровенен с тобой. Ты поставила нас всех в очень серьезное положение, и я только теперь начинаю подозревать, во что нам это обойдется.

– Почему это должно нам во что-то обходиться?! – закричала она в ответ. – Я собираюсь выйти замуж. Что тут плохого?

Фарингдон со стуком опустил на стол бокал:

– Черт возьми, девочка, ты что же, ничего не видишь? У

Блэйда нет никакого желания жениться на тебе. Ни малейшего.

– Тогда почему он собирается сделать предложение?

Бродерик Фарингдон на мгновение замолк. Он славился умением угадывать намерения своих противников в игре покрупному.

– Он и сделает предложение. Предложит какую-то сделку.

– Черт! Ты прав, отец. – Чарльз налил себе еще кларета.

– Вот проклятье! Конечно, это надо было предвидеть, – пробормотал Девлин. Эмили уставилась на отца:

– Сделку? Папа, о чем, скажи на милость, вы все тут толкуете?

Бродерик покачал головой:

– Еще не уловила, девочка? Блэйд вовсе не собирается жениться на тебе. Он собирается пригрозить, что сбежит с тобой, если я не дам ему того, что он хочет. – Бродерик обвел задумчивым взглядом элегантную гостиную. – И по-моему, я знаю, что он потребует в обмен на то, чтобы сделать величайшее одолжение и убраться из нашей жизни.

Девлин внимательно посмотрел на него:

– Чего же он хочет, отец?

– Сент-Клер-холл. – Бродерик одним глотком проглотил остатки кларета из своего бокала. – Чертов мерзавец ненавидит меня. Он двадцать три года ждал своей мести и теперь наконец получил возможность ее осуществить.

У Эмили потемнело в глазах. Она судорожно села в пар-

човое кресло, не сводя глаз с отца:

– Думаю, тебе лучше объясниться, папа. И сейчас же.

Бродерик долго изучал лица трех своих отпрысков, а потом тяжело вздохнул:

– Хорошо, если бы ваша мама сейчас была с нами! Она всегда управлялась с подобными неприятностями. Умела как-то. Я бы предоставил все это ей...

Девлин взглянул на Чарльза, потом на отца:

– Мы с Чарльзом кое-что понимаем: Блэйд просто пытается как-то использовать Эмили. Но вот насчет Сент-Клерхолла... С чего вдруг он потребует его в обмен на отказ от побега с Эм? Этот парень богат как Крез. Он может купить дюжину домов ничуть не хуже нашего.

Эмили крепко сплела пальцы.

– Он говорил, что здесь был когда-то его дом, – медленно произнесла она. – Он жил здесь мальчиком.

У Бродерика на лице застыло загнанное выражение.

– Это он тебе сказал?

– Да, папа. Мы очень близки. – Эмили вызывающе прищурилась за стеклами очков.

– Насколько близки? – немедленно спросил Девлин. – Интимно близки? Бога ради, Эм, этот негодяй уже соблазнил тебя? И конечно, уверен, что ты убежишь с ним?

– Граф вел себя как истинный джентльмен, – гордо сообщила Эмили.

– Ну что ж, слава богу, у этого человека есть еще остатки

совести, – вяло заметил Бродерик. – Хотя вряд ли мне от них будет много проку...

– Папа, – резко потребовала Эмили, – ты нам все объяснишь. И немедленно.

Фарингдон-старший угрюмо кивнул:

– Рано или поздно вам придется узнать обо всем. Блэйд об этом позаботился, чертов мерзавец. В общем, я не покупал Сент-Клер-холл после крупного выигрыша, как говорил вам когда-то... Я просто выиграл его и почти все состояние Траэрна у отца Блэйда в карты двадцать три года назад. Граф, как джентльмен, заплатил долг.

– И?.. – нахмурилась Эмили. – Я знаю, что это еще не все, папа.

– А потом этот дурак вернулся сюда и пустил себе пулю в лоб.

Эмили в ужасе закрыла глаза:

– Боже мой!

– Не понимаю, – заговорил Чарльз, – что тут особенного? Это был долг чести, и проигравший уплатил. То, что потом он совершил самоубийство, нас не касается.

Эмили вздрогнула:

– Как ты можешь быть таким бессердечным? Ты что, не понимаешь, чем все кончилось? Бродерик крепко выругался.

– Больше особенно нечего рассказывать. Мальчишка с матерью освободили дом и отправились куда-то на север. Мать

в свете больше не появлялась, насколько я знаю. Она, кажется, умерла несколько лет назад.

– А Блэйд? – спросил Девлин. – Что стало с ним?

– Кто-то из родственников, – по-моему, тетка – сумел наскрести достаточно монет и купить ему офицерский чин. Может, чтобы избавиться от него. Пару лет Блэйд повоевал за Пиренеями. Потом продал свой офицерский патент и отправился в Ост-Индию.

– И все потому, что был лишен своего состояния! – яростно вмешалась Эмили. – Ты украл у него наследство, отобрал принадлежащие ему по праву земли и дом. После того как его отец покончил с собой, Саймон с матерью оказались выкинутыми на улицу без единого пенни. Они зависели от милосердия родственников. Как же было ненавистно Блэйду его положение. Он такой гордый. Как ты мог это сделать, папа?

Бродерик метнул на нее грозный взгляд:

– Я выиграл все в честной игре, и не смейте забываться, мисс. Так уж устроен мир. Не играй, если не в состоянии заплатить.

– Папа!

– В любом случае Блэйд неплохо о себе позаботился. В лондонских клубах говорят, что он жил как паша на каком-то острове: оказав кое-какие услуги Ост-Индской компании, он был вознагражден долей в торговле чаем. Теперь у него довольно внушительное состояние. Видит бог, ему от

нас ничего не нужно.

– Но он считает, что ты задолжал ему Сент-Клер-холл? – спросил Девлин. Бродерик кивнул:

– Мстительный негодяй. За все годы я встречал его лишь дважды. Он выследил меня, перед тем как отправился на войну, а потом – когда отплывал на Восток. И оба раза он только и сказал, что однажды я заплачу за все, что причинил ему и его семье. Он поклялся, что моя семья будет страдать так же, как страдала его. И еще он поклялся, что вернет себе Сент-Клер-холл. Я посчитал тогда все это пустой угрозой.

– А теперь он нашел способ вынудить тебя отдать ему дом, – заключил Чарльз, свирепо глядя на сестру. – Но раз он так богат, почему бы ему не выкупить его обратно?

– Положим, тут дело принципа. Он считает, что я ему должен этот дом. Говорю вам, он жаждет мести. Да и понимает, наверное, что я не продам Сент-Клер-холл даже на самых выгодных условиях.

– Но почему? – нетерпеливо спросил Чарльз. – Мы тут все равно почти не живем. – Кроме Эмили, конечно.

Бродерик снова огляделся, любуясь убранством красивой комнаты:

– Самый лучший дом, какой когда-либо был у Фарингтонов! Лучше, чем все приобретенное моим отцом или дедом или самим бароном, черт его побери. Я преуспел больше любого из них. Первый Фарингдон, который чего-то добился. И Сент-Клер-холл тому доказательство.

Девлин скользнул взглядом по бледному лицу Эмили:

– Положение и вправду очень неприятное. Блэйд не из тех, от кого можно отмахнуться. Эмили, неужели ты так глупа, чтобы потерять голову от Блэйда?

– Да она уже ее потеряла, – пробормотал Чарльз. – Посмотри на нее. Не сомневается, что этот тип мечтает на ней жениться. Именно так он ей и скажет, уговаривая сбежать. Она ему поверит, как поверила Эшбруку. Господи, ну и заварушка. Нам бы надо ее запереть.

– Не будь идиотом! – выпалила Эмили. – Я сумею сбежать из любой комнаты в этом доме. – Она горделиво выпрямилась, ярость пожаром разливалась по ее жилам. – Вот увидите. Блэйд собирается просить моей руки, а я собираюсь выйти за него замуж.

– Ты ему не нужна, девочка. Во всяком случае, не в качестве жены. Разве не ясно? – Чарльз раздраженно покачал головой. – Не собирается он завтра просить твоей руки. Он намерен шантажировать отца.

– Он сделает мне предложение по всем правилам, черт подери! – парировала Эмили звонким от напряжения голосом. – Я знаю его!

Бродерик тяжело вздохнул:

– Нет, Эмили, ты его не знаешь. Его никто не знает. Ты не слышала, что говорят о Блэйде в клубах. Он окутан тайнами. И чертовски влиятелен. Утверждают, что он прижал к ногтю даже таких людей, как Канонбери и Пеппингтон. Единствен-

ное, в чем все уверены, – это то, что он очень богат и очень опасен.

– Не говори ей таких вещей, отец, – пробормотал Девлин. – Он только станет для нее еще привлекательнее. Ты ведь знаешь ее романтическое воображение...

– Послушай меня, Эм, когда дело касается финансов, ты же разумная девочка, – примирительно сказал Бродерик. – Надеюсь, ты будешь разумной и тут. Это не какая-то идиотская романтическая выдумка. Это реальность. На карту поставлено твое будущее. Блэйд играет в старую игру, хотя, должен заметить, люди его положения обычно в нее не играют. Обычно какой-нибудь разорившийся мерзавец предлагает прекратить свои ухаживания за дочерью, если домашние выложат ему за это кругленькую сумму.

– Единственная разница, – заметил Чарльз, – что Блэйд не разорился.

– Убеждена, вы ошибаетесь, – процедила Эмили сквозь зубы. – Граф сделает предложение по всем правилам, и я собираюсь его принять, даже если ты не дашь своего согласия, папа. Вам меня не остановить.

Бродерик потер виски:

– Вспомни о несчастье пять лет назад, дорогая. Не хочешь же ты опять пройти через унижение и горе. Ты тогда вся истаяла от страданий.

– Теперь все совсем по-другому! – закричала Эмили. – Граф женится на мне.

– Да все то же самое, черт подери! – рывкнул в ответ Бродерик. – И Блэйд никогда на тебе не женится. Но к тому времени, когда ты это поймешь, все мы будем совсем... – Он внезапно умолк.

– Вы будете совсем что, папа? – Но вдруг Эмили осенило. Когда дело касалось финансовых материй, романтические чувства редко застилали ей разум. Ее глаза широко раскрылись, оттого что она поняла. – А, кажется, я начинаю понимать всю глубину угрозы графа. Он очень умен, не правда ли?

– Ну ладно, Эм, не мучай себя пустяками, – быстро проговорил Чарльз. – Предоставь отцу все уладить. – Он обменялся обеспокоенным взглядом с мрачно насупившимся Девлинном.

– Вас ведь не моя репутация беспокоит, да? – медленно произнесла Эмили. – В конце концов, вы это уже однажды пережили. Нет, настоящая опасность в том, что Блэйд действительно может увести меня на какое-то время. Пожалуй, даже на несколько месяцев. Или даже на год-другой. А без моих финансовых способностей вы очень скоро потеряете за карточным столом и Сент-Клер-холл, и все остальное.

– Да чтоб мне провалиться! Дело совсем в другом, Эмили. Я же о тебе беспокоюсь, девочка. Ты моя единственная дочь. Разве мне хочется увидеть, как ты погубишь себя во второй раз? – Бродерик не сводил с нее глаз.

Эмили скрестила на груди руки и удовлетворенно кивну-

ла:

– Нет, в самом деле, очень умно. Бьюсь об заклад, что, если здесь не будет меня, чтобы время от времени латать ваши состояния на бирже, вы трое не сумеете сохранить ни этот дом, ни ваших дорогих лошадей, ни много чего еще даже на год, и это в лучшем случае.

– Не правда! – рявкнул Чарльз. – Мы беспокоимся о тебе. Твоя репутация и счастье – вот что важно.

– Благодарю вас, – сухо отозвалась Эмили. – Как любезно с вашей стороны.

– Ну вот что, Эм!.. – яростно начал Девлин.

– А знаете, – задумчиво пробормотала Эмили, – что самое интересное: как граф догадался, насколько важна моя роль в вашем финансовом положении, папа?

– Чертовски хороший вопрос! – буркнул Бродерик, наливая себе в бокал еще кларета. – Что вовсе не означает, будто твой брат не прав, – быстро добавил он. – Я тревожусь за тебя, моя девочка. Очень тревожусь.

– И мы тоже, – заверил ее Чарльз. – Деньги тут вовсе ни при чем.

– Рада это слышать. Так приятно знать, что твоя семья заботится о тебе. – Эмили встала и вышла из комнаты.

Бродерик плеснул в свой бокал остатки кларета. Он и его сыновья погрузились в мрачное молчание.

Эмили отправилась напрямик в свое святилище – библиотеку. Там она села за большой письменный стол красного

дерева, обратив невидящий взор в окно. Долгое время она не шевелилась. Потом открыла ящик и извлекла из него красивую шкатулку, в которой хранились аккуратно сложенные в пачку письма Саймона.

Пора очнуться от романтического дурмана, в котором она жила последние несколько дней. Ее отец прав в одном: на карту поставлено все ее будущее. Настало время серьезно обдумать вставшую перед ней проблему.

В самом деле, пришла пора использовать свой бритвенно-острый ум, присущий ей в финансовых вопросах, чтобы найти выход из тупика, в котором она оказалась. Эмили открыла первое письмо в стопке. Она читала его бесчисленное количество раз и выучила наизусть.

» Дорогая мисс Фарингдон!

Я взял на себя смелость познакомиться с Вами, послав Вам это письмо, так как не мог не обратить внимания на общность наших духовных интересов. Я узнал, что Вас заинтересовали романтические поэмы, опубликованные за последнее время книгоиздателем по фамилии Паунд. Мистер Паунд был так любезен и предоставил мне Ваш адрес...«

Через час перечитывания писем и тщательного обдумывания всего сказанного между ней и Саймоном за последние дни Эмили была вынуждена сделать для себя некоторые неоспоримые выводы.

Во-первых, ее семейство не ошиблось: Саймон завязал с ней отношения с единственной целью – использовать ее для

осуществления мести отцу. Вся последовательность событий, которые она считала поразительной улыбкой фортуны, теперь предстала перед ней со всей своей ужасающей логикой.

Но, перечитав письма Саймона, Эмили сделала и второй вывод. Человек, писавший эти тонкие, умные письма, просто не мог быть монстром, каким его представил отец.

И третьим неоспоримым выводом было то, что она все равно продолжала любить этого загадочного золотоглазого восточного дракона.

Все ее предки слыли завзятыми игроками, напомнила себе Эмили. Что ж, пришел черед и ей рискнуть ради спасения своего будущего счастья.

Придвинув к себе лист бумаги, она взяла перо и написала коротенькую записку:

» Достопочтимый, сэръ!

Я должна немедленно увидеться с Вами. Прошу Вас оказать любезность тайно встретиться со мной в том месте, где мы впервые обсуждали особенности рифмы к «молча»... Прошу Вас проявить благоразумие и осторожность и никому ничего не говорить. На карту поставлено многое.

С уважением Друг «.

Эмили, озабоченно хмурясь, сложила листок и позвонила в колокольчик, чтобы позвать посыльного. Она надеялась, что записка написана достаточно неопределенно, чтобы ничего не выдать, если ее сообщение окажется перехвачен-

ным. При организации тайных свиданий следует быть очень осмотрительной.

Саймон ждал ее у пруда. Завидев его гнедого, спокойно пасущегося около вяза, Эмили вздохнула с облегчением.

Дракон шагнул к ней из-за деревьев, золотые глаза пристально смотрели на нее. Эмили внутренне собралась.

– Как видите, я получил вашу записку, мисс Фарингдон. – Граф помог ей спешиться.

– Благодарю вас, милорд. – Эмили говорила подчеркнута официальным, совершенно лишенным эмоций голосом. Тепло его рук жгло ее сквозь ткань амазонки. Едва ее ноги коснулись земли, она немедленно отступила от Саймона и, резко повернувшись, направилась к ручью. – Я не отниму у вас много времени. Становится уже поздно.

– Да. – Он следовал за ней, его черные высокие сапоги бесшумно ступали по мягкому ковру опавшей листвы, устилавшему землю.

Эмили чинно присела на валун, где Саймон впервые поцеловал ее, и отважилась бросить на него быстрый взгляд из-под полей своей соломенной шляпки. Он не улыбался. Поставив одну ногу на валун, он просто стоял, облокотившись на колено, и ждал.

Этот человек умеет ждать, подумала Эмили. Он двадцать три года ждал часа своей мести.

– Я говорила с отцом и братьями. Выяснились некоторые подробности, – медленно начала Эмили.

– В самом деле?

Она смотрела на ручей.

– Я хочу, чтобы вы поняли, милорд: мне полностью известны причины, побудившие вас столь необычным образом приступить к отмщению. На вашем месте я бы скорее всего попыталась сделать что-нибудь столь же радикальное. Мы с вами некоторым образом похожи.

– Ваш отец был весьма разговорчив, как я вижу.

– Он объяснил, что произошло двадцать три года назад. Как моя семья заполучила Сент-Клер-холл. И об ужасной трагической смерти вашего отца. Вы имеете право на месть.

– Вы все понимаете, дорогая моя.

Она подумала, не издевается ли он над ней... Но понять это по его спокойному тону было невозможно. Эмили перевела дыхание и продолжила, ибо отступать уже не имело смысла:

– Я понимаю, что вы не собирались просить моей руки. Вы планировали пригрозить моему отцу, что сбежите со мной и несколько месяцев продержите меня в качестве вашей любовницы, если он не вернет вам Сент-Клер-холл. Несомненно, все это время вы поддерживали бы мои чувства, обещая жениться.

– Всего несколько месяцев? Эмили кивнула:

– Не дольше, чем понадобилось бы, чтобы моя семья пришла к полному финансовому краху, что вынудило бы их отдать вам великолепный дом. Без моего контроля над капита-

лом и своевременного покрытия их издержек, чем занималась раньше моя мама, катастрофа не заставит себя ждать. Особенно если вы устроите так, что они увлекутся необычно крупной игрой. А едва заполучив Сент-Клер-холл, вы, без сомнения, с позором отослали бы меня домой.

– Прямо макиавеллиев план.

– Просто блестящий. – Эмили не могла не воздать должное там, где того требовала справедливость.

– Благодарю вас, – мягко произнес Саймон. – Но теперь, когда вы разгадали мой замысел, сей план, я полагаю, сорвался?

– Нет, он еще сработает. Вам лишь необходимо мое содействие. И вы прекрасно знаете, что оно у вас есть, милорд.

– Вы хотите сказать, что готовы сбежать со мной и жить какое-то время в качестве моей любовницы? – Он подобрал с земли прутик и вертел его в руках.

Эмили стиснула руки:

– Да. Даже если у меня не было бы иного выбора. Вы же знаете, что у меня к вам очень глубокое чувство, милорд. Но я бы все же предпочла выйти за вас замуж. Я хотела бы жить с вами всю оставшуюся жизнь, а не только несколько месяцев или год.

– Понятно.

– Я знаю, что женитьба не входила в ваши первоначальные планы, но мне хотелось бы рассмотреть некоторые стороны этой проблемы, которые могли от вас ускользнуть.

Несколько секунд Саймон ничего не отвечал. А потом прутик хрустнул в его пальцах.

– Какие же?

Она не смотрела на него.

– Я понимаю, что я совсем не та, кого человек вашего положения желал бы заполучить в жены. У меня нет ни внешности, ни положения, достойных внимания, и вряд ли у вас могут быть сейчас теплые чувства к кому-нибудь из Фарингдонов. Ну и, конечно, мое несчастное происшествие... Но кажется, у меня найдется несколько доводов в свою защиту.

– Мисс Фарингдон, вы не перестаете меня удивлять. С нетерпением жду продолжения.

– Я не шучу, милорд. Во-первых, я хотела бы подчеркнуть, что, женившись на мне, вы достигнете цели своего отщипывания точно так же, как если бы просто убежали со мной. Вы поставите мою семью в экономическую зависимость от вас. Получать доступ к моим финансовым способностям они смогут, только обращаясь к вам за разрешением посоветоваться со мной. Разве это не подходящий способ для мести?

– Любопытная мысль.

– Вы сможете все время держать Фарингдонов болтающимися на ниточках финансовых проблем в ваших руках.

Саймон, казалось, задумался:

– Верно.

Эмили в волнении закусила губу.

– Учтите еще, пожалуйста, и другое, милорд. Я полагаю,

вскоре вы обнаружите, что я стала прекрасной женой. Видите ли, я вас понимаю. Я чувствую, что очень хорошо узнала вас из ваших писем. У нас много общего в интеллектуальном плане, и мы достигнем такого взаимопонимания в беседах, которое большинству супружеских пар просто недоступно.

– В общем, вы хотите сказать, что не заставите меня скучать за обедом.

– Я уверена, у нас найдется много общих интересов и тем для разговоров на долгие годы. Несомненно, дружба подобного рода должна быть привлекательна для человека вашего интеллектуального уровня.

– Вы предлагаете продолжать наши взаимоотношения на том высоком уровне, который отличал их вначале? Вы видите наш союз как интеллектуальную связь людей со схожим складом ума?

– Вот-вот, – подхватила Эмили, воодушевляясь от проявленного им интереса. – Милорд, теперь я вполне понимаю, что вы меня не любите. Зная это, я понимаю также, что вы не станете приветствовать никакого проявления пылкости нежных чувств с моей стороны, и, уверяю вас, я ни в коей мере не потребую их от вас.

– Мисс, Фарингдон, вы меня просто поражаете.

– А вы надо мной просто издеваетесь, – уязвленно ответила она.

– Нисколько. Просто я удивляюсь, с чего вы решили, что я не стану приветствовать никакого проявления пылких

чувств с вашей стороны...

Она смотрела на свои стиснутые руки, лицо ее горело.

– Подробный анализ событий последней ночи в библиотеке, милорд...

– И что же вы думаете об этой ночи?

Она подавила легкий вздох:

– Тогда я подумала, что вы отказались от моего предложения вступить в незаконную любовную связь из благородства и галантности. Я сочла, что вы прекратили свои любовные ласки, потому что не могли позволить себе воспользоваться слабостью женщины, которая вам небезразлична, даже если у нее и не все безупречно в прошлом.

– Другими словами, вы сочли, что я вел себя как истинный джентльмен? Она быстро кивнула:

– Да. Теперь-то я понимаю, что вы отвергли мое совершенно бесстыдное предложение, потому что не любите меня.

– Ясно.

– И поскольку вы не собирались на самом деле жениться на мне, а бежать со мной вряд ли пришлось бы, потому что мой отец наверняка уступит вашим требованиям, не было необходимости изображать страсть, которую вы не испытываете. Фактически, учитывая все обстоятельства, вы действительно вели себя как джентльмен... – Она задумчиво нахмурилась. – То есть как мог бы вести себя джентльмен, замысливший отмщение. Я считаю вас необыкновенно благо-

родным и великодушным человеком, Блэйд.

– Теперь вы мне льстите.

– Позвольте закончить, милорд. Я еще раз перечислю преимущества вашей женитьбы на мне. Вы достигнете своей цели – сполна отомстить моей семье. Вы получите жену, которая даст вам общение на высоком духовном уровне. Вы получите гарантию, что я не буду досаждать вам своими необузданными романтическими чувствами. И еще одно...

– Я уже почти потрясен своей большой удачей, но умоляю, продолжайте.

Эмили поглядела на него, задрав подбородок кверху. Она рассчитывала, что последний пункт окажется решающим для ее успеха.

– Но это же очевидно, милорд. Вы получите все преимущества от моих финансовых способностей.

Глаза Саймона сверкнули.

– Действительно, любопытная мысль.

– Подумайте, милорд, – серьезно продолжала Эмили. – Конечно, вы очень богаты, но осмелюсь напомнить вам, что даже с самым крупным состоянием может произойти неприятность. Несколько неудачных решений по вложениям капитала, несколько неудачных вечеров в игорном зале, заминка с фондами в банке – и все развалится.

– Но, имея вас под рукой, я смогу быть уверен, что сумею восполнить любые возможные финансовые потери в будущем. Я правильно вас понял?

Эмили вновь обрела надежду. Она почувствовала, что сделка, кажется, близка к своему удачному завершению.

– Да, именно так, милорд. Подумайте об этом как о чем-то вроде женитьбы на богатой наследнице. Мои финансовые таланты послужат для вас своего рода экономической страховкой, чем они и были в последние годы для моей семьи.

– Другими словами, дорогая моя, вы хотите убедить меня, что женитьба на вас будет для меня чем-то вроде особенно удачного вложения капитала?

Впервые с того момента, как было загублено ее чаепитие, Эмили позволила себе расслабиться. Она сияюще улыбнулась:

– Именно так, милорд. Женитьба на мне будет, без сомнения, наилучшим вложением капитала, когда-либо сделанным вами... – Она вдруг замолчала, честность взяла в ней верх. Ее улыбка угасла. – Конечно, нельзя забывать о несчастном происшествии в моем прошлом. Я понимаю, это весомый аргумент не в мою пользу. Но может, если я останусь в деревне и не вернусь в свет, никто не вспомнит о нем?

– Мисс, Фарингдон, уверяю вас, меньше всего меня волнует ваше несчастное происшествие.

– Вы считаете, нам удастся утаить скандал? – жадно спросила она.

– Я обещаю, мисс Фарингдон, если мы обвенчаемся, скандал перестанет существовать.

Глава 6

– Жениться? Будь я проклят, граф, вы, должно быть, шутите?! Что за дьявольскую игру вы затеяли теперь? – Бродерик Фарингдон, отгороженный от посетителя массивным письменным столом красного дерева, уставился на него с раскрытым от изумления ртом. – Мы оба с вами понимаем, что человек с таким титулом, как ваш, никогда не женится на девчонке с прошлым.

– Считаю себя обязанным предупредить вас о необходимости тщательно подбирать выражения, когда речь идет о моей невесте. То, что вы отец Эмили, не помешает мне вызвать вас на дуэль. Не скрою, это доставило бы мне большое удовольствие. – Саймон прошел к столику с бренди и налил себе бокал янтарной жидкости.

Он понимал, что этот слишком фамильярный жест еще больше взбесит растерянного и злого Бродерика Фарингдона.

– Вызвать меня на дуэль? Вызвать меня? Черт возьми, Блэйд, не могу поверить услышанному. Бессмыслица. Что здесь кроется, черт вас возьми? Я же знаю все ваши планы. Вы намеревались шантажом заставить меня отдать вам Сент-Клер-холл, угрожая сделать мою дочь своей любовницей.

– Откуда у вас такая мысль? Мои намерения вполне честны, уверяю вас.

– Черта с два честны! Я много слыхивал про вас, сэр. Вы слывете человеком себе на уме. Тут кроется что-то странное. С чего вам захотелось жениться на моей дочери?

Саймон, отхлебывая бренди, изучал пейзаж за окном.

– Мои соображения вас не касаются. Будем считать, что мы с ней, по моему мнению, прекрасно подходим друг другу.

– Если вы собираетесь ее обидеть, клянусь, вы за это заплатитесь.

– Рад слышать, что вы питаете к ней хоть какие-то отцовские чувства. Но не стоит опасаться. Я не собираюсь ее бить. – Саймон взглянул через плечо куда-то в сторону книжных полок. – Если она не будет причинять мне излишних огорчений, разумеется, – добавил он несколько громче.

– Надеетесь, я дам ей в приданое Сент-Клер-холл? Вы на это рассчитываете? – требовательно спросил Бродерик. – Если так, советую еще подумать.

– Да, вы отдадите мне Сент-Клер-холл, Фарингдон, Я собираюсь забрать у вас и дочь, и дом.

– Черта с два. И как же вы предполагаете заставить меня отдать вам мой дом и мою дочь?

– Я собираюсь прельстить вас возможностью – в качестве награды, разумеется – время от времени видеться с Эмили. Мы оба с вами понимаем, что ради хоть какого-то шанса поддерживать с ней связь, вы охотно выполните все, что я скажу. В противном случае я просто запрещу ей любые встречи с вами – а как муж, я смогу это сделать. И тогда вы знаете,

что случится. Сент-Клер-холл пойдет с молотка уже месяца через три. Ну, максимум через шесть.

– Я способен сам заниматься собственным домом. И я сам вел дела, пока она не подросла! – рявкнул Бродерик.

– Да, вы вели дела. Мне это показалось удивительным сначала. Первое, что я предпринял, вернувшись в Лондон, – выяснил, как вам удалось хоть что-то удержать, пока не проявился замечательный талант Эмили. Так уж вышло, что мой поверенный знаком с вашим. Однажды вечером Давенпорт все ему разъяснил за парой бокалов кларета.

– Вы посмели сунуть нос в дела нашей семьи.

– Ответ оказался прост, – невозмутимо продолжил Саймон, побалтывая бренди в бокале. – Вам все-таки потребовалось несколько лет, чтобы спустить состояние моего отца, – конечно, благодаря сдерживающему влиянию вашей жены. Да и ваши сыновья в то время были еще совсем юными и не успели пойти по вашим стопам.

– Ваш отец потерял свое состояние в честной игре, черт вас побери. После того как я его выиграл, оно перестало быть его состоянием. Оно стало моим.

– Не уверен, что игра велась честно.

Бродерик побагровел от злости:

– Вы обвиняете меня в шулерстве, сэръ?

– Успокойтесь, Фарингдон. Я не обвиняю вас. Я ничего не могу доказать – через столько лет. Я просто говорю, что у меня имеются к вам некоторые вопросы. Мой отец слыл бле-

стящим игроком и никогда прежде не заходил в игре слишком далеко. Поневоле задумаешься.

– Черт вас возьми!

Саймон еле заметно улыбнулся, уловив нотку бессильной ярости в голосе Бродерика, и продолжил:

– Состояние Блэйда тоже не бесконечно. Но как раз перед тем как разразиться новой катастрофе, вам опять повезло. На сей раз везение заключалось в смерти тетушки Эмили со стороны матери, не так ли? Почтенная женщина умерла очень своевременно, оставив Эмили приличную сумму. Но тетушка допустила ошибку, назначив вас опекуном бедной девочки. К тому времени как Эмили исполнилось шестнадцать, вы уже покончили с ее наследством. И положение дел какое-то время было довольно отчаянным, не правда ли?

– Негодяй! По-вашему, я промотал состояние собственной дочери?!

– Так оно и есть.

– Я потратил наследство Эмили на нее же и на этот дом, который является ее домом! – прохрипел Фарингдон.

– А также на вашу жизнь в Лондоне, на ваших превосходных лошадей, роскошную одежду и карточные долги, которых вы понаделали порядочно. Итак, не успела ваша дочь выйти из школьного возраста, как деньги кончились. Сомневаюсь, чтобы вы сумели наскрести ей достаточную сумму на светский сезон в Лондоне, даже если бы и собирались. Но разумеется, вы и не пытались, потому что к тому времени

она уже проявила свой замечательный талант. Как видите, Давенпорт рассказал моему человеку и об этом, не забыл и о том, как вы нажились на ее таланте.

– Какой смысл было устраивать сезон? С ее внешностью она вряд ли привлекла бы много внимания на брачном базаре.

– А вы, конечно, не захотели увеличить ее шансы на заключение хорошей партии, предоставив ей приличное приданое, не так ли?

– Черт бы вас побрал, на следующий год умерла ее мать. Семья была в трауре. Никакой возможности устроить ей сезон. А потом она взяла и сбежала с этим негодяем Эшбруком. Нельзя же было после этого вывозить ее в свет. – Из-под насупившихся бровей Фарингдон метнул на мстителя полный злобы взгляд. – Она погибла для общества. Я понятно выразился? Совершенно погибла.

– Как посмотреть... – Саймон отставил пустой бокал. – Так вот, я хочу, чтобы вы с сыновьями ко дню свадьбы освободили Сент-Клер-холл от своего присутствия. Пожалуй, мы определим дату... где-то на первую неделю апреля.

Бродерик поперхнулся.

– Но это же меньше чем через шесть недель.

– Не вижу причин для отсрочки. Финансовые вопросы мы уладили. И я не думаю, что Эмили предпочтет длительную официальную помолвку. Я намерен провести медовый месяц здесь, в Сент-Клер-холле, так что к этому сроку вам с сыно-

вьями следует съехать. Слуги могут остаться. Эмили к ним очень привязана, и они, кажется, неплохо вышколены.

– Еще нужно составить соглашение о распоряжении имуществом, – в отчаянии сопротивлялся Бродерик.

Саймон мрачно улыбнулся:

– Никаких соглашений как таковых не будет. Вы должны положиться на мое обещание, что я позабочусь о вашей дочери.

– Я никак не поверю, что все это не сон. – Бродерик весьма походил на рыбу, только что вытащенную из воды. Он жадно хватал ртом воздух, и его лицо окрасилось в совершенно неестественные тона. – Вы не можете жениться на ней после того скандала пять лет назад. Подумайте о своем титуле, граф.

Саймон сжал губы:

– Я вас предупредил, Фарингдон, и ни слова более. Я не шучу. Что ж, на этом будем считать переговоры законченными.

– Нет, господи ты боже мой, нет! Я собираюсь серьезно поговорить с Эмили. Она умная крошка, пусть даже и подвержена порой глупым романтическим фантазиям. Я обязан убедить ее, что ничего хорошего от вас ждать нельзя.

– Конечно, попытайтесь, но сомневаюсь, что вам удастся изменить ее мнение, – уверенно сказал Саймон. – Посмотрите правде в глаза. Ваша единственная надежда когда-нибудь снова увидеть Эмили – согласиться с тем, чего хочу я.

– Чтоб мне провалиться, просто дьявольщина какая-то! Эмили моя дочь! Я заставлю ее прислушаться к доводам разума.

– Вы вольны поступать, как вам нравится. Почему бы нам не спросить Эмили, собирается ли она присоединиться к вашему мнению? – Саймон шагнул к книжному шкафу, нащупал потайной рычаг и потянул его.

Книжный шкаф бесшумно скользнул в сторону, и Эмили, явно только что прижимавшая ухо к двери, подслушивая с той стороны, рухнула прямо к обутым в сапоги ногам Саймона.

– Черт подери! – пробормотала Эмили.

– Боже милостивый, что такое? – Бродерик в изумлении уставился сначала на проход в стене, а потом на дочь.

Эмили села на полу, пытаясь одновременно погасить свечу, которую держала в руке, одернуть юбки и поправить очки. Она пристально поглядела снизу вверх на Саймона, возвышавшегося над ней:

– Как вы узнали, что я там, милорд?

– Можете отнести мое сверхъестественное знание насчет того, что между нами действительно существует связь высшего порядка, дорогая моя. В метафизической игре такие вещи, как ментальная связь, являются, несомненно, вполне обыденными. Нам следует к этому привыкать.

– Ах, ну конечно же, – улыбнулась довольная Эмили.

Саймон протянул руку, помогая ей подняться, и легко по-

ставил ее на ноги. Он улыбнулся ее сияющим глазам и подумал, стоит ли добавлять, что о ее присутствии за шкафом было не так уж трудно догадаться. Он уже достаточно хорошо знал ее, чтобы понять, что его невеста не устоит перед возможностью подслушать столь важный для нее разговор. Особенно когда для этого имелся такой удобный потайной ход.

Эмили философски вздохнула, стряхивая пыль со своего муслинового платья персикового цвета.

– Прощай, мое достоинство. Но по-крайней мере, дело сделано, правда? – Она с надеждой подняла взор на Саймона. – Мы помолвлены?

– Несомненно, дорогая моя, – заверил ее Саймон. – У меня много недостатков, что вы, конечно, довольно скоро заметите, но я не глуп. И ни за что не упустил бы случая сделать самое выгодное вложение средств в моей жизни.

Две недели спустя холодным туманным утром Саймон сидел в библиотеке своего дома на Гросвенор-сквер и читал письмо от Эмили, полученное после завтрака. В послании, как обычно, живо описывались последние дискуссии литературного общества, – похоже, они снова были целиком посвящены Байрону. Имелся в письме и обширный абзац, где рассказывалось о новых дописанных к «Таинственной леди» строфах, и еще несколько отдельных замечаний о погоде.

Закончив чтение, Саймон ощутил некоторое разочарова-

ние. Было очевидно, что Эмили доблестно боролась, дабы не поддаться искушению написать в своем послании что-нибудь такое, что могло бы быть истолковано как проявление пылкой страсти.

Саймон бережно сложил письмо и сидел, задумчиво глядя на огонь в камине. Потом он протянул руку к чудесно расписанному китайскому чайнику, стоявшему на столике рядом, и налил себе «Лэп Сэнга» в тонкую чашку, украшенную золотисто-зеленым драконом. Поднося ее к губам, он на мгновение помедлил, разглядывая фигурку мифического животного. Эмили назвала его драконом... И когда она это говорила, ее глаза были полны и восхищения, и страсти, и нежного обожания.

Саймон обвел взглядом комнату. Когда она увидит этот лондонский дом, несомненно, сочтет его подходящим для пещеры дракона.

Весь дом был выполнен в богатых экзотических тонах — ярко-красных, темно-зеленых, полуночно-черных и сверкающе-золотых, которые он научился любить, живя на Востоке.

Роскошная библиотека тоже полна напоминаний о чуждальных землях, где ему довелось побывать. Богато расширенный восточный ковер служил подходящим фоном для черных лакированных шкатулок с росписью на сказочные мотивы. Резная кушетка и кресла из тикового дерева покрыты красным бархатом с каймой из золотых кистей...

Массивный письменный стол, причудливо инкрустированный – произведение выдающегося мастера. Его сделали на заказ в Кантоне. Курительные урны из Индии, наполняющие комнату ароматом специальной смеси, составленной в Бомбее по личным указаниям Саймона. Возле каминной решетки – достаточно большие, чтобы служить и постелью, подушки, расшитые шелком и парчой.

И повсюду драконы – искусно выполненные фигурки свирепых мифических существ восточного фольклора. Черные, зеленые, красные и золотые драконы, и каждый украшен россыпью драгоценных камней. По всей библиотеке, куда бы ни устремлялся взор, стояли эти фантастические звери с изумрудными и рубиновыми глазами, золотой чешуей, ониксовыми клыками и топазово-шипастыми хвостами.

Саймон чувствовал, что эти существа понравятся Эмили...

Откинув голову на алую спинку кресла, он вдыхал горьковатый аромат чая и размышлял о предстоящей свадьбе. Он так и не знал, когда именно пришло к нему решение жениться на Эмили Фарингдон. В его первоначальные планы несколько месяцев назад ничего подобного не входило. Но жизнь, как он понял с годами, имеет обыкновение менять человеческие планы.

Он уже начал мысленно сочинять ответ на письмо Эмили, когда его на редкость безобразный дворецкий объявил о визите леди Араминты Мерриуэдер. Саймон поднялся на-

встречу энергичной женщине лет пятидесяти, влетевшей в комнату, развевая шлейф дорогих духов.

Леди Мерриуэдер была, как всегда, одета по последнему слову моды. В этот день она облачилась в бледно-голубое платье из тонкой шерсти с длинными, плотно облегающими рукавами и изящными воланами. Ее рост, необычный для женщины, придавал ей царственный вид. Прелестная маленькая шляпка, чуть сдвинутая набок, сидела на самом верху ее начинающих сесть локонов. Ее глаза были того же золотистого цвета, что и у Саймона. Красивое патрицианское лицо горело любопытством и нетерпением.

– Саймон! Я только что вернулась в город и услышала новость о твоей помолвке. С Фарингдон – ни больше ни меньше! Я, разумеется, тут же примчалась. Не могу поверить. Просто поразительно. И хотя бы намекнул. Ты мне должен все об этом рассказать, дорогой мой мальчик.

– Тетушка Араминта. – Саймон поцеловал ей руку и предложил присесть поближе к камину. – Я рад, что ты заглянула ко мне. Вообще-то я сам собирался навестить тебя завтра.

– До завтра я бы не выдержала, – заверила его Араминта. – Так вот, я желаю знать точно, что происходит. Как ты умудрился обручиться с этой Фарингдон?

Саймон слабо улыбнулся;

– Я и сам не вполне понимаю, как все вышло. Мисс Фарингдон чрезвычайно необычное создание.

В глазах Араминты появилось недоверчивое выражение.

– Но ты же слишком умен, чтобы попасться на крючок какой-нибудь энергичной особы.

– В самом деле?

– Конечно. Саймон, не разыгрывай передо мной комедию. Не сомневаюсь, ты что-то замыслил. Ты всегда все просчитываешь. Клянусь, ты самый хитроумный из всех, кого я когда-нибудь встречала, и во всем городе не найдется ни единой души, которая думала бы иначе. Но мне-то ты, конечно, доверишься?

Улыбка тронула губы Саймона.

– Ты единственный человек в Англии, кому я полностью доверяю, Араминта. Ты ведь знаешь.

– В таком случае мне незачем убеждать тебя, что я никому ни словом не обмолвлюсь о твоих замыслах. Выкладывай, ты же заранее разработал какой-то чудовищный план, призванный сокрушить шайку вертопрахов Фарингдонов?

– В первоначальный план внесены некоторые изменения, – признал Саймон. – Но главное, я верну Сент-Клерхолл.

Араминта в изумлении взметнула вверх свои тонкие выщипанные ниточками брови.

– В самом деле? И как тебе удалось?

– Дом пойдет в приданое моей жене.

– О господи! Я знаю, что мысль о доме не покидала тебя с тех пор, как погиб твой отец, но стоит ли привязывать себя к Фарингдонам только ради того, чтобы заполучить его?

– Эмили Фарингдон не совсем обычный Фарингдон. И скоро она вообще перестанет быть Фарингдон. Она станет моей женой.

– Только не убеждай меня, что это брак по любви! – воскликнула Араминта.

– Скорее деловое приобретение. По крайней мере, мне так сказали...

– Деловое приобретение? Даже для меня это слишком. Саймон, что же ты все-таки задумал?

– Мне тридцать пять лет. – Саймон смотрел на пламя в камине. – И я последний в нашем роду. Ты уже довольно давно твердишь, что я должен выполнить свой долг и завести наконец в доме детскую.

– Согласна. Но ты граф Блэйд и за прошедшие годы приобрел внушительное состояние. Ты мог сделать любой выбор на брачном базаре. Зачем же выбирать именно мисс Фарингдон?

Саймон поднял бровь:

– По-моему, все наоборот. Она меня выбрала.

– О небо, что я слышу! Надеюсь, у нее хоть внешность Фарингдонов? Высокая блондинка?

– Нет. Она совсем маленькая, ярко-рыжая, с веснушками и курносый носом, на котором почти всегда торчат очки. Она смахивает на невероятно умного эльфа и имеет привычку говорить «черт подери», когда чем-то очень взволнована.

– Боже мой! – Леди Мерриуэдер была потрясена. – Сай-

мон, что ты натворил?!

– В общем, полагаю, она произведет сенсацию, когда ты введешь ее в свет, тетя Араминта.

– Ты хочешь, чтобы я представила ее обществу? – Араминта, казалось, сначала ужаснулась самой этой мысли, а потом заинтересовалась ее дерзостью. – Ты хочешь, чтобы я добилась успеха в свете для твоего эльфа?

– Не вижу более подходящей кандидатуры для этой роли. Боюсь, задача довольно тонкая. Эмили явно нуждается в некотором руководстве, так как она еще ни разу не появлялась в свете, но я не сторонник подавлять или омрачать ее чувства чрезмерным количеством правил и запретов. Тебе понравится, что она не похожа на других, и ты сумеешь представить все ее необычные качества в лучшем свете.

– Саймон, я не уверена, что существует хоть какой-то способ представить в лучшем свете твоего маленького рыжеволосого эльфа, произносящего время от времени ужасные вещи, вроде «черт подери».

– Чепуха. Ты все равно что-нибудь придумаешь. Я полностью верю в тебя.

– Что ж, конечно, я приложу все усилия. Видит бог, Саймон, это будет самой малой благодарностью за то, что ты сделал для меня когда-то. Я бы все еще прозябала среди развалин в Нортумберленде, если бы ты не спас меня от моей почтенной бедности.

– Ты мне ничего не должна. Это я в вечном долгу перед

тобой – ты помогла мне позаботиться о матери и продала свои последние драгоценности, чтобы купить мне офицерский патент.

Араминта усмехнулась:

– Выпустив тебя в жизнь, я осуществила лишь самое удачное вложение капитала в моей жизни. Драгоценности и наряды, которые я покупаю себе теперь, стоят куда больше, чем несколько жалких вещиц, что я продала тогда.

Саймон пожал плечами:

– Ты их заслужила. И все же, как ты предполагаешь ввести мою жену в светское общество? Впрочем, я все оставляю на твое усмотрение. Но мне предстоит позаботиться об одном возможном затруднении, которое несколько омрачает горизонт...

Араминта внимательно посмотрела на него;

– И в чем же суть этого затруднения, Саймон?

– Моя невеста весьма темпераментная особа, из-за чего, собственно, несколько лет назад и случилось одно несчастное происшествие.

– Происшествие? – требовательно переспросила Араминта. В ее голосе звучала угроза, – И насколько серьезно это происшествие?

– Как объясняет Эмили, она оказалась во власти излишней пылкости романтических чувств и сбежала с молодым человеком.

Араминта откинула голову на спинку кресла и в ужасе за-

жмурилась:

– Боже мой! – Ее глаза широко распахнулись, и она бросила на племянника сердитый взгляд. – Насколько все было серьезно? Успел ли ее отец остановить парочку, прежде чем они перешли границу?

– Все указывает на то, что молодой человек не имел действительных намерений устремиться в Гретна-Грин. Так или иначе, Эмили провела с ним ночь в гостинице. Фарингдон настиг ее на следующий день и привез домой.

– На следующий день? Он отыскал ее только на следующий день? – Араминта теперь была уже по настоящему шокирована. Она подалась вперед, глаза ее сверкали. – Саймон, не может быть, чтобы ты говорил всерьез. Это все какая-то странная шутка, которую ты сыграл со своей бедной тетей. Сознаться.

– Нет, не шутка, тетушка Араминта. Я собираюсь жениться на леди с прошлым. Но не надо бояться. Я прослежу, чтобы ее скандальное прошлое... исчезло без следа.

– Бог ты мой, Саймон, но как?!

Он беззаботно пожал плечами:

– Мой титул и состояние довольно эффективное средство. Мы с тобой это прекрасно понимаем. И я лично берусь вычистить все пятнышки поменьше, если они вдруг проявятся.

– О небо! Да ведь тебе все это нравится, не правда ли? – с внезапным прозрением посмотрела на него Араминта. – Ты просто устроил себе еще одно невероятное приключение.

– Ах, тетушка, Эмили придаст остроту и твоей жизни, в чем ты, без сомнения, скоро убедишься.

– Саймон, я говорю с тобой откровенно. Девчонка, видимо, и в самом деле оригиналка, а я знаю, что тебя всегда привлекало все необычное. Но ты обязан подумать о том, что делаешь. Мы оба понимаем, что ты не можешь жениться на молодой особе – какой бы очаровательной она ни была, – утратившей свою девственность. Одно дело, если женщина заводит тайные связи, уже будучи замужем, и совсем другое, если она оказывается вовлеченной в скандальную историю с мужчиной до замужества. Ты – граф Блэйд. Ты должен помнить о своем имени и положении.

Саймон отвел глаза от камина и бросил на тетушку смеющийся лукавый взгляд.

– Ты же понимаешь, тетя Араминта, – мягко возразил он. – Нет никаких сомнений в невинности моей жены. Уверю тебя, она чиста как кристалл.

– Но ты только что сказал, что у нее в прошлом большой скандал. Ты сказал, что она сбежала с каким-то молодым человеком и провела с ним ночь.

– Пока в точности неизвестно, что все-таки случилось той ночью, – пробормотал Саймон. – Но мне вполне достаточно и того, что Эмили не делила постель с тем молодым человеком.

– Но откуда у тебя такая уверенность? – спросила тетя Араминта, и тут ее брови поползли вверх. – Если только ты

сам не делил с ней постель?!

– Нет, как ни жаль. Уверяю тебя, я с нетерпением жду моей брачной ночи. Я убежден, это будет чрезвычайно захватывающее событие.

– Тогда почему ты уверен в ее невинности? – спросила выведенная из себя Араминта. Саймон улыбнулся про себя:

– Затрудняюсь объяснить. По-видимому, у нас с Эмили установилась редкая форма связи, которая возможна лишь на высших уровнях.

– На высших уровнях?

– Я имел в виду метафизический мир. Твоя беда в том, что ты почти не читаешь современной поэзии, тетя Араминта. Позволь тебя заверить, что некоторые вещи становятся совершенно очевидными на трансцендентальном уровне, где два родственных сознания встречаются и вступают в пылкую и чисто интеллектуальную связь.

Леди Мерриуэдер глядела на него, онемев.

– И давно тебя стали волновать высшие уровни и чисто интеллектуальные связи? Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы понять, что ты замыслил какое-то темное дело, Блэйд. Я это чувствую.

– Правда? Как интересно. Может, ты и сама уже достигла понимания на более высоких уровнях, тетя Араминта?

Лорд Ричард Эшбрук редко посещал клубы, что были по вкусу Саймону. И значит, разыскивать лихого стихотворца

следовало в одном из маленьких клубов Сент-Джеймса, где ублажали столичных денди.

В конце концов Саймон настиг свою жертву в игорном зале. Эшбрук играл в карты с той небрежной беспечностью, которая в последнее время сделалась чрезвычайно модной.

Саймон понял с первого взгляда, что сей поэт просто мечта всех дев, если только они ничего не имеют против некоторого слабоволия в глазах и подбородке. Эшбрук, несомненно, красив в этакое байроническом духе: черные волосы, задумчиво мрачный взгляд и пресыщенный, слегка капризный изгиб рта.

Саймон спокойно ждал в легком кресле, развлекая себя бутылкой рейнвейна и газетой, пока около полуночи его жертва наконец не встала из-за карточного стола. Но Эшбрук тут же подхватил какого-то мужчину, и они вместе устремились к дверям клуба, обсуждая по пути, в какое заведение им отправиться, дабы поискать игры поострее.

Саймон поднялся и не торопясь пошел за ними. Эшбрук подозвал экипаж и забрался на сиденье.

Спутник поэта уже собрался последовать за ним, но Саймон решительно тронул его за плечо. Обернувшийся мужчина был старше Эшбрука и, в отличие от своего юного друга, походил на беспутного гуляку, к тому же он был совершенно пьян. Саймон узнал заядлого игрока по фамилии Крофтон, завсегдатая игорных притонов.

– Что вам угодно? Кто вы? – невнятно проворчал Кроф-

тон. Его когда-то красивое лицо исказилось в раздраженной гримасе.

– Мне угодно сказать Эшбруку пару слов. Боюсь, вам придется немного подождать. – Саймон слегка оттолкнул Крофтона, и тот, пошатнувшись, отступил.

– Черт бы вас взял! – рявкнул Крофтон, пятась и едва удерживая равновесие.

– Гросвенор-сквер, – приказал Саймон кучеру, закрывая за собой дверцу.

Эшбрук откинулся в тень и недовольно нахмурился:

– Что, черт побери, здесь происходит? Вы Блэйд, не так ли?

– Да. Я Блэйд, – подтвердил Саймон, устраиваясь поудобнее.

И они медленно покатали по запруженной экипажами улице.

– Что вы сделали с Крофтоном? У нас с ним были планы на вечер.

– О, я вас долго не задержу. Вы успеете вернуться и подобрать вашего приятеля, после того как отвезете меня домой. А по дороге мы с вами попробуем прийти к пониманию насчет одного небольшого дельца.

– О чем, шут возьми, вы толкуете? Какому такому пониманию? – С выражением непреходящей скуки Эшбрук вытащил из кармана маленькую табакерку с нюхательным табаком и взял щепотку.

– Можете меня поздравить, Эшбрук. Вероятно, вы еще не слышали, но я собираюсь жениться.

Эшбрук насторожился:

– Я слышал.

– Ну, тогда вы должны были также слышать, что жениться я собираюсь на небезызвестной вам молодой леди.

– Эмили Фарингдон. – Эшбрук отвернулся, уставившись в окно экипажа.

– Да. Эмили Фарингдон. Похоже, у вас с моей невестой случилось одно маленькое приключение несколько лет назад.

Эшбрук резко повернулся к нему;

– Она рассказала вам?..

– Эмили очень честная молодая женщина, – тихо заметил Саймон. – Я думаю, она не сумела бы солгать, даже если бы и пыталась. Мне хорошо известно также, что между вами той ночью не произошло ничего, скажем так... интимного характера.

Эшбрук простонал и снова отвернулся в окно:

– Это было фиаско с самого начала.

– Эмили порой непредсказуема...

– Не хочу оскорбить вас, сэр, но Эмили Фарингдон порой не просто непредсказуема – она опасна. Конечно, она выложила вам все?

– Все, – тихо повторил Саймон.

– Я три дня ходил с больной головой, после того как она

огрела меня этим чертовым горшком!

– В самом деле? Эмили довольно сильная для своего роста.

– Я чуть не умер от простуды, проведя ночь на убогой кушетке в холле! Негодяй хозяин гостиницы заявил, что у них, видите ли, нет свободной комнаты. Но по-моему, он просто повторил то, что ему велела сказать жена. Бог знает почему она тогда сразу настроилась на защиту Эмили, хотя никогда ее не видела до того вечера.

– Многим хотелось бы защищать Эмили. У нее немало друзей. Но теперь защита становится моей привилегией. И заверяю вас, я уж постараюсь...

Эшбрук скользнул по нему быстрым взглядом:

– На что вы намекаете, Блэйд?

– Я не намекаю, а прямо говорю вам, что, если когда-нибудь, кто-нибудь в беседе вдруг упомянет о вашем приключении с мисс Фарингдон, вы ясно дадите понять, что никакого приключения не было.

– Вы желаете, чтобы я делал вид, что ничего не случилось?

– Совершенно верно.

– Но это же случилось. Уверяю вас, у меня нет ни малейшего намерения распространяться, но вряд ли вам удастся сделать вид, будто ничего не произошло.

– Разве для вас новость, что очень многое можно заставить бесследно исчезнуть, если есть власть, деньги, титул... и содействие определенных лиц.

Эшбрук изумленно уставился на него:

– И вы сумеете устроить так, что скандал просто исчезнет?

– Да. Я сумею сделать так, что он исчезнет.

Эшбрук поколебался. На мгновение он пришел в явное замешательство, потом вызывающе улыбнулся и взял еще щепотку табаку.

– И что же я, по-вашему, должен отвечать, если кто-нибудь затронет эту тему?

– Если кто-то позволит себе дерзость полюбопытствовать, вы сообщите ему, что в то время вас и близко не было от Литл-Диппингтона и что вы понятия не имеете ни о каком скандале. Вы скажете, что сочинительствовали тогда в Кумберленде, благоговейно идя по следам Кольриджа, Вордсворта и других поэтов «Озерной школы».

– А надо ли мне это? – протянул Эшбрук. – Ужасная скука.

– Да, но боюсь, что надо.

Несколько напряженных секунд Эшбрук молча смотрел на него, пытаясь понять Саймона.

– Говорят, вы загадочный человек, Блэйд. Полный сомнительных планов, которые обнаруживаются другими слишком поздно. Вы что-то замышляете. Какую игру вы затеяли с малюткой Фарингдон?

– Мои планы касаются только меня, Эшбрук.

– А мне-то к чему утруждать себя, помогая вам, и лгать о том, что случилось пять лет назад?

– Если вы не согласитесь, я сделаю то, что должен был сделать пять лет назад один из Фарингдо-нов. Я вызову вас на дуэль.

Эшбрук резко выпрямился:

– Черта с два вы меня вызовете.

– Если вы пожелаете побеседовать с теми, кто упражняется в Ментон-галлери, то быстро выясните, что стреляю я превосходно. А теперь должен пожелать вам спокойной ночи, Эшбрук. Благодарю за весьма содержательный вечер. – Саймон постучал тростью по крыше экипажа, и кучер остановил лошадей.

Когда Саймон открывал дверь, Эшбрук наклонился к нему. В его темных глазах вдруг появилось упрямое выражение.

– Вы не знали, так ведь? Пока я не сказал вам про горшок и про то, что спал в холле, вы ничего не знали о том, что произошло той ночью между мной и Эмили. Вы просто блефовали.

Ступив на тротуар, Саймон чуть заметно улыбнулся:

– Ошибаетесь, Эшбрук. Я с самого начала знал, что ничего серьезного не произошло. Моя невеста имеет склонность к приключениям, но она далеко не глупа. Просто мне хотелось услышать от вас подробности. Кстати, поблагодарите Эмили за горшок...

– Почему?

– Только из-за него я не убил вас сегодня.

Эшбрук снова откинулся на подушки и потянулся к табакерке. Его глаза яростно сверкнули в темноте, когда он бросил взгляд на Блэйда.

– Проклятье! То, что о вас говорят, правда, Вы хладнокровный негодяй. И знаете, мне жаль малютку Эмили...

Десятью днями позже Саймон вновь сидел в своей уставленной драконами библиотеке, собираясь насладиться письмом Эмили, когда его прервал дворецкий, доложив о неожиданных посетителях.

– Два джентльмена по фамилии Фарингдон желают вас видеть, милорд. Вы принимаете? – зловеще осведомился Гривз.

Природную свирепость лица верного слуги подчеркивали многочисленные старые шрамы, в том числе и глубокий ножевой след от удара, когда-то раскроившего ему почти всю щеку. Чтобы зашить рану, поблизости не оказалось никого, кроме Саймона, и он сделал все, что мог. Но он первый готов был признать, что, хотя его швы достаточно прочны, художественными их никак не назовешь.

Саймон неохотно сложил письмо:

– Пригласите моих гостей, Гривз. Я их ждал.

Мгновение спустя в комнату вошли Чарльз и Девлин Фарингдоны – у них был упрямый и решительный вид, насколько это возможно для столь красивых особ.

– А, мои будущие шурины. Чем обязан чести вашего ви-

зита?

Он проводил молодых людей к креслам напротив собственного.

– Мы решили, что нам необходимо поговорить с вами лично, сэр, – заявил Девлин. – Мы прекрасно понимаем, что вы затеяли какую-то дьявольскую игру со всей этой ерундой... я имею в виду вашу помолвку с Эмили. Полагаю, вы раскроете карты, прежде чем вступите в брак.

– Теперь нам ясно, что вы действительно на ней женитесь, – мрачно заключил Чарльз.

– Я преисполнен решимости осуществить свое намерение. – Облокотившись на алый бархат и сложив ладони домиком, Саймон внимательно изучал Фарингдонов. – Я и помыслить бы не мог о таком неджентльменском поступке, как вдруг пойти на попятный. Так что если вас это тревожит, то готов заверить, что свадьба состоится в условленный срок.

– Видите ли, – вмешался Девлин, – мы с Чарльзом не вчера родились. Вы нас не обманете, Блэйд. Вы что-то затеяли, мы понимаем. Мы все обдумали и решили, что существует только одна причина, по которой вы стремитесь жениться на Эмили.

– И в чем же она заключается? – мягко осведомился Саймон.

Чарльз вызывающе вздернул подбородок:

– Вы рассчитываете, что она сделает вам еще одно состояние на бирже. Таким образом вы получите все: Сент-Клер-

холл, вашу месть и в будущем – в результате удачных биржевых операций – еще одно состояние.

– Вы собираетесь самым бессовестным образом использовать нашу сестру, – заявил Девлин. – А она, бедняжка, так наивна и романтична, что и не подозревает о ваших истинных намерениях.

Саймон мгновение помолчал.

– Почему вы, собственно, полагаете, что я женюсь на вашей сестре не потому, что очень увлекся ею и считаю, что она будет мне подходящей женой?

– Не пройдет, Блэйд, – отрезал Девлин. – Вы в нее не влюблены. Только перспектива занять еще одно состояние заставила вас закрыть глаза на скандал в ее прошлом.

– Точно. Мы же не идиоты, черт возьми! Вы легко подыскали бы что-нибудь получше, чем глупая девчонка, погубившая свою репутацию, – добавил Чарльз с видом опытного джентльмена. – Надо ли повторять, но наша бедная Эмили – подпорченный товар.

Саймон встал, в два шага преодолел расстояние, разделявшее его и Чарльза, одной рукой сгреб его за безукоризненно завязанный галстук и рывком поставил на ноги.

Чарльз вытаращил глаза:

– Какого черта?!

Но его восклицание замерло на устах, когда Саймон резко крутанулся грациозным движением древнего боевого искусства, которому обучился на Востоке. Он понимал, что его

необычный, потенциально смертельный способ борьбы должен ошеломить юнцов, тренировавшихся в джексоновской школе бокса для джентльменов. Еще больше ошеломили бы их те сложные методы становления дисциплины духа и самоконтроля, которым наряду с умением владеть своим телом научили его монахи.

Бешено завертевшись, Чарльз отлетел к камину. Юный Фарингдон врезался в каминную доску, больно стукнувшись подбородком о черный мрамор. С ошеломленным выражением в красивых глазах Чарльз медленно сполз на ковер.

– Боже мой, сэр! – Девлин вскочил на ноги и метнулся к брату. – Что вы с ним сделали?

Саймон перехватил Девлина на полпути и отправил в бесславный полет вслед за братом. Тот ударился о стену, с приглушенным криком согнулся пополам и распростерся на ковре рядом с Чарльзом. Близнецы разъяренно и ошалело уставились на Саймона, все еще не понимая, что произошло.

– За что, негодяй? – прошипел Девлин, с трудом поднимаясь на ноги.

– За оскорбление вашей сестры, разумеется. А вы как полагали? – Саймон рассеянно проверил галстук. Тот был по-прежнему безукоризненно завязан. – И вероятно, за то, что пять лет назад не вызвали Эшбрука на дуэль, как вам следовало бы поступить.

– Эмили нам не позволила, – бормоча, Чарльз доплелся, потирая подбородок, до кресла и тяжело рухнул в него. – Она

сказала, что ее вина не меньше, чем его. Заявила нам, что Эшбрук когда-нибудь станет великим поэтом и что мы не смеем лишать мир великого таланта.

– Эмили вообще ничего не должна была говорить. – Саймон смерил двух красивых юнцов презрительным взглядом. – Это был ваш долг.

– Отец сказал, что лучше все поскорее замять. Если бы мы вызвали Эшбрука на дуэль, скандал разгорелся бы еще сильнее, – смущенно пробормотал Девлин.

– Так уж получилось, что Эмили сама позаботилась о своей чести в ту ночь. Впрочем, Эмили всегда приходилось самой стоять за себя, не правда ли? – мрачно осведомился Саймон.

Девлин, нахмурившись, посмотрел на него:

– О чем бы? Бога ради, она же провела с ним ночь. Она запятнала свою честь.

– Нет. Она огрела Эшбрука по голове ночной вазой, и ночь он провел в холле гостиницы...

– Ну, нам известно, что произошло на самом деле, – раздраженно произнес Чарльз. – Эмили наутро все объяснила. Но репутация ее все равно уже пострадала. Так сказал отец.

– А с сегодняшнего дня, – холодно заявил Саймон, – происшествия больше не существует и никогда не существовало. Я лично уничтожу всякого, кто посмеет утверждать обратное. Я, кажется, ясно выразился, джентльмены?

Близнецы уставились на него, раскрыв рты, а потом обме-

нялись озадаченными взглядами.

– Вам не удастся уничтожить столь заметное пятно на ее репутации, – наконец осторожно отважился Чарльз.

– Посмотрим, – спокойно произнес Саймон.

Глава 7

– У меня все, Хигсон. Вы свободны.

Отпуская камердинера, Саймон уловил в своем голосе не свойственные ему нетерпеливые нотки. Он нахмурился. То, что предстоящая ночь станет его брачной ночью, никак не должно влиять на его железное самообладание.

– Если это все, сэра, могу ли я позволить себе поздравить вас со свадьбой?

Хигсон, коренастый, мощно сложенный коротыш, немного похожий на бульдога благодаря своим многообразным ценным качествам, служивший графу уже десять лет, помедлил в дверях. Он не выказал ни малейших признаков обиды по поводу резкого тона Саймона. Напротив, его тусклые глаза искрились смехом. Человек, когда-то сражавшийся с пиратами бок о бок со своим хозяином, имеет право время от времени позволить себе некоторые вольности.

– Спасибо, Хигсон, – коротко поблагодарил Саймон своего слугу.

Хигсон поклонился и вышел в коридор.

А Саймон уже смотрел на дверь, ведущую из его спальни в спальню Эмили.

Из соседней комнаты вот уже несколько минут не доносилось ни звука. Его жена, очевидно, уже в постели и ждет его.

Его жена. Саймон смотрел на разделяющую их дверь,

вспоминая, как выглядела Эмили днем, в маленькой, переполненной гостями церкви. Она шла между скамьями с некоторой осторожностью, так как наотрез отказалась надеть очки. Но легкая неуверенность ее походки вместе с застенчивой радостью в зеленых глазах придавали ей облик сказочной принцессы, вступающей в новый неведомый мир. Белое платье с серебристой отделкой усиливало это впечатление. Саймон с удивлением обнаружил, что испытывает горячее желание быть ее защитником и единолично владеть ею.

Казалось, весь поселок собрался в церкви в самых лучших своих нарядах. Не могло быть сомнений, что Литл-Диппингтон одобряет этот союз. А среди леди литературных четвергов не осталось ни одной, не пустившей счастливую слезу.

Неожиданно очарованный своей невестой, Саймон даже забыл о Бродерике Фарингдоне и братьях Эмили. Все трое наблюдали за церемонией с вызывающим удовлетворение мрачным видом, словно Эмили предстояло отправиться в Австралию, а не сделаться богатой графиней.

Все правильно, напомнил себе Саймон, подходя к двери. Для Фарингдонов Эмили так же безвозвратно утеряна, как если бы она отправилась за океан. С сегодняшней ночи она безраздельно принадлежит своему мужу. Она перестанет быть Фарингдон. Саймон твердо решил, что ни на минуту не позволит забыть об этом ни одному из Фарингдонов.

Уже положив ладонь на ручку двери, Саймон обернулся и оглядел спальню хозяина дома, когда-то принадлежавшую

его отцу. Ликование охватило его. Сент-Клер-холл во всем своем великолепии снова принадлежит Траэрну.

– Могу тебя заверить, отец, уж я-то не потеряю его, как ты когда-то, – поклялся Саймон призраку, все еще живущему где-то в самом дальнем уголке его души.

Двадцать три года – долгий срок ожидания, но оно стоило того. А месть еще только начиналась. Наблюдать за неизбежным падением Фарингдонов в финансовую пропасть будет так же приятно, как приятно было отобрать у них сегодня Сент-Клер-холл.

Саймон открыл дверь и шагнул в тихую и темную соседнюю спальню;

– Эмили? Почему вы не сказали, чтобы горничная оставила зажженную свечу? Вы что, стесняетесь, дорогая моя? – Саймон прошел в глубь комнаты, давая глазам привыкнуть к темноте. – Не надо. Ведь между нами установилась связь более высокого порядка, вы не забыли? – Он остановился в изножье кровати и нахмурился, поняв, что под одеялом его рыжего эльфа нет. – Эмили?..

Тут он увидел на подушке аккуратно сложенную записку. С тревожным чувством Саймон обогнул кровать и схватил листок бумаги. Он поднес записку к открытой двери и в свете, падающем из его спальни, прочел следующее:

«Мой дорогой Саймон!

Если Вы нашли эту записку, значит, сочли необходимым выполнить свои супружеские обязанности. Как это на Вас

похоже: следовать долгу чести и ответственности, не взирая на свои личные желания! Но клянусь Вам, в такой жертве нет никакой необходимости. Пожалуйста, поверьте, я не собираюсь обременять Вас моими пылкими чувствами ни сегодня, ни когда-либо еще, до тех пор, пока у Вас не зародится ко мне искреннее чувство, любовь... Я готова ждать сколько потребуется, даже если на это уйдут целые годы.

Ваша любящая жена».

– Проклятье! – Саймон скомкал записку в кулаке. Затем вдруг усмехнулся.

Гнев улетучился, ситуация виделась ему уже в комичном свете. Что ж, он так и предполагал, что его ждет необычная свадебная ночь, Эльфы – народ непредсказуемый.

Он попробовал представить, где же могут прятаться эльфы, и вспомнил, что уж этот-то эльф, несомненно, не устоит перед искушением начертать в своем дневнике запись о сегодняшней – такой особенной! – ночи.

В коридоре слабо мерцали свечи. Саймон направился к лестнице. Дом в эту ночь был тих и спокоен. Кроме него и Эмили в нем оставались только слуги, а они уже давным-давно легли спать.

Саймон не позволил своим новым родственникам провести хоть одну ночь под его крышей. Троим Фарингдонам было сказано, что сразу же после свадебной церемонии им придется подыскать другое пристанище. Саймона не особенно заботило, где они проведут ночь. У него, правда, сложилось

впечатление, будто все они едут в Лондон, что вполне его устраивало. Чем скорее они вернутся в игорные дома, тем скорее скатятся в пропасть.

Уже на нижней ступеньке Саймон увидел полоску света, пробивающуюся из-под закрытой двери библиотеки. Он усмехнулся и зашагал через выложенный мраморными плитами холл. Выследить сбежавшую жену оказалось не таким уж трудным делом.

Саймон открыл дверь библиотеки и вошел. Эмили, сидя за большим письменным столом, что-то усердно записывала в толстую тетрадь. Услышав, как открылась дверь, она подняла взгляд. На ней был все тот же скромный халат из индийского ситца, волосы забраны под маленький белый чепчик с оборочками.

При виде Саймона глаза ее за стеклами очков сделались совсем круглыми.

– Саймон!

– Добрый вечер, моя дорогая. Вам не кажется, что это довольно необычное место для первой брачной ночи? – Саймон закрыл дверь и подошел к потухшему камину. Став на одно колено, он принялся разжигать огонь. – Здесь не столь уютно, как в вашей спальне.

– Саймон, что вы здесь делаете? – Эмили вскочила на ноги, – Вы нашли мою записку?

– Я нашел вашу записку. – Саймон поднялся с колена и достал из кармана скомканную бумажку. Он бросил ее в ка-

мин. Потом повернул голову и улыбнулся Эмили через плечо. – Очень любезно с вашей стороны, моя радость, щадить мои деликатные чувства.

Эмили покраснела и потупилась в стол.

– Я просто не хотела обременять вас своими пылкими чувствами, милорд.

Саймон облокотился о камин и с любопытством смотрел на свою жену. Он заимел супругу, которая серьезно верит, что может испугать мужа своей пылкостью, Только Эмили способна выкинуть такое в первую брачную ночь.

– Я бы хотел, чтобы вы знали, дорогая моя: я вовсе не считаю ваши пылкие чувства обременительными для себя. Я с нетерпением жду осуществления своих супружеских обязанностей.

– Очень любезно с вашей стороны, но совершенно очевидно, что это было бы просто выполнением супружеского долга, а я этого не перенесу.

– Понятно. И вы почувствовали, что не сумеете объяснить мне этого лично? Вам понадобилось оставлять записку?

– Я подумала, в записке мне будет легче сообщить вам, что я ничего от вас не жду. – Она стиснула руки перед собой и глядела на них. – Немного неловко рассуждать о таких вещах, милорд, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Но только не нам с вами, – мягко возразил Саймон. – Как вы говорили, мы ведь общаемся на более высоком уровне. Мы-то можем свободно обсуждать такие вещи, о которых

прочие пары говорят лишь туманными намеками.

– Вы действительно так думаете, Саймон? – Она подняла глаза навстречу его взгляду.

Увидев в них волнение и надежду, Саймон улыбнулся, пряча прилив холодной уверенности. Сейчас леди падет к нему в ладонь, как спелый персик.

– Да, Эмили, я уверен. – Он проследовал к столику с напитками и взял графинчик с бренди. – Я думал, и вы тоже в этом уверены. Ведь, в конце концов, вы сами мне все объяснили.

– Ну, я надеялась, что это так, – откровенно призналась Эмили. – Но когда поняла, почему вы на мне женились, я уже не была полностью убеждена в том, что вы, как и я, испытываете чувства высшего, метафизического порядка. По крайней мере, сейчас.

– Но вы надеялись, что они придут ко мне?

– Да, Саймон, да. Я возлагаю на это все свои надежды. Именно поэтому и уговорила вас жениться на мне. Но до той поры я не хочу, чтобы вы чувствовали себя обязанным выполнять свой супружеский долг. Довольно и того, что я вынудила вас согласиться на наш брак.

Саймон закашлялся, поперхнувшись глотком бренди.

– Уверяю вас, я не чувствую себя женившимся по принуждению. Я редко делаю то, чего не хочу делать.

– Охотно верю, милорд, и все-таки вам следует признать, что я привела достаточно веские аргументы в пользу наше-

го союза. Я не могу обременить свою совесть еще и тем, что потребую от вас выполнять супружеские обязанности, кроме всего прочего... Вы и так уже дали мне очень много – свое имя. И было бы величайшей несправедливостью и жадностью с моей стороны ждать от вас чего-то большего.

– Очень разумно, дорогая моя. – Саймон глядел на нее с почтительным вниманием.

Она казалась исполненной решимости сохранить благородство и отказаться от своих собственных нежных чувств. Между тем один лишь ее вид возбуждал его так, как не возбуждала за все эти годы никакая другая женщина. Он с трудом сдержал внезапный порыв увлечь Эмили на ковер и осуществить свои права прямо здесь и прямо сейчас.

Его пронизала дрожь откровенного желания. Саймон был ошеломлен, когда понял, что его непоколебимое самообладание, кажется, под угрозой. Он никогда еще не терял самообладания из-за женщины.

– Саймон? Что-нибудь не так?

Он покачал головой и медленно поставил свой бокал с недопитым бренди. Проклятье! Тут распоряжается он. Это он принял решение жениться, что бы там Эмили ни фантазировала. Он выбрал путь мести – мести, которая настигнет всю их семейку. Переспать сегодня с Эмили означает лишь сделать на этом пути еще один шаг.

Бродерик Фарингдон сейчас, наверное, скрежещет зубами. Фарингдон – каким бы он ни был, – в конце концов, муж-

чина и отец. И не может не понимать, что к утру его дочь будет полностью принадлежать врагу – так, как женщина может принадлежать мужчине. Она будет потеряна для Фарингдонов навсегда.

Но сначала надо уговорить этого эльфа отдаться во власть ее собственных чарующих чувств, напомнил себе Саймон.

– Не волнуйтесь, дорогая моя, – задумчиво произнес он. – Я просто размышлял об одном весьма существенном обстоятельстве, которое вы, похоже, упустили.

– Каком?

– Вы утверждаете, что мы обладаем возможностью редкой метафизической формы общения.

– Я всем сердцем верю в это, Саймон. Иначе я никогда бы не настаивала на браке. Клянусь вам.

Он кивнул:

– И вы хотите, чтобы необыкновенная связь между нами ширилась и крепла, не правда ли?

– О да, милорд. – Ее глаза сверкали, как драгоценные камни. – Я всем сердцем желаю этого. Это моя заветная цель, и я готова тяжело трудиться ради ее достижения.

– Достойное стремление, и уверяю вас, я тоже его разделяю.

– Саймон, если бы вы знали, как мне радостно слышать это.

– Ну так вот. Я немного поразмыслил над проблемой. Мне кажется, вам следовало бы задуматься над тем, что один

из способов укрепления наших необычных метафизических отношений – как можно скорее простереть их в физический мир...

Эмили казалась заинтересованной:

– Простереть их в физический мир, милорд?

– Именно. Ведь представляется логичным, не правда ли, что между физическим и метафизическим миром должна существовать тесная связь?

– Ну...

– И то, что происходит на одном уровне, обязательно должно влиять на другой. Вы не согласны?

Эмили сосредоточенно нахмурилась:

– Вы полагаете, что события на метафизическом уровне являются отражением того, что происходит в физическом мире? Интересная мысль. И вы совершенно правы, милорд. Здесь есть определенная логика.

– Вот я и предлагаю вам рассмотреть все преимущества того, что мне будет все-таки позволено осуществить сегодня свои супружеские обязанности.

– Но, Саймон, я не могу...

Он предостерегающе поднял руку, умоляя не продолжать:

– Не ради вас, а ради меня.

– Ради вас? – Такой подход просто ошеломил ее.

– Именно. Если я прав, то конечный результат окажется самым благоприятным для нас обоих. Сила нашей трансцендентальной связи значительно возрастет. Я не менее вас ста-

раюсь укрепить наш метафизический союз, Эмили.

Прекрасные глаза Эмили наполнились разрывающим сердце стремлением женщины к любимому. Она стиснула руки. Ее мягкие губы задрожали.

– Саймон, вы действительно считаете, что это приведет к такому результату?

Саймон готов был поклясться, что еще ни одна женщина не смотрела на него с таким явным томлением. Все его тело с яростной силой откликнулось на этот призыв. Желание горячим дурманом пробежало по его жилам. Воспоминания о той ночи, когда он довел ее до первого сладостного содрогания, вспыхнули в его мозгу. Она теперь его, и весь этот женский пыл и страсть неизбежно будут принадлежать ему.

– Да, Эмили, я верю, что результат будет именно такой. – Саймон чувствовал, что голос у него стал хриплым, слова произносились с трудом. – Уверяю вас, у меня нет никаких возражений против подобного эксперимента, дорогая моя. Давайте попробуем и посмотрим, что получится.

– Ах, Саймон! – Эмили обогнула стол и кинулась к нему в объятия. – Господи, ты так великодушен, так благороден. Даже не верится, что мне посчастливилось стать твоей женой.

Саймон улыбнулся в рыжие кудри, выбивавшиеся из-под белого чепчика. Предвкушая дальнейшее, он чуть не задохнулся от желания.

– Это мне посчастливилось, Эмили.

– Нет-нет, это я счастливица. Может, я и не заслуживаю такого чудесного мужа, как ты, после того как погубила себя пять лет назад, но я тебя получила, и я благодарна тебе. Наверное, это судьба.

– Очень может быть.

Он поцеловал ее в лоб и нежно снял с нее чепчик и очки. Ее волосы пламенем запылали по плечам. Потом он поцеловал ее в закрытые глаза. Ее ресницы трепетали, словно маленькие бабочки.

– Саймон? – Она глядела на него снизу вверх, вцепившись в лацканы его черного парчового халата.

– Тише, любимая. Мы уже достаточно наговорились сегодня. Пришла пора научиться иному способу общения. • – Его губы прижались к ее полуоткрытым губам, и он услышал ее тихий горловой стон.

Саймон тоже застонал, скользнув языком в теплоту ее рта. Его жажда была столь сильна, что мысли путались. Он смутно сознавал, что ему надо взять молодую жену за руку и отвести наверх, но спальня казалась такой далекой. Он весь горел. Он хотел ее сейчас. Никогда еще он не желал женщину с такой силой. Он весь горел желанием.

И она хотела его. Он это чувствовал. Эмили вся дрожала в объятиях Саймона от испытываемого ею сладкого томления. Эта дрожь и понимание, что она слабеет от тоски по нему, заставили его вдруг почувствовать себя необыкновенно могущественным.

Он развязал ее халат и спустил с плеч. Эмили ничем не выразила своего несогласия. Халат упал к ее ногам.

Саймон различал темные маленькие круги вокруг сосков под тонким муслином ночной сорочки.

– Ты хочешь меня? – прошептал он.

– Больше всего на свете. Я люблю тебя, Саймон. – Она обвила его руками и застенчиво поцеловала в щеку. – Я буду хорошей женой, клянусь тебе.

– Да, эльф. Непременно.

Он опустил ее на ковер перед камином. Она охотно поддалась, прижавшись к нему и спрятав пылающее лицо на его груди. Саймон услышал, как прервалось ее дыхание, и почувствовал, как ее снова охватила дрожь.

– Тебе холодно? – спросил он, ложась рядом. Она быстро взглянула на него и вновь прикрыла глаза ресницами:

– Нет, от огня тепло. Я не замерзла, просто немного нервничаю почему-то.

Он улыбнулся и, склонившись к ней, поцеловал в ямку на шее;

– Вполне понятная реакция в данных обстоятельствах.

– Ты думаешь? – В ее взгляде сквозило беспокойство.

– Просто ты пока не привыкла к такого рода общению.

– А ты?

От этого вопроса Саймон вздрогнул и еще больше поразился собственному ответу.

– Нет, – услышал он свой хриплый голос. Никогда еще в

его жизни не было ничего подобного.

Никогда его желание не было столь откровенным и неуправляемым. – Нет, для меня это тоже открытие, моя радость.

Она улыбнулась в ответ дрожащей улыбкой.

– Тогда мы отправимся в таинственное путешествие и исследуем этот неведомый мир вместе.

– Непременно, – заверил он.

Слегка дрожащими пальцами он развязал ее сорочку и медленно снял, открыв взору ее прелестное тело. Опершись на локоть, он созерцал сокровище, с которого удалил покровы. Саймон глубоко вздохнул. Он был заворожен изящной женственной округлостью ее маленьких грудей, очарован чувственным изгибом ее бедер, поражен совершенной формой ее ног.

– Эмили, как ты хороша...

Саймон протянул руку и обвел розовый кружочек, венчавший молочно-белую грудь. Потом сжал большим и указательным пальцами ее сосок и легонько покрутил его. Он был тугим и спелым, как налитая соком чудесная ягода. Не в силах сдержаться, Саймон наклонил голову и поймал нежный плод зубами.

– Саймон! – Эмили громко ахнула и выгнулась под его губами. Ее пальцы крепко вцепились ему в волосы.

Он чувствовал, как разливается по ее телу напряжение, и упивался им. Его собственное тело бурно заявляло о сво-

их требованиях. Рука скользнула по ее бедру. Коснувшись теплого пульсирующего лона, он чуть не сошел с ума. Дикая жажда охватила его. Все его тело пылало.

– Саймон, я себя так странно чувствую.

Он одурманенно поднял голову и увидел ее лицо – новое, полное чувственной истомы. Взяв ее руку, он направил ее под свой халат.

– Я знаю, любимая. И я тоже. Люби меня, Эмили. – Он высвободился из халата. – Люби меня. – Он крепко прижал ее руку к своей напрягшейся плоти.

Глаза Эмили широко раскрылись от изумления.

– Саймон, с тобой все в порядке?

– Нет, но ты скоро приведешь меня в порядок. – Он ободряюще поцеловал ее в губы, – Это так приятно, радость моя. Да, да, возьми меня. Держи меня.

Он слегка задвигался в ее руке, мучая себя, пока ему наконец не показалось, что он сейчас весь загорится.

Она оставила слабые попытки отдернуть пальцы и, казалось, заинтересовалась этой реакцией его тела. Саймон ослабил хватку на ее руке. Он коснулся шелковистой кожи ее бедер, проведя пальцами дорожку к лепесткам, прикрывающим самый сокровенный уголок ее тела. Медленно-медленно он ввел палец в маленькое тугое отверстие и одновременно отыскал большим пальцем крохотный бутончик чувствительной женской плоти.

Эмили вскрикнула, и ее рука непроизвольно сжала его

плоть. Саймон втянул воздух, и его самообладание разлетелось на мелкие кусочки. Он понял, что больше не сможет ждать ни минуты. Она слишком сильно возбуждала его. Он не унижит себя, кончив в ее руке и разлив свое семя по ее нежному животу.

– Эмили, пора. Клянусь Богом, я не в силах больше ждать.

Он лег на нее, широко раздвинув ей ноги, и направил себя в ее распахнувшиеся врата наслаждения.

– Саймон?

– Ты доверяешь мне, малышка?

– Да, Саймон. Полностью. – Она взглянула на него из-под ресниц.

– Клянусь, я всегда буду защищать тебя, Эмили. Помни об этом. Что бы ни случилось, помни, я всегда буду заботиться о тебе.

– Да, Саймон.

Саймон несколько секунд смотрел на нее – никогда он не видел ничего прекраснее этой Эмили, парящей на пределе своей страсти. Кончик ее языка пробежал по полной нижней губе. На щеках горел нежный румянец. Ее тело было крепким, упругим и поразительно эротичным. Ему нужно быть с ней осторожным, напомнил он себе. Она девственница, и он не причинит ей боль.

Но страстное желание проникнуть в теплоту Эмили перебило все его чувства. Он попытался обуздать прилив действительной энергии своего тела. Пот выступил у него на лбу,

грудь повлажнела.

– Саймон? – В голосе Эмили слышалось смятение. Напряжение, охватившее ее тело, стало каким-то другим. В нем угадывалось скорее тревожное беспокойство, чем чувственное наслаждение.

– В первый раз тебе может быть не очень приятно, – выдал он. – Ты такая маленькая...

– Я не уверена, что мне это нравится, Саймон. Он застоялся:

– Постарайся расслабиться. Доверься мне, малышка. Держись за меня и доверься мне.

– Ты правда думаешь, что это углубит нашу связь на более высоком уровне? – спросила она с легким отчаянием в голосе.

– Да. Да, господи боже мой.

Он не мог больше сдерживаться. Быстрым, сильным, резким движением он глубоко вошел в ее тело. Он крепко обнял ее и, приникнув губами к ее рту.

– О чем ты?

– Наш эксперимент по укреплению метафизической связи. Ты чувствуешь себя хоть чуточку ближе ко мне – в трансцендентальном плане?

– О господи... – Он моргнул и перевернулся на спину, прижав ее к своей обнаженной груди. Несколько мгновений он смотрел в высокий потолок, пытаясь обрести ясность мыслей.

– Саймон? – Она застенчиво тронула волосы на его груди.

– Да! Будь я проклят, да! – прорычал он, ибо меньше всего в данный момент его интересовало метафизическое общение.

– Я рада, – просто сказала она, положив голову ему на плечо.

Саймон посмотрел на рыжие локоны, сиявшие в свете пламени камина. Как полированная медь, подумал он, И тут реальность обрушилась на него со всей силой.

– Это же наша первая брачная ночь, Эмили.

– Да.

– Наша первая брачная ночь, а я уложил тебя на пол в библиотеке. В библиотеке, бог ты мой.

– Я предпочитаю думать, что ты просто занимался со мной любовью на полу в библиотеке, – сказала Эмили, сладко зевнув.

– Я, наверное, схожу с ума. – Саймон рывком сел, пригладив пятерней волосы. – Мы должны быть наверху, в твоей постели. Или в моей.

– Не волнуйся, Саймон. Для меня не так уж важно, где мы провели нашу брачную ночь. – Эмили сонно улыбнулась. – Я опущу в дневнике подробности... если хочешь.

– Господи боже. Непременно опусти их в своем чертовом дневнике.

Он вскочил и торопливо накинул халат. Потом нагнулся, поднял на ноги Эмили и надел на нее ночную рубашку. Он

увидел на тонкой ткани следы их любви и доказательство ее девственности – и понял, что все это время она лежала на своей рубашке. Он быстро закутал Эмили в ее халат. Смутное чувство вины зашевелилось в нем.

– Эмили, с тобой все в порядке? Она сморщила носик:

– У меня там немножко липнет. И чуть-чуть больно. А так все прекрасно. А ты? Как ты себя чувствуешь, Саймон?

– Да вполне, – хрипло ответил он и, подхватив ее на руки, понес к двери.

Но чувствовал он себя не так уж и хорошо. Он ощущал себя как-то странно, и это ему не нравилось. С этой женщиной он совершенно потерял самообладание.

Такого с ним никогда не случалось. Ему следовало держать ситуацию в руках с начала и до конца. Он должен был сделать все с гораздо большей тонкостью. А его захватило вихрем собственной страсти, полностью поглотившей его волю.

Саймон мрачно признался себе, что этой ночью командовал парадом эльф, знает она об этом или нет. Она заставила его хорошенько поплясать с того самого момента, как он заметил на подушке записку. Интересно, размышлял Саймон, она хоть немного понимает, какую власть обрела над ним этой ночью? Женщины всегда сразу понимают силу своей власти над мужчиной, а женщина Фарингдон конечно же воспользуется ею быстрее всех прочих.

Но она уже больше не Фарингдон, напомнил себе Саймон.

Она теперь принадлежит ему.

– Саймон! – Эмили неуверенно посмотрела на него, когда он нес ее к лестнице. – Ты сердишься?

– Нет, Эмили. – Он шагнул на покрытую красным ковром ступеньку. – Не сержусь.

– У тебя такое странное выражение лица. – Она улыбнулась ясной улыбкой. – Я думаю, это последствия наших попыток общения и в физическом и в метафизическом смысле одновременно. Очень утомительно, правда?

– Чертовски утомительно, – вздохнул Саймон.

Глава 8

На следующее утро Эмили в радостном ожидании поспешила спуститься к завтраку, чтобы поскорей убедиться, что ее миленькое утреннее платье нежно-розового цвета оказалось очень кстати. Но Саймон вовсе не ждал ее, чтобы сделать ей комплимент по поводу гофрированной оборочки вокруг шеи или вышитых узоров на юбке, на которые местная белошвейка положила столько трудов. Ей сказали, что еще ранним утром он уехал на прогулку верхом.

Сникшая Эмили уселась за стол и уныло смотрела, как слуга наливает ей кофе. Ночью, когда Саймон отнес ее в кровать и вернулся к себе в спальню, она была глубоко разочарована. Но, говорила она себе, значит, так принято в светском обществе. Всем известно, что супруги редко спят вместе всю ночь. А брак по расчету тем более ведет к таким отношениям, когда предполагается уединение.

Но хотя она и уговорила Саймона вступить в брак по расчету, по крайней мере с его стороны, Эмили верила, что их отношения станут совсем другими. Особенно после того, что произошло этой ночью.

Эмили почувствовала, как от нахлынувших воспоминаний ее снова пронизала легкая сладостная дрожь. Она покраснела при одной мысли о том, как лежала обнаженная в объятиях Саймона перед мерцающим огнем камина. Ее нер-

вы защекотало воспоминание о странном завораживающем блеске в золотых глазах мужа, когда он вдавил ее в ковер. Сознание того, что он действительно вошел в нее и стал ее частью, было одновременно ошеломляющим и необыкновенно волнующим.

Это ощущение не походило ни на что больше, она никогда не представляла себе ничего подобного, Мир ее чувств пошатнулся под яростным натиском новых ощущений.

Хотя она не испытала того потрясающего облегчения, которое дал ей Саймон, когда впервые интимно ласкал ее, то, что произошло этой ночью, значило куда больше. На какое-то время они слились в единое существо.

Саймон совершенно прав, думала Эмили, попивая кофе. Такой физический союз непременно должен укрепить из связь на трансцендентальном уровне. Не может быть, чтобы такое ошеломляющее, такое мощное и всепоглощающее чувство не оставило следа в метафизическом мире. Должна, должна существовать связь между этими двумя мирами!

Хорошо, что Саймон это понял и благородно настоял на выполнении своих супружеских обязанностей во имя высших метафизических ощущений. Он действительно стремился сделать их брак настоящим. И Эмили знала, что рано или поздно он полюбит ее так же крепко, как любит его она.

Это было неизбежно, особенно теперь, когда их связь окрепла как в физическом, так и в метафизическом смысле.

Но все же, как ни привыкла она завтракать в одиночестве,

сегодня тишина в комнате казалась ей особенно унылой. Засиживаться не хотелось.

Она мечтала о том, как было бы хорошо, если бы Саймон пригласил ее с собой на прогулку, когда в комнату вошел Дакетт. На его угрюмом лице застыло суровое неодобрительное выражение.

– Прошу извинить, мадам, – строго сказал он, – но ваш отец прислал к черному ходу мальчишку с поручением. Похоже, он ждет, что вы выйдете в южный сад.

Эмили с удивлением взглянула на слугу;

– Мой отец? Но он же сразу после свадьбы уехал в Лондон с Девлином и Чарльзом.

Дакетт еще больше помрачнел, если только это было вообще возможно:

– Похоже, что нет, мадам. Боюсь, он сейчас в южном саду.

– Как странно. Почему же он не зайдет в дом? Дакетт кашлянул и сказал с легким оттенком удовлетворения:

– Прошу прощения, но его светлость запретили вашему отцу входить в дом без личного на то разрешения его светлости, мадам. Насколько я понял, именно так они договорились после свадебной церемонии.

Эмили удивленно округлила глаза. Она знала, что ее отец и муж не любят друг друга. Но договор был заключен в тот день, когда она подслушивала их, застав за обсуждением ее будущего. Саймон дал понять, что если отец выполнит его требования, то Бродерик Фарингдон сохранит право встре-

чаться с Эмили. Она была уверена, что они договорились именно так.

– Здесь какое-то недоразумение, – заверила Эмили дворецкого.

Дакетт предпочел не обсуждать очевидного.

– Не могу знать, мадам. Послать кого-нибудь доложить мистеру Фарингдону, что вас нет дома?

– Боже мой, Дакетт, конечно нет! – вскочила Эмили. – Я вполне дома, как вы видите. По правде говоря, я рада услышать, что отец еще здесь. Вчера я не имела возможности как следует с ним проститься. Я была так занята, что даже не знала, что моя семья уезжает в Лондон, пока Блэйд не упомянул об этом. А тогда было уже поздно.

– Да, мадам. – Дакетт склонил голову в поклоне. – Я пошлю Лиззи наверх за шалью. На улице сегодня прохладно.

– Не нужно, Дакетт. – Эмили взглянула на яркое апрельское солнце, лившееся в окно комнаты. – Мне ничего не понадобится. День прекрасный.

– Как угодно, мадам. – Дакетт кашлянул. – Я понимаю, что не мое дело далее обсуждать этот вопрос, мадам...

– Да, Дакетт? В чем дело?

– Я просто подумал, взвесила ли мадам... э-э... разумность свидания с мистером Фарингдоном в южном саду.

Эмили рассмеялась:

– Боже мой, Дакетт, я же собираюсь встретиться с отцом, а не с поклонником или убийцей.

– Конечно, мадам. – На лице Дакетта было написано, что он сомневается в справедливости ее высказывания. – Но у его светлости могут быть свои определенные соображения по поводу позволительности данной ситуации.

– Да что вы, Дакетт? Вы чего-то не понимаете. Мы ведь говорим о моем отце. – Эмили обогнула стол. Проходя мимо Дакетта к двери, она ободряюще улыбнулась ему. – Не тревожьтесь о том, что бы сказал Блэйд по этому поводу. Мы с ним, видите ли, связаны редкостной формой связи. Мы очень хорошо понимаем друг друга.

– Вот как... – Но особенно убежденным Дакетт все-таки не выглядел.

Эмили больше не обращала внимания на явные признаки тревоги со стороны дворецкого. Дакетт не имеет никакого представления о том, что произошло ночью между ней и Саймоном. Поэтому он, конечно, и не способен понять природы тех значительно укрепившихся метафизических взаимоотношений, которые установились между Эмили и ее мужем.

Эмили была намерена немедленно выяснить возникшее недоразумение, Конечно, Саймон не стал бы запрещать ее отцу видеться с ней после свадьбы. К чему теперь запреты? Угроза была просто средством в переговорах, к которому Саймон прибегнул, чтобы справедливость восторжествовала.

День и в самом деле оказался солнечным, но в воздухе

чувствовалось приближение грозы. Эмили прожила в деревне всю свою жизнь и знала приметы. Надвигалась гроза. Вечером будет дождь.

По пути к воротам южного сада она с удовлетворением осматривалась. Нарциссы и ранние розы начинали свое буйное цветение, и воздух был напоен пьянящим ароматом цветов. Вот главное украшение сада – маленький нарядный фонтан с амурчиком, проливающим воду из кувшина. За фонтаном – высокая изгородь...

За изгородью и ждал ее Бродерик Фарингдон. Он появился с вороватым видом, быстро осмотревшись по сторонам.

– Папа! – Эмили улыбнулась своему красавцу отцу и поспешила ему навстречу. – Как хорошо, что ты зашел попрощаться. Я так жалела, что не успела вчера сказать «до свидания» тебе и братьям. Свадьба была чудесной, правда? Там собралась вся округа, и все так радовались за меня. У меня столько впечатлений!..

– Да уж, Блэйд не дал тебе скучать, – мрачно согласился Бродерик. – Ты чуть с ног не падала по его милости. Все время следил, чтоб ты или танцевала, или пила, или была занята беседой и не заметила, как он уйдет прочь твою семью. И вот я вынужден красться сюда, как разбойник в ночи, только для того, чтобы попрощаться с единственной дочерью. Эмили склонила голову набок:

– Он усрал тебя прочь? Что ты такое говоришь, папа?

Бродерик покачал головой с печально-горестным видом:

– Моя бедная невинная девочка. Ты все еще не понимаешь, в какую историю влипла, да?

– Папа, прошу тебя, не волнуйся за меня. Я знаю, что делаю, и вполне довольна своим браком.

Бродерик пристально посмотрел на нее:

– Вот как? Интересно, как долго ты будешь наслаждаться своим счастьем. Но все уже свершилось, а? Блэйд вряд ли упустит случай сыграть шутку.

– Что свершилось? Папа, пожалуйста, объяснись. Бродерик окинул ее задумчивым взглядом, в его глазах загорелась искорка надежды.

– Наверное, нечего и надеяться, что Блэйд оставил тебя одну в эту ночь, а? Никакой возможности признать брак недействительным?

Лицо Эмили вспыхнуло.

– Господи, папа, ну что ты говоришь?

– А вот что. Сейчас не время краснеть по-девичьи. Это деловой разговор. – У Бродерика появилась слабая надежда. – Скажи мне правду, детка, он еще не тронул тебя? Если нет, то не все потеряно.

– Ну право же, папа. – Смушение Эмили переросло в раздражение. Она гордо выпрямилась. – Я не собираюсь добиваться признания брака недействительным. Я счастливая замужняя женщина.

– Черт! Значит, никакой надежды.

– Надежды на что? Что ты пытаешься сказать? Бродерик

трагически вздохнул:

– Это конец, мое дорогое дитя. Скажи «прощай» своему любящему папочке, потому что больше ты его никогда не увидишь.

– Не будь смешным. Разумеется, мы увидимся, и очень скоро. Мы с Саймоном отправляемся после медового месяца в Лондон. Так что появится масса возможностей навещать тебя и близнецов. Скорее всего я буду встречаться с вами даже чаще, чем тут, в Сент-Клер-холле. В конце концов, вы приезжали сюда, только когда вам не везло за карточным столом.

– Нет, Эмили. Ты все еще не понимаешь, за какое чудо-вище вышла замуж. Блэйд твердо намерен не допускать никаких твоих встреч с нами.

– Это ты не понимаешь, папа, – быстро сказала Эмили. – Саймон действительно настаивал на возвращении ему Сент-Клер-холла и использовал для подкрепления своих требований угрозу разлучить меня с вами. Но цель уже достигнута. Справедливость восторжествовала.

Бродерик устало опустил на край фонтана:

– Ты не знаешь его, Эмили. Возвращение дома – только начало. Он не успокоится, пока не погубит Фарингдонов – всех до одного.

– Папа, если тебя волнует финансовая сторона дела, – медленно начала Эмили, – то ты напрасно беспокоишься. Я совершенно уверена, что Блэйд удовлетворится этой мстью.

Он может не одобрить, если я буду возмещать твои растраты, но, конечно же, не запретит мне и дальше вести твои дела. Я просто уверена в этом.

– Ах ты мой невинный ягненок. Ты просто еще не распознала звериной сущности того, кто заманил тебя в сети брака. Я тоже надеялся, что он даст нам общаться, как раньше. Только поэтому я и согласился на его предложение. Но вчера, после того как он тебя надежно стреножил, он заявил мне, что не собирается позволять тебе впредь заниматься делами Фарингдонов.

Эмили нахмурилась:

– Я ничего не слышала о таком решении. Ты наверняка не правильно понял, папа. Как я уже сказала, он, конечно, наложит некоторые ограничения на твои финансовые излишества, но не разлучит нас с тобой.

– Какая же ты наивная дурочка, дитя мое, – покачал головой Бродерик и встал, раскрывая ей объятия. – Может быть, я в последний раз вижу твое милое личико. Подойди и поцелуй своего папочку на прощанье. Вспоминай меня и братьев добрым словом, Эмили. Мы ведь и вправду заботились о тебе.

Эмили начинала тревожиться:

– Папа, ну хватит болтать чепуху.

– Прощай, моя милая. Желаю тебе счастья, хотя боюсь, что ты обречена так же, как и весь наш род.

– Ты все не так понял, папа. – Эмили вновь неловко шаг-

нула к отцу в объятия. – Я никогда не соглашусь на разлуку с моей семьей. Ты же знаешь. И Саймон никогда бы не стал на этом настаивать.

Бродерик крепко обнял дочь, словно и в самом деле не надеялся больше увидеть. Потом выпустил ее из объятий и, прищурившись, как-то странно посмотрел на нее:

– Эмили, если ты действительно не хочешь покинуть нас...

– Конечно, я никогда вас не покину, – порывисто заверила она. – Я люблю тебя и близнецов, папа. Ты же знаешь...

– Если так, если ты намерена выполнить свой долг по отношению к своей семье, то нам следует предпринять некоторые практические шаги, – быстро сказал Бродерик. – Необходимо устроить так, чтобы ты продолжала вести наши дела и посылать указания Давенпорту. Я все обдумал, и, по-моему, легче всего решить эту задачу, условившись о тайных встречах.

– Тайных встречах?

– Именно так. Слушай внимательно. Я или кто-нибудь из близнецов найдем способ видеться с тобой дважды в месяц. На этих встречах ты будешь передавать указания для Давенпорта. Нам, конечно, придется соблюдать величайшую осторожность, но мы справимся, особенно если ты тоже скоро переедешь в город, Там гораздо больше возможностей – со всеми этими театрами, парками и увеселительными садами.

– Но, папа...

– Не бойся, Эмили. Все получится, – приободрил ее Бродерик. – Интерес Блэйда к тебе непременно скоро угаснет. Он уже сделал, что хотел, а ты, в конце концов, совсем не в его вкусе, разве нет? Он просто видит в тебе средство довести дело до конца.

– Какого конца? – требовательно спросила она.

– Ну, разумеется, до полного уничтожения всех нас, Фарингдонов. Но мы с ним еще поборемся. У тебя скоро будет очень много свободного времени, и это нам на руку, а? Все и дальше пойдет, как шло, пока не появился он...

Эмили открыла рот, чтобы возразить отцу: их отношения с Саймоном гораздо глубже, гораздо удивительнее, чем он, по-видимому, считает. Но прежде чем она успела что-либо объяснить, ее опередил сам Блэйд.

Она изумленно смотрела на Саймона, выходящего из-за высокой изгороди. Потом просияла:

– Вы вернулись, милорд? Чудесно! Теперь мы сразу выясним это недоразумение.

Саймон даже не обратил на нее внимания. Он пристально глядел на ее отца, и в глазах его бушевало холодное пламя.

– Я так и думал, Фарингдон, что рано или поздно вы объявитесь. Желаете отвесить дочери прощальный поклон?

В своем костюме для верховой езды граф предстал могущественным и грозным. Плечи под курткой казались еще более широкими и мощными, бриджи подчеркивали мускулистость его тела. С презрением взирая на отца Эмили, он

похлопывал хлыстом по высоким голенищам своих сверкающих черных сапог.

Бродерик Фарингдон резко обернулся, испуг на его лице сменился гневом.

– Ну вот что, Блэйд. Человек имеет право сказать «до свидания» своей единственной дочери. Вчера вы позаботились о том, чтобы я не смог этого сделать.

Саймон лишь усмехнулся:

– Я не хотел, чтобы вы болтались поблизости дольше, чем необходимо. Но как я сегодня узнал из своих источников, вы провели ночь в ближайшей гостинице, а вовсе не находились на пути в город. Поэтому я не слишком удивился, когда несколько минут назад мой новый дворецкий доложил, что Эмили через него получила от вас сообщение с просьбой прийти в южный сад. Однако я считаю подобные тайные свидания совершенно недопустимыми.

Эмили с облегчением рассмеялась:

– Как раз об этом я ему и говорила, Саймон. Я-то знаю, что вы не собираетесь запретить ему посещать наш дом. Зачем нам тайные встречи, когда мы можем чудесно посидеть в гостиной? Но у папы, похоже, создалось впечатление, что вы не желаете, чтобы мы с ним вообще встречались.

Оба мужчины смотрели на Эмили с таким изумлением, словно вдруг заговорил амурчик с фонтана. Саймон холодно взглянул на нее:

– Вряд ли возможно полностью избежать встреч с вашим

отцом, особенно когда мы переберемся в город. Но никогда, ни при каких обстоятельствах вы не станете встречаться наедине – ни с ним, ни с близнецами. В тех редких случаях, когда мы сочтем необходимым посетить вашу семью, я всегда буду сопровождать вас. Вы поняли меня, Эмили?

– Но, Саймон... – Она уставилась на него, озадаченная холодным безапелляционным тоном. – К чему заходить так далеко? Какая беда в том, что я навещу свою семью?

– Чертовски верно! – воскликнул Бродерик, резко повернувшись к графу. – Черт побери, приятель, мы ее семья.

– Уже нет. Теперь у Эмили новая семья, – сказал Саймон. – И, как ее муж, я позабочусь о ней и защищу от тех, кто попытается использовать ее ради своей выгоды.

– Тысяча чертей, Блэйд! – выпалил Фарингдон. – Вы не имеете права сделать из девочки узницу.

– Не имею права? – Саймон снова ударил хлыстом по сапогу. Происходящее, казалось, чуть ли не забавляло его.

Эмили не нравилась эта атмосфера вражды между двумя мужчинами. Она ее пугала. Эмили тихонько потянула отца за рукав:

– Папа, пожалуйста, не спорь сегодня с Саймоном. У меня же медовый месяц. Я уверена, все утрясется. Наверное, тебе лучше сейчас уехать в Лондон?..

– Прекрасная мысль, Фарингдон. – Саймон оперся одной ногой о край фонтана и поигрывал кнутовищем. Ему удалось придать этому незначительному обыденному жесту угрожа-

ющий оттенок. – Вам лучше уехать. Ведь вас ждут игорные столы Лондона. Забавно будет поглядеть, сколько вам удастся продержаться в членах клубов Сент-Джеймса.

– Черт бы вас побрал! – Бродерик вздрогнул как от удара. – Уж не грозитесь ли вы вышвырнуть меня из клубов?

– Ничуть. – Саймон стряхнул пылинку со своих бриджей. – Я с легкостью устроил бы это. Но в таких крайних мерах нет необходимости. Скоро вы сами вылетите оттуда вместе со своими сынками – нечем будет платить долги за проигрыши. А когда вам изменит счастье в приличных клубах, придется пойти в игорные притоны, где счастье изменяет еще скорей, не правда ли?

– Господи боже! – выдохнул Бродерик, бледнея.

Теперь Эмили испугалась по-настоящему. Она поняла наконец, что вражда между Саймоном и ее отцом куда глубже, чем она полагала.

– Саймон? – неуверенно прошептала она.

– Ступайте в дом, Эмили. С вами я поговорю позже.

– Саймон, я хотела бы поговорить с вами сейчас.

– Поговори, Эмили, поговори. – Бродерик плотнее нахлобучил свою касторовую шляпу. Его голубые глаза сияли гневом и разочарованием. – Убеждай это чудовище, за которое ты вышла замуж, если сможешь... Но не рассчитывай, что тебе удастся смягчить его отношение к твоей семье. Он нас всех ненавидит. Даже близнецов, которые не сделали ему ничего плохого. А раз он ненавидит их, значит, должен нена-

видеть и тебя. В конце концов, ты всего лишь еще одна из Фарингдонов.

– Папа, ты не понимаешь...

– Еще одна из Фарингдонов, – свирепо повторил Бродерик. – Хорошенько помни это, Эмили, когда он придет к тебе среди ночи и предъявит свои супружеские права. Думай об этом, когда будешь лежать под ним и он покроет тебя, как жеребец кобылу.

Эмили ахнула, глубоко потрясенная. Она прижала к губам дрожащие пальцы, глаза за стеклами очков широко распахнулись. Никогда, ни один мужчина не позволял себе в ее присутствии ничего подобного, даже близнецы, когда дразнили ее.

– Убирайтесь вон, Фарингдон, – сказал Саймон угрожающе тихим голосом. Он снял ногу с фонтана. – Сейчас же.

– Желаю радостей в супружеской постели, моя дорогая дочка, – саркастически произнес Бродерик, развернулся на каблуках и пошел прочь.

Эмили хотела окликнуть отца, но голос не слушался ее. Она просто стояла и безмолвно смотрела ему вслед, и тогда Саймон сделал решительный жест. Он подошел и встал прямо перед ней, закрыв собой удаляющуюся спину ее отца. Его глаза были до ужаса бесстрастны.

– Ах, Саймон, он не понимает, – тихо вздохнула Эмили.

– На вашем месте я бы не был так в этом уверен. – Саймон взял ее под руку и повел к дому. – По-моему, он как раз начал

наконец понимать.

– Но он не понимает, что наши отношения совершенно отличаются от того, что он себе вообразил. – Она бросила украдкой ищущий взгляд на бесстрастный профиль мужа, словно молча умоляя его согласиться с ней. – Он беспокоится за меня, потому что даже не подозревает об особой форме нашего союза. Он не изучал метафизики.

– Охотно верю. Единственное, что ваш отец когда-либо изучал, – это колода карт. Эмили, полагаю, мне следует дать вам ясно понять, что я вовсе не шутил несколько минут назад. Вы никогда больше не останетесь наедине ни со своим отцом, ни со своими братьями. Отныне я всегда буду присутствовать на ваших встречах с ними, и встречи эти будут сведены до минимума. Вы прекратите также посылать указания Давенпорту, улаживая их финансовые дела.

– Саймон, вы хотели отомстить моему отцу, но теперь, вернув себе Сент-Клер-холл, вы должны быть удовлетворены. Я знаю, вы пригрозили моему отцу, что не разрешите видеться со мной, но вы ведь не собирались осуществить вашу угрозу... если получите дом.

– Почему, собственно, вы решили, что я должен удовлетвориться, получив свой дом обратно? Ваш отец продал все фамильные земли Траэрнов. Ничто не возместит мне утраченного. И ничто не возместит того, что мой отец пустил себе пулю в лоб из-за подлости вашего отца. Ничто не возместит того, что по вине вашего отца зачахла и умерла моя

мать. Ничто не возместит того, что ваш отец погубил мою семью.

Эмили ошеломила глубина ярости и горечи в голосе Саймона. Никогда еще он не проявлял столь сильных чувств. Впервые за все время их отношений она подумала о том, что отношение Саймона к ее семье выходит далеко за рамки простого требования восстановления справедливости.

– Я вас понимаю, и мне действительно ужасно жаль, – быстро произнесла Эмили, – поверьте мне. Но все случилось так давно и касается больше наших родителей, чем нас. Это жизнь другого поколения. Теперь, когда вы вернули себе Сент-Клер-холл, надо отпустить прошлое, иначе оно будет продолжать мучить вас. Саймон, надо смотреть в будущее.

– В самом деле? И на что же именно в будущем вы предлагаете мне надеяться? – сухо спросил Саймон.

Эмили глубоко вздохнула.

– Ну, всегда остаются наши отношения, милорд, – с надеждой предложила она. – Как вы сказали этой ночью, они теперь значительно окрепли и углубились благодаря нашему физическому союзу. Нас объединяет нечто совершенно особенное. Конечно же, вам и самому захочется расстаться с печалью прошлого, чтобы целиком отдаться радостям нашего... значительно окрепшего нового способа общения.

Он смерил ее холодным насмешливым взглядом:

– Вы предлагаете мне забыть о дальнейшей мести вашей семье во имя радостей супружеской постели?

Эмили ощущала все большую тревогу и неуверенность от непонятного настроения Саймона. Она пристально вглядывалась в него сквозь очки, и предчувствие чего-то страшного охватило ее. В ее глазах он вдруг стал очень опасным. Дракон ворвался в южный сад – дракон, ищущий жертву...

– Прошлой ночью, – медленно заговорила Эмили, – вы сказали, что для нас с вами радости супружеской постели будут чем-то совершенно особенным... Вы сказали, что они связаны с чистыми и благородными чувствами метафизического мира. Что наш союз осуществился как в физическом, так и в трансцендентальном плане. Ведь правда же, такие отношения нечто совершенно особенное, их нужно беречь и лелеять, милорд?

В золотистых глазах Саймона прорвался гнев.

– Господи боже мой, Эмили, даже вы не можете быть настолько наивны. То, что произошло между нами минувшей ночью, ничего общего не имеет с трансцендентальным уровнем. Обыкновенная похоть...

– Саймон, зачем вы так! Вы же сами объясняли мне про связь между физическим и метафизическим миром. – Она покраснела, но не опустила взгляда.

Она сердцем понимала, что борется за что-то очень важное. – Наши чувства необыкновенны по своей сути. Помните, как вы говорили: то, что мы предадимся любви в физическом мире, непременно укрепит нашу связь в мире метафизическом?

– Эмили, во многих отношениях вы чрезвычайно умная женщина...

Она робко улыбнулась:

– О, спасибо, Саймон.

– Но порой ведете себя как полная идиотка. Я нес всю эту чепуху о мистической связи между физическим и метафизическим миром исключительно для того, чтобы успокоить ваши девичьи страхи перед супружеским ложем. Совершенно естественные страхи, должен сказать, учитывая полное отсутствие опыта...

– Я не боялась вашей любви, милорд. И некоторый опыт у меня есть, если вы припомните.

– Конечно же, вы волновались, – отрезал он. – Это очевидно, Иначе не оставили бы записки. Новобрачные ждут мужа в постели, как им и положено. А что касается вашего знаменитого опыта, дорогая моя, – это просто смешно. Вас никак не назовешь опытной женщиной. Если бы у вас в самом деле было хоть какое-то представление об отношениях между мужчиной и женщиной, вы прошлой ночью ждали бы меня в постели, а не царапали пером в своем дневнике...

– Но, Саймон, я же объяснила, что беспокоилась о вас. Я не хотела, чтобы вы чувствовали себя хоть как-то обязанным выполнить свой долг.

Саймон взмахнул хлыстом и сшиб несколько нарциссов:

– Черт побери, женщина! Вы были встревожены неизвестностью и в своей тревоге придумали всю эту смешную заум-

ную чепуху насчет того, что не желаете мне навязываться. А на самом деле, Эмили, вы нуждались в том, чтобы ваши страхи были сняты, и я сказал вам то, что вам хотелось услышать.

Она прикусила губу.

– Так вы солгали мне, что стремитесь укрепить нашу необычную метафизическую связь?

– Эмили, я сделал то, что легко успокоило ваши девичьи страхи. Мы вполне достойно вышли из ситуации, и теперь нет никаких шансов для признания брака недействительным.

– И это все, что вас заботило? Сделать так, чтобы наутро не было никаких оснований для расторжения брака? – тихо сказала она. – Вы не почувствовали прошлой ночью, что нас обоих «унесло к берегам любви златым, манящим, чудным»?

– Черт побери! Ради бога, женщина, пора бы прекратить болтовню о романтике и метафизике! Хватит с меня вашей романтической чепухи, Это брак, а не строка из поэмы, Пора повернуться лицом к реальности. Вы уже больше не Фарингдон. Вы теперь моя жена. Мы сможем превосходно ладить, если вы будете помнить прежде всего об этом.

– Вряд ли я об этом забуду, Саймон.

– Вот и не забывайте, – отрезал он, сверкая золотыми глазами. – Эмили, пора вам понять, что я требую от вас лишь одного.

– Вы требуете моей любви?

Искорка глупой надежды все еще горела в ней, с досадой отметила Эмили.

– Нет, Эмили, – жестко сказал Саймон. – Я требую от вас – и добьюсь этого любой ценой – полной и непоколебимой преданности. Вы теперь графиня Блэйд. Вы Траэрн. Вы больше не Фарингдон. Я понятно объяснил?

И последний крохотный огонек ее надежды угас.

– Вы все очень понятно объяснили, милорд.

Эмили отвернулась от человека, которого любила всем сердцем, и побрела одна к большому дому. Скользнув в дверь, она подавила горячее желание оглянуться через плечо. Слезы жгли ей глаза, пока она поднималась по лестнице в спальню.

Ей, конечно, придется уехать. Все ее надежды и мечты разлетелись вдребезги. Она не может оставаться тут лишь в качестве законной жены Саймона. Согласиться на это – значит надсмеяться над всеми своими чистыми и благородными чувствами.

Было бы просто невыносимо каждый день видеть Саймона и знать, что он не испытывает к ней никаких особенных чувств. Еще более немислимо, чтобы он входил к ней по ночам и, как грубо выразился ее отец, покрывал ее... словно жеребец кобылу.

И слезы закапали с ее ресниц. Ей надо уехать, немедленно... Эмили кинулась в спальню и начала отбирать одежду, которую возьмет с собой, навсегда покидая Сент-Клер-холл.

Глава 9

Меряя библиотеку нетерпеливыми шагами, Саймон бросил еще один взгляд на высокие часы. Уже почти шесть, а Эмили до сих пор не спустилась выпить с ним перед ужином рюмочку шерри.

Он начинал понимать, что, видимо, полностью сокрушил ее сегодня утром. Она такое романтическое создание, так страстно привержена к счастливым концам...

Саймон редко выходил из себя. Он гордился умением управлять своими чувствами. Но у него словно что-то надломилось внутри, когда он вернулся с утренней прогулки и обнаружил, что его молодая жена уже тайком встречается с Бродериком Фарингдоном. Этого известия – при смятении чувств после прошедшей брачной ночи – оказалось более чем достаточно, чтобы пламя ярости охватило его.

Разглядывая золотистый шерри в своем бокале Саймон вновь и вновь вспоминал, как Бродерик Фарингдон нагло пытался уговорить Эмили продолжать тайком вести его дела.

Негодяй! Неужели он действительно надеялся, что у него пройдут такие штучки, подумал Саймон. Конечно же да. Фарингдоны всегда были хитрым пронырливым племенем, готовым на все, если это, по их мнению, сойдет им с рук. Но финансовый гений их дочери теперь принадлежал ему, а Саймон знал, как защитить свою собственность.

Он испытал удовольствие, сообщив во время свадьбы Фарингдону, что не намерен позволить Эмили осуществлять дальнейшие вложения капитала для своего отца и братьев. Было чрезвычайно приятно увидеть выражение лица своего старого врага, когда исчезла приманка, болтавшаяся перед Фарингдоном эти последние несколько недель.

Как это похоже на Бродерика Фарингдона – заявиться на следующий же день после потери своей драгоценной дочери, чтобы разнюхать, не удастся ли еще что-нибудь спасти после катастрофы...

Саймон вздохнул. И как это похоже на Эмили – не понимать, что ее муж намерен полностью осуществить свою месть.

Она действительно имела дерзость сказать ему, что он должен дать прошлому уйти и заняться созданием чистого, романтического, необыкновенного союза с ней.

Самое печальное, мрачно подумал Саймон, она искренне верит во всю эту чепуху насчет любви на высших уровнях. Ей давно нужно было преподнести хорошую дозу реальности, и он, наконец потеряв терпение, так и сделал.

И все же он поступил жестоко, в один миг разбив вдребезги ее нежные романтические представления. С другой стороны, уверял себя Саймон, особенно выбирать не приходилось. После того как он увидел рядом с ней Фарингдона, он был просто вынужден предельно ясно объяснить Эмили ее положение.

Она больше не Фарингдон. Она теперь его жена и должна понимать, что это означает. Это имеет весьма слабое отношение к романтическим чудесам метафизического мира. И самое непосредственное – к проявлению полнейшей и неколебимой преданности своему мужу. Саймон не видел никаких причин, почему бы ему не добиться от Эмили той же верности и преданности, что и от всех прочих обитателей его дома.

Он еще раз раздраженно взглянул на часы, потом дернул за бархатный шнурок колокольчика.

Дакетт появился почти мгновенно с еще более мрачным выражением лица, чем обычно:

– Да, милорд?

– Пошлите кого-нибудь наверх узнать, почему задерживается леди Блэйд.

– Сию минуту, милорд. – Дакетт удалился, прикрыв за собой дверь библиотеки.

Саймон глядел на часы, медленно отстукивающие минуты. Уж не собирается ли Эмили стать одной из тех надоедливых дамочек, которые раздражаются слезами и удаляются в постель с нюхательной солью, едва мужчина покажет характер. Если так, она очень скоро поймет, что он не намерен терпеть чрезмерные проявления чувствительности.

Дверь библиотеки отворилась. На пороге появился Дакетт с таким видом, словно собрался объявить о кончине кого-то из членов семьи.

– Так что же, Дакетт?

– Сэр, я вынужден с прискорбием сообщить, что мадам нет в доме...

Саймон нахмурился и поглядел в окно:

– Неужели она бродит по саду в такой час?

– Нет, милорд. – Дакетт многозначительно кашлянул. – Это довольно трудно объяснить, милорд. Мадам, видимо, заказала экипаж сегодня днем, после того как вы уехали в гости к лорду Гиллингеу. Мне сообщили, что она отправилась навестить сестер Инглбрайт. Она отослала Робби с каретой домой и сказала, что вернется пешком, но ее все еще нет.

– Господи боже! Что за выдумки – обсуждать с приятельницами эту глупую романтическую поэзию сегодня? У нее же медовый месяц!

– Да, милорд.

Саймон ругнулся.

– Пошлите кого-нибудь в Розовый коттедж и доставьте леди домой!

Дакетт снова кашлянул в кулак.

– Сэр, боюсь, это еще не все. Робби утверждает, что на мадам было дорожное платье и она взяла с собой два довольно объемистых саквояжа.

Саймон похолодел:

– Дьявол, что вы хотите этим сказать, Дакетт?!

– Полагаю, сэр, вам следует расспросить ее горничную,

Лиззи, – прямо заявил Дакетт.

– Зачем?

– Девчонка плачет у себя в комнате, и у нее, очевидно, есть записка, которую велено передать лично вам.

Саймону не потребовалось особого труда сообразить, что он, кажется, вот-вот обнаружит, что его жена сбежала на второй день после свадьбы.

– Сейчас же позовите сюда горничную, Дакетт. И распорядитесь, чтобы на конюшне приготовили Лэп Сэнга, Я собираюсь выехать через пятнадцать минут.

– Да, милорд. Позвольте мне сказать, сэр, что все в доме чрезвычайно беспокоятся за мадам. – В воздухе повис невысказанный укор. Было очевидно, что нового хозяина Сент-Клер-холла винят в том, что он нанес удар тонким чувствам мадам и вынудил ее бежать.

– Благодарю вас, Дакетт. Я сообщу об этом графине при первой же возможности.

Пусть лучше мадам, мрачно подумал Саймон, едва за Дакеттом закрылась дверь, приготовится к тому, что, когда муж ее настигнет, удары будут нанесены не только ее тонким чувствам...

Как она посмела так удрать? Она теперь принадлежит ему. Это ее затея с договором о браке. Так пусть, черт побери, теперь его выполняет!

Эмили стояла посреди крохотной гостиничной спальни,

опустив свой немногочисленный багаж подле себя на пол и с трудом сдерживая слезы. Она ужасно устала, проголодалась и еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой.

Теперь ей придется провести ночь в душной комнатухе, выглядевшей так, словно ее не убирали и не проветривали годами. Она чувствовала кислый запах мужского пота, исходящий от желтоватого постельного белья.

Эмили никогда раньше не путешествовала в почтовой карете. Ее поразило неудобство такого путешествия. Она сидела, зажата между джентльменом мощного телосложения, который всю дорогу храпел, и прыщавым юнцом, не переставшим бросать на нее плотоядные взоры. Ей дважды пришлось воспользоваться ридикулем, чтобы спихнуть его руку со своего колена.

Единственным утешением служило сознание того, что на следующий день она будет в Лондоне. Отец и братья, разумеется, удивятся, увидев ее, но Эмили не сомневалась, что они примут ее с распростертыми объятиями. Конечно, не очень-то хочется выслушивать, что она опять свалила дурака, но нечего делать. Надо было слушать, что ей говорит ее семья, а не свое глупое романтическое сердце.

Эмили наклонилась и взгромоздила один из тяжелых саквояжей на кровать. Сначала самое необходимое. Она ужасно голодна, а ей следует беречь силы. Эмили решила переодеться к ужину в столовой гостиницы.

Через несколько минут она уже нерешительно спускалась

вниз, прекрасно осознавая, что леди не путешествуют в одиночку, если только не бедны до нищеты. Конечно, она напрашивается на неприятности, появляясь в столовой без сопровождения мужчины или горничной. Но что же делать? Она больше ни минуты не выдержала бы в этой ужасной спальне. А что, если ее пригласит за свой стол какая-нибудь группа путешественников, где есть леди? Ведь она теперь, в конце концов, графиня...

Первая, кого увидела Эмили, заглянув в столовую, была именно та, кого она и искала, – привлекательная, хорошо одетая молодая женщина явно благородного происхождения. Эмили вздохнула с облегчением. Сейчас она представится, объяснит, что путешествует одна, и попросит у молодой леди разрешения присоединиться к ней. Все будет прекрасно.

Посетительница сидела совсем одна у огня в маленькой немногочленной столовой. Эмили осторожно приблизилась и вдруг заметила подозрительную красноту вокруг глаз незнакомки – явный след недавно пролитых слез... Ее крепко стиснутые руки в элегантных перчатках бессильно лежали на коленях, полускрытые складками богатого дорожного платья. Совершенно очевидно, что в эту ночь в гостинице оказалась не одна женщина с разбитым сердцем...

– Прошу прощения, мисс, – неуверенно начала Эмили. – Вижу, вы здесь одна, и я подумала, что, может быть, вы согласитесь поужинать со мной за одним столом. Меня зовут

Эмили Фарингдон... – Помедлив, добавила:

– Траэрн.

Она не видела особой необходимости сообщать женщине свой недавно обретенный титул. Она всего лишь сутки как графиня и, по правде говоря, пока совсем себя ею не чувствовала.

Хорошенькая молоденькая блондинка, вряд ли старше девятнадцати, вздрогнула и подняла взгляд. А затем в ее темных влажных глазах разлилось, пожалуй, не меньшее, чем у Эмили, облегчение.

– Да, прошу вас, мисс Фарингдон-Траэрн, присоединяйтесь ко мне, – взмолилась она. – Я буду вам только благодарна. – Она лихорадочно обвела взглядом пустую комнату и добавила, понизив голос:

– Меня зовут Селеста Гамильтон.

– Рада с вами познакомиться, мисс Гамильтон. Вы направляетесь в Лондон? – Эмили села напротив своей новой приятельницы.

– Лондон? Ах, боже мой, нет. – Этот стон как будто вырвался из самого ее сердца. Она заплакала и поспешно полезла в сумочку за уже изрядно скомканным платочком. – Как бы мне хотелось, чтобы все было именно так. Ах, мисс Фарингдон-Траэрн, я так несчастна. Я совершила ужасную ошибку. Боюсь, мне предстоит бежать в Гретна-Грин.

Эмили изумилась:

– Вы бежите, чтобы обвенчаться?

– Да, – прорыдала Селеста в платочек.

– Но, мисс Гамильтон, вы же совсем одна. Не понимаю. А где же ваш будущий муж?

– Договаривается об экипаже. У нас в пути соскочило колесо. Он вот-вот явится. Сказать по правде, я даже обрадовалась поломке. Я сочла дорожное происшествие подходящим моментом, чтобы изменить свое решение.

Эмили нахмурилась:

– Но вам не удалось?

Селеста молча вытерла слезы и покачала головой:

– Невил говорит, что мы поедем дальше, как только колесо поставят на место, но границы достигнем только завтра. В любом случае я должна выйти за него, иначе моя репутация будет погублена. Что мне делать? Теперь я понимаю, что все-таки не люблю его. – Она глубоко вздохнула. – Честно говоря, он мне теперь даже не очень нравится. Он совсем не такой, как я думала. Но я привязана к нему на всю оставшуюся жизнь... А моим родителям нанесен такой удар! Ах, мисс Фарингдон-Траэрн, уж лучше умереть, чем выносить то, что меня ожидает.

– Дорогая мисс Гамильтон, я вам глубоко сочувствую. – Эмили протянула руку и успокаивающе похлопала Селесту по руке. – Я так понимаю, что вы сейчас испытываете. Я понимаю все, в том числе и трагедию оказаться замужем не за тем человеком. Но стоит ли огорчаться. Поверьте, судьба к вам более благосклонна, чем ко мне.

Селеста взглянула на нее в смятении:

– Что вы хотите этим сказать?

Эмили ободряюще улыбнулась:

– Разве не ясно? Я же здесь! Вы проведете сегодняшнюю ночь со мной, а утром мы вместе отправимся в Лондон. Ваши родители, без сомнения, очень сердиты на вас, но ваша репутация будет спасена, потому что все узнают, что вы провели ночь в обществе другой женщины. – Она наклонилась и заговорщически шепнула:

– Я, знаете ли, графиня. Графиня Блэйд, что может оказаться весьма полезным в данных обстоятельствах. И я готова оказать вам всяческую поддержку.

Селеста с внезапным интересом взглянула на нее:

– Да, говорили, что он женился. Вы и вправду графиня Блэйд?

Эмили мрачно кивнула:

– Мы поженились только вчера, так что все свершилось.

– Боже мой. Я с Блэйдом не знакома, но слышала, что говорил о вашем муже мой отец. Блэйд известен как человек очень загадочный. Я хорошо помню, как однажды отец сказал маме, что графу опасно попадаться на пути, – тихо призналась Селеста. – Блэйд провел много лет в Ост-Индии и, как говорят, приобрел весьма странные понятия...

– Кто это говорит?

– Молодые леди на брачном базаре, разумеется. Они все его ужасно боятся. Особенно Люсинда Канонбери, внучка

лорда Канонбери. Она однажды даже упала в обморок на балу, когда Блэйд вошел в комнату. Свалилась как подкошенная. Так, по крайней мере, мне рассказывали. Видимо, она испугалась, что он пригласит ее на танец...

Эмили наморщила носик.

– Вот глупость! Блэйд ни за что не стал бы танцевать с девушкой, которая страдает обмороками.

– Его не только Люсинда Канонбери боится, – продолжала Селеста. – Утверждают, что несколько молодых леди очень опасались, как бы Блэйд не сделал им предложение, на которое их родители не смогли бы ответить отказом. Блэйд способен запугать кого угодно! На брачном базаре все почувствуют большое облегчение, удостоверившись, что он наконец благополучно женился.

– Ха! Все их мнимое облегчение просто притворство, – решительно заявила Эмили, не переставая удивляться, почему, несмотря ни на что, она чувствует себя обязанной защищать графа. – Я готова биться об заклад, что все молодые леди считали его весьма привлекательным мужчиной и будут втайне разочарованы, услышав, что он женился. Но в любой случае, прошу вас, не стоит называть меня леди Блэйд. Зовите меня Эмили.

– Но если вы только вчера поженились, где же ваш муж? Пошел распорядиться насчет лошадей? О боже, леди Блэйд... то есть... я хочу сказать, Эмили. Да у вас же медовый месяц, и вы, вероятно, отправились в свадебное путеше-

ствие.

– Нет, – печально сказала Эмили. – Мой медовый месяц закончился. Всего одна ночь необыкновенного блаженства, которое исчезло с рассветом!.. – Она поколебалась и честно добавила:

– Ну, почти необыкновенного блаженства. Должна признаться, все было не совсем так, как я надеялась. Но теперь это уже не имеет значения.

– А почему только одна ночь?

Эмили лихорадочно начала соображать. Она вдруг поняла, что не желает принизить Саймона, поведав всю правду.

– Трагический поворот судьбы разлучил нас.

– Святые небеса, – прошептала Селеста, в высшей степени заинтригованная. – Как это, наверное, ужасно для вас.

– Да, в самом деле. Но мое несчастье обернется вашим спасением, – быстро заявила Эмили, инстинктивно стремясь взять ситуацию в свои руки. – Теперь у вас будет приличное женское общество, пока не вернетесь в лоно семьи. И ваша репутация не пострадает.

Милое личико Селесты, уже несколько просветлевшее, вдруг вновь нахмурилось.

– Но ведь есть еще Невил. Вы не знаете его, Эмили. Впрочем, и я совсем не знала его, как выяснилось. Он очень скверный и так настаивает на нашем браке. Должна сознаться, теперь я вижу, что папа был прав.

Невил с самого начала стремился жениться на мне ради

моего наследства. А я-то ему доверилась. У Эмили от сочувствия сжалось сердце.

– Я знаю, каково вам сейчас. Но не надо тревожиться из-за Невила.

– Вы не понимаете. Он очень сильный, и у него ужасный характер. Пока у нас не случилось поломки в дороге, я и представления не имела, каким злым он может быть. Эмили, я его боюсь! Он просто утащит меня, когда вернется, и вы не сумеете его остановить.

Эмили бросила быстрый взгляд на дверь:

– Кажется, придумала! Мы сейчас обе немедленно поднимемся ко мне в комнату и запремся там на ночь. Может, мне удастся упросить жену хозяина гостиницы прислать нам что-нибудь поесть. Но надо торопиться, пока не вернулся Невил.

Эмили вскочила и быстро зашагала к дверям. После секундного замешательства Селеста поспешила вслед за ней.

Эмили еще на какое-то время задержалась в холле, уговаривая жену хозяина прислать им холодный ужин в комнату, а затем обе молодые леди со всех ног бросились наверх в укрытие.

Ужин принесли через несколько минут, не слишком изысканный: два ломтика пирога и немного хлеба с сыром. Но Эмили и ее новая подруга набросились на еду с завидным аппетитом.

Ужасный Невил появился вскоре после завершения этой спартанской трапезы. Первым свидетельством, что сей гос-

подин не позволит так просто срывать его планы, был яростный стук в запертую дверь.

– Селеста, я знаю, что ты здесь! Какого дьявола ты там делаешь? Немедленно выходи! – прорычал Невил в замочную скважину.

– Невил, оставьте нас в покое. Я же сказала вам, что передумала выходить за вас! – прокричала Селеста. – Вы не тот человек, каким я вас считала.

– Ах ты маленькая дрянь! Ну уж нет, ты распрекрасно выйдешь за меня, Не зря же, черт побери, я все терплю. И вообще, уже поздно передумывать, глупая ты девчонка. Или выходишь за меня замуж, или ты погибла. И ты это прекрасно знаешь. Сейчас же выходи оттуда! – Невил начал вышибать дверь ногой.

– Боже мой! – Селеста в неопишемом ужасе уставилась на содрогающуюся под ударами дверь.

– Если ты сию же минуту не откроешь, я позову хозяина гостиницы с ключами, – заявил Невил. Дверь снова задрожала под ударами его сапог. – Лучше открой!

Эмили поняла, что дверь не выдержит, Она приступила к активным действиям.

– Помогите мне подставить это к двери, – велела она Селесте, таща через всю комнату тяжелое кресло.

Под непрекращающийся грохот Селеста ухватилась за кресло. Она едва сдерживала слезы.

Невил прокричал еще несколько угроз о том, что он на-

мерен с ней сделать, как только станет ее мужем. Крики и удары в дверь все усиливались.

– Не обращайтесь внимания, – сказала Эмили, пыхтя установила кресло на нужное место, и тут же начала придвигать к нему тяжелый комод.

– Он взломает дверь, – выдохнула Селеста, бледнея от ужаса.

– Вряд ли ему это под силу. – Но Эмили поглядела на дверь с тревогой – она казалась не слишком надежной, несмотря на придвинутые кресло и комод. – Пожалуй, надо подпереть еще чем-нибудь, – прошептала она Селесте.

– Но здесь осталась только кровать.

– Черт тебя возьми, дрянная девчонка! – завопил Невил. – Я отхожу тебя кнутом, когда вытащу оттуда. Ты слышишь меня, дуреха? Кнутом клянусь Богом! Посмотрим, долго ли ты будешь меня отвергать, отведав такого угощения.

И тут коридор прорезал новый голос – низкий, грозный, полностью подвластный своему владельцу:

– Что, черт подери, здесь происходит?

Эмили, уже ухватившаяся за кочергу на случай, если дверь все-таки не выдержит, круто повернулась и, изумленно ахнув, уставилась на дверь:

– Саймон!

– Саймон? – Селеста в ужасе и замешательстве смотрела на нее. – Кто такой Саймон?

– Мой муж. – Эмили улыбнулась, почувствовав полное об-

легчение. – Не беспокойтесь, он обо всем позаботится.

– Но вы же с ним в трагической разлуке... – напомнила Селеста.

– Это совсем другое дело, – отмахнулась Эмили кочергой от подобных затруднений. – Сейчас главное, что он позаботится о Невиле!

– Да? – весьма неуверенно спросила Селеста, – Но зачем ему так себя утруждать?

– Блэйд чрезвычайно благородный и галантный человек, – заверила ее Эмили.

По коридору разнесся голос Невила.

– Вот что, приятель, – громко и оскорбленно кричал Невил Саймону, – это не твое дело. Моя невеста заперлась здесь в комнате с какой-то особой! Я не уйду отсюда, пока не вытащу из-за этой двери Селесту.

– Особа, которая заперлась там с ней, моя жена, если верить хозяину гостиницы, – ледяным тоном произнес Саймон. – Убирайтесь от двери, или я ко всем чертям сломаю вам шею.

– Да кто вы такой, черт вас возьми, чтобы мне тут приказывать?! – рявкнул Невил. – Я не потерплю никакого вмешательства. Я направляюсь к границе и буду рад, если вы... Что за дьявол?

Эмили просияла, услышав озадаченный вопль Невила, прервавший его последнее восклицание. Затем последовал громкий шум падения. Эмили положила кочергу и гордо по-

вернулась к Селесте:

– Я же вам говорила, что Саймон позаботится о нем...

– Эмили? – на удивление спокойно прозвучал за дверью голос Саймона. – Вы здесь?

– Да, Саймон, я здесь. – Эмили заторопилась к двери.

– Сейчас же откройте. С меня довольно всей этой ерунды.

– Одну минуту, Саймон, – отозвалась Эмили, оттаскивая кресло от двери. Селеста поежилась;

– По его голосу не похоже, что он рад снова найти вас после того, как вас трагически разлучила судьба...

– Это мелочи. Но если я не открою дверь, можете не сомневаться, он найдет гораздо более успешный способ взломать ее, чем ваш Невил.

– Ой, Эмили, бедняжка. Он рычит прямо как зверь.

– Да, он дракон. – Эмили снова запыхтела от усилий, отодвигая кресло и комод. Наконец ей удалось убрать их от двери.

Она поспешно отперла замок и через мгновение с торжествующей улыбкой распахнула дверь. На пороге стоял Саймон, в мокром пальто, бриджах для верховой езды и заляпанных грязью сапогах. Выражение его лица было совершенно спокойно и невозмутимо, если не считать огоньков, пляшущих в его золотистых глазах.

– Так как же, Эмили?

Эмили не колебалась. Она кинулась прямо к нему в объятия:

– Саймон, вы спасли нас! Я говорила Селесте, что вы нас спасете.

Саймон заколебался, явно застигнутый врасплох столь радужным приемом. И обнял ее, на миг прижав к себе так крепко, что она задохнулась. На минуту-другую Эмили закутали складки его тяжелого пальто. Когда она наконец высвободилась из них и выглянула в коридор, то увидела молодого человека, который лежал на полу скрючившись и совершенно неподвижно.

– О Саймон, прекрасная работа. – Излучая полное одобрение, она посмотрела на мужа. – Вы действительно позаботились об этом грубияне. Он мертв?

В ответ на ее выжидательное выражение Саймон приподнял бровь:

– Да вы, оказывается, кровожадная малышка. Странно. Я этого раньше не замечал. Нет, он не мертв. Но думаю, некоторое время можно не опасаться, что он опять начнет выламывать ногами двери.

С лестницы опять послышался крик.

– Сэр, сэр, что тут за шум? – К ним, в отчаянии ломая руки, спешил хозяин гостиницы. – У меня приличное заведение. Я не допускаю драк в коридорах. Другие жильцы могут быть недовольны шумом.

Саймон бросил на маленького человечка убийственный взгляд:

– В приличных заведениях молодым благородным леди не

приходится строить баррикады у дверей в свою комнату.

Хозяин гостиницы встревоженно уставился на Эмили, потом на Селесту, выглядывавшую из дверей комнаты:

– Но, ваша светлость, если вы насчет леди... так ведь обе они были без горничных и без спутников. Ну, я и предположил, что они не слишком-то и благородные... Вы понимаете, конечно, что я имею в виду?..

Взгляд Саймона стал еще более грозным.

– Очевидно, вы сделали несколько глупые предположения. Эта леди – моя жена, а другая леди – ее подруга. Они условились встретиться здесь и дожидаться меня. Я временно задержался из-за непогоды. Вы, должно быть, заметили, что на улице сильная гроза?

– Да-да, ваша светлость, – поспешно согласился хозяин гостиницы. – Льет как из ведра.

Саймон тонко улыбнулся:

– Я полагал, моя жена и ее подруга отдохнут здесь в покое и безопасности, пока я занимаюсь неотложными делами.

И без того жалкий хозяин гостиницы теперь выглядел совершенно несчастным. Его беспокойный взгляд метнулся с победоносно улыбавшейся ему Эмили на безгласного неподвижного Невила.

– Прошу прощения, сэр. Я, кажется, не совсем верно понял. Очевидно, произошла ошибка.

– Очевидно. – Коротким кивком Саймон указал на лежащего на полу человека. – Предлагаю вам немедленно унести

его отсюда.

– Да-да, ваша светлость, я сейчас же распоряжусь. – Хозяин гостиницы повернулся и, свесившись с лестницы, закрычал слуге:

– Оуэн, поднимись сюда, мальчик, и помоги мне. Поторопись.

Саймон заглянул через голову Эмили в комнату, где пряталась Селеста. Его глаза задумчиво прищурились, Потом он вновь посмотрел на Эмили:

– А теперь, мадам, вам и вашей подруге следует немедленно сойти вниз и объяснить мне, что здесь произошло.

– Конечно, Саймон, – Эмили сияла. – Все очень просто.

– Мне как-то не очень в это верится. Прошу вас, не заставляйте долго ждать, – Саймон повернулся к лестнице, полы его пальто элегантно качнулись.

– Да, Саймон, мы сейчас спустимся, – отозвалась Эмили ему вслед.

Но он уже спускался вниз, ничем не показав, что заметил ее послушание.

Эмили шагнула обратно в комнату. Селеста широко раскрытыми глазами глядела на нее. Платочек в ее руке превратился в мокрый комок.

– А теперь-то что не так? – спросила Эмили.

– Боюсь, ваш муж очень сердит, – прошептала Селеста. – Наверное, он винит меня за то, что я втянула вас в эту историю.

– Ну, бога ради, Селеста. Саймон не собирается вас обвинять. Он очень справедливый и достойный человек. Скоро все выяснится. Но все-таки нам лучше поступить так, как он велел. Вы готовы сойти вниз?

– Да. Полагаю, этого все равно не избежать. – Селеста промокнула глаза платочком. – Ах, если бы мама была здесь!

– Ну, ее здесь нет, так что нам придется справляться самим. Предоставьте все объяснения мне. У меня такие вещи очень хорошо получаются. – Эмили поправила очки, привела в порядок юбки и решительно зашагала к лестнице.

Саймон ждал их в отдельной гостиной. Он снял пальто и шляпу и сидел перед камином с кружкой эля в руке. Когда вошли Эмили с Селестой, он с мрачной учтивостью поднялся им навстречу.

Эмили поспешила представить Селесту, которая выглядела еще более испуганной, чем раньше. Но вместо того чтобы назвать себя, Саймон молчал.

– Дочь Норткота? – пробормотал он наконец, В его взгляде появилась настороженность.

Селеста кивнула. Эмили хотела уже спросить, почему же она назвалась Гамильтон, но Саймон заговорил снова.

– Вы бежали в Гретна-Грин? – спросил он Селесту. – Полагаю, у вашего отца будет что сказать по этому поводу.

Селеста не поднимала глаз от пола.

– Да, милорд. Наверное.

Эмили хмуро взглянула на Саймона и ободряюще обняла

Селесту:

– Не тревожьтесь, Селеста. Блэйд побеседует с вашим отцом, и все образуется.

– Вот как? Я побеседую? – Саймон отхлебнул эля и посмотрел поверх кружки на жену. – И что же, по-вашему, я должен сказать маркизу?

Эмили заморгала:

– Маркизу?

– Ваша новая подруга – старшая дочь маркиза Норткота.

– Ой!.. – Эмили вскрикнула от неожиданности. – Я, кажется, слышала о нем.

– Несомненно, – сухо подтвердил Саймон. – Это один из самых богатых и могущественных людей в Лондоне. – Он бросил взгляд на Селесту. – И как мне думается, отец очень скоро достигнет свою пропавшую дочь.

Селеста вновь разразилась слезами:

– Папа никогда меня не простит!

– Что вы, конечно же простит, – попыталась ободрить ее Эмили. – Я же говорю вам: Блэйд все объяснит ему.

– В данный момент меня не слишком привлекают какие-либо объяснения с Норткотом, – заметил Саймон. – Пока что я сам жду некоторых объяснений, мадам.

Эмили прикусила нижнюю губу:

– Вы получили мою записку?

– Да, мадам, получил. Но мы обсудим это позднее, наедине.

– Ах да, разумеется.

Эмили не была уверена, что ей нравится подобная перспектива, но, прежде чем она успела что-либо сказать, в коридоре послышался какой-то шум. Через несколько секунд дверь маленькой гостиной распахнулась, пропуская мужчину лет пятидесяти с благородным лицом патриция и элегантную темноволосую женщину в чрезвычайно модном дорожном костюме.

– Мама! – Разрыдавшись, Селеста подбежала к темноволосой женщине, которая крепко обняла ее. – Мама, я так виновата.

– Дорогая моя девочка, я чуть с ума не сошла от волнения. С тобой все в порядке?

– Да, мама, все в порядке благодаря леди Блэйд. – Селеста высвободилась из материнских объятий и улыбнулась Эмили сквозь слезы. – Она спасла меня от ужасной участи, мама. Я обязана ей больше, чем можно выразить словами.

Маркиза Норткот неуверенно взглянула на Эмили. В ее глазах сквозила некоторая настороженность.

– К сожалению, нас не представили друг другу как полагается, леди Блэйд, – несколько напряженно произнесла она, – Но я чувствую себя в неоплатном долгу перед вами.

– Ну что вы, леди Норткот, – ободряюще сказала Эмили, – какие глупости. Вы совсем не в долгу передо мной.

В глазах маркизы промелькнуло облегчение. Она снова посмотрела на дочь, потом опять на Эмили:

– Так, значит, все благополучно?

– Вполне, мадам. – Эмили тихо кашлянула. – Селеста попала в небольшое приключение, но честь ее спасена, а Блэйд позаботился для вас о Невиле.

Маркиз Норткот пристально посмотрел на дочь, потом на Саймона. Впервые за все это время он заговорил, взгляд его был еще более настороженным, чем у жены.

– Блэйд.

Саймон кивнул, довольно небрежно отвечая на приветствие:

– Норткот.

– Похоже, моя жена права. Мы в долгу перед вами, сэр.

– Не передо мной, – холодно возразил Саймон. – Это моя жена подружилась с вашей дочерью и не позволила негодяю запустить в нее свои когти, пока не подросел я.

– Понимаю. – Норткот закрыл дверь и прошел в комнату. – Не угодно ли объяснить, что здесь случилось?

Саймон пожал плечами:

– Ну что ж, меня предупредили, что придется заняться объяснениями.

– Они настолько сложны? – Норткот бросил на него испытующий взгляд.

– Ни в коей мере. – Лицо Саймона выражало холодное удовлетворение, – Но я все же предложил бы сам и вашей супруге присесть и заказать немного эля. Нам понадобится некоторое время.

Норткот кивнул с мрачным смирением:

– Пеппингтон, Канонбери, а теперь я. В конце концов вы прижали нас всех, как и хотели, не так ли, Блэйд? – тихо спросил он.

– Да, – пробормотал Саймон. – Вы последний. Я буду считать это свадебным подарком от моей новобрачной.

Глава 10

– Должна сказать, Саймон, вы справились со всеми делами просто превосходно. – Эмили устроилась в кресле у огня и наблюдала, как ее муж запирает дверь спальни, которую он снял на ночь.

Незадолго до этого он, окинув беглым взглядом комнату, отведенную Эмили, и сжав губы, велел, чтобы им немедленно приготовили другую, более просторную и удобную. Хозяин гостиницы поспешно перенес туда вещи Эмили.

– Главное, Саймон, что у вас вся история прозвучала так обыденно и естественно, словно мы просто повстречали Селесту во время нашего свадебного путешествия и взяли ее под свое крылышко.

Маркиз и маркиза Норткот несколько минут назад отправились в город в своем быстром удобном экипаже. Если все пройдет хорошо, к раннему утру они благополучно доставят Селесту в ее спальню. Было решено, что лучший выход – подъехать с дочерью к дому на рассвете, как будто они все вернулись с бала. Никто ничего не заподозрит.

– Я рад, что вам нравится, как я справился с этой задачей. Признаться, я не любитель сочинять на ходу всякие романтические истории. – Саймон подошел к креслу напротив Эмили и не спеша опустился в него. Он с удовольствием вытянул ноги к огню и воззрился из-под полуприкрытых век на

свою сбежавшую женушку.

– Нет, правда вы просто чудесно все сделали, – счастливо заверила его Эмили. – Вы даже ухитрились очень быстро сообразить, что именно я уже успела рассказать Селесте, и наши истории замечательно совпали.

– Ну, вы же обронили несколько полезных намеков, дорогая моя. – Брови Саймона поползли вверх. – Трагически разлучились наутро после свадьбы, так ведь? Вам здорово повезло, что леди Селеста не принялась расспрашивать о той трагедии, что нас разлучила.

– Вы правы. – Эмили с минуту поразмышляла над его замечанием. – А что, если этим заинтересуется ее мать?..

– Вряд ли здесь возникнут еще какие-то вопросы. Норткот вполне удовлетворится моей версией о том, что я задержался с экипажем и послал вас вперед, чтобы гроза не застигла вас в пути. Они с женой куда больше озабочены участью собственной дочери, чем вашей судьбой.

– Бедная Селеста. Но по крайней мере, она спасена от необходимости выходить замуж за того, кто ей совсем не нужен. – Эмили просияла. – Это было чудесное спасение, Саймон. Именно такое, как я от вас и ждала.

– Вы мне льстите. – Саймон положил локти на ручки кресла, сплел пальцы под подбородком и неотрывно смотрел на жену. – А теперь, по-моему, вам пора дать объяснения своему собственному поведению.

– Объяснения?

– Предупреждаю, я не желаю вновь выслушивать всю эту чепуху, которую вы написали в записке, про разбитые сердца и разбитые вазы. Это стихотворение, если вы помните, я уже читал. Оно далеко не самое лучшее из ваших произведений.

Радостное оживление Эмили после чудесного приключения с Селестой быстро угасло под неумолимым взором Саймона. Она опустила глаза на кротко сложенные на коленях руки:

– Когда-то вы назвали это стихотворение очень впечатляющим...

– На сей раз оно прозвучало несколько иначе. Возможно, из-за обстановки, в которой я его читал. Ваша горничная в это время рыдала в один из моих лучших льняных платков. Дакетт скорбно бродил вокруг, как плакальщик на похоронах, Миссис Хикинботэм причитала и стенала что-то о том, как я, несомненно, найду вас застреленной намертво разбойником с большой дороги. Если не хуже...

Эмили на мгновение отвлеклась:

– А что может быть хуже, чем оказаться застреленной разбойником?

– Я думаю, миссис Хикинботэм представила вас страдающей от доли худшей, чем смерть, – пояснил Саймон.

Эмили бросила на мужа быстрый укоризненный взгляд:

– Можно сказать, что я уже пережила это прошлой ночью, милорд.

Саймон вдруг удивил ее слабой улыбкой:

– Это было в самом деле настолько плохо, Эмили?

Она тяжело вздохнула:

– Да нет вообще-то. Как я сказала Селесте, это была ночь почти трансцендентального блаженства.

– О господи! – пробормотал Саймон.

– Я много размышляла и пришла к выводу: в том, что наш эксперимент получился не совсем таким, каким должен быть, не только ваша вина, милорд. Ведь, в конце концов, вы же признались мне, что никогда прежде не делали ничего подобного.

– Я так сказал?

– Ну да. Так что частично нашим затруднениям мы обязаны тому, что мы оба не слишком опытны в создании трансцендентальных союзов и все такое прочее. Трудности на ранних стадиях неизбежны. – Она взглянула на него с надеждой. – Вы не согласны со мной, милорд?

– Очень великодушно с вашей стороны не винить меня полностью за неудавшуюся попытку перенести вас к высотам трансцендентального уровня, дорогая моя!

Эмили нахмурилась, уловив в его словах сарказм:

– Ну, может, и в самом деле не следует винить вас за трудности в физической части нашего союза, но это не служит вам оправданием за все остальное. Вы вели себя дурно, и я оставила вам записку со строками из моего стихотворения о разбитых вазах и тому подобном, поскольку сочла это вполне уместным.

– Уместным? Вы попадаете в ситуацию, которая могла закончиться бог знает чем! Мы находимся за многие мили от дома в дождливую, чрезвычайно противную ночь и вынуждены провести ее в жалкой гостинице с отвратительной пищей и мерзкими кроватями. И все потому, что вы изволили дуться. Мадам, позвольте мне заметить, что я нахожу романтические упоминания о разбитых сердцах и разбитых вазах совершенно неуместными.

– Но мое сердце действительно разбито, – с чувством произнесла Эмили. – Вы разбили его сегодня утром, когда заявили, что наша последняя ночь ничего не значила для вас.

– Я этого не говорил, Эмили.

– Нет, говорили. Вы сказали, что я приняла за трансцендентальный союз двух родственных душ обыкновенную похоть, – Обида снова закипела в ней. – И более того, вы просто ужасно обошлись со мной только потому, что я вышла в сад попрощаться с отцом. Я согласна, у него есть определенные недостатки, но он мой отец, и вы не имеете права запрещать мне видеться с ним или с близнецами.

– Я не запрещал вам видеться с ним, Эмили. Я просто сказал, что вы будете с ними встречаться только в моем присутствии.

– Я не позволю вам так меня ограничивать.

– Вы моя жена, – напомнил ей Саймон угрожающе тихим голосом. – Я имею все права ограничивать вас так, как сочту нужным. Меры, предпринятые мной, – для вашего же блага.

– Чепуха! – вспыхнула Эмили. – Они предприняты для того, чтобы не дать мне дальше вести финансовые дела моего отца. Еще один пункт в вашем плане мщениа.

– Ваш отец годами пользовался вашими деловыми талантами.

– Ну и что? Вы женились на мне по причине этих же самых талантов. Вы тоже хотите лишь воспользоваться мной.

– Это вы уговорили меня жениться на вас, – возразил Саймон сквозь стиснутые зубы. – Или вы успели забыть, как договаривались со мной у ручья? Вы получили то, о чем мечтали, Эмили. Вы теперь моя графиня и обязаны выполнять условия нашего договора.

Судорожно стиснув пальцы, Эмили с отчаянным вызовом взглянула на мужа:

– Я не поняла тогда, что вы намерены полностью оторвать меня от семьи.

– Я пресекаю только финансовые отношения.

– Но вы дали понять моему отцу, что не собираетесь отлучать его, – напомнила она.

Саймон холодно улыбнулся:

– Да, я немного помахал перед ним этой приманкой. И это, как видите, все очень упростило.

– Вы слишком далеко зашли в своем мщениа, милорд.

– Вы, моя радость, ничего не знаете о мщениа.

– А вы знаете?

– О да, – тихо ответил Саймон, – Я двадцать три года меч-

тал о нем. А сейчас с меня довольно разговоров на эту тему. Мои понятия о мщении больше не должны вас беспокоить. Вы моя жена и потому будете вести себя, как подобает графине Блэйд. Вам все ясно, Эмили?

У Эмили упало сердце.

– А если я больше не желаю быть вашей графиней?

– Очень жаль, но менять решение уже слишком поздно.

Вы подчинились своим романтическим порывам и пылким чувствам, дорогая моя, и теперь надо платить за приобретенный опыт.

– Но, Саймон, мы будем несчастны, если не остановимся... Вы не можете не понимать этого.

– Глупости, – бессердечно сказал Саймон. – Не вижу причин, чтобы наш брак оказался неудачным. Если бы несколько недель назад я пришел к такому заключению, я не женился бы на вас. Вы будете для меня вполне подходящей супругой, если только захотите этого по-настоящему, В любом случае обратной дороги нет. О признании брака недействительным не может быть и речи, а развода я не допущу. Я знаю, как вы дорожите своим скандальным прошлым, но развод – это уже слишком... даже для вас. И конечно же, я должен помнить о своем титуле.

– Да, конечно. – Эмили разглядывала стиснутые на коленях руки, с удивлением понимая, что испытывает странное облегчение... Разумеется, о разводе не может быть и речи. Она привязана к Саймону на всю оставшуюся жизнь.

На всю оставшуюся жизнь, Эмили даже повеселела. За целую жизнь многое может измениться, подумала она, в том числе и отношение человека к своей собственной жене. Оптимизм снова вернулся к ней.

Взгляд Саймона сделался еще строже.

– А теперь слушайте хорошенько, Эмили, потому что я не желаю больше пускаться в погоню за сбежавшей женой. Больше никаких путешествий неизвестно куда. Больше никаких несчастных стихотворений у горничной. Я готов предоставить вам значительную свободу, но и вы примете несколько условий, на которых я настаиваю. Самое главное из них: вы не будете встречаться без моего присутствия ни с кем из вашей семьи. Я понятно выразился?

Эмили смотрела на него сквозь опущенные ресницы:

– Даже слишком понятно, милорд. Все это звучит совершенно ужасно. Совсем не так воображала я себе наш брак.

Губы Саймона слегка изогнулись.

– Попробуйте увидеть и светлую сторону, дорогая моя. Вы создание пылкое и страстное. И теперь вы сможете дать выход своей страстности. Сосредоточьтесь на этой стороне жизни, и все встанет на свои места.

Это было уже слишком. От его снисходительного совета Эмили пришла в ярость:

– Когда-то Прендергаст предлагал мне то же самое. Я ответила отказом... впрочем, как и сейчас. У меня хватит терпения сдержать свои страстные чувства до того времени, ко-

гда их можно будет позволить себе с кем-то другим, кто действительно способен на благородную духовную связь высшего порядка.

Саймон сразу же утратил весь свой самодовольный вид. Золотой взгляд дракона стал вдруг резким и жгучим.

– Мне известно, что замужние женщины в свете часто позволяют себе заводить любовные романы, но вы и не помышляйте о связи с другим мужчиной. Хорошенько запомните, Эмили. Я ни с кем не делюсь тем, что принадлежит мне, а с прошлой ночи вы безусловно моя.

Эмили с тревогой посмотрела на него:

– Селеста считает, что на Востоке вы приобщились к странному идеям.

– Если это вас как-то утешит, я всегда был склонен охранять то, что принадлежит мне. А жизнь на Востоке лишь научила делать это несколько лучше других.

Эмили охотно поверила ему. Она, правда, не слишком обеспокоилась, поскольку не могла себе даже представить, что способна предаться любви с каким-либо другим мужчиной, кроме Саймона.

– Не стоит опасаться, милорд. Не так уж сильно меня впечатлило то, чем мы занимались прошлой ночью, чтобы немедленно искать повторения с кем-либо другим.

Опасный огонь в глазах Саймона угас. На смену ему пришло выражение досады.

– Обещаю, что в следующий раз вам понравится больше.

Эмили задумчиво прикусила нижнюю губу и серьезно заметила:

– Раз уж мы коснулись этой темы, милорд, могу вам сказать, что второй раз пробовать я не хочу.

Саймон отвернулся. Он потянулся к кочерге и резкими движениями начал помешивать огонь в камине:

– Как я уже говорил, скоро вы будете думать по-другому...

Эмили собрала все свое мужество;

– Нет, милорд. Вряд ли.

Саймон взглянул на нее через плечо:

– О чем это вы?

– О том, что я не хочу, чтобы вы вновь занимались со мной любовью, – храбро пояснила Эмили. Она решила действовать по-своему. Она теперь знала, что ей надо делать. – ...То есть пока не будут соблюдены некоторые условия.

– Эмили, – начал Саймон с угрозой, – я понимаю, вы несколько взволнованы вашими последними приключениями, но, предупреждаю вас, я не потерплю...

Она подняла руку, жестом повелевая ему замолчать:

– Пожалуйста, милорд, позвольте мне закончить. Я не хочу, чтобы вы предавались любви со мной, пока между нами действительно не установятся высокие и чистые отношения – такие, на которые я надеялась, когда просила вас жениться на мне. Хитростью вы больше не заставите меня заняться... любовью. Вы понимаете меня, Саймон.

– Хитрость здесь ни при чем, – процедил он сквозь зубы. –

Я ведь вам уже объяснял, что просто успокаивал тогда ваше естественное волнение девственницы перед брачной ночью. Можно сказать, я вел себя как очень внимательный и заботливый муж.

– Ерунда. Вы меня перехитрили. Но больше вам не удастся. Это мое последнее слово.

Глаза Саймона опасно вспыхнули, в них отразилось пламя камина. А потом он даже слегка расслабился, как охотник, который готов лежать в засаде и поджидать добычу, прежде чем обрушиться на нее.

– Прекрасно, мадам.

Эмили не слишком обрадовала такая его готовность принять ее требование:

– Вы обещаете не пользоваться вашей силой против меня?

Саймон пожал плечами:

– Не слишком-то интересно брать силой жену, которая этого не хочет.

Он положил кочергу и снова сел в кресло. Его пальцы выбили по подлокотнику короткую дробь. После довольно продолжительного молчания его рот вновь изогнулся в холодной улыбке. И эта улыбка Эмили совсем не понравилась.

– О чем вы думаете, милорд?

– Просто о том, Эмили, что я готов подождать, пока вы сами не явитесь ко мне. Признаться, так будет гораздо лучше. – Он кивнул, словно подтверждая какие-то свои выводы. – Да. Намного лучше.

Эмили заколебалась: не проглядела ли она какую-нибудь зияющую дыру в своем мудром плане. Слишком уж быстро Саймон согласился.

– А если я к вам не приду, милорд?

– Придете. И очень скоро. – Саймон встал и налил два бокала бренди из графина на столе, – Не думаю, что вы заставите меня долго ждать, ведь вы же такая пылкая и страстная и все такое прочее. И достаточно умная, чтобы понимать, что хотя эта последняя ночь, возможно, и не оправдала ваших романтических надежд, но в физическом плане у нас впереди еще много открытий, Вы ведь не забыли своих ощущений в ту ночь, когда я посадил вас на стол в библиотеке, раздвинул вам ножки и познакомил вас с вашей собственной страстной натурой?

Эмили покраснела и отвернулась.

– Нет, – тихо призналась она. – Я не забыла.

– Вообразите, как это было бы – испытать ту же самую бурю чувств, когда я буду глубоко в вас, – намеренно сказал Саймон. – Подумайте о том, насколько необыкновенным и поистине трансцендентальным было бы это ощущение, Насколько высоко метафизическим. Насколько пробуждающим в вас все ваши чувства. Насколько потрясающе волнующим. Потому что, дорогая моя, именно так и будет, когда мы займемся любовью в следующий раз. Заверяю вас.

Эмили неожиданно стало жарковато, и она знала, что тепло камина здесь ни при чем.

– Вы вновь пытаетесь меня перехитрить, Саймон. Я не желаю ничего обсуждать. Я приняла решение и настаиваю, чтобы вы отнеслись к нему с уважением.

– Непременно, мадам. – Он принялся стаскивать сапоги. – Ни слова более до тех пор, пока вы не придете ко мне и как следует не попросите, чтобы я вам показал, чего вы себя лишаете и как много осталось еще не изведанных вами ощущений.

– Как бы вам не состариться, прежде чем этого дождетесь, милорд, – выпалила она в ответ.

Саймон расстегивал рубашку. Он улыбнулся, как охотник, предвкушающий добычу:

– Уверяю вас, моя радость, в следующий раз вы меня не только попросите, а начнете умолять, чтобы я затащил вас в постель.

– Никогда! – поклялась она, приходя в бешенство от холодной мужской уверенности Саймона.

– Пылкая и страстная женщина должна быть очень осторожна в столь категорических заявлениях.

– Я вправе заявлять все, что хочу... Саймон, что вы делаете? – Глаза Эмили изумленно округлились, когда она увидела, как он снимает свою льняную рубашку и вешает ее на спинку стула.

– Готовлюсь лечь в постель. У меня был очень тяжелый день, моя радость, как вам известно. – Он расстегивал бриджи.

– Но я же только что сказала вам, что не стану заниматься любовью с вами. Он кивнул:

– Я слышал. Я собираюсь просто лечь в постель и выспаться, насколько это удастся на таком матрасе – он же весь в буграх! А утром я найму почтовую карету, которая как можно быстрее доставит нас домой. У меня нет никакого желания слишком долго задерживаться в этом убогом месте.

– Вы собираетесь спать на кровати? – С ужасом Эмили осмотрелась, словно впервые увидев окружающую ее обстановку. – Но, Саймон, здесь же только одна кровать.

– Она достаточна широка, чтобы принять нас двоих. – Он начал вышагивать из бриджей. Отблески пламени заиграли на гибких контурах его спины и ягодиц.

Эмили завороченно глядела на сильное мускулистое тело своего мужа. Раздеваясь, он стоял спиной к камину, и в слабом мерцании пламени Эмили видела его начинающую просыпаться мужскую плоть. Она вспомнила прошлую ночь... Свои первые прикосновения, ощущение мощи и силы в своих руках, вспомнила мгновенную реакцию в ответ на свои прикосновения. Она вспомнила и то, как он использовал свою мужскую силу, чтобы проложить путь в самую сердцевину ее существа.

– Что-нибудь случилось, Эмили? – Намеренно не обращая внимания на ее взгляд, Саймон прошагал по комнате к кровати и откинул одеяло. Он улегся и заложил руки за голову. – Так что же?

Эмили дотронулась кончиком языка до пересохших губ.

– Нет. Нет-нет, ничего.

Сдернув очки, она положила их на столик. Сейчас лучше не видеть всего слишком отчетливо. Она вскочила и начала придвигать скамеечку для ног к тяжелому деревянному креслу.

– Что это вы делаете? – с любопытством осведомился Саймон.

– Разве не ясно? Готовлю себе место, где проведу ночь.

Она подошла к кровати, схватила одеяло и прошествовала обратно к креслу. Потом уселась, поставила ноги на скамеечку и завернулась в одеяло.

– Это кресло к утру покажется вам очень неудобным. А когда погаснет камин, здесь станет ужасно холодно, – предупредил Саймон.

– Я и не жду удобств, милорд. Я готова страдать. Буду считать это наказанием за свой грех опрометчивых суждений и невезения. – Эмили задула свечу и устроилась поудобнее, чтобы поразмыслить о своей несчастной судьбе.

Полчаса спустя Саймон, которому не давали уснуть тихие несчастные звуки, время от времени доносящиеся с кресла, перевернулся на спину и уставился в потолок. Огонь в камине уже превратился в кучку едва тлеющих углей, но этого хватало, чтобы разглядеть очертания маленькой фигурки Эмили, сжавшейся в комочек под одеялом. Она, без сомне-

ния, мерзнет, сказал себе Саймон, а он вовсе не хочет, чтобы она заболела. Хворая жена – лишние хлопоты.

Он размышлял о том, как вернее залучить Эмили в теплую постель. Он прекрасно понимал, что только сильная штука, это он знал по себе. А иногда она единственное твоё достояние.

Вовсе ни к чему Эмили страдать сегодня, решил Саймон. Ее женской гордости еще предстоит испытать удар, и достаточно скоро, И случится это, когда она в конце концов признает свое поражение в той маленькой войне, которую сама и объявила.

Саймон сожалел, что ее придется подвергнуть унижению, когда она сдастся на его милость. Но тут уж ничего не поделаешь. Ей предстоит усвоить тяжкий урок, поскольку он намерен быть хозяином в собственном доме и в собственной постели.

Да и потом, Эмили сама двинула свои войска в атаку, принося яростную клятву отказывать ему впредь в его супружеских правах. В ней явно еще слишком много от Фарингтонов, вот она и вообразила, что сможет командовать, как захочет, мрачно размышлял Саймон. Он быстро наведет порядок. Они будут счастливы и довольны, когда Эмили осознает свое новое предназначение в жизни.

А пока что Саймон решил, что не желает больше слушать эту тихую возню в кресле. Он открыл рот, чтобы приказать Эмили немедленно лечь в постель, но его опередили.

– Саймон? – тихо и испытующе прозвучал во тьме голос Эмили. – Вы не спите?

– Нет.

– Я тут кое о чем подумала.

Саймон удовлетворенно улыбнулся. Конечно, даже лучше, если она сама сдастся на его волю. Интересно, она прямо попросит разрешения присоединиться к нему в постели или применит более тонкую тактику, сказав, что замерзла и хочет согреться? В любом случае он облегчит ей этот шаг.

– О чем же, Эмили?

– Вы действительно заставили своим появлением упасть в обморок Люсинду Канонбери, когда вошли тогда в бальную залу?

– Что за чепуху вы несете? – Саймон уставился на фигуру в кресле.

– Селеста говорит, что это случилось в Лондоне. По ее словам, все леди на брачном базаре, в том числе и Люсинда, ужасно боялись вас – вдруг вам вздумается сделать им предложение.

– Никогда не замечал никаких глупых девчонок, которые плюхаются в обморок, когда я вхожу в бальную залу, – пробормотал Саймон.

Ему тогда, конечно, передали, что молодой Канонбери стало дурно, но сам он ничего не заметил. Там было полно народу.

Эмили хихикнула в темноте:

– Я сказала Селесте, что все это просто притворство. Я абсолютно уверена, что все молодые леди на брачном базаре, наоборот, были совершенно покорены вами, и вы их, наверное, страшно уязвили тем, что даже не удосужились их заметить.

Саймон понял, что Эмили явно еще не представляла, какой репутацией он пользовался в столице. Она, как всегда, романтизировала ситуацию.

– Вы правы, – ответил он ей в тон. – Все это полнейшая чепуха. – Вдруг ему в голову пришла одна мысль. Мгновенно прокрутив ее со всех сторон, он принял решение. – Эмили, вы хотели бы отправиться в Лондон?

– Да, очень. А вы думаете, можно? Папа всегда говорил, что я не должна ездить в город слишком часто, а то кто-нибудь вспомнит про скандал в моем прошлом. Мне не хотелось бы ставить вас в неловкое положение, Саймон.

– В вашем прошлом больше нет скандала, Эмили.

– Нет? – В ее голосе прозвучало замешательство.

– Нет. Я внушил некоторым людям, в том числе лорду и леди Гиллингем и Прендергасту, кое-что знающим о вашем небольшом приключении пять лет назад, что о нем больше никогда не следует упоминать. Это, кстати, касается и вас. Насколько вам известно, Эмили, никакого скандала не было...

– Но, Саймон...

– Не стоит это обсуждать. Обсуждать нечего. А если кто-

то попытается что-либо сказать, вы сообщите мне немедленно. Вы поняли?

– Да. Но, Саймон, я все же...

Он на мгновение смягчился:

– Я понимаю, вы цепляетесь за воспоминание о несчастном происшествии как об одном из самых волнующих моментов вашей жизни, но надеюсь предоставить вам для воспоминаний еще более волнующие моменты.

– Ну, я тоже так думала, – откровенно призналась она. – Потому и просила вас жениться на мне. Но теперь я уже ни в чем не уверена... Похоже, я совершила непростительную ошибку.

– Единственная ваша ошибка, дорогая моя, – это то, что вы считаете, будто сможете справляться со мной так же легко, как вы справляетесь с делами. Мной не очень-то легко управлять, мадам.

– Как вам не стыдно произносить подобные вещи?!

– Это правда. Но мы скоро уладим наше затруднение. Вы явитесь ко мне и мило извинитесь за то, что взбунтовались, А потом хорошенько попросите, чтобы я взял вас обратно в свою постель, и с этим будет покончено.

– Как бы не так, черт меня подери!

– По-моему, мы говорили о поездке в Лондон.

– Мы говорили о вашем непробиваемом высокомерии, – парировала она.

– Мы отправимся в город как можно быстрее.

– Почему? – требовательно спросила Эмили. – Почему мы вдруг должны сломя голову мчаться в Лондон?

– Потому что, – отвечал Саймон, размышляя о великой благодарности маркизы и маркиза Норткот, – мне кажется, сейчас самое время ввести вас в свет.

Норткот, как Пеппингтон и Канонбери, наконец попался. Маркиз мог оказаться полезным, и Саймон твердо намеревался использовать его и маркизу, чтобы представить Эмили светскому обществу.

Эмили долго молчала.

– Вы действительно так думаете, Саймон? Он снова улыбнулся про себя.

– Да. – Откинув простыню, он встал. – Ну вот что, я совсем замерз, и мне неудобно. Я вынужден потребовать, чтобы вы легли в постель и прихватили с собой одеяло.

Эмили в тревоге выпрямилась и вцепилась в одеяло, увидев, что он решительно направляется к ней. Она настороженно смотрела на него в полумраке.

– Повторяю, Саймон. Я не позволю вам заняться со мной любовью.

Он протянул руки и вытащил ее из кресла:

– Успокойтесь, дорогая моя. Речь идет об удобстве и здоровье. Даю вам слово, что не применю к вам силу. – Он поставил ее на ноги и начал хладнокровно и ловко сбрасывать с нее одежду.

– Ха! Рассчитываете, что, как только уложите меня в по-

стель, я взмолюсь, чтобы вы занялись со мной любовью?! – с вызовом бросила она, безуспешно трепыхаясь в его руках. – Думаете, я настолько слабовольна?

– Вы не слабовольны, моя радость. – Саймон бросил на кресло ее дорожное платье, оставив Эмили в одной тоненькой муслиновой сорочке. – Вы темпераментная, страстная и импульсивная. А это не одно и то же.

Эмили перестала биться в его руках и взглянула на него прищурившись, чтобы рассмотреть получше:

– Вы действительно так думаете, Саймон?

Он коротко усмехнулся и, подхватив ее как перышко, понес к постели:

– Я в этом совершенно уверен, дорогая моя. И хотя вы сейчас на меня сердиты, вы же не захотите заморозить меня ночью до смерти? А поскольку мы не можем оба воспользоваться одеялом, если только не разделим одну постель, выбора у нас нет. Вы должны присоединиться ко мне.

Смирившись, Эмили вздохнула и быстро скользнула под одеяло. Она напряженно застыла на самом краешке кровати, пока Саймон укладывался рядом.

– Ну хорошо. Ради здоровья я согласна разделить с вами постель. Но любовью со мной заниматься вы не будете, Саймон.

– Не тревожьтесь, Эмили. Я не обрушусь на вас во сне, Я согласен ждать, пока вы придете ко мне сами.

– Этого не случится до тех пор, пока я не буду убеждена,

что вы чувствуете ко мне то же, что чувствовала к вам я, когда прошлой ночью вы разбили мне сердце, – поклялась она.

– Посмотрим, мадам жена. А сейчас предлагаю вам немного поспать. У вас был очень напряженный день.

– Да, и очень запоминающийся, – призналась она, зевая. – Как романтично с вашей стороны отправиться за мной в погоню. Я чувствую, для нас еще не все потеряно, Саймон.

Он открыл рот от удивления:

– Это потому, что я побежал вас догонять? Я отправился за вами, потому что вы принадлежите мне, а я храню то, что мне принадлежит. Никогда больше не забывайте об этом, Эмили.

Ему ответило молчание. Саймон подождал хоть какого-нибудь подтверждения своему суровому требованию. Когда же его не последовало, он повернулся к Эмили.

Она крепко спала.

Некоторое время Саймон смотрел на нее в полумраке, а потом осторожно придвинул к себе поближе.

Не просыпаясь, Эмили уютно прижалась к нему, словно всю жизнь спала в его объятиях.

Через несколько минут крепко заснул и Саймон.

Глава 11

Заслышав шумную возню в коридоре, Саймон оторвался от деловых бумаг. Очевидно, его тетка и Эмили вернулись из своего похода по магазинам. Желая узнать о результатах их набега на Оксфорд-стрит, Саймон встал и пересек свою пещеру, полную изукрашенных драгоценностями драконов, открыл дверь библиотеки и улыбнулся забавному зрелищу, представшему перед его взором.

Два лакея спешили перенести в дом из стоявшего у крыльца экипажа множество свертков и пакетов, Эмили, одетая в одно из тех платьев пастельных тонов, которые она привезла с собой из дома, металась на лестнице, взволнованно отдавая распоряжения. Ее рыжие кудри выбились из-под соломенной шляпки, украшенной цветами, очки на курносом носу съехали немного набок.

Леди Араминта Мерриуэдер стояла в стороне, наблюдая за происходящим, которое забавляло ее не меньше, чем Саймона.

– Несите, пожалуйста, прямо наверх, – говорила Эмили, внимательно осматривая каждый сверток, извлекаемый из кареты. – Передайте Лиззи, чтобы она все сразу же распаковала. Я сейчас поднимусь и посмотрю, все ли в порядке. Ой, осторожнее, Гарри. Здесь самый красивый зонтик от солнца, какой вы когда-либо видели. Он весь изукрашен маленьки-

ми зелеными и золотыми дракончиками!

– Ага, мэм. – Гарри одарил хозяйку беззубой улыбкой – улыбкой, которая когда-то повергала в ужас взрослых мужчин. – Чего зря-то волноваться. Пригляжу не хуже, как если бы для себя чего прихватил...

У этого бывшего пирата сломаны и утеряны были не только зубы. В список значительных потерь входил и перебитый нос, так и не выправленный как следует, и левая рука, вместо которой торчал крючок довольно зловещего вида. Из-за совершенно непредсказуемого впечатления, которое производил Гарри на гостей, Гривз не брал его прислуживать за столом в тех редких случаях, когда Блэйд принимал гостей у себя дома. Но когда дворецкий по указанию Саймона поручил Гарри заботливо опекать новую хозяйку дома, Эмили отнеслась к его крюку совершенно спокойно. Гарри был покорен мгновенно.

– Спасибо, Гарри, вы очень добры. – Эмили сияюще улыбнулась ему.

Видя, как Гарри краснеет и заикается, словно школьник, Саймон с усмешкой подумал, поняла ли Эмили, что «прихватить» на воровском жаргоне служило дипломатичной заменой слова «украсть».

Эмили радостно повернулась к леди Мерриуэдер:

– Просто потрясающее утро, Араминта. Как мне благодарить вас?

– Мне приятно было поучаствовать, Эмили. – Араминта

отступила, поскольку в холл внесли особенно большую коробку.

– Ради бога, аккуратнее, Джордж, – напутствовала Эмили другого лакея, который нес поклажу наверх в ее комнату. Она с беспокойством заспешила за ним, без конца проверяя состояние коробки. – Это от мадам Клод... И это самая превосходная шляпка на свете! – Она поймала взгляд Саймона, прислонившегося плечом к дверному косяку, ее глаза засияли. – Подождите, вы сами убедитесь, милорд! Шляпка выполнена *a la militaire*, и я заказала к ней красивую амазонку – с эполетами, аксельбантами и еще разными другими военными украшениями. Она будет просто сногшибательна.

– Мне не терпится увидеть вас в ней, – серьезно произнес Саймон.

Лакей Джордж с иссеченным шрамами лицом, когда-то сполна хлебнувший бурной нелегкой жизни в портах восточных стран, нежно, словно младенца, баюкал драгоценную коробку со шляпкой.

Эмили заметила, что внесли еще один сверток, и полетела отдавать распоряжения.

– Здесь мои новые полусапожки, – доложила она Саймону через плечо. – Я еще купила несколько пар разных туфель. Истратила целую кучу денег, но ваша тетушка полагает, что у меня должна быть отдельная пара для каждого платья.

Саймон скрестил на груди руки и, вздернув бровь, многозначительно взглянул на свою модную тетушку:

– Леди Мерриуэдер можно верить. Араминта одарила его невозмутимой улыбкой.

– Я купила еще несколько вееров и сумочек! – прокричала Эмили, ухе взлетая по ступенькам. – Я сейчас спущусь.

Она исчезла за поворотом, взметнув юбками своего светлого платья.

Проходя с Саймоном в библиотеку, Араминта посмотрела на него смеющимся взглядом:

– Она очаровательна. Совершенно очаровательна. И будет очень необычно выглядеть, когда приоденется... Пока еще ей приходится напоминать, чтобы в обществе она снимала очки, да и буйные рыжие кудри надо бы немного укротить с помощью пары гребней, но и сейчас я предрекаю, что зрелище будет весьма эффектное.

– Вверяю ее в твои руки, тетушка. Проследи только, чтобы она не накладывала на лицо никаких дурацких мазей с ртутью, свинцом или серой, пытаясь убрать веснушки.

– Не волнуйся, я сторонница домашней косметики, приготовленной из трав. Я так понимаю, веснушки ее тебе нравятся?

– Да, – подтвердил Саймон, – нравятся. Араминта хохотнула:

– Мне следовало бы догадаться, что, когда ты наконец выберешь себе жену, это окажется что-нибудь совершенно оригинальное. Я никак не могу поверить, что она Фарингдон.

– Она не Фарингдон. Уже нет. – Саймон решительно за-

крыл дверь и прошел к столу.

Араминта бросила на него пронизательный взгляд, усаживаясь в одно из резных лакированных кресел и снимая перчатки. Похоже, полностью твоей женой она себя пока тоже не считает. Так кто же она тогда?

– Она говорила, что она мне не жена? – резко спросил Саймон.

– Ну, не совсем. Я уловила, что она еще как будто не чувствует полной гармонии с тобой. Кажется, было какое-то неопределенное замечание о том, что в данный момент вы существуете на разных уровнях бытия. И еще какая-то чепуха в подобном роде, Что происходит, Саймон?

Саймон успокоился:

– Ничего такого, о чем тебе стоило бы волноваться. Эмили частенько выражается довольно странно. Она очень увлекается романтической литературой.

– Я поняла. Мне довелось выслушать целую лекцию о поэме под названием «Таинственная леди», над которой она сейчас, очевидно, работает. Ты уже ее читал?

– Мне было сказано, что поэма еще не готова для чтения, – сухо заметил Саймон.

– Вообще, она поразительное создание. Она уже знает всю прислугу по именам, и они явно ее обожают. Пожалуй, тебе следует предостеречь Эмили от слишком тесного знакомства с твоей шайкой головорезов и разбойников, которых ты притащил с собой с Востока.

Саймон и бровью не повел.

– Каждый в моем доме понимает, что ему придется отвечать непосредственно передо мной, если он хотя бы взглянет на нее неподобающим образом. Но они и без того не дадут и волосу упасть с ее головы. Она уже начала обсуждать с моим дворецким некоторые планы вложения капитала для всех наших слуг. Они просто заморожены мыслью, что можно получить столько денег законным путем.

– О господи! Капиталовложения? Для прислуги? – Арамента в изумлении покачала головой. – Настоящая оригиналка, как я и думала. Подожди, Саймон, она еще наденет те платья, что заказала!..

– Она как будто любит платья скромного покроя и мягких бледных тонов.

– Ничего подобного, – ухмыльнулась Арамента. – Отныне, Саймон, выезжая, она с таким же успехом могла бы носить твой фрак. Все, что мы сегодня заказали, будет выполнено, как она выражается, в цветах дракона.

Саймон уставился на тетушку;

– В цветах дракона?..

– Золотой, зеленый, черный и красный по большей части. – Арамента обвела насмешливым взглядом экзотическую обстановку библиотеки. – И откуда у нее могла появиться столь необычная мысль?.. Сюжет всех вышивок, отделок и драгоценных украшений, право же, мне очень знаком...

– Драконы?

– В основном. Эмили выбрала свой собственный стиль и, похоже, собирается целиком ему следовать. – Араминта оценивающе посмотрела на Саймона. – Повторяю, с тем же успехом она могла бы надеть твой фрак или размахивать флагом, подтверждающим, что она твоя собственность. Ты, конечно, понимаешь, что все сразу обратят на это внимание?

Саймон удовлетворенно улыбнулся:

– Не вижу причин для беспокойства, Араминта, если ты успеешь подготовить ее к первому балу в пятницу.

Араминта деловито выпрямилась в кресле:

– Да, я полагаю. Ты уже начал получать приглашения?

Саймон молча протянул ей карточку, полученную утром. Он наблюдал, как по мере чтения в глазах его тетушки появляется озадаченное выражение.

– На бал маркиза и маркизы Норткот!.. – почтительно выдохнула Араминта. – Саймон, это замечательно. Какая удача для нас. Лучшая возможность ввести Эмили в высший свет. Как только станет известно, что она принята у леди Норткот, перед ней раскроются все двери.

– Это сыграет свою роль, – коротко согласился Саймон.

– И несомненно, позволит представить Эмили в обществе надлежащим образом. Но, Саймон, как все получилось? Вас с Норткотом вряд ли можно назвать друзьями... После того, что произошло много лет назад. С чего бы его жене представлять обществу твою жену?

– Их дочь в чрезвычайно необычных обстоятельствах близко подружилась с Эмили. Кроме того, маркиз и его супруга весьма благодарны Эмили...

– Благодарность? Саймон, да что все это значит?

– Просто я устраиваю своей жене подобающее появление в свете. Если бы Норткот не согласился, я отыскал бы для этой цели другие средства.

– Да? – Араминта изучающе посмотрела на него. – И кого бы ты использовал, если леди Норткот не пошла бы тебе навстречу?

Саймон пожал плечами:

– Пеппингтона и Канонбери, разумеется. Я уверен, любой из них сумел бы склонить свою супругу к оказанию мне этой маленькой услуги.

– Еще два старых врага. – Араминта не сводила с него глаз. – Боже мой, Саймон. Я начинаю понимать, что происходит. До меня доходили слухи о твоих деловых отношениях с Пеппингтоном и Канонбери. Они оба висят у тебя на ниточке и оба на краю финансовой пропасти. Ведь так?

– Вряд ли это будет тебе интересно, Араминта. Всего лишь скучные деловые отношения, касающиеся некоторых вложений в разработку полезных ископаемых, одного навигационного канала и некой ошибки Канонбери и Пеппингтона.

– Саймон, Саймон... – вздохнула Араминта, медленно покачав головой. – Правы те, кто называет тебя таинственным

и опасным. Четыре самых влиятельных человека в Лондоне у тебя в кармане: Норткот, Пеппингтон, Канонбери и Фарингдон. Играешь с ними в кошки-мышки?

– Я научился этой игре на Востоке.

Араминта слегка вздрогнула.

– Знаешь, я очень рада, что не хожу в твоих врагах, Саймон. Порой у меня кровь стынет в жилах от ужаса. Но вряд ли твой эльф в образе жены понимает, что она всего лишь пешка в твоей большой игре. Она все еще мечтает о создании чистой и благородной метафизической связи со своим недавно приобретенным мужем.

Саймон нахмурился:

– Эмили очень умная женщина, но ее мысли частенько заняты всякой романтической чепухой. Скоро она усвоит, как подобает вести себя моей жене.

Эмили с наслаждением отдалась блеску, волнению и всем этим изысканным пустякам своего первого бала в столице. Сияние свечей, толпы гостей в наимоднейших туалетах, танцы и умные разговоры... От всего этого у нее захватывало дух. Ей казалось, будто все *haute ton* приглашено сегодня на грандиозный прием у маркизы.

Одетая в изумрудно-зеленое шелковое платье с гораздо более глубоким декольте, чем она когда-либо раньше носила, Эмили чувствовала себя чрезвычайно модной. Зеленые атласные туфельки в тон платью, расшитые маленькими золотыми дракончиками; в волосах, уложенных в новую при-

ческу, – прекрасный золотой дракон с глазами из двух крохотных рубинов и серьги в виде драконов.

Парикмахер леди Мерриуэдер уложил рыжие кудри Эмили искусным каскадом, низвергавшимся на плечи. Несколько мастерски завитых локонов обрамляли лицо. Туалет завершал элегантный веер ручной работы с изображением яркого дракона, свисавший у нее с запястья на золотом шнурке, и лорнет.

Леди Мерриуэдер не допускала даже мысли о том, чтобы Эмили надела очки на официальный бал.

Саймон ожидал в холле, когда Эмили спустилась к нему сверху, уже полностью готовая к выходу. Он критически оглядел жену – всю с головы до пят – и, казалось, остался чрезвычайно доволен.

– Ты присоединишься к нам позже, Саймон? – осведомилась Араминта, усаживаясь в экипаж.

– Я собираюсь на часок в клуб, но потом непременно отыщу вас и провожу домой. – Он не отрываясь смотрел на Эмили, помогая ей зайти в экипаж. – Развлекайтесь, эльф. Вы сегодня, несомненно, бриллиант чистейшей воды и самое необыкновенное создание, какое только за долгие годы появлялось в обществе. Вы всколыхнете весь их добропорядочный мир.

Эмили засияла:

– Благодарю вас, Саймон.

Когда он закрывал дверцу кареты, его губы дрогнули.

– Смотрите не угодите в какую-нибудь историю. Они поехали, и Эмили откинулась на подушки экипажа:

– Не понимаю, почему он считает нужным все время говорить такие вещи. Ну в какую же историю я могу попасть на балу у Норткотов?

Араминта улыбнулась:

– Порой мне кажется, что Блэйд не всегда знает, чего от вас ждать, Эмили. В целом это даже неплохо. Право, ему не мешает время от времени немного поволноваться.

– Саймон никогда ни из-за чего не волнуется, – с гордостью ответствовала Эмили. – Он самый хладнокровный человек, которого я когда-либо встречала.

– Да, – произнесла Араминта, посматривая из окна на улицу, полную экипажей. – За ним закрепилась такая репутация. Кое-кто считает, что он хладнокровен до бесчувствия. Некоторые даже его...

– Видимо, те, кто не очень хорошо его понимает, – уверенно заявила Эмили.

– Вот как? А вы хорошо его понимаете?

– Конечно. Как я уже вам говорила, у нас с ним общение на более высоких уровнях. – Эмили задумчиво нахмурилась. – Иногда... Наверное, людей сбивает с толку его необычная прислуга. У них несколько отталкивающий вид, хотя все они очень милы и чрезвычайно интересны. Любопытно, где Саймон их отыскал?

Араминта слегка улыбнулась:

– Вы ведь знаете, что за услугу оказал Саймон Ост-Индской компании, Эмили?

– Насколько я поняла, он помог им в кое-каких деловых вопросах, и компания даже выразила ему свою благодарность.

– Да уж, действительно, им есть за что его благодарить. Он взялся отвадить пиратов, которые постоянно угрожали кораблям компании. Саймон нашел необычный подход к проблеме.

Эмили тихо рассмеялась:

– Позвольте, я рискну отгадать. Он, случайно, не завербовал бывших пиратов для борьбы с существующими пиратами?

– Именно так он и поступил.

– Блестящая мысль, – с совершенно довольным видом заявила Эмили. – И некоторые из них вернулись с ним в Англию его слугами.

– Если их можно так назвать, – сухо сказала Араминта.

Селеста и ее мать были само очарование и гостеприимство. Они представили Эмили буквально всем, и гости выстраивались в очередь, чтобы поприветствовать ее. Под тихое бормотание представлений Араминта пояснила: это потому, что общество ужасно заинтриговано и желает знать, что за экзотическая особа стала женой загадочного графа Блэйда. Эмили тихо хмыкнула, прикрывшись веером, при

мысли о том, что ее считают экзотической.

Праздничное оживление Эмили длилось до того самого момента, когда она подняла лорнет, чтобы оглядеться, и вдруг заметила направляющегося прямо к ней Ричарда Эшбрука. На мгновение она застыла от нахлынувших воспоминаний...

Теперь он лорд Эшбрук, подумала она, выпустив из рук бархатный шнурок притороченного к поясу лорнета. С тех пор как она видела его в последний раз пять лет назад, Эшбрук получил титул барона.

Он всегда был очень красив, но теперь представлял собой просто идеальный портрет романтического поэта с вдохновенно взлохмаченными темными кудрями, многозначительным печальным взором и статной фигурой. Она отметила, что за прошедшие годы он выработал как раз такой изгиб рта, который выражает идеальное сочетание пресыщенной тоски с изрядной долей цинизма. Эмили сочла это не особенно привлекательным. И вдруг она осознала, что Эшбрук вообще больше не кажется ей интересным.

Рядом с драконом, вошедшим в ее жизнь, Эшбрук казался не более чем довольно забавной домашней собачкой. Эмили удивлялась: и что она раньше находила в нем...

– Это Эшбрук, – взволнованно зашептала Селеста. – Мама говорила, что пригласила его, но я боялась, что он может не принять приглашения. Он желанный гость во всех салонах и бальных залах столицы, и его очень трудно заманить. Он

утверждает, что приемы и балы заставляют его скучать.

Эмили уже собралась ответить, но Эшбрук собственной персоной внезапно возник перед ней. Его рот был изогнут в иронической усмешке, темные глаза полуприкрыты веками, снежно-белый галстук завязан искусным узлом.

– Здравствуйте, Эмили, – тихо сказал Эшбрук.

– Ричард. – Эмили протянула ему руку и вновь подумала: неужели она когда-то находила его неотразимым? После знакомства с драконом Эшбрук казался совсем ручным.

– Сколько воды утекло... – Эшбрук галантно склонил свои темные кудри над ее ручкой.

– Эмили, вы не говорили мне, что знакомы с бароном, – пролепетала Селеста.

– Мы с леди Блэйд старые друзья, – мягко произнес Эшбрук, не сводя с Эмили глаз, – Не так ли. Эмили?

– Знакомые, – сухо поправила Эмили. – А теперь, прошу прощения, Ричард...

– Не будете же вы так жестоки и не покинете меня, не удостоив даже чести потанцевать с вами. Леди Норткот дала разрешение на один-единственный вальс на этом балу, и, по моему, он и начинается.

– Но я...

Слишком поздно. Эшбрук уже вел ее на танец. Его рука крепко обхватила талию Эмили, и они закружились под восхитительно вызывающую музыку вальса. Этот танец был прямо создан для женщины с большой пылкостью чувств.

Только Эмили очень хотелось, чтобы ее партнером сейчас был Саймон.

– Вы изменились, Эмили.

– Не так уж и сильно, Ричард. Право же, у вас это прозвучало так, будто я стала совсем другим человеком.

– Да, – задумчиво пробормотал он. – Вы действительно превратились в «создание, полное света и легче эфира, виденье прекрасное – жителя высшего мира».

– Ричард, вы, случайно, не себя процитировали?

– Пара строк из моего «Героя Марлианы». Вы читали?

– Нет, – решительно ответила Эмили, – Не читала.

Эшбрук понимающе кивнул:

– Слишком больно для вас. Я понимаю. Вы когда-нибудь вспоминаете о нас, Эмили?

– Очень редко.

Он капризно улыбнулся:

– А я часто думаю о вас, дорогая... И о том, что я потерял пять лет назад!..

– Я тоже кое-что потеряла, – напомнила ему Эмили.

– Сердце?

– Репутацию.

Эшбрук как будто рассердился:

– Это происшествие явно не помешало вам удачно выйти замуж. Вы сделали хорошую партию, Эмили. Не кто-нибудь, а граф. И к тому же личность очень необычная и довольно опасная.

– Блэйд не опасный, – раздраженно возразила она. – Не могу понять, откуда у всех такое впечатление о нем.

– Так вы, значит, не боитесь мужа?

– Конечно же нет. Иначе бы я никогда не вышла за него замуж, – парировала она.

– А почему вы вышли за него, Эмили?

– Мы две родственные души, нам дано общение самого высшего порядка, – пояснила она. – Нас связывает мистический, трансцендентальный союз.

– Когда-то и между нами существовала связь высшего порядка... – со значением напомнил ей Эшбрук.

– Ха! Вот уж нисколечко! Я тогда была гораздо моложе и не понимала ни истинного значения, ни самой природы метафизического союза.

– И вы наслаждаетесь им со своим мужем? Простите, но мне как-то трудно поверить, что Блэйд способен на такие утонченные чувства.

– Ну, мы над этим работаем, – пробормотала Эмили. – Для развития истинно трансцендентальной связи требуется некоторое время, знаете ли.

– У нас все свершилось мгновенно, насколько я помню. По крайней мере, с моей стороны.

– Вот как, милорд? – Эмили гордо вздернула подбородок. – Почему же тогда, скажите на милость, вы решили напасть на меня в ту ночь?

Эшбрук резко остановился посреди зала и за руку увлек ее

через открытую дверь в сад. Тут он повернулся и посмотрел ей в лицо.

– Я не нападаю на вас, – решительно заговорил он. – Я пришел к вам той ночью, потому что вы позволили мне поверить, что наши сердца уже навеки соединены идеальным союзом. Я думал, что в метафизическом мире мы уже вместе, и возжелал, чтобы это свершилось и в физическом мире. Если бы мы провели ту ночь вместе, вы узнали бы, что такое истинно трансцендентальный союз.

Эмили сдвинула брови, хмурясь при мысли о своей первой брачной ночи:

– Ричард, я знакома с теорией, и мне известно, что происходящее на одном уровне влияет на то, что происходит на другом. И у меня есть большие сомнения в справедливости этой философии.

– Возможно, вы еще недостаточно овладели наукой метафизики, – не сдавался Эшбрук, – Эмили, вы все еще балуетесь стихами?

Она поколебалась:

– Ну, вообще-то я сейчас работаю над поэмой.

Эшбрук развеселился:

– Хотите составить мне конкуренцию?

Эмили почувствовала, что розовеет от смущения. Какой бы он ни был, но он поэт, его произведения печатаются, а она еще не опубликовала ни одной строчки.

– Вряд ли, – пробормотала она.

– И как же называется ваша поэма?

– «Таинственная леди».

– Звучит многообещающе, – глубокомысленно признал Эшбрук.

Эмили быстро взглянула на него в лорнет, чтобы увидеть выражение его лица:

– Вы полагаете?

– Определенно. – Эшбрук помедлил, приняв решительный вид. – Прекрасное заглавие. Весьма привлекательное для тех, кто покупает подобные вещицы. Знаете, Эмили, я не отказался бы взглянуть на ваше произведение, чтобы убедиться, на самом ли деле оно что-то из себя представляет. Если так, я был бы счастлив рекомендовать вас моему издателю, Уиттенстоллу.

– Ричард! – Эмили была поражена этим великодушным предложением. – Правда?

– Ну разумеется. – Эшбрук улыбнулся с небрежной самоуверенностью. – Словечко от меня непременно поможет привлечь внимание Уиттенстолла.

– Ричард, вы сама любезность. Не верится, что все это происходит на самом деле. Я немедленно снова примусь за работу над «Таинственной леди». Я подумываю о том, чтобы ввести в поэму привидение и потайной ход. Как вы считаете?

– Привидения и потайные ходы пользуются большой популярностью. Я сам иногда ввожу их в сюжет.

– Я еще никому не давала читать «Таинственную леди».

Надо ее немного доработать, прежде чем представить на ваш суд. – Эмили вспомнила обо всех изменениях, добавлениях и исправлениях, которые она хотела бы сделать в поэме. – Но я немедленно начну. Ричард, как замечательно!.. Не могу выразить, как важно для меня ваше предложение познакомиться меня с вашим издателем. У меня просто нет слов...

– Ну, это лишь маленькая услуга для старого Друга.

– Не знаю, как вас благодарить, Ричард. Он небрежно пожал плечом:

– Право, не стоит благодарности. Но если уж вам так хочется, можете выразить свою благодарность тем, что согласитесь посетить маленький литературный салон, где я бываю по четвергам.

Эмили пришла в восторг:

– Настоящий лондонский литературный салон? Я была бы счастлива. Я очень скучаю по заседаниям нашего литературного общества. В Литл-Диппингтоне они проходили тоже по четвергам. Внезапно ее охватило смущение. – А ваши друзья не будут против моего присутствия? Они, наверное, гораздо более начитанны и умны. И не покажусь ли я им настоящей провинциалкой?

– Нисколько, – пробормотал Эшбрук. – Уверяю вас, леди Тернбулл и другие мои друзья примут вас с радостью. Они, без сомнения, сочтут вас совершенно очаровательной.

Эмили счастливо вздохнула:

– Просто не верится: мой первый бал, приглашение в ли-

тературный салон и возможность показать свою рукопись настоящему издателю. Пожалуй, столичная жизнь все-таки интереснее провинциальной.

– Да, – подтвердил Эшбрук. – К тому же для замужней женщины, – тихо добавил он. – Вы найдете в Лондоне гораздо больше свободы, чем было у незамужней затворницы в Хэмпшире. Единственное правило здесь, дорогая моя, – соблюдать осторожность.

– Да-да, конечно.

Но Эмили меньше всего волновала проблема осторожности – просто потому, что она не собиралась совершать ничего неосторожного, и уж менее всего с человеком, который когда-то так бездумно ее опорочил. Никакая женщина, вышедшая замуж за мужчину, подобного Блэйду, не заинтересуется столь легковесным типом, как Эшбрук.

Эмили задумчиво нахмурилась:

– Ричард, вы действительно считаете название моей поэмы удачным? Я согласна его заменить, если, по вашему мнению, это сделает мое произведение более привлекательным для издателя.

– Мы обсудим название позже – после того как у меня будет возможность прочесть вашу поэму. – Эшбрук смотрел поверх ее головы в ярко освещенный бальный зал. – А сейчас – к вопросу об осторожности – нам, я полагаю, пора вернуться на бал.

– Вы совершенно правы. Селеста, наверное, уже теряется

в догадках, куда я исчезла.

Эмили жизнерадостно повернулась на каблучках и вошла в распахнутые двери зала. В голове ее стремительно пронеслись новые идеи для «Таинственной леди». Она подняла к глазам лорнет, чтобы окинуть взглядом зал, и едва не столкнулась с мужем. Огромной скалой он возник перед ней неизвестно откуда...

– О, милорд! Я надеялась, что вы скоро приедете. Как замечательно, правда? Просто чудный вечер! А я только что беседовала... – Повертев головой по сторонам, она поняла, что Эшбрук вовсе не последовал за ней в зал. – Ну не важно. Боже мой, вы сегодня просто изумительны, Саймон!

Блэйд, одетый в элегантный строгий вечерний костюм, несколько мгновений задумчиво смотрел в сад поверх ее головы. Потом обратился к Эмили:

– Рад слышать, что вам тут нравится, дорогая. Вы окажете мне честь танцевать с вами вальс?

– Еще один вальс? Мне казалось, что леди Норткот разрешила сегодня только один.

– Я уговорил ее дать разрешение на другой, чтобы протанцевать его с вами. – Саймон увлек ее в круг танцующих пар.

– Саймон, как чудесно с вашей стороны, – выдохнула Эмили, совершенно покоренная этим жестом.

– Мне и самому нравится моя идея. – Он закружил ее в грациозных па танца. – А леди Норткот отнеслась к этому с большим пониманием...

Мысли о «Тайнственной леди» и литературном кружке Эшбрука тут же вылетели у Эмили из головы. Она танцевала вальс со своим любимым драконом! И право, с этим ничто не могло сравниться...

Саймон спокойно кружил ее по залу, сознавая, что глаза всего общества устремлены на него и его молодую жену. К завтрашнему утру об Эмили, конечно же, заговорит вся столица. Они с Эмили самая необыкновенная пара в этом танцевальном зале, и Саймон это знал. Это его устраивало.

Но его совершенно не устраивала та вспышка сильнейшей ревности, которую он ощутил, когда заметил, что Эмили вернулась из сада с сопровождавшим ее Эшбруком.

Глава 12

– Я просто обожаю ваш дом, Саймон, – заявила Эмили, вальсируя сама с собой в красно-золотисто-зелено-черной библиотеке.

Она проносилась в вальсе мимо всех поблескивающих драгоценностями драконов, протягивая руку и ласково похлопывая каждого по свирепой голове. Темно-зеленые юбки ее бального платья волнами плескались вокруг ее обутых в атласные туфельки ног.

Бал закончился час назад, и почти все это время ушло на то, чтобы отыскать свой экипаж и добраться домой по запруженным улицам, но Эмили никак не могла остановиться. Ее переполняло чувство пьянящего восторга и необычайного возбуждения. Она мурлыкала мелодию вальса, который танцевала на балу с Саймоном.

– А особенно я обожаю эту комнату, – продолжала она, подтвердив свои слова легким кивком. – Она просто идеальна, точь-в-точь как я себе ее представляла. Экзотическая, роскошная и полная странных и загадочных вещей. – Провальсировав мимо камина, она похлопала ладошкой по черному с золотом дракону.

– Меня это не удивляет. Я чувствовал, что она вам понравится. – Саймон налил два бокала бренди и один из них протянул ей.

– Это показывает лишь, как мы настроены друг на друга. – Пролетая в танце мимо него, она приняла бокал из его руки. – Вот видите, Саймон? Я же говорю, что мы общаемся...

– ...на высших уровнях, – заключил он за нее. – Да, дорогая моя. Я достаточно часто слышу это от вас. – Он приподнял рюмку, приветствуя ее. – За вас, мадам жена. Вы сегодня имели потрясающий успех.

– Спасибо леди Мерриуэдер. – Эмили со смехом провальсировала в дальний конец комнаты. – И леди Норткот. Она была очень добра ко мне. Они с Селестой представили меня буквально каждому, и я танцевала почти все танцы, Саймон. И целых два вальса!

– Араминта сказала мне, что первый вы танцевали с Эшбруком.

Вальсируя мимо одной из огромных атласных подушек, Эмили метнула в него быстрый взгляд. Знает ли Саймон, что именно с Эшбруком она и сбежала пять лет назад. А если знает, станет ли ревновать? Черта с два! Саймон слишком хорошо владеет собой и слишком в себе уверен, чтобы ревновать. И потом, он знает, что ее сердце принадлежит ему...

– Да. Эшбрук пригласил меня на первый вальс. Саймон, я хочу кое-что рассказать вам о нем...

– И что же именно? – Саймон внимательно смотрел на нее поверх бокала.

Эмили остановилась перед изящной китайской картиной, изображавшей могучих лошадей и необычно одетых воинов,

и принялась пристально изучать ее в свои очки...

– Ричард и есть тот человек, которого я, как мне тогда казалось, любила пять лет назад... тот, с которым я тогда сбежала.

– Но вы ведь ни с кем никогда не сбегали пять лет назад, – спокойно заявил Саймон. – По-моему, я вам уже объяснял, что никакого несчастного происшествия в вашей жизни нет и никогда не было.

Эмили в изумлении повернулась к нему.

– Но, Саймон... А, понимаю, – проговорила она, внезапно осознав и одоббив его игру. – Это и есть ваш план по успешному представлению меня в свете? Мы нашли дерзкое решение проблемы скандала. Мы просто будем отрицать, что он вообще был когда-нибудь!

– Совершенно верно.

– Блестящий подход. – Она задумчиво нахмурилась. – А если Ричард что-нибудь расскажет сам?

– Не думаю, чтобы он пошел на это. Эмили, чуть поразмыслив, кивнула:

– Пожалуй, вы правы. Я полагаю, это было бы несколько неловко для него.

Уголки губ Саймона мрачно искривились, золотые глаза вспыхнули.

– Даже больше чем неловко. Скорее очень опасно.

– Да, ему же надо беспокоиться и о своей собственной репутации.

– Помимо всего прочего.

Эмили снова кивнула и возобновила кружение. Она еще раз скользнула по Саймону испытующим взглядом:

– Надеюсь, вы не ревнуете к Эшбруку, нет?

– По поводу несуществующего несчастного происшествия или потому что он танцевал сегодня с вами вальс?

– И то, и это... – с надеждой произнесла Эмили. От подобной возможности у нее екнуло сердце.

– А мне следует ревновать? – Голос Саймона был совершенно бесстрастен.

– Нет, ни на одну секунду, – великодушно заверила его Эмили. – Пять лет назад я совершила глупейшую ошибку. Честно говоря, как только мы покинули Литл-Диппингтон, я почти сразу же поняла, что на самом деле вовсе не хочу выходить замуж за Ричарда. Просто было так чудесно лететь самым романтическим образом к границе, слушая, как Ричард читает свои самые красивые стихи. Но мне скоро пришлось себе признаться, что я не люблю его. Я просто не могла тогда выйти за него замуж.

– А сегодняшний вальс? Вы, случайно, не обнаружили в себе каких-нибудь новых чувств, когда он держал вас в объятиях?

– Нет. – Эмили откинула голову, размышляя о своих ощущениях во время первого вальса... – Нет. Совсем другое. Это больше походило на встречу со старым знакомым, с которым давно не виделись.

Она тут же решила, что не расскажет Саймону о великодушном предложении Эшбрука посмотреть ее рукопись. Во всяком случае, пока. В конце концов, еще ничего не решено. Эшбрук может признать, что «Таинственная леди» совершенно не годится для публикации. Тогда хватит с нее и того, что о ее поэтическом крахе будет знать Эшбрук.

– Понятно. Встреча со старым знакомым...

– Да-да. Вот именно. – Эмили промурлыкала еще несколько так-тов вальса. – Ах, Саймон, странно, но я никак не могу сегодня успокоиться. Я все еще чувствую в себе необыкновенный подъем!

– А должны бы изнемогать от усталости. – Саймон прислонился к черному лакированному столу. Он уже снял фрак и развязал галстук. Длинные концы белого шелка свободно свисали с его шеи.

– Вы правы, но я совсем не устала. – Эмили отпила глоточек бренди. Ее взгляд упал на одну из больших богато украшенных кистями подушек. – Скажите, Саймон, вы стащили эти подушки из какого-нибудь турецкого гарема?

– Нет. Я заказал их здесь, в Лондоне. – Он отхлебнул бренди. – Они вам нравятся?

– Просто чудесные. – Эмили поставила свой бокал и во весь рост растянулась на ближайшей атласно-золотистой подушке. Она откинулась в чувственно-небрежной, как она считала, позе, которую, по ее мнению, могла бы выбрать прекрасная обительница гарема. – Как я смотрюсь? Из меня

получится знойная восточная куртизанка?

Взгляд Саймона медленно прошелся от самых кончиков ее изумрудно-зеленых атласных туфельек, расшитых драконами, до каскада рыжих кудрей бальной прически.

– Возможно, – признал он наконец.

– Что-то в вашем голосе не слышно особой убежденности. Может, очки портят впечатление? Сейчас посмотрим! – Она сняла их и положила на лакированный столик поблизости. Потом вновь томно откинулась на золотой подушке и пустила из-под ресниц убийственный взгляд. Саймон теперь казался ей большим темным пятном в другом конце комнаты. – Так лучше?

– По-моему, уже несколько ближе.

Грациозным движением Эмили повернулась на бок. Ее пышные юбки чуть завернулись, приоткрыв ножку в чулке. Она надула губки, пытаясь подражать обитательнице гарема:

– Ну вот. А как теперь?

– Эмили, уж не заигрываете ли вы со мной? – тихо спросил Саймон.

– Ну, я даже не знаю... – Как же помогает то, что она его почти совсем не видит. Тщательно обдумывая ответ, Эмили почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. – Пожалуй, да. – Она затаила дыхание, ожидая, что он ей скажет.

– У вас сегодня странное настроение, не правда ли?

– Я счастлива, Саймон! – воскликнула она, взмахом руки желая охватить целый мир. – Мне кажется, что я плыву. У

меня сегодня самый чудесный, самый восхитительный вечер за всю мою жизнь.

– И теперь вы хотите, чтобы он завершился моей любовью?

Эмили вздохнула и опять опрокинулась на спину, закинув вытянутые руки за голову и уставившись в ночные очертания потолка:

– Я же говорила вам, Саймон, что я женщина с большой пылкостью чувств. Возможно, я слишком возбуждена впечатлениями сегодняшнего вечера...

– Вполне вероятно.

– Саймон?

– Да, Эмили?

Она глубоко вздохнула.

– Вы говорили, что, когда мы в последний раз предавались любви, я не совсем уловила суть...

– Насколько я помню, я сказал, что вам необходима практика, – пробормотал он.

Она снова повернулась на бок и оперлась о локоть:

– Да. Именно практика. По-моему, я очень не против попрактиковаться сегодня...

Последовала небольшая пауза. А потом раздался голос Саймона – низкий, глубокий, бархатистый, угрожающе чувственный:

– Я говорил вам и еще кое-что, Эмили.

Эмили уселась на подушке и с задумчивым видом обхва-

тила руками колени, так что юбки ее пышными складками расплескались вокруг ног. Она пошарила рукой в поисках своего бокала с бренди. Нашулав его, отпила большой глоток и осторожно поставила обратно на столик.

– Вы сказали, что мне придется умолять вас заняться любовью со мной, – вымолвила наконец Эмили, крепко сжимая руками колени.

– Я удовлетворюсь тем, что меня очень мило попросят. Дело в том, Эмили, что я не желаю никаких обвинений утром. Чтобы вы не заявили потом, будто я вас обхитрил.

– Я не заявлю, Саймон. – Она подождала, обмирая от предвкушения, смешанного с неуверенностью. – Саймон?

– Да, Эмили?

– Пожалуйста, одарите меня сегодня своей любовью...

В полумраке экзотической комнаты воцарилась странная тишина. Что-то слабо звякнуло, и Эмили поняла, что Саймон поставил на стол свой бокал. Она смотрела, как он приближается к ней. Без очков она не видела выражения его лица, но вся напряглась от острого понимания происходящего. Она чувствовала плотную обволакивающую ауру его мужественности и знала, что эти ощущения возможны только потому, что между ними и в самом деле существует связь более высокого порядка.

Подле огромной атласной подушки стоял ее Саймон – самый могущественный дракон из всех, что были в комнате. Не произнеся ни слова, он опустился рядом с Эмили и за-

ключил ее в свои объятия.

Медленно, неотвратно он опустил ее на золотую парчу. Низко склонившись, он глядел ей в лицо. Теперь он был так близко, что Эмили отчетливо видела расплавленное золото его глаз.

– Вы уверены, что хотите этого? – Саймон провел большим пальцем по изящной линии ее щеки.

– Да, – прошептала она, не в силах вымолвить больше ни слова. От волнения у нее сжалось горло.

Ее снова охватило странное, останавливающее дыхание чувство – как всегда, когда Саймон обнимал ее. – Пожалуй-ста, Саймон...

– Хорошо, Эмили. – Он наклонился к ней и горячим поцелуем коснулся ее груди, обнаженной глубоким декольте бального платья. – Только не забудьте утром, что эта идея принадлежит вам...

– Да, Саймон. – Она медленно обвила руками его шею, потом робко улыбнулась. – Знаете, а это совсем не так плохо, как вы, наверное, думаете.

– Что не так плохо? – Он медленно стянул с ее плеча пышный рукавчик платья.

– Умолять вас заняться со мной любовью. – Ее улыбка перешла в ликующий тихий смех. – Совсем не так уж плохо.

– Я рад. – Саймон еще ниже спустил лиф ее платья, и одна, налитая как яблочко, грудь вырвалась на свободу. Он коснулся пальцем ее трепетного соска. – Может случиться так,

что вы позовете меня снова.

– Думаю, что да, – любезно согласилась Эмили. – Если, конечно, ощущения окажутся настолько необыкновенными и трансцендентальными, как вы обещали.

У Саймона вырвался хриплый смешок, перешедший в стон.

– Вижу, на сей раз мне нужно очень постараться.

Эмили вздрогнула, когда он вновь коснулся кончика ее груди. Она беспокойно шевельнулась, скользнув ножкой по расшитому золотом атласу. Саймон властно притянул ее к себе и прильнул губами к ее губам.

Губы Эмили раскрылись ему навстречу, и язык Саймона проник в теплоту ее рта. Она почувствовала привкус выпитого бренди; голова ее закружилась от запаха Саймона. Она сильнее обхватила руками его шею, инстинктивно пытаясь прижаться к нему, ощутить его тело.

– Нет, – прошептал Саймон, отрываясь от ее губ. – Сегодня мы будем продвигаться медленно-медленно. – Он растегнул узкий лиф и приспустил легкий покров ее платья.

Глаза Эмили были закрыты, но она ощущала жар его взгляда на своей груди. Он обжигал ее, смущал, горячил ей кровь. Большая подушка, на которой она возлежала, казалась огромным мягким золотым облаком. И она погружалась в него все глубже и глубже.

– У тебя восхитительная кожа, Эмили. Мягкая, нежная, созданная для того, чтобы ее ласкать.

Саймон проложил дорожку коротких влажных поцелуев по ее шее к груди. Его губы отыскивали твердый сосок, а рука дерзко скользнула под спущенное до талии платье.

Эмили со всхлипом втянула воздух. Она заметалась, извиваясь под его рукой, мучительно желая более интимного прикосновения:

– Саймон?!

– Нет, еще не время. Я же обещал не торопить события. И на сей раз я постараюсь сохранять самообладание, а ты будешь сходить с ума, мой эльф.

Он не спеша освободил ее от изумрудного платья и тонкой сорочки, ловко справился с подвязками. Его рука интимно заскользила по изгибу ее ног, снимая чулки.

Эмили спряталась пылающим лицом в прохладную плиссированную рубашку, крепко, обеими руками прижала его к себе. Саймон негромко рассмеялся и нежно накрыл ладонями ее ягодицы, слегка сжав их.

Спиной и бедрами Эмили чувствовала ласкающий кожу золотой атлас. Ощущение было необыкновенным.

– А теперь я похожа на обительницу гарема?

Саймон медленно улыбнулся.

– Редкостная, необыкновенная обительница гарема, – согласился он. – На аукционе за тебя запросили бы очень высокую цену.

Она взглянула на него сквозь ресницы, чувствуя себя восхитительно распутной.

– Ты бы продал меня?

– Никогда, – поклялся он неожиданно низким голосом.

Его пальцы собственническим жестом сильно сжались... Потом он слегка отодвинулся.

Глаза Эмили от этого движения моментально распахнулись.

– Что-то не так?

– Все хорошо, радость моя. Я просто хочу, чтобы тебе было удобнее.

Саймон стянул рубашку и мешающий галстук. Потом его руки занялись застежкой бриджей. И уже через мгновение он предстал ее взору во всей своей прекрасной наготе. Золотистые отблески каминного огня плясали на мускулистых очертаниях его плеч и бедер, подчеркивая его необыкновенную мужественность.

– Паши предпочитают освобождаться от одежд перед прекрасной обитательницей гарема, прежде чем предаться с ней любви, – пояснил Саймон, укладываясь рядом с Эмили.

Эмили хихикнула, почувствовав, как его сильные руки снова опрокидывают ее на атласные подушки.

– Спешу предупредить вас, милорд, я не потерплю других обитательниц в вашем гареме. Только я!

– Значит, у меня будет гарем из одной наложницы?

– Боюсь, что так. Я не собираюсь делить вас ни с какой другой, – игриво рассмеялась она. – Да и вряд ли вам понадобится другая.

– Уж не хотите ли вы сказать, что вашими стараниями я все время буду очень занят? – Он нежно провел ладонью по ее бедру и окинул ее таким взглядом, от которого у нее вспыхнули шея и грудь.

– Ужасно занят, – страстным голосом пообещала Эмили. Она запустила пальцы в волосы на его груди, наслаждаясь их жесткостью и ощущением силы мощных мышц. – О Саймон, как ты красив, – с восхищением выдохнула она.

– Нет, эльф, это ты ослепляешь меня своей красотой. Твои чудесные груди словно созданы для моих рук. – Он на мгновение накрыл одну ее грудь чашей своей ладони, лаская большим пальцем маленький сосок. Эмили вздрогнула. – Твой рот просто создан для моего... – Он поцеловал ее глубоко, сильно, дурманяще, пока она не затрепетала в его объятиях и не погрузилась в сладостную истому. – А твои бедра мягче и теплее всего на свете... – Его рука скользнула меж ее ног.

Эмили ахнула, почувствовав обжигающие и уверенные прикосновения кончиков пальцев Саймона к самому сокровенному уголку своего тела. Она вцепилась в его сильные плечи и вытянулась, изо всех сил прикинув к нему. Внутри нее быстро распускалось глубокое, болезненное чувство острого желания. Все ее тело жаждало того взрывного облегчения, которое она когда-то испытала в объятиях Саймона.

– Нет, еще нет, – Саймон успокаивал скорее себя, чем ее. Он поймал ее трепещущие руки, завел ей за голову и крепко

сжал запястья. Потом он склонился и поцеловал ее в закрытые веки. – Клянусь, в этот раз тебе не удастся свести меня с ума. В этот раз я буду руководить тобой. И ты познаешь радость любви.

– Я уже ее познаю, Саймон. Честное слово. – Эмили прижалась к нему бедрами, сливаясь с теплом его тела. Теперь она остро, до боли нуждалась в нем.

– Будет еще лучше, – прошептал он.

Широко разведя ее ноги, он лег между ними, по-прежнему держа запястья над головой.

Эмили невольно напряглась, попыталась высвободить руки, желая обнять его за шею и привлечь к себе.

Саймон посмотрел на нее сверху и медленно улыбнулся:

– Я отпущу твои руки, но обещай мне не шевелиться.

– Не глупи... Я... я не смогу так... не шевелиться, – прошептала задыхаясь Эмили.

– Тогда тебе кое-что поможет в этом.

И Саймон ловко подцепил с ковра шелковый галстук. Длинной петлей он охватил изогнутую, как звериная лапа, ножку тяжелой кушетки, возвышавшейся над головой Эмили. А потом вложил концы галстука в тянущиеся к нему пальцы Эмили.

– Покрепче ухватись за него, – сказал Саймон, когда ее пальцы инстинктивно сжали белый шелк.

Озадаченная, но с нетерпением ждущая продолжения, Эмили послушно выполнила указания Саймона.

– И что дальше? – вожделенно спросила она.

– А дальше, как только твое желание двигаться станет непреодолимым, изо всех сил тяни за галстук. И, любимая, ни о чем не беспокойся. Кушетка очень тяжелая, ты ее не уронишь, а галстук сделан из самого прочного шелка...

С вытянутыми над головой руками Эмили возмущенно уставилась на мужа:

– Черт подери, Саймон, я не желаю играть с твоим галстуком!

– Сегодня здесь приказываю я, – возразил он со смешком. – Ты наложница в гареме. Или уже забыла? А в гаремах женщины всегда безропотно выполняют все повеления господина.

– Но, Саймон... Ох-х, – простонала Эмили, и пальцы ее послушно сжали шелк, когда она вдруг почувствовала язык Саймона на своем мягком округлом животе.

– Помни: когда не сможешь больше терпеть, тяни сильнее за галстук.

Саймон спустился ниже, его руки сильно обхватили Эмили за бедра. Он покрывал ее тело страстными поцелуями.

– Саймон!!! – Эмили, потрясенная, замерла.

– Уже лучше, эльф, уже лучше. Ты натянута, словно тети-ва лука. Красиво изогнулась и ждешь моих ласк.

Его рука легким касанием пробежала сверху вниз по ее телу. Эмили вздрогнула. Ее податливое тело горело под его жаркими поцелуями.

– Саймон!

– Галстук, любимая, галстук, – мягко напоминал он, возбуждая ее тело все более интимными поцелуями. – Сильнее тяни, Эмили, сильнее.

Вспыхнувшее вмиг новое ощущение, грозившее унести Эмили за какие-то неведомые пределы, было ошеломительным и дурманящим. Ей казалось, что она плывет по теплому морю. Она едва могла дышать, не то что думать. И только подчинялась тихим словам Саймона...

Мертвой хваткой Эмили вцепилась в белый шелк и потянула его изо всех сил. Чувство беспокойного напряжения там, внизу, становилось все нестерпимее.

– Еще сильнее, еще... Ты же у меня сильная... Тяни так сильно, как только можешь.

Палец Саймона скользнул в ее влажные глубины, отыскав маленький, крепко стоящий бутончик чувствительной женской плоти.

– Черт подери! – Эмили оказалась в вихре чувственной бури.

Яростно сжимая полные горсти белого шелка, она подчинялась тихим приказаниям Саймона. Чем сильнее она тянула, тем больше ей казалось, что она вот-вот сама превратится в пламя.

– Давай же, Эмили, еще чуть-чуть. Ты теперь такая влажная, такая напряженная. Теперь ты уже готова. Ты на грани... Лишь потяни немного сильнее. – Да, так...

Эмили ахнула, ощутив как Саймон ищет путь в ее тело. Крепко вцепившись в концы галстука, она взглянула сквозь ресницы на Саймона и увидела над собой его смутные очертания.

– Саймон!

– Не отпускай шелк, любимая. – Он очень медленно вошел в нее. – Какая же ты маленькая, мой эльф. Тебе не больно?

– Нет! Нет! Ох, Саймон, я не могу больше выносить этого, – задыхаясь произнесла она. И пальцы ее продолжали терзать шелк.

– Да? – Он начал выходить из нее.

– Саймон, останься! – Она ужаснулась при мысли, что он отстранится именно в тот момент, когда она была на пороге столь чудного, необыкновенного ощущения.

– Я совсем не собирался тебя покидать, эльф. А ты никогда не покинешь меня, правда? – Саймон медленно возвращался в нее.

– Никогда. Я никогда не оставлю тебя, Саймон. Ох-х! Черт подери!

– Сильнее за шелк. Чуть-чуть сильнее.

Он был невообразимо глубоко в ней. Он стал частью ее существа. Эмили погружалась в блаженство, пронзительное и пьянящее.

– Саймон!

Где-то вдалеке послышался треск – и шелковый галстук

разорвался пополам. Руки Эмили внезапно освободились. Она порывисто обвила ими Саймона, прикинувшись к нему, и тут же невероятная сладостная дрожь облегчения сотрясла ее с ног до головы.

Она услышала хриплый удовлетворенно-торжествующий вскрик Саймона и ощутила, как он яростно заходил в ней. Эмили вцепилась в него, и волны страсти увлекли их в глубины теплого моря.

Целую вечность спустя Эмили почувствовала, как Саймон шевельнулся в ее объятиях. Она в истоме открыла глаза.

– Похоже, придется искать новый галстук, – заметил Саймон, откатившись на бок. Ухмыляясь, он подобрал растерзанные клочья белого шелка, бывшие когда-то чрезвычайно модной принадлежностью его туалета. Он водрузил эти обрывки Эмили на нос. – Вы и не подозреваете о своей силе, мадам.

– По-видимому, вы правы. – Она рассмеялась и сдула один из белых лоскутков. Тот затрепетал в воздухе. – Это, случайно, был не один из твоих любимых галстуков?

– Ну разумеется. Я просто потрясен потерей.

Эмили не сдержала смешок. Потянувшись, она уселась, сложив на груди руки и задумчиво склонив на них свою голову:

– Постараюсь восполнить твою потерю.

– Тебе придется немало постараться. – Зубы Саймона сверкнули в лукавой усмешке.

– Знаешь что, Саймон? По-моему, из тебя получился бы великолепный паша. В тебе порой проявляется что-то такое варварское...

– Да нет, право, я не варвар. – Саймон обнял ее за шею, привлек к себе и нежно поцеловал. – Я, пожалуй, вполне цивилизован в некотором смысле. Даже немного скучноват.

– Вот уж нет.

– Вы так считаете? Позвольте вам кое-что сообщить, моя страстная женушка. Мне бы ужасно хотелось хотя бы раз предаться с вами любви в постели, а не в библиотеке на полу. Этого, кажется, достаточно, чтобы считаться степенным и скучным?

– В постели? – нахмурилась Эмили. – Как это обыденно и лишено всякого воображения. Вношу поправку. В конце концов, вы, может, и скучноваты, милорд. Какой сюрприз. Вы меня определенно провели.

– Плутовка. – Он опрокинул ее обратно на мягкий золотой атлас и крепко поцеловал.

Поцелуй, задуманный как шутовское наказание, быстро перерос в нечто более значительное. Эмили, забыв обо всем, отдалась в его власть, пока Саймон наконец не оторвался от ее губ и не посмотрел ей в глаза уже не смеющимся, а скорее настороженным взглядом.

– Так как, Эмили? Это было больше, чем ты ожидала от занятий любовью? – тихо спросил он.

– О да, Саймон. Меня действительно «унесло к берегам

любви, златым, манящим, чудным!»! – Она застенчиво улыбнулась, сознавая, что все ее чувства, наверное, отразились в ее глазах. – Это было замечательно – истинно метафизическое ощущение. Чрезвычайно пробуждающее все чувства. Не дождусь, когда его можно будет повторить.

Саймон застонал и, смеясь, упал на подушки:

– Мне бы следовало знать, что женщина с такой пылкостью чувств, как у тебя, окажется крайне ненасытной. – Он сел, а потом поднялся с подушки и потянулся за рубашкой. – А сейчас, жена, отправимся наверх и хоть раз будем вести себя как цивилизованные супруги.

– Какая прекрасная мысль, милорд! – Эмили взяла очки и водрузила их на нос. – Вы только подумайте. В вашей спальне целый ящик битком набит галстуками.

– Совершенно верно. – Саймон взглянул на жену – на ней, кроме очков, ничего не было – и в который раз усмехнулся. – Мадам, обещаю вам, что вы еще будете приятно удивлены невероятной универсальностью превосходно сделанного галстука.

Уже почти рассвело, но Саймону все еще не спалось. Гибкое теплое тело спящей Эмили приникло к нему, и он ощущал ее аромат, смешавшийся с запахом утех их любви. Из ее рук, лежавших на его груди, все еще свешивались концы белого шелка.

В этот раз он осуществил все значительно лучше, решил Саймон. Он сдержал свою клятву вынудить Эмили первой

обратиться к нему. И она сдалась – очень мило, с женственной грацией, так очаровавшей его. И что еще важнее, он сохранил самообладание до того самого момента, когда сам позволил себе наконец получить собственное удовлетворение.

Теперь его взаимоотношения с молодой женой гораздо больше походили на те, какими им и следовало быть, заключил Саймон, стараясь хладнокровно и объективно оценить ситуацию. Эмили поняла, что он способен доставить ей наслаждение и что он также вполне способен сохранять свое несокрушимое самообладание.

Ей пришлось признать, что в их союзе его воля сильнее. Он долго ждал своего часа, но дело того стоило. Он ждал, пока она поддастся своему собственному неизбежному любопытству и пробуждающейся страстности. И он достиг цели. Отныне управлять всем будет он, и Эмили это знает. Для жены просто необходимо уважать силу воли мужа. Особенно если жена бывшая Фарингдон.

– Саймон, – раздался томный голос Эмили.

– Ты разве не спишь, эльф?

– Я спала. Но вдруг вспомнила, о чем собиралась рассказать тебе еще вечером. У нас сегодня был разговор с леди Норткот. – Эмили зевнула.

Саймон мгновенно насторожился:

– Вот как? И что же вы собирались мне сообщить?

– Ну, я поблагодарила ее за приглашение на бал, и она

заверила меня, что это самое меньшее, что она могла бы для меня сделать за спасение Селесты от негодяя Невила. Она, по-моему, считала также своим долгом принять во мне участие – из-за того, что когда-то произошло между отцом Норткота и твоим.

– Это она тебе разъяснила?

– Выражалась она как-то неопределенно, расплывчато, но я, разумеется, заверила ее, что ей больше не о чем волноваться.

Саймон замер:

– Что именно ты ей обещала, Эмили?

– Просто что, какие бы обязательства ни существовали в прошлом, они с лихвой оплачены ее любезным представлением меня в свете. Она была так добра ко мне, Саймон. Я бы не вынесла даже мысли о том, что она в каком-то долгу передо мной. И уж конечно я не желаю и не приму ее дружбы из чувства долга.

– И потому ты заверила ее, что долг уплачен?

– Да. Именно. И замечу, она испытала большое облегчение.

– Черт подери! – пробормотал Саймон. – Еще бы! И это пустяки по сравнению с тем, что испытывает сейчас Норткот.

– Ну, я надеюсь. Они такая милая пара.

Вот тебе и «управлять всем».

Ну ладно, утешил себя Саймон. Норткот из всех четверых виноват меньше всего. И в конце концов, это не сам маркиз,

а его отец не ответил на письмо Саймона двадцать три года назад...

И к тому же, вынужден был признать Саймон, леди Норткот и в самом деле как следует потрудились, чтобы представить Эмили в свете. Может, и правда долг Норткотов уплачен полностью.

– Эмили, – как можно суровее сказал он, – обещаю тебе не делать в будущем никаких заявлений от моего имени, не посоветовавшись со мной. Ясно?

– Конечно, Саймон. Но в данном случае я же знала, что ты не станешь возражать. Это явно всего лишь какое-то старое недоразумение.

– Тут ты ошибаешься, эльф. Мы с Норткотом друг друга прекрасно поняли.

Глава 13

– Так как же, Блэйд? – тихо спросил маркиз Норткот. – Жена передала мне, что ваша супруга считает старый долг уплаченным. Это правда?

Саймон не спеша опустил газету и смерил Норткота холодным взглядом. Привычные негромкие звуки мужской беседы, шуршания газет и нежного позвякивания бутылок, доносящиеся сзади, свидетельствовали о том, что клуб в этот день не пустовал. Но здесь, в отдаленном углу комнаты, они с Норткотом остались одни.

– Моей жене очень понравился ее первый бал, – без всякого выражения заговорил Саймон. – Леди Мерриуэдер уверила меня, что представление Эмили свету прошло весьма удачно. Передайте маркизе мою благодарность.

Норткот опустился в кресло рядом с Саймоном, взял бутылку портвейна, стоявшую на краю стола, и налил себе бокал:

– Я говорю не о наших женах, и вы прекрасно все понимаете. Я спрашиваю, считаете ли вы, что мы свели наши счета.

Саймон пожал плечами:

– Пожалуй. Мужу следует с уважением относиться к обещаниям и обязательствам своей жены, а Эмили, судя по всему, решила снять вас с моего крючка. – Он вернулся к просмотру газеты.

– Черт возьми, Блэйд, не играйте со мной в ваши хитрые игры. Ответьте прямо, считаете ли вы старый долг уплаченным.

– Даю вам слово. – Саймон не поднимал глаз от последних новостей с континента. Но и за газетой он чувствовал, как облегченно расслабился Норткот.

– Благодарю, Блэйд. Про вас говорят, что вы тверды как железо, но слово ваше так же твердо. Моя жена в ту ночь в гостинице была просто на грани сумасшествия. Она не сомневалась, что будущее Селесты загублено этим чертовым охотником за наследством.

– Я полагаю, вы позаботились о негодяе Невиле?

– В ближайшем будущем в Лондон он не вернется, – подтвердил Норткот не без самодовольства.

– Тогда все в порядке. – Саймон перевернул страницу.

Из кресла напротив не донеслось ни звука. Норткот молча пил свой портвейн. Потом он вдруг произнес тихим голосом:

– Вы можете мне не верить, но я сожалею о том, что произошло тогда, Блэйд. Я приношу свои извинения за поведение моего отца.

Саймон опустил газету и встретил прямой взгляд Норткота. Он помолчал еще секунду, а потом коротко кивнул, удивленный этим неожиданным извинением:

– Будем считать дело улаженным.

Норткот, вытянув ноги, задумчиво смотрел на свой бокал с портвейном:

– Я был последним, не так ли? Вам удалось всех нас загнать в ловушку. Меня, Канонбери и Пеппингтона. И конечно, Фарингдона. Дьявольски умно с вашей стороны, Блэйд. Мне жаль, что мой отец не дожил до этих дней и не может восхититься вашими талантами.

– Разделяю ваши сожаления, – с насмешливой откровенностью сказал Саймон.

– Вам понадобилось довольно много времени, чтобы найти способ оказать на меня давление. Встреча с моей дочерью в гостинице в ту ночь была просто подарком судьбы.

– Она оказалась полезна, – согласился Саймон, наливая себе в бокал портвейна. – Но уверен, рано или поздно подвернулось бы еще что-нибудь. Всегда подворачивается, если умеешь ждать.

– Вы умеете. Я прекрасно понимаю, что легко отделался. Какое облегчение узнать, что вам потребовались от меня всего лишь светские связи моей жены. Будь жив мой отец, вы потребовали бы за содеянное им гораздо большей платы.

– Да.

Норткот вздохнул:

– Если это вам интересно, он говорил мне два года назад, перед смертью, чтобы я не упускал вас из виду. Он предупредил, что вы вернетесь и, когда вернетесь, будете опасны. Какую плату вы собираетесь потребовать от Канонбери и Пеппингтона?

– Предпочитаю, чтобы они еще немного повисели на

крючке.

– Жизнь в страхе финансового краха и есть наказание для них, не так ли?

Саймон отхлебнул портвейна.

– Мечь лучше всего осуществлять медленно, а не одним залпом... – задумчиво произнес он.

– Медленная, непрерывная мука. – Норткот мрачно улыбнулся. – Истинно в восточном духе, по-моему. И я могу быть лишь благодарен за то, что ваша жена способна на столь великодушный порыв.

– В будущем обещаю вам более пристально следить за ее порывами, – сухо заверил его Саймон. Норткот усмехнулся:

– Леди Блэйд произвела прекрасное впечатление в обществе.

– Да, мне передавали.

– Признаться, Блэйд, моя жена и дочь искренне привязались к вашей супруге, несмотря на то, что она замужем за вами. Какая роль отведена ей в вашем мщении?

– Она в нем не участвует, – ровным голосом произнес Блэйд.

– Но она Фарингдон. – Норткот бросил многозначительный взгляд.

– Уже нет, – ответил Саймон.

– От моего внимания не ускользнуло, что теперь она принадлежит вам, как и Сент-Клер-холл. – Норткот поколебался. – Мой отец, Канонбери и Пеппингтон в долгу перед вами

за то, что отвернулись от вашей семьи после смерти вашего отца. Но вертопрахи Фарингдоны задолжали вам больше всех. Ведь именно Фарингдон вынудил вашего отца покончить с собой. Именно Фарингдон лишил вас родного крова и погубил вашу семью. И в конце концов вы сокрушите Бродерика Фарингдона и его род, не так ли?

– Логичный вывод, – безучастно согласился Саймон. – Но моя жена к этому роду больше не принадлежит.

– Знаете, Блэйд, я чрезвычайно рад, что обида, нанесенная моим отцом, была сравнительно невелика и что вы сочли его долг уплаченным, – не без юмора заметил Норткот. – Не хотел бы я сейчас быть Фарингдоном.

В прекрасном расположении духа Эмили вышла из книжной лавки Асбери. Ее горничная Лиззи и лакей Джордж с разрисованным шрамами лицом следовали за ней с целыми кипами последних любовных романов и поэм, которые Эмили только что выбрала в лавке.

Маленькая процессия прошествовала к ожидавшей их недалеко за углом черно-золотой карете. Джордж уж открыл было для хозяйки дверцы, когда из близстоящего экипажа выскочил знакомый белокурый Адонис и кинулся к ней:

– Привет, Эм. Как хорошо, что я тебя встретил.

– Девлин! – Эмили радостно улыбнулась своему красавцу брату. – Как чудесно тебя увидеть. А где Чарльз?

Девлин бросил смущенный взгляд на лакея и горничную,

а потом взял сестру под руку и отвел в сторону:

– Как раз из-за Чарльза я и искал случая переговорить с тобой, Эм. Случилось нечто ужасное.

– О господи! – Глаза Эмили расширились от ужаса. Она вдруг поняла, что никогда еще не видела Девлина таким мрачным. – Он ранен или болен? Дев, он... он жив?

– Да, жив, – ответил Девлин и жестко добавил:

– Пока...

– Значит, он болен. Боже мой, я должна немедленно ехать к нему. Быстрее садись в карету, Дев. Ты послал за доктором? Какие признаки болезни?

Она направилась к карете, но брат удержал ее, схватив за руку:

– Обожди, Эм. Все совсем не так. То есть Чарльз вовсе не болен. – Девлин хмуро взглянул на ждущих горничную, лакея и кучера. Все трое нахмурились в ответ. Девлин понизил голос еще на несколько тонов. – Лучше уж тебе узнать всю правду, Эм. Он собирается через два дня драться на дуэли.

Эмили в ужасе поднесла к губам затянутую в перчатку руку:

– Черт подери!

– Не очень все это радует, Эм... У нас с Чарльзом есть, конечно, определенный опыт в залах Мен-тона, но, видит бог, мы оба не особенно меткие стрелки. – Девлин покачал головой. – Я выступаю его секундантом. Ищем второго.

– Не могу поверить. – Эмили была потрясена. – Кто же

его вызвал?

– Ну, вообще-то вызов бросил Чарльз, – признался Девлин. – Выбора не было, знаешь ли. Дело чести.

– О господи! И кого же?

– Некого сорвиголову по фамилии Грейли. Говорят, он дрался уже на двух дуэлях и обе выиграл. Серьезно ранил противника и на той, и на другой, но оба они остались живы, так что обошлось без скандала. Нет никакой гарантии, Эм, что он не убьет Чарльза. По слухам, тем двоим просто повезло, что они выжили. Этот тип безжалостный, хладнокровный убийца, понимаешь?..

– Прямо поверить не могу, – прошептала Эмили. Девлин взглянул на нее:

– Слушай, Эм, я знаю, что тебе не положено видеться со своей семьей, после того как ты вышла за Блэйда. Но ты ведь, черт подери, наша сестра. И я уверен, ты захочешь попроситься с Чарльзом.

Эмили расправила плечи:

– Я хочу не только попроситься. Я намерена положить конец всей этой глупости. Сейчас же проводи меня к нему, Дев. – Она развернулась и устремилась к карете.

– Шут возьми, Эм, остановить дуэль никак нельзя. – Девлин заспешил за ней. – Дело чести, я же сказал.

– Глупости. Это просто глупости!

Эмили решительно села в экипаж, за ней последовали Лиззи и брат. Она чувствовала, что и горничная, и Джордж с

его устрашающей физиономией смотрят на Девлина с явным неодобрением, но не обращала на это внимания.

– Назови кучеру свой адрес, Девлин, – скомандовала она.

Девлин приоткрыл люк в крыше кареты и быстро дал нужные указания. Потом рухнул на сиденье напротив Эмили и Лиззи:

– Вот проклятье! Надеюсь, я правильно поступаю...

– Конечно. – Эмили нахмурилась. – А папа где?

– Утром я первым делом отправился к нему, но его не оказалось дома. Сказали, неделю не будет. Кочует с друзьями где-то по провинции. Немного не повезло за карточным столом. Нет времени разыскивать его и привозить обратно. – Девлин устало вздохнул. – Да если бы даже мы его и нашли, толку мало.

Эмили открыла рот, чтобы спросить еще кое о чем, но, заметив предостерегающий взгляд Девлина, промолчала... Она поняла молчаливое предупреждение брата, что Лиззи не следует знать о происходящем. Эмили откинулась на сиденье и с нарастающим нетерпением ждала, пока экипаж достигнет дома, где расположились Чарльз и Девлин.

Карета остановилась, и дверца ее быстро распахнулась. Джордж выглядел еще более грозным, чем всегда.

– Прошу прощения, мэм, но вы уверены, что хотите сойти здесь? – предостерегающе спросил он. Эмили оглянулась через плечо:

– Адрес правильный, Дев?

– Да. – Подхватив трость, он выпрыгнул следом за сестрой и постучал по сиденью кучера. – Подождите хозяйку здесь. Она скоро.

– Хорошо, сэр. – Но вид у кучера был столь же недоверчивый, как и у Джорджа.

Эмили, по-прежнему не обращая внимания на неодобрительные взгляды своей прислуги, оперлась о руку брата и быстро поднялась на крыльцо.

Мгновение спустя она уже перешагнула порог комнаты, где квартировали близнецы. Она с любопытством огляделась в этом по-мужски уютном пристанище. Она знала, что братья ведут в городе беззаботную холостяцкую жизнь, но еще ни разу у них не была.

Из находящегося в нише окна открывался приятный вид в парк, на двух письменных столах возвышались кипы различных бумаг, а поодаль разместился столик с крепкими напитками и два больших кожаных кресла.

В одном из них и полулежал сейчас Чарльз Фарингдон, воздавая должное стоявшей перед ним на столике бутылке.

Завидев сестру и брата, он изумленно сощурил свои голубые глаза.

– Какого дьявола она здесь делает, Дев? – Чарльз со звоном поставил бокал на столик.

– Что за глупый вопрос, Чарльз? – Эмили присела во второе кресло и с беспокойством смотрела на своего симпатичного брата. – Я просто не могла не прийти.

– Деву не следовало привозить тебя сюда. – Чарльз вско-
чил и начал нервно мерить шагами маленькую комнату. –
Это совершенно тебя не касается.

– Я обязан был отыскать ее. – Дев прошел в комнату, на-
лил себе вина и одним глотком выпил его. – Она имеет право
попроситься с тобой.

– Черт бы все побрал, кто сказал, что я собираюсь по-
слезавтра протянуть ноги? Может, это сделает Грейли... –
Чарльз поглядел сначала на брата, а потом на Эмили. – Не
надо было тебе сюда приходить, Эм. Знаю, ты надеешься от-
говорить меня, но это невозможно.

– С какой стати ты вдруг вызвал Грейли на дуэль? – тихо
осведомилась Эмили. – Из-за карт?

– Ничего подобного, – пробормотал Девлин, наливая себе
еще бокал. Он сделал выразительную паузу. – ...Из-за жен-
щины.

Эмили не верила своим ушам. Она ошеломленно устави-
лась на Чарльза:

– Ты затеял дуэль из-за женщины? Кто она?

– Не следует упоминать ее имени, – торжественным тоном
заявил Чарльз. – Скажу лишь, что она чиста и невинна как
новорожденный ягненок, а ее грубо оскорбили. Мне не оста-
валось ничего другого, как потребовать сатисфакции.

– О господи! – пробормотала Эмили, совсем утонув в
кресле. Немного поразмыслив, она спросила:

– Ты в нее влюблен?

– Да. И намерен, если выживу, просить ее руки.

– От чего, уверяю тебя, будет мало толку, – вмешался стоявший у окна Девлин. – Уже разнесся слух, что наши дни сочтены. Все болтают, что Блэйд подрезал нам крылья и очень скоро ты, я и отец окажемся на мели.

– Мэрианн выйдет за меня, даже если я разорюсь. Она любит меня, – гордо произнес Чарльз.

– Да, но тебя не любят ее родители, – прямо заявил Девлин.

Чарльз бросил на брата сердитый взгляд:

– Об этом я буду волноваться потом. Но ведь Эмили не навсегда отвернулась от своей семьи, а, Эм? Отец утверждает, что рано или поздно ты займешься этими чертовыми финансовыми вопросами.

После того как все утрясется, ты снова станешь одной из нас. Ты же, слава богу, Фарингдон!

– Меньше всего тебя должно сейчас волновать твое финансовое положение, – быстро сказала Эмили. – Нам необходимо найти способ предотвратить дуэль. Нельзя тебе драться с Грейли, Чарльз.

– Выбора нет, – промолвил Чарльз с еще большей непреклонностью. Он взялся за бутылку. – В конце концов, затронута честь дамы.

– Но, Чарльз, ведь этот ужасный человек может тебя застрелить. – Эмили уже начинала отчаиваться, видя, насколько серьезно настроен ее брат пройти опасный путь до кон-

ца. – И потом, дуэли запрещены.

– О запрете все знают, Эм, – раздраженно произнес Девлин. – Но он ничего не значит. Честь джентльмена превыше закона.

Эмили перевела взгляд с одного брата на другого, и сердце ее упало.

– Ты собираешься пройти через весь этот кошмар, да, Чарльз?

– Выбора нет.

– Перестань повторять одно и то же, – возразила Эмили. – Есть у тебя выбор. В крайнем случае не поздно принести Грейли свои извинения.

– Боже мой! Даже и не заикайся об извинениях. – Чарльз, казалось, был искренне потрясен. – Джентльмен обязан выполнить свой долг, когда затронута честь дамы.

– Черт подери! – негодуяюще вскричала Эмили и направилась к двери. – Я вижу, с тобой бесполезно разговаривать.

– Эмили, подожди, – сказал Девлин, последовав за ней. – Куда ты?

– Домой.

– Прощай, Эм, – очень тихо произнес Чарльз за ее спиной.

Она остановилась и повернулась к нему:

– Чарльз, не говори так. Все будет хорошо.

Чарльз одарил ее своей беззаботной чарующей улыбкой Фарингдона:

– Да, но если вдруг... Я хочу, чтобы ты знала, я тебя всегда

любил, сестренка. И надеюсь, ты найдешь свое счастье.

– Ах, спасибо, Чарльз! – На ресницах Эмили заблестели слезы; сдернув очки, она вытерла глаза кулачком, затянутым в перчатку. Она пересекла комнату и нежно поцеловала брата в щеку:

– Все будет хорошо. Вот увидишь.

Она стремительно повернулась и направилась к двери, лихорадочно соображая, что же предпринять дальше. Ответ очевиден, подумала она, усаживаясь с помощью Джорджа в экипаж. Ситуация просто отчаянная. Она пойдет прямо к Саймону и попросит о помощи. Он непременно поймет.

Ее дракон справится с чем угодно.

Но как выяснилось, Эмили пришлось умерить свой пыл на целый час, пока она дождалась возвращения Саймона. Когда Лиззи наконец поднялась к ней в комнату и доложила, что Блэйд ждет ее в библиотеке, Эмили вскочила и буквально слетела по ступенькам. Гарри, их безрукий лакей, поспешил распахнуть перед ней дверь.

– Саймон, слава тебе господи, вы здесь! – воскликнула Эмили, ворвавшись в комнату. – Мне надо немедленно с вами поговорить.

Саймон посмотрел на нее чуть насмешливо, но с интересом и вежливо встал навстречу:

– Мне дали об этом понять. По словам Гривза, за последний час вы спрашивали меня каждые десять минут. Почему бы вам не присесть, мадам, не отдышаться и не объяснить,

в чем, собственно, дело?

– Благодарю вас. – Эмили рухнула в ближайшее кресло, уже почти успокоенная. – Дело в Чарльзе. Случилось несчастье, Саймон.

Веселая снисходительность исчезла из глаз Саймона. Он сел, откинулся в кресле и забарабанил пальцами по черному лаку своего письменного стола:

– Мы говорим о Чарльзе Фарингдоне?

– Ну конечно. О каком еще Чарльзе я могу говорить?

– Вопрос интересный, учитывая, что я совершенно определенно объяснил вам, что вы не будете встречаться без меня ни с кем из вашей семьи.

Эмили отмахнулась нетерпеливым движением руки:

– Ах, сейчас не до мелочей. Все очень серьезно, вы сразу поймете это, услышав всю историю.

– С нетерпением жду.

– Ну так вот, я встретила Девлина на улице у книжной лавки Асбери, и он сразу же повез меня к Чарльзу. Он сказал, что я могу больше не увидеть его живым.

– Кого? Чарльза?

– Ну да. Саймон, случилось самое ужасное. Чарльз собирается драться на дуэли с человеком по фамилии Грейли. Вполне вероятно, что мой брат будет убит. В лучшем случае тяжело ранен. Девлин говорит, что Грейли уже дрался на двух дуэлях и оба его противника получили по пуле. Вы должны предотвратить убийство.

Саймон все так же пристально смотрел на нее.

– Я предупреждал вас, что вы не должны видеться с братьями наедине...

– Да, Саймон, но здесь вопрос жизни и смерти. Я понимаю, особой приязни вы к нему не испытываете, но вы же видите, что сейчас вам надо отставить свои личные чувства в сторону и сделать что-нибудь для несчастного...

– Почему?

Эмили, пораженная, уставилась на него:

– Почему? Саймон, ведь Чарльз мой брат. И он почти ничего не знает о дуэлях.

– Значит, скоро узнает.

– Вы с ума сошли? Они не шутят. Вы должны спасти его от этой глупости. Его могут убить.

– Вряд ли. Грейли наверняка удовлетворится тем, что просто его ранит. Он достаточно меткий стрелок, чтобы не застрелить вашего брата. Какой ему смысл. Если Грейли убьет противника, ему придется покинуть страну, а у него, судя по всему, нет такого желания.

Эмили на мгновение потеряла дар речи. Когда она наконец снова обрела голос, он прозвучал еле слышно:

– Саймон, прошу вас, не дразните меня, пообещайте, что спасете Чарльза.

– Похоже, вы упускаете весьма существенный момент, мадам.

– Какой? – простодушно спросила Эмили.

– Мне совершенно наплевать, что произойдет с Чарльзом или с кем-нибудь еще из Фарингдонов. Похоже, ваш братец первым из семейства проложит себе дорожку в ад, и у меня нет никакого желания становиться на его пути.

Эмили судорожно сжала ручки кресла, у нее даже побелели костяшки пальцев.

– Вы не можете так думать.

– Готов повторить каждое свое слово, дорогая моя. Вам давно бы следовало уяснить, что у меня нет никакого интереса спасти Фарингдонов. Если вы этого не поняли, то только потому, что не обращали на мои слова должного внимания.

– Но, Саймон, я думала... вы поможете мне спасти его.

– Вот как, дорогая моя? А вы, случайно, не думали, что, раз вы теперь спите со мной, как и подобает настоящей жене, значит, сможете легко манипулировать мною? Вы, вероятно, полагаете, что я настолько увлечен вашими чарами в постели, что непременно позволю вам управлять собой во всем остальном? Если так, вам еще многое предстоит открыть для себя в своем муже...

От этого леденяще тихого вопроса и обвинения Эмили обдало холодным ветром. Она, пошатываясь, встала с кресла.

– Я была уверена, что вы поможете мне, – повторила она, не в силах поверить в его отказ.

– Вы уже достаточно долго присматривали за своими беспутными братцами, Эмили. – Саймон бросил на нее раздра-

женный взгляд. – Пора им научиться самим заботиться о себе.

– Но они же мои братья.

– Вы им ничем не обязаны. – Саймон встал из-за стола, взгляд его был холоден и строг, как никогда. – Ровным счетом ничем. Дуэль, на которой им следовало бы драться, должна была состояться пять лет назад. И то, что она не состоялась, лишает меня всякого желания останавливать ту, что готовится теперь.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Эмили слепо направилась к двери. – Да и не важно. Я не могу поверить, что вы не поможете мне спасти Чарльза. Просто не могу поверить. Я была так уверена...

– Эмили! – Голос Блэйда будто ударом кнута хлестнул в этой пещере, полной драконов.

Эмили помедлила, держась за ручку двери. Искорка надежды вспыхнула в ее душе.

– Да, милорд?

– Я уже говорил вам, но, как выяснилось, мне придется повториться. Вам давно пора понять, что вы более не Фарингдон. Выйдя за меня замуж, вы оборвали все связи со своей семьей. Теперь вы принадлежите мне и будете поступать, как я вам велю.

Эмили даже не попыталась ответить на это ошеломляющее заявление. Она молча вышла в коридор, словно замороженная поднялась в свою спальню и в бессилии опустилась

на стул у окна. Она смотрела в сад, и на какое-то мгновение ее охватила острая жалость к себе, и слезы закапали из глаз.

Наплакавшись, она подошла к столу, взяла кувшин с водой и привела себя в порядок. Потом посмотрела в зеркало.

Надо немедленно что-то предпринять.

Уже полностью осушив слезы, Эмили села за свой маленький секретер и решительно взялась за перо. Машинально оттачивая его маленьким ножичком, она перебирала возможные решения огромной проблемы, которая так неожиданно встала перед ней.

И почти сразу, как нечто совершенно очевидное, Эмили поняла главное: она должна любым способом помешать Чарльзу прийти на эту ужасную встречу. Она должна сейчас же разработать план предотвращения дуэли. И сделать это столь вдохновенно, как если бы взялась за сочинение сюжета, посвященного истории романтической любви, полной приключений. В ее голове завертелось множество самых разных идей, и вскоре Эмили остановилась на одном просто блестящем варианте. По мере того как вырисовывались детали предстоящего дела, она обрела присутствие духа, к ней возвращались спокойствие и уверенность.

Саймон вдруг подумал, что часы в библиотеке тикают непривычно громко. И даже сама тишина в комнате становилась все более угнетающей. Теперь, когда он заметил это, уже весь дом казался Саймону непривычно тихим.

Удивительно, как настроение Эмили передается всем слугам в доме. Эти прожженные типы, закаленные в схватках, шагавшие когда-то по самую щиколотку в крови, теперь весело насвистывали или хмурились в зависимости от того, улыбалась их хозяйка или была расстроена. Просто смешно.

Саймон вышел из-за письменного стола и остановился у окна. Рано или поздно, рассуждал он, эльфу неизбежно пришлось бы узнать, что снисходительность ее мужа не безгранична. У Эмили имеется одна досадная склонность – блаженно идти по жизни, окрашивая своими романтическими представлениями всех и вся. Оптимистка по натуре, она всегда жаждет счастливых концов.

И еще у нее появилась дурная привычка – верить, что она уговорит его сделать все, что ей только захочется. И вера эта, по-видимому, существенно окрепла после их последнего урока любви здесь, в библиотеке.

Саймон скользнул взглядом по золотой атласной подушке, где лежала в его объятиях Эмили, отчаянно стискивая пальцами белый шелк. Он почувствовал, как напряглось его тело от этого воспоминания.

Никогда за всю свою жизнь он не знал столь волнующего создания, как его очаровательный зеленоглазый эльф.

– Милорд?

Саймон прогнал стоявший у него перед глазами образ и быстро взял себя в руки. Обернувшись, он бросил недовольный взгляд на дворецкого, застывшего в дверях:

– В чем дело, Гривз?

– Виноват, что побеспокоил вас, сэр. Я стучался, но вы, очевидно, не слышали.

– Я задумался, – нетерпеливо сказал Саймон. – Что у вас?

Гривз вежливо покашлял, его иссеченное шрамами лицо выглядело еще непривлекательней, чем обычно.

– Полагаю, вам следует об этом знать, сэр. Леди Блэйд дала... э-э... некоторые указания лакею Джорджу.

– Какие указания? – Саймон вернулся к столу.

– Она попросила Джорджа подыскать ей кого-нибудь из преступного мира, кто занимается похищением людей, сэр.

Саймон ошеломленно уставился на дворецкого:

– Похищением людей? Вы уверены?

– Вполне, сэр. Джордж пришел в ужас, как вы понимаете. Он явился прямоком ко мне, а я к вам. Похоже, миледи желает встретиться с преуспевающим злодеем, который не прочь подработать. Может, она собирает материал для своей поэмы, сэр? – неуверенно предположил Гривз.

– Или решила сама заняться одним дельцем, – пробурчал Саймон.

Он уселся за стол и, взяв перо и бумагу, быстро набросал записку:

«Мадам,

Ваше предложение меня заинтересовало. Встретимся на Дарк-уолк в Воксхолле сегодня в полночь. Держите в руках белый веер. Я сам найду Вас, и мы обсудим условия.

Ваш Х.

Р. С. Возьмите с собой горничную и приезжайте в карете вашего мужа».

Саймон пробежал взглядом записку, аккуратно сложил ее и протянул Гривзу:

– Проследите, чтобы леди Блэйд получила ее примерно через час. И не беспокойтесь, Гривз. Ситуация под контролем.

– Да, милорд. – Гривз, кажется, немного успокоился.

Подождав, пока дворецкий выйдет из комнаты, Саймон налил себе бокал кларета.

Вот к чему приводит излишняя снисходительность к женщине. Дело зашло достаточно далеко. Пора преподать Эмили хороший урок.

Глава 14

Фейерверк, распускающийся в небе над Воксхолл-гарденс серьезно отвлекал от чрезвычайно важного дела не только Лиззи, но и саму Эмили. Она еще никогда не видела подобного зрелища и, несмотря на свои тревоги, все медлила и медлила, любуясь каждой новой вспышкой. С небес лились каскады света, громкие шипящие взрывы то и дело перекрывали крещендо весело играющего оркестра и ликующие крики толпы.

Потрясающее зрелище совершенно пленило бы Эмили, если бы ее не ждали более важные дела...

– Боже милостивый, мэм, я ничего подобного не видывала в нашем Литл-Диппингтоне. – Лиззи с благоговейным трепетом глядела, как еще один разноцветный сноп огня и света озарил ночное небо.

– Да, я тоже, Лиззи. Здесь просто чудесно, но нам некогда развлекаться. Мы должны найти Дарк-уолк.

– Это в самом дальнем конце парка, мэм, – быстро отозвалась Лиззи. – Очень темная и узкая аллея, совсем не такая, как эта. Вся в деревьях и кустах. Говорят, что молодых леди затаскивают с этой дорожки прямо в лес и лишают чести.

Эмили метнула на горничную подозрительный взгляд:

– Откуда ты знаешь про Дарк-уолк, Лиззи?

– Джордж водил меня сюда погулять в тот вечер, когда вы

ездили на бал к Норткотам, – призналась Лиззи с радостной улыбкой. – Он мне еще тогда мороженое купил, вот как!

– Понятно. – Эмили поплотнее закуталась в шаль и попыталась придать голосу суровость, но не могла не испытывать к своей горничной легкой зависти. Мысли о том, как чудесно было бы полакомиться мороженым и прогуляться с Саймоном по Дарк-уолк – Темной аллее, – пробудила в ней все ее романтические порывы. – Значит, ты сумеешь показать мне, где эта аллея.

– Сюда, мэм.

Лиззи скользнула в темноту. Эмили последовала за ней, осторожно озираясь по сторонам. Чем дальше они с горничной уходили от главных аллей, тем меньше фонарей освещало их путь. Из леса, окаймлявшего дорожки парка, доносились хихиканье, игривые женские возгласы и мужской смех.

Но вот Эмили и Лиззи вышли на сплошь укрытую деревьями аллею – Дарк-уолк. По ней, уединившись от остального мира, медленно прохаживались редкие парочки. Вдруг молодой человек впереди Эмили нагнул голову и что-то сказал на ухо своей подружке. Та, помедлив, быстро посмотрела по сторонам и нырнула вслед за своим кавалером в густые заросли. Парочка мгновенно скрылась с глаз.

– Все, как я вам говорила, мэм. Повсюду шастают насильники, так и поджидая своей минуты, чтоб обрушиться на невинных молодых женщин, – возбужденно зашептала Лиззи.

– Держись ко мне поближе, Лиззи. Мы ведь не хотим, чтобы тебя утащили. Где я тогда найду еще такую умелую горничную?

– И то правда.

Аллея опустела. Эмили видела вокруг себя лишь окутанные тьмой деревья. Она невольно придвинулась к горничной.

– Не забывайте про веер, мэм, – сказала Лиззи несколько более деловым тоном, обнаружив, что они остались совсем одни на Темной аллее. – Джордж специально напомнил, чтобы вы его взяли: по нему вас узнает этот профессиональный разбойник.

– Ах да, веер. – Эмили быстро развернула белый веер с изящно вышитым драконом и принялась усиленно обмахиваться. – Я очень надеюсь, что Джордж знал, что делает, когда нанимал этого представителя преступного мира.

– Не обижайтесь, мэм, но я надеюсь, вы тоже знаете, что делаете... Как-то все же странно, что мы тут, если мне дозволено будет заметить...

– Не дерзи, Лиззи.

Но по правде говоря, Эмили в душе уже готова была с ней согласиться. План казался безупречным, когда она обдумывала его в полной безопасности за стенами своей комнаты, но теперь она призналась себе, что немного беспокоится. Она действительно не так уж много знала о том, как иметь дело с профессиональным преступником. Неожиданное движение

впереди на аллее заставило ее вздрогнуть.

– Черт подери! – Эмили прикусила губу, сдерживая испуганный возглас.

Из кустов вдруг вынырнул оборванный мальчишка и остановился прямо перед ней. Лиззи вскрикнула от страха и крепче уцепилась за руку Эмили.

– Вы, что ли, будете леди с белым веером? – спросил мальчишка.

– Да, – ответила Эмили, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. – А ты кто такой?

– Не важно. Ступайте вон в те кусты. Одна. – Мальчишка многозначительно посмотрел на Лиззи.

– А как же я? – со страхом спросила Лиззи.

– А ты жди, пока хозяйка вернется, – грубо заявил мальчишка, развернулся и умчался прочь. Через несколько секунд он исчез среди деревьев.

Лиззи не сводила умоляющих глаз с хозяйки.

– Я не хочу торчать тут одна-одинешенька, мэм.

– Успокойся, Лиззи. Все будет хорошо. Жди здесь и стой прямо посреди дорожки.

– Но, мэм...

– Будь храброй, Лиззи. – Эмили ободряюще похлопала ее по руке и расправила плечи. Как бы ей хотелось, чтобы кто-нибудь подбодрил ее саму.

Чтобы шагнуть с аллеи в тень зарослей, потребовалось немало мужества. Под сомкнувшимися вокруг нее ветками

сразу же сгустилась тьма. Как талисман держа перед собой веер, Эмили пристально вглядывалась в густые заросли. Ей сразу припомнились слова ее горничной о насильниках, рыскающих в этих зарослях.

Когда из-за большого дерева справа послышался низкий хриплый мужской голос, Эмили даже подпрыгнула на несколько дюймов от неожиданности.

– Вы та леди, которой понадобилось нанять похитителя?

Эмили сглотнула, чувствуя, как повлажнели ладони.

– Да. А вы, я полагаю... э-э... профессиональный разбойник, который ищет работу?

– Смотря что потребуется...

– Ничего особенно трудного, – заверила Эмили. – Всего лишь маленькое похищение, как вам, без сомнения, передал мой посыльный. Есть один джентльмен, которого мне бы хотелось убрать из города на несколько дней. Мне надо, чтоб его – не причиняя никакого вреда – просто подержали бы где-нибудь в безопасном месте дней, ну, скажем, пять, понимаете? Ну как, возьметесь?

– Это дорого стоит.

Эмили немного расслабилась. Такой разговор был ей знаком. Сделки в преступном мире, видимо, не слишком отличаются от тех, что заключают в светском обществе.

– Я понимаю. И конечно, готова уплатить разумную сумму. Но прежде чем вы назовете мне свою цену, позвольте заметить, что работа для вас совершенно безопасная. Очень

простое дело по существу.

– А чего это пять дней?

– Что-что? – нахмурилась Эмили.

– Чего это вам, говорю, так уж хочется, чтоб этот ваш птенчик исчез на пять дней? – несколько нетерпеливо повторил хриплый голос.

– Вообще-то я не должна объясняться перед вами, – строго сказала Эмили, – но полагаю, именно столько времени понадобится, чтобы уладить одно затруднение здесь, в городе. А когда все образуется, Чарль... то есть птенчику можно будет спокойно вернуться домой.

– Да вы же просто девчонка. Как же вы собираетесь сами улаживать дело вашего птенчика? Или хотите, чтобы я и за это взялся?

– Нет-нет, ваши услуги для решения основной проблемы мне не понадобятся, – небрежно пояснила Эмили. – Ею скоро займется мой муж. Он и позаботится о всяких частностях. Когда все будет в порядке, вы освободите моего бра... э-э... этого птенчика.

За деревом произошла некоторая заминка. А когда хриплый голос раздался вновь, он звучал несколько озадаченно:

– Ваш муженек, говорите, собирается этим заняться?

– Конечно.

– А раз так, какого ж дьявола его тут с вами нет? Чего ж он сам не устраивает, чтобы этого малого похитили?

Эмили откашлялась:

– Ну... он сейчас немного сердит на меня – не совсем одобряет мои попытки спасти этого птенчика, понимаете? Но он скоро придет на помощь. Ему просто надо немного времени, чтобы все обдумать.

– Будь я проклят, леди, с чего вы взяли, что он передумает?! – потребовал ответа хриплый голос с непонятным ожесточением. – Думаете, посадили его на поводок? Или он так уж вами опьянен, что вам лишь пальчиком стоит поманить его в постель, и он для вас сделает все, чего вам захочется?

Эмили горделиво выпрямилась:

– Наши отношения здесь ни при чем. Мой муж справедливый и очень порядочный человек, и он просто поступит так, как велит честь. Но ему надо сначала немного подумать. А у меня не очень много времени.

– А он, может, и не считает, что нужно спасать этого вашего птенчика! – рявкнул хриплый голос.

– Но ведь это так, и он скоро все поймет. Этот птенчик – невинный молодой человек, который попал в опасную историю и которого очень легко могут убить, прежде чем он из нее выпутается. Но мой муж не допустит несчастья!

– Черт подери! – пробормотал голос. – Я слышал другое. Я слышал, что ваш муженек – крепкий орешек. И не даст, чтоб им баба командовала. По-моему, он не только позволит птенчику топтать своей дорожкой, но еще и вам задаст хорроший урок.

– Чепуха! – резко возразила Эмили. – Вы абсолютно ни-

чего не знаете о моем муже. Он настоящий джентльмен. Ему иногда не хватает четкости в мыслях, но это, по-моему, относится ко всем мужчинам. А теперь вернемся к нашему уговору. Какова ваша цена?

– Куда больше, чем вам захочется выложить, бьюсь об заклад, – проскрежетал голос.

– Сколько?

– А вдруг я скажу, что в уплату за мои услуги мы немножко повалеемся в стожку, а? – внезапно посуровел голос.

Эмили застыла, впервые за этот вечер испугавшись по-настоящему. Она сделала шаг назад:

– Если вы еще хоть раз посмеете произнести при мне нечто подобное, я все расскажу мужу и он свернет вам вашу наглуемую шею.

– Да ну?! – хрипло съязвил голос.

– Непременно, – свирепо заявила Эмили. – Мой муж умеет защищать то, что принадлежит ему. И если вы хоть пальцем до меня дотронетесь, я вам гарантирую, что он не успокоится, пока вас не настигнет. Вы и дня не проживете!..

– Ох-ох-ох! Я прямо дрожу от страха, леди, – протянул голос.

– И правильно делаете. – Эмили вздернула подбородок. – И знайте: на случай, если вы замышляете какое-нибудь вероломство, я оставила в спальне письмо. В нем я подробно описала мужу, что собираюсь предпринять сегодня вечером. Если мне будет причинен хоть малейший вред, он узнает, что

надо обратиться к Джорджу – человеку, который вас нанимал. От Джорджа он и узнает про вас. У вас нет ни одного шанса спастись, от гнева его светлости. Вы меня понимаете?

– Нет, – горестно сказал Саймон, выходя из-за дерева. – Но я начинаю думать, что такая уж, видно, у меня судьба – вечно не понимать ваши сумасбродства.

– Саймон! – Эмили изумленно уставилась на высокую темную фигуру, закутанную в плащ. – Ради бога, что вы тут делаете?

– Черт его знает. Кажется, у меня была неплохая идея напугать вас как следует и тем самым преподнести вам хороший урок. Но это на удивление трудно сделать, когда вы непрерывно грозите мне мною же самим.

– Ах, Саймон, я знала, что вы поможете мне спасти Чарльза. – Эмили бросилась к нему на шею. – Я знала, что вам лишь необходимо немного времени, чтобы поразмыслить обо всем. Вы просто не могли допустить, чтобы мой бедный брат дрался на дуэли.

На мгновение Саймон крепко обнял ее:

– Мне следовало бы отшлепать вас хорошенько и посадить на месяц под замок в вашей комнате за этот безумный план. Вам ясно? Господи боже, женщина, и о чем вы думали, устраивая свидание с профессиональным бандитом? Вы имеете хоть какое-нибудь представление, во что ввязались? Похищение – невероятно!

– Я знаю, вы на меня сердитесь. – Голос Эмили терял-

ся в складках его плотного плаща. – Но вы должны понять, что нельзя было упустить ни минуты. Я знала, что потом вы придете на помощь, но надо было предпринимать что-то для спасения Чарльза немедленно. Я просто пыталась выиграть время, пока вы не одумаетесь и не поймете, что должны помочь мне спасти брата.

– И если я не ошибаюсь, теперь вы полагаете, что именно это я и сделаю? – холодно спросил Саймон.

Эмили подняла голову и посмотрела в его плохо различимое в темноте лицо:

– Я полагаю, вы не позволите ему рисковать жизнью, Саймон. Невозможно, чтобы вы так его ненавидели. К тому, что случилось много-много лет назад, он не имеет никакого отношения. Он был тогда мальчишкой.

– «Грехи отцов...» – тихо процитировал Саймон.

– Глупости. Если это справедливо, то относится и ко мне, ничуть не меньше, чем к Девлину и Чарльзу. А ведь вы не считаете меня в ответе за то, что случилось с вашей семьей?

Саймон тяжело вздохнул и подвел ее к аллее:

– Мы обсудим это позже.

Выходя из зарослей, Эмили обернулась через плечо на идущего следом Саймона:

– А что сейчас, Саймон?..

– Похоже, мне не остается ничего другого, как заняться спасением вашего шалопая братца. Иначе у меня явно не будет ни минуты покоя.

– Спасибо, Саймон.

– Но хорошенько запомните, эльф: это первая и последняя услуга, которую я соглашаюсь оказать Фа-рингдону.

– Я понимаю, – мягко отозвалась Эмили. – И буду вам вечно благодарна.

– Я хочу от вас не благодарности.

– А чего же?

– Обещания, что вы больше никогда не ввяжетесь в подобную историю, Эмили, ведь вас же сегодня могли ограбить, убить, обесчестить. Послать Джорджа нанимать профессионального преступника – это просто вопиющая глупость.

Она крепче сжала пальцами шаль и ступила на аллею:

– Да, милорд.

– Более того, в будущем вы не... – Саймон, ругнувшись, замолчал, так как Лиззи, увидев их, с криком кинулась навстречу своей хозяйке:

– Ах, мадам, вот и вы. Слава богу! Как же я беспокоилась! Я боялась, что вас утащили насильники, и не знала, что же сказать его светлости, когда он о вас спросит, а утаить, что вы пропали, от него было бы очень трудно. Рано или поздно он бы непременно заме... – Лиззи внезапно замолчала, поняв, кто именно стоит рядом с Эмили.

– Вы совершенно правы, – холодно сказал Саймон. – Если бы ее светлость была похищена, я бы непременно заметил... Рано или поздно...

– Ой, сэр. – Лиззи сделала реверанс и потрясенно устави-

лась на Саймона. – Это вы, сэр...

– Вы очень догадливы. И если вы не желаете оказать-ся на улице в поисках нового места без всяких рекоменда-ций, будьте любезны проследить, чтобы ее светлость никогда больше не прогуливалась в одиночестве по Дарк-уолк.

– Да, сэр. – Теперь Лиззи пришла в ужас. Эмили с упреком взглянула на мужа:

– Саймон, хватит пугать бедную девочку. А ты, Лиззи, пе-рестань шмыгать носом и соберись. Все хорошо. Его свет-лость раскусил мой план с самого начала. Замечательно, правда?

– Да, мэ. – Лиззи бросила неуверенный взгляд на гроз-ное лицо Саймона. – Замечательно.

– А теперь, Лиззи, – бодро продолжала Эмили, – ты от-правляйся в экипаже прямо домой. Нам с его светлостью по-ра идти. У нас еще сегодня есть дело. Не жди меня.

– Минутку, мадам, – протянул Саймон. – Похоже, здесь некоторое недоразумение. Вы отправитесь домой вместе с вашей горничной.

– Но, Саймон, это же моя идея, и я должна довести ее до конца.

– Вы вовлекли в это меня, а когда я за что-то берусь, пред-почитаю все делать сам. Вы отправитесь домой. Я лично про-вожу вас до выхода из парка и посажу в экипаж.

– Но, Саймон, я же вам понадобится...

– Это мужское дело.

– Речь идет о моем брате, – с отчаянием сказала она.

– Вы предоставили решение вашей проблемы мне.

Эмили не хотела ничего слышать и опять пустилась в пространные объяснения, почему ей просто необходимо сопровождать его, пока он будет устраивать спасение Чарльза. Но с таким же успехом она могла бы разговаривать с каменной стеной. Саймон был неумолим.

Несколько мгновений спустя она обнаружила, что сидит в экипаже рядом с Лиззи. Саймон закрыл дверцу и строго велел кучеру ехать прямо домой. Потом круто развернулся и растворился в ночи.

– Черт подери! – Эмили плюхнулась на сиденье, раздраженно хлопнув веер, и с тихим вздохом смирилась.

Через секунду она уже с облегчением улыбалась... Теперь-то все будет в полном порядке. За дело взялся ее дракон.

Не узнавая самого себя, Саймон поднялся по лестнице к квартире, где жили братья Фарингдоны. Он громко постучался. Дверь почти мгновенно распахнулась, и на него озадаченно воззрился один из близнецов.

– Вы, я полагаю, Девлин? – без лишних слов спросил Саймон.

Девлин опомнился:

– Да, милорд. Какого дьявола вы тут делаете, Блэйд?

– Блестящий вопрос. Как раз тот, который я все время

задаю себе сам. Могу я войти?

– Ну что ж... – Девлин неохотно отступил, пропуская странного гостя.

– Благодарю, – сухо произнес Саймон. Он шагнул в комнату и бросил шляпу, перчатки и пальто на руки лакею.

С опозданием сообразив, кто к ним пришел, с кресла у огня привстал Чарльз Фарингдон:

– Блэйд. Зачем, скажите на милость, вы явились сюда в такой час?

– Эмили сообщила о вашей дуэли с Грейли. – Саймон подошел к камину и протянул руки к огню. Чарльз бросил на брата уничтожающий взгляд:

– Я же запретил тебе приводить ее сюда. А теперь она все выболтала ему.

– Я должен был дать ей возможность попроситься с тобой, – запротестовал Девлин. – У меня не было выбора.

– Ты не имел права даже заикнуться обо всей этой чертовой истории. Это мое личное дело. – Чарльз рухнул обратно в кресло.

– Я согласен, что было бы куда удобнее, если бы вы просто дали себя убить, – сказал ему Саймон. – Но поскольку вы вовлекли в историю Эмили, мне не остается ничего другого, как вмешаться.

– Это вас совершенно не касается, – процедил Чарльз, мрачно глядя на огонь.

– Нет, касается. Вы встревожили Эмили, и она очень рас-

страивается. Этого я допустить не могу. Следовательно, я должен как-то изменить сложившуюся ситуацию. – Саймон сурово посмотрел на Чарльза. – А теперь предлагаю вам рассказать все в подробностях, чтобы я мог решить, что именно надо сделать.

– Затронута честь, – неохотно проговорил Чарльз, искоса взглянув на Саймона. – Честь женщины.

– С каких это пор вас стала так тревожить защита женской чести?

Некоторое время стояла мертвая тишина, после чего Чарльз медленно произнес:

– Мы с Девлином кое о чем поразмыслили после того дня, когда вы сшибли нас с ног в библиотеке.

– В самом деле? – Саймон глядел на огонь в камине.

– Это правда, сэр, – тихо вымолвил Девлин. – Мы долго думали о прошлом. Вы правы... Нам следовало вызвать Эшбрука после злосчастного побега.

Саймон ответил не сразу:

– Строго говоря, это должен был сделать ваш отец.

– Ну, все равно... Как-то странно было тогда промолчать, но отец сказал... – Девлин внезапно остановился, пожав плечами.

– Отец сказал, что ущерб все равно уже причинен и лезть из-за этого под пулю бессмысленно, – тихо закончил Чарльз. – И Эмили уговаривала нас. Утверждала, что виновата в первую очередь она сама.

– И вероятно, это действительно так, насколько мы знаем Эмили. – Девлин взял свой бренди. – Но это не имело значения... Сейчас мы понимаем, что должны были защитить ее. Хотя бы задать Эшбруку трепку.

– Да. – Саймон глядел на золотистое пламя. Так, значит, вот оно что... Похоже, за все ему надо винить только себя самого. – И потому, как только подвернулся случай хотя бы одному из вас оправдаться в собственных глазах, вы за него и ухватились. Кто же ваша леди?

– Я не могу вам сказать, сэр, – решительно заявил Чарльз.

– Понимаю ваше положение, но боюсь, что вынужден буду настаивать. Я никогда ничего не предпринимаю, пока не соберу всю возможную информацию. И вряд ли станет хуже от того, что вы назовете мне ее имя. В конце концов, оно известно Грейли, и как раз это волнует меня больше всего.

– Он прав, Чарльз, – нахмурился Девлин. – Скажи ему.

– Мэрианн Маттьюз.

Саймон кивнул:

– Довольно приятная девочка. Семья родом из Йоркшира, по-моему.

– Совершенно верно, сэр. Я собираюсь жениться на ней, – заявил Чарльз с некоторым вызовом. Саймон пожал плечами:

– Это ваше дело. Девушка дала какой-то повод для оскорбления? Чарльз вспыхнул:

– Она не совершала абсолютно ничего предосудительно-

го. Это невинное создание с прекрасными манерами и кротким характером. Прошлой ночью Грейли подошел ко мне в клубе и позволил оскорбительные намеки в ее адрес.

Девлин взглянул на Саймона:

– По мнению Грейли, она лишь еще одна деревенская вертихвостка, побывавшая в постели чуть ли не у всех фермеров Йоркшира.

Саймон поднял брови:

– Несколько преувеличенно...

– Намеренная провокация, – заявил Чарльз, стукнув кулаком по ручке кресла.

– Да. Грейли, видно, жаждет свежей крови.

– Что вы имеете в виду? – спросил Девлин.

– Грейли один из тех немногих, кому действительно нравится наводить ужас на противника на месте дуэли. – Слова Саймона звучали очень жестко. – Он первоклассный стрелок, получающий определенное удовольствие от самого процесса. И всегда соблюдает осторожность, выбирая жертвы среди тех, кто не отличается особой меткостью. Но о нем уже пошла слава, и теперь ему трудно найти глупца, готового с ним стреляться. Если же ему все-таки удастся навязать вызов, у большинства соперников хватает ума послать к нему своих секундантов со смиренными извинениями.

– Я извинений посылать не собираюсь, – заверил Чарльз. – Скорее погибну на дуэли, чем позволю запятнать честь Мэрианн.

Саймон бросил на него оценивающий взгляд:

– Похоже, вы и в самом деле так считаете.

– Не трудитесь отговаривать меня от этой встречи, сэр. Я дал клятву.

– Понятно. – Саймон задумчиво побарабанил пальцами по каминной полке. – Ну что ж, тогда мы с Девлином начинаем действовать как ваши секунданты. Пошли, Дев.

– Куда?

– Ну как же, на встречу с Грейли, разумеется. Необходимо обсудить кое-какие мелочи.

– Но место встречи уже назначено, – сказал Девлин.

Саймон покачал головой, чувствуя себя лет на сто старше этих несмышленных птенцов. Бродерик Фарингдон за многое в ответе, отметил он про себя.

– Вам надо еще многому научиться, и, похоже, на мое несчастье, именно мне суждено стать вашим учителем.

Саймон с Девлином сидели в неосвещенном экипаже и наблюдали за парадной дверью клуба. Наконец она отворилась, и из нее вышел Грейли. Не сводя глаз со своей жертвы, Саймон постучал тростью в крышу кареты. Кучер, как ему и было велено, подкатил прямо к Грейли.

Грейли, узколицый тонкогубый человек с беспокойными хищными глазами, поспешил занять место в экипаже. Он опустил на сиденье, прежде чем успел заметить, что он здесь не один.

– Добрый вечер, Грейли. – Саймон постучал по крыше еще раз, и экипаж тронулся.

– Что все это значит, черт подери?! – спросил Грейли, бросив хмурый взгляд сначала на Девлина, а потом на Саймона.

– Фарингдон и я выступаем секундантами Чарльза Фарингдона, – сказал Саймон. – Мы приехали уладить кое-какие мелочи.

– Вам следует поговорить с моими секундантами, Бартоном и Эвингли.

– Думаю, эти мелочи заинтересуют вас лично, – с ироничной улыбкой заметил Саймон. – И как мне кажется, вам не захочется, чтобы Бартон и Эвингли узнали о них.

Грейли усмехнулся:

– Вы явились принести извинения за поведение Фарингдона?

– Разумеется нет. Насколько мне известно, вы нанесли оскорбление некой юной леди, – сказал Саймон. – И это вам следует принести извинения.

Грейли сузил глаза:

– С какой стати, будьте любезны объяснить?

– Потому что, если вы заупрямитесь, – нежно объяснил ему Саймон, – присутствующий здесь Фарингдон и я объявим в обществе о том, что ваши деловые капиталовложения в самом скором времени потерпят крах и вы не сумеете выполнить свои значительные финансовые обязательства, не

говоря уже о карточных долгах. Грейяи замер.

– Черт подери, Блэйд, вы что же, угрожаете мне?

– По-видимому, да. Как я понимаю, вы вложили крупную сумму в некое торговое предприятие, в котором я также принимаю участие?..

– Ну и что? Скоро я сколочу себе состояние.

– Очень маловероятно, если я вдруг решу, что игра не стоит свеч, и продам завтра свою долю. К полудню пронесется слух, что дела плохи. Уверен, если оттуда выйду я, большинство вкладчиков немедленно последует моему примеру. Рынка акций не станет, и вы вместе с прочими потеряете все, что вложили в проект.

Грейли воззрился на него:

– Бог ты мой! Вы же погубите не только меня, но и остальных.

– Вполне вероятно.

– Ради Фарингдона? – спросил Грейли в крайнем недоумении. – Я слышал, вы не испытываете особой любви к этому семейству.

– Почему, как я понял, вы и сочли безопасным вызвать на дуэль одного из них. Но вы просчитались. Судьба совершает порой неожиданные повороты. Так могу ли я передать ваши извинения Чарльзу Фарингдону и объяснить, что все оказалось чистым недоразумением?

Грейли долго молчал.

– ... Те, кто называет вас хладнокровным негодяем, правы,

Блэйд.

Саймон пожал плечами, отсутствующе глядя в окно. Час был поздний, но улица была запряжена экипажами, развозящими элегантных представителей высшего общества по бесконечному кругу светских приемов.

– Так как, Грейли? Право же, вы сумеете найти себе более легкую добычу.

– Будьте вы прокляты, Блэйд!

– Успокойтесь, старина, – мягко сказал Саймон. – Нет нужды доказывать свое стрелковое мастерство на юном Фарингдоне. Попробуйте подыскать другую мишень.

– В один прекрасный день, Блэйд, вы зайдете слишком далеко!..

– Возможно.

Грейли в бессильной ярости сжал свои и без того узкие губы. Он постучал по крыше, давая кучеру знак. Карета остановилась, Грейли открыл дверцу и вылез.

– Передайте вашему брату мои извинения, – отрывисто бросил он Девлину. – Встречи на рассвете не будет.

Грейли отступил назад и захлопнул дверцу. Карета застучала дальше по мостовой. Девлин смотрел на Саймона с выражением, близким к обожанию.

– Ну, доложу я вам, это было просто потрясающе! Фактически вы заставили Грейли полностью отказаться от его намерений. Никогда не слыхивал ни о чем подобном.

– И надеюсь, мы никогда больше не окажемся перед по-

добной задачей, – резко бросил Саймон. – Вы это хорошо уяснили?

– Да, сэръ. Вполне. – Девлин не переставал восхищаться. – Но как же чертовски умно с вашей стороны... Он отказался от дуэли только из-за одного намека, что могут пострадать его капиталовложения.

Саймон покачал головой от подобной наивности:

– Фарингдон, пора вам с братом понять, что реальная власть всегда основывается на деньгах и информации. Вооружившись этими двумя видами оружия, вы достигнете гораздо большего, чем с помощью дуэльного пистолета или колоды карт.

– А если нет состояния? – заинтересованно спросил Девлин.

– Тогда надо сосредоточиться на получении информации. При достаточном объеме этой силы скоро отыщется и вторая.

– Я запомню... – тихо сказал Девлин. Он умолк на мгновение, но потом снова оживился. – Кстати, мы с Чарльзом думали, не покажете ли вы нам тот очаровательный бросок, который применили к нам тогда в своей библиотеке. Это не слишком большая просьба?

– Полагаю, я могу показать вам этот прием. Но чего я не могу все-таки понять, – задумчиво произнес Саймон, – как я вообще оказался в подобной ситуации...

Девлин ответил с обворожительной улыбкой Фарингдона:

– Вы имеете в виду спасение Чарльза и урок житейской мудрости о том, как выжить в этом мире? По-моему, здесь виновата Эмили.

– Разумеется, вы правы. Это целиком ее вина...

– Знаете, она единственный на свете человек, который не считает вас хладнокровным дьяволом, – заявил Девлин.

– Склонность Эмили к романтике временами приносит некоторые неудобства.

– Да, несомненно, – сочувственно вздохнул Девлин. – Но согласитесь, всегда ужасно не хочется лишать Эмили ее иллюзий.

Глава 15

Заслышав стук колес кареты, Эмили перестала мерить шагами спальню. Поняв, что экипаж подкатил к дверям дома, она метнулась к окну. Она раздвинула тяжелые портьеры и увидела Саймона, который уже поднимался на крыльцо. Его пальто с пелериной тяжелыми фалдами плескалось вокруг ног. Эмили поспешно распахнула окно и свесилась вниз.

– Саймон, – тихо позвала она. – С вами все в порядке? Дело улажено?

Саймон поднял взгляд и сказал явно раздраженным тоном:

– Ради бога, женщина, перестаньте высовываться и немедленно закройте окно. Что подумают соседи?

Он взбежал по ступенькам.

Видимо, все уладилось достаточно благополучно, бодро решила Эмили, захлопывая окно. Дела не так уж плохи, раз Саймон беспокоится о соседях.

Кажется, она начинает понимать его настроения, радостно отметила про себя Эмили. Постукивая по ковру обутой в ночную туфельку ножкой, она ждала, когда же наверху раздастся знакомый стук его сапог. Ее связь с мужем в метафизическом мире явно крепла день ото дня. Без сомнения, это прямой результат улучшения их связи в мире физическом...

Наконец в коридоре раздались его шаги, она заспешила к двери, соединяющей их спальни. Но уже на пороге услышала голос Хигсона и поняла, что этот преданный, как бульдог, камердинер дожидался своего хозяина.

Раздосадованная задержкой, Эмили тихонько закрыла дверь и снова принялась ходить по комнате, пока Хигсона не отпустили на ночь.

Она напрямик кинулась к желанной двери и распахнула ее. Саймон сидел в полутьме у окна, держа в руке бокал с бренди. На нем уже был черный атласный халат. Одна-единственная свеча горела на столике у кровати. Темные волосы Саймона были всклокочены, а лицо в слабом мерцающем свете казалось высеченным из камня. Когда в спальню вошла Эмили, в его золотистых глазах вспыхнул какой-то странный огонь.

– А, моя беспечная, порывистая, своенравная женушка. Полагаю, вы сгораете от нетерпения.

– Да, Саймон. Я с трепетом ждала вас все эти последние часы. – Эмили рухнула в кресло напротив мужа и внимательно посмотрела на него. – Все в порядке?

– Дело улажено, если вы это имеете в виду, – холодно ответил Саймон. – Дуэль не состоится. – Он сделал большой глоток бренди и продолжал изучать бокал. – Но я не уверен, что все в порядке.

Эмили почувствовала, что настроение Саймона с каждой минутой становится все более странным, и ее вновь охватило

беспокойство.

– Что-то опять не так, милорд?

– Что не так?.. – Он повертел в руках бокал с бренди и откинул голову на спинку кресла. – Трудно объяснить, дорогая моя.

Она еще пристальней посмотрела на него сквозь очки.

– Вы не ранены, Саймон, нет? – с некоторой тревогой спросила она.

– Не пролилось ни капли крови.

– Слава богу. – Эмили неожиданно усмехнулась. – Нет, не Бога, а вас я должна благодарить, и я прекрасно это понимаю! Я вам очень признательна за то, что вы опять помогли мне, Саймон.

– В самом деле? – Он сделал еще глоток бренди. Эмили прикусила губу:

– Вы какой-то странный...

– И с чего бы... – задумчиво проговорил он. – Мы провели совершенно обычный вечер, не правда ли? Не случилось ничего странного или непредвиденного. Все как всегда. Я нахожу свою жену гуляющей в полночь по Дарк-уолк в Воксхолле в поисках встречи с элементом уголовного мира. Я даю себя уговорить спасти этого идиота Фарингдона от его собственной глупости. Мне приходится рискнуть чрезвычайно выгодным вложением капитала, только чтобы отпугнуть одного из самых злобных молодых щеголей высшего света. А придя домой, я вижу мою любезную супругу свесившейся из

окошка и кричащей мне что-то, словно она простая торговка...

Эмили вздохнула:

– В вашем изложении мои маленькие приключения всегда выглядят несколько преувеличенно.

– Я это учту. Эмили просияла:

– И все равно я должна вам сказать, что ваш план заманить меня в Воксхолл просто замечателен. Так остроумно с вашей стороны, Саймон. Знаете, мне ведь и в голову не пришло что-нибудь заподозрить, когда я получила вашу записку. Теперь-то я понимаю, что профессиональный преступник скорее всего был бы просто неграмотен!

– Ваши похвалы согревают мне сердце, уверяю вас. Но, оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что, должно быть, временно утратил рассудок, когда составлял свой план.

– Нет-нет, вы хотели дать мне урок, правда?

– Да, у меня имелась некая смутная идея сделать нечто подобное. – Саймон отхлебнул еще глоток бренди.

– И вы разработали поистине блестящий план.

– Неужели? Что-то я не помню, чтобы вы были должным образом наказаны. Вы стояли там и торговались, словно лавочник, с человеком, которого считали головорезом, а когда он попытался вас припугнуть, потребовав вашей благосклонности в качестве платы за его услуги, вы очень мило пригрозили ему гневом своего мужа.

Теперь Эмили видела, что Саймон в ярости.

– Но, Саймон, я не понимаю, почему вы так сильно рассердились на меня. Ведь вы сами написали мне записку, сами устроили мне эту встречу в Воксхолле.

– Я уже сказал, что, должно быть, потерял рассудок. – Он взболтал оставшийся в бокале бренди и выпил его одним глотком.

– Вообще-то, по-моему, это глубоко скрытая романтическая черта вашего характера подсказала вам такую замечательную идею, – решила Эмили. – Точь-в-точь эпизод из приключенческого любовного романа. И вы знали, что я на это клюну. А все потому, что мы уже так настроены друг на друга на более высоких уровнях...

– Господи, Эмили, когда же вы прекратите нести свою чепуху о метафизике и высших уровнях? Клянусь Богом, если я еще не до конца потерял рассудок, то скоро потеряю.

Саймон вскочил и с силой швырнул пустой бокал в камин. Раздался резкий, ударивший по нервам звук, эхом прошедший по спальне. Поблескивающие осколки упали в холодную золу.

Эмили тихо ахнула и неподвижно застыла в кресле – последние кусочки стекла соскользнули по каменной стенке камина, – потом медленно повернула голову и взглянула на Саймона...

Жесткое окаменелое выражение его лица и неистовый блеск в глазах сразу же сказали ей, что он сам гораздо больше, чем она, потрясен случившимся. Она-то, в конце кон-

цов, знала, что он человек сильных страстей. Но он не всегда принимал правду о себе самом.

– Проклятье! – Саймон стоял, уставившись в камин.

Воцарилась глубокая тишина.

Руки Эмили, лежавшие у нее на коленях, сжались.

– Я не хотела рассердить вас, милорд, – тихо сказала она.

– Это же неестественно, неужели вы не понимаете? – Он стремительно повернулся к ней, его лицо в мерцающем свете свечи казалось просто демоническим. – Чертовски неестественно.

– Что, милорд?

– Эта ваша дурацкая манера упорно считать меня каким-то героем. Говорю вам раз и навсегда, мадам жена: я не персонаж из поэмы. Я не принимаю решений и не совершаю поступков только ради ваших прекрасных глаз и романтических чар. Я не столь пылкое создание, как вы. Каждый свой шаг я рассчитываю. Я все делаю ради достижения своей собственной цели. Вы можете понять это или нет?

Эмили сделала глубокий вдох.

– Вы сердитесь на меня за то, что вам пришлось сегодня спасти моего брата.

– Сержусь, мадам? Слово «сержусь» и вполнину не выражает моего теперешнего состояния. Я позволил вам манипулировать мной, позволил уговорить себя сделать то, чего поклялся не делать никогда.

– Вы имеете в виду помощь Фарингдону?.. – Она отважи-

лась взглянуть на него из-под ресниц.

– Да, черт бы всех побрал! Именно это я имею в виду. Не знаю, что на меня сегодня нашло.

– Я не нахожу ваш поступок очень уж странным, милорд, – тихо сказала Эмили. – Вы действовали как благородный достойный человек, каким я вас и знаю. В глубине души вы сознаете, что мои братья не виноваты в проигрыше вашего отца двадцать три года назад.

– Они – Фарингдоны. И, господи ты боже мой, созданы по образу и подобию своего отца.

– Не правда, милорд. Мой отец никогда не стал бы драться на дуэли, защищая честь женщины. Чарльз и Девлин не похожи на него. Он их растил, и они пошли по его стопам только потому, что у них не было другого примера для подражания. Но они не такие, клянусь вам. И где-то в глубине души вы понимаете это, иначе не стали бы сегодня помогать Чарльзу.

– Эмили, я не желаю ни слова больше слышать о том, почему я сделал то, что сделал. Вы понятия не имеете, почему я так поступил. Я и сам толком не знаю. – Саймон сжал руку и стукнул кулаком по каминной доске. – Двадцать три года назад я дал клятву отомстить всему роду Фарингдонов. Я поклялся себе, что уничтожу все их семейство.

– Зачем же вы тогда женились на мне? – с внезапной силой спросила Эмили. Саймон сузил глаза:

– Потому что меня это позабавило. Потому что это послу-

жило моей цели отлучить вашего отца и братьев от верного источника их доходов. Наконец, потому что вы умоляли меня жениться на вас и мне было весьма приятно, что женщина из семейства Фарингдонов пала к моим ногам. Это ее задело.

– Я никуда не пала, милорд. Я представила вам наш брак как деловое соглашение, если припомните. Но он не слушал ее.

– И наконец, не последним соображением было то, что я нашел вашу пылкость чувств, как вы это называете, весьма занятой в постели. Ну вот, теперь вы знаете, почему я женился на вас. Вовсе не потому, что наши души встретились и слились над чайными чашками на более высоких уровнях.

Эмили содрогнулась. Сегодня дракон изрыгал пламя. Впервые она видела его таким, и зрелище, без сомнения, было чрезвычайно грозное.

– Саймон, прошу вас, ничего не говорите больше.

– Почему же, скажите на милость? Потому что это разобьет ваше глупое романтическое сердечко?

– Да, милорд.

– Видит бог, фантазерка, пора вам повернуться лицом к реальности. – Саймон круто развернулся и принялся вышагивать по комнате. – Хотя я не могу пока сказать, что преуспел в своих попытках раскрыть вам глаза.

Это было уже слишком. Эмили вскочила:

– Черт подери, Саймон!

– Прекратите говорить «черт подери»! – приказал он. –

Такие выражения не пободают графине Блэйд.

– Мне безразлично, что там подобает графине Блэйд, – с чувством выпалила она в ответ. – Вы зашли слишком далеко, заявив, что мне надо бы повернуться лицом к реальности. Вы не знаете, насколько близко мне приходилось сталкиваться с этой вашей реальностью – лицом к лицу, всю мою жизнь! Вы понятия не имеете, сколько раз приходилось сталкиваться лицом к лицу с реальностью и моей бедной матери. Могу вас заверить, что бывали времена, когда я ненавидела своего отца так же сильно, как вы, должно быть, ненавидели вашего.

Резко повернувшись, Саймон уставился на нее:

– О чем, черт возьми, вы теперь толкуете?! Я никогда не ненавидел своего отца.

Эмили взглянула на него:

– Как вы могли не злиться на него, после того что он с вами сделал?

– Вы, наверное, с ума сошли. Почему я должен его ненавидеть?

– Потому что он поднес к голове пистолет и застрелился, оставив вас отвечать за мать. Потому что он нашел быстрый выход из той катастрофы, которую навлек на семью, и оставил вас сражаться одного. Потому что вам было тогда двенадцать лет и вы были еще слишком юны, чтобы суметь поправить тот громадный урон, который был нанесен. Боже мой, Саймон, ну как же вам было не ненавидеть его?

Саймон стоял расставив ноги и глядя на нее так, словно она вдруг оказалась чудищем с головой гидры:

– Вы спятили.

Эмили повернулась к нему спиной:

– Если вам от этого легче, я тоже очутилась в очень похожих обстоятельствах.

– И каким же образом?

– Семья оказалась без средств к существованию, когда мне было семнадцать. Но к тому времени мой отец обнаружил у меня способности к экономике и финансам. Он пришел в восторг. Ясно, что во мне увидели спасение семьи. И я изучала капиталовложения и принимала решения. Я даже находила в этом некоторое удовольствие. Но ни на мгновение я не забывала, что мой талант проявился лишь потому, что мой отец безответственный мот. Я до сих пор помню, как плакала из-за него мама. – Тыльной стороной ладони Эмили смахнула слезу с ресниц.

– Пожалуйста, не хнычьте, Эмили.

Она вытерла глаза платочком, обнаруженным ею в кармане просторного халата:

– Знаете, мама частенько плакала. Но почти никогда в присутствии отца. Понимаете, она его любила, несмотря на все его поведение. Она, бывало, говорила мне, что бесполезно бранить его за слишком крупную игру. Это у него в крови, повторяла она.

– Эмили, вы устали. Идите лучше спать.

– Ах, да будет вам проявлять эту вашу дурацкую снисходительность, милорд. – Эмили проглотила последние слезы и спрятала платочек обратно в карман. – Когда мама и братья поняли, что я способна удерживать семью на плаву, они внушили мне, что это мой долг. Я никогда не забуду, как на смертном одре мать взяла меня за руку и сказала, что теперь я должна заботиться о своем отце и братьях: без меня они все скоро окажутся на мели – а бедный папа не может жить, если у него нет кучи денег.

– Я в самом деле не желаю больше выслушивать эту чепуху, Эмили.

– Это не чепуха. Это реальность. Та реальность, с которой, по вашим словам, я никогда не сталкивалась. Так могу вас заверить, милорд, что только с ней я всю жизнь и сталкивалась. И мне она не нравится, черт подери! Но она никуда не денется, и я буду по-прежнему противостоять ей, когда потребуется.

– Включая и реальность нашего брака? – протянул он с угрозой в голосе.

– Наш брак – совсем другое. Это чистый и благородный союз душ, даже если вы пока этого и не понимаете.

– Нет, Эмили, он не чист и не благороден. Он чертовски реален. Так же реален, как расточительность вашего отца и моя месть. Пора, наверное, мне заставить вас признать сей печальный факт.

Она нахмурилась от странного тона его последних слов:

– О чем вы говорите, милорд?

– О том, что надо преподнести вам правду о реальных причинах моей женитьбы на вас. Я не герой, Эмили.

– Нет, милорд, вы герой. Просто вы отказываетесь видеть себя таким. Может, потому, что боитесь показаться слабым себе самому или остальным.

– Господи, женщина, вы просто невозможны. Я не знаю вам равной в умении сочинять подобные фантазии, – процедил сквозь зубы Саймон. – Вам и вправду надо дать урок. – Последовала намеренная пауза, и, когда он заговорил, его голос стал еще более низким и хриплым, чем обычно. – Идите сюда, Эмили.

Она не шевельнулась. Чувства ее были в полном смятении.

– Идите же ко мне, мадам. Я не намерен сегодня потакать вашим романтическим идеям.

Очень медленно она повернулась к нему лицом и почувствовала вдруг глубокую усталость:

– Чего вы хотите от меня, милорд? Его жесткий рот изогнулся в холодной насмешливой улыбке.

– А как вы думаете, жenuшка? Я же назвал вам причины, по которым женился на вас.

– Да, милорд. По-моему, вы сказали, что вам показалось забавным жениться на мне. И что это соответствовало вашим представлениям о мести.

– Была и еще одна причина, если припоминаете. Хотя вы

еще неопытны в будуарных забавах, учитесь вы быстро. И даже выказываете воодушевление, моя дорогая. Не угодно ли вам и сейчас продемонстрировать хотя бы некоторую толику этого воодушевления? Идите сюда и выполните свой супружеский долг.

Холодность, с какой он произнес свой приказ, вызывала тревогу. В лице Саймона не было ни теплоты, ни страсти. Одна только с трудом сдерживаемая ярость...

– Вы и в самом деле сильно разгневались на меня, потому что я убедила вас спасти Чарльза, – прошептала Эмили. – Я не думала, что это так вас расстроит, милорд. Основанием для такой ярости может быть только одно – вы считаете, что выказали слабость, уступив мне... Саймон, пожалуйста, умоляю вас, не смотрите так на спасение Чарльза!

– Как мне ни нравится, что вы меня время от времени умоляете, вы сделаете это как-нибудь в другой раз, мадам. А сейчас я хочу вас в постели.

Саймон сбросил халат и прошел к массивной кровати с четырьмя резными столбиками. Он был полностью обнажен, и свет свечи мерцал на его коже, подчеркивая мягкую выпуклость мускулов его спины, его плоский твердый живот, его жесткие ягодицы. В полумраке угадывался его восставший посох, вдруг дрогнувший, набирая силу, под робким обеспокоенным взглядом Эмили.

Она крепче стиснула рукой халат на груди и отвернулась.

– Видите, как вы на меня действуете? – спросил Саймон, отправляясь в постель. – Вы должны быть довольны, мадам. Ведь это тоже своего рода власть: обладать способностью так мгновенно заставлять мужчину реагировать на ваши чары, не правда ли?

– Не все считают власть самым главным в жизни, милорд.

– Ошибаетесь, Эмили. Так же, как и во многом другом... Идите сюда.

Эмили поколебалась и потом, очень медленно, подчинилась. С большой осторожностью она приблизилась к кровати, по-прежнему сжимая на груди халат. Она вдруг поняла, что сегодня, в этот вечер, имеет дело с раненым драконом. Пусть раны старые, но они открылись снова. Боль может заставить даже человека с таким благородством и силой характера, как у Саймона, кинуться на любую оказавшуюся в пределах досягаемости, пусть даже самую невинную, жертву.

Но она также поняла и то, что сейчас ее дракон, как никогда, нуждается в ласке и любви. Она нужна ему. И хотя он может опалить ее своим огнем, но зла не причинит.

Саймон никогда не причинит ей зла, даже за миллионы лет. Она вспомнила его обещание, данное ей в брачную ночь: «Клянусь, я всегда буду тебя защищать, Эмили. Что бы ни случилось, знай, я всегда буду заботиться о тебе».

Эмили остановилась у кровати и позволила халату соскользнуть на пол. Она видела, как взгляд Саймона устремился на очертания ее бедер, вырисовывавшихся сквозь тон-

кую ткань ее сорочки. Этот горячий взор медленно, целенаправленно прошелся вверх – туда, где ее соски выступали под легкой материей.

Эмили чувствовала себя выставленной напоказ. Она привыкла видеть на лице Саймона сдержанную страсть, а не это откровенное поддразнивающее выражение. Она юркнула в постель и натянула одеяло до самого подбородка. С беспокойством ждала она его прикосновения. Она почему-то верила, что, как только он дотронется до нее, все будет хорошо.

Саймон не пошевелился. Он заложил руки за голову и разглядывал ее с насмешливым удивлением:

– Ну так что, мадам? Как вы собираетесь одарить меня вашей пылкостью чувств из-под этой горы одеял?

Эмили заморгала:

– Вы хотите, чтобы я... что-то сделала?

– Я жду, что вы покажете мне, чему успели научиться как жена.

– О-о! – Эмили с трудом понимала услышанное.

Кажется, он хочет, чтобы она первая начала любовную игру. Что ж, сия мысль чрезвычайно ее заинтересовала. Если она будет командовать в их любовных ласках, то сможет изучать его в полное свое удовольствие. Она сможет узнать каждую линию его тела. Показать ему, как она его любит.

Эмили повернулась на бок, лицом к Саймону. Испытующе протянула руку и дотронулась до его плеча. Он не пошевелился. Она придвинулась под одеялом к нему поближе и

поцеловала его в обнаженную грудь. Его запах всколыхнул ее чувства.

Эмили нежно сжала пальцы в жестких волосах. Она придвинулась еще ближе и поцеловала плоский мужской сосок. Саймон сделал глубокий вдох.

– Похоже, вы быстро учитесь, мадам жена, – пробормотал он.

Эмили не обратила внимания на его колкость:

– Мне так нравится гладить вас, Саймон. Вы такой крепкий, гибкий, сильный. Словно ожил один из ваших красивых драгоценных драконов.

– Вы не боитесь, что я разорву вас в клочья? Она слабо улыбнулась, покачала головой и коснулась его груди кончиком языка:

– Вы этого не сделаете.

– Вы так уверены в своей власти, не правда ли? Может, даже слишком.

– Тут дело не во власти, Саймон. Дело в любви.

Осмелев, она начала поглаживать его легкими неторопливыми движениями. Она почувствовала, как напряглись его мышцы, и с изумлением поняла, что ему стоит немалых усилий владеть собой.

– Расслабьтесь, милорд. – Она медленно сжала его мускулы. – Вы слишком напряжены. Мне кажется, это из-за того, что вам пришлось сегодня сделать для спасения моего брата.

– Вы считаете, что я напряжен?

– Очень. Но давайте посмотрим, не сумею ли я помочь вам расслабиться.

Эмили отшвырнула одеяла и присела на колени рядом с Саймоном. Не обращая внимания на его возбужденный фаллос, она начала нежно, но крепко сжимать и растирать мышцы его вытянутых ног.

– Что за чертовщиной вы занимаетесь? – поинтересовался Саймон, наблюдая за ней из-под полуприкрытых век.

– Я видела, как мой отец проделывал такое с лошадьми после длительной утомительной поездки. По его словам, это не дает мышцам затвердевать.

Эмили продолжала свое ритмичное сжимание и поглаживание. Она медленно прошла от бедра до щиколотки, разминая мышцы левой ноги Саймона. Закончив, принялась с тем же усердием трудиться над правой ногой. Кружевные складки ее ночной рубашки задели его возбужденное естество. По его телу пробежала дрожь.

– Вот черт! – пробормотал Саймон.

– Вам лучше, милорд? – Эмили приостановила свои труды и посмотрела на него.

– По-моему, я все еще чувствую напряжение... в некоторых местах.

Эмили ободряюще улыбнулась:

– Скоро вы у нас будете спокойны и в полном порядке, милорд. – Она прошла вниз по его правой ноге и потом легонько похлопала его. – Перевернитесь, пожалуйста.

Он не сводил с нее взгляда. Теперь его глаза пылали горячим желанием.

– Перевернуться?

– Чтобы я поработала над мышцами спины. Вы никогда не замечали, как деревенеют плечи, когда разыграются нервы?

– Эмили, уверяю вас, я не страдаю нервами.

Тем не менее Саймон все же неохотно перевернулся на живот. Он скривился и протянул руку вниз, устраиваясь поудобнее.

Эмили начала работать над его широкими плечами, почувствовала неудобство, так как ей не удавалось нажимать с нужной силой, и придвинулась поближе. Когда и новое положение оказалось неудобным, она приподняла край ночной рубашки, смело перекинула ногу через бедро Саймона и уселась на колени.

– Хватит там прыгать! – проворчал Саймон в подушку.

– Хорошо, милорд. – Наклоняясь вперед и начав разминать твердые мышцы его спины, Эмили слегка задохнулась от неожиданности. Это и в самом деле очень действует на такое страстное создание, как она, поняла Эмили. Она чувствовала коленями твердые бедра Саймона, и сие ощущение весьма напоминало то, которое испытываешь, когда сидишь верхом на горячем жеребце. Или на драконе...

– Эмили, вы что, смеетесь?

– Нет-нет, милорд.

Она заработала еще усердней, растирая, поглаживая, по-

щипывая и надавливая. Прошло несколько минут, а из глубины подушки не слышалось ни звука.

– Ну как, теперь вы чувствуете себя спокойней, милорд? – спросила наконец Эмили.

– Нет.

Она пришла в замешательство:

– Вы уверены?

– Вполне. Можете спешиться.

– Простите?

– Вы же слышали. – Саймон заворочался и начал переворачиваться.

Эмили быстро слезла с его спины и вновь встала на колени среди простынь и одеял:

– Саймон?

Он лег навзничь на подушки и протянул к ней руки.

– Иди сюда, эльф, – пробормотал он, вновь сажая ее верхом на себя. Он отвел подол ее ночной рубашки до самых бедер. – Если ты хочешь прокатиться верхом, надо делать это как полагается.

– Саймон! – Эмили коротко охнула, когда он протянул руку и, дрожа от нетерпения, направил свою мужскую силу в ее проснувшуюся плоть.

Взяв за бедра и легко приподняв над собой, он удерживал ее в неподвижности, пока продвигался вверх, преодолевая естественное сопротивление ее тела и погружаясь во влажную обволакивающую теплоту. Одним длинным толч-

ком он заполнил ее всю. Эмили подавила тихий ошеломленный вскрик и распластала пальцы по его груди.

– Теперь можете ехать, мадам. – Его пальцы крепче сжали ей бедра. – Сильнее.

Закрыв глаза, прерывисто дыша от возбуждения, Эмили подчинилась его команде и быстро поймала темп и ритм, заданные Саймоном.

– Так. Быстрее. Сильнее. – Голос Саймона стал хриплым. Его руки судорожно стиснули ее. – Черт, как хорошо, эльф. Как чертовски хорошо. Покажи мне, как сильно ты меня хочешь. Скажи мне, что ты моя. Скажи.

– Я хочу тебя, Саймон. Я ждала тебя всю жизнь. Не могло быть никого другого. – Слова вырывались из Эмили тихими задыхающимися стонами.

Дрожь желания билась ее, придавая ловкость и силу. Пальцы ее вцепились Саймону в грудь, оставляя на его коже маленькие глубокие следы.

– Вот так, радость моя, – пробормотал он. – Отдайся мне.

– Я люблю тебя, – прошептала Эмили. – Я люблю тебя всем сердцем.

И тут несказанное наслаждение поглотило ее. Она застыла и в тот же миг почувствовала последний рывок Саймона внутри себя.

– Эмили! О боже, Эмили! – Слова Саймона прозвучали глухо от страсти и облегчения.

Он притянул ее к себе на грудь и яростно сжал в объятиях.

Прижав к себе, он медленно и бесконечно выплеснул в нее свое желание.

Последней четкой мыслью Эмили было то, что она, кажется, овладела прекрасным искусством верховой езды на драконе. Она предвкушала возможность повторения этого в ближайшем будущем.

Глава 16

Часы в библиотеке пробили одиннадцать. Саймон, откинувшись в кресле, наблюдал за Эмили. Он предавался этому занятию вот уже двадцать минут, терпеливо и хладнокровно, а время шло, и лились за окном струи дождя.

Изучение Эмили отнюдь не было неприятным занятием. В это утро она казалась особенно прелестной в своем зеленом с золотыми полосами платье, украшенном оборками. По подолу платья шли красиво вышитые драконы. Ее блестящие кудри были отведены назад и уложены в искусную прическу, дававшую эффект ниспадающего по шее огненного водопада.

Она сидела напротив него по другую сторону черного лакированного стола, с беспокойством склонившись над перечнем имен. Было ясно, что она мучается над поставленной перед ней задачей – выбором тех, кому следовало послать приглашения на первый устраиваемый ею светский прием.

– Совсем ни к чему доводить себя до изнеможения, – ворчливо сказал наконец Саймон. – Просто поставьте галочку возле фамилий тех, кого вы хотите пригласить. Остальное сделает мой секретарь.

Эмили внимательно посмотрела на него, ее зеленые глаза сузились за стеклами очков.

– Это посложнее, чем вложения средств. Здесь я должна

принять обоснованное решение. Не хотелось бы кого-нибудь обидеть. Любая ошибка отразится непосредственно на вас, Саймон.

Саймон вздохнул и вновь погрузился в задумчивое молчание. Он испытывал беспокойство, неловкость и, как он подозревал, чувство вины.

Это чувство было новым для него. Оно ему мешало и очень не нравилось. В его четко очерченном мире для таких эмоций пока не было места. Он еще даже толком не понял всего. До сих пор его мир состоял из простых прямолинейных понятий, таких как месть, справедливость, честь и долг.

Взгляд Саймона скользнул по нежному изгибу груди Эмили, и он понял, что к этому списку добавилась еще и страсть.

Сомневаться не приходилось. Он был в незнакомом ему, а потому и не слишком приятном состоянии и пребывал в нем с тех пор, как проснулся рано утром с еще не угасшими воспоминаниями. Он то размышлял о собственной слабости – надо же, отправился спасать одного из Фарингдонов! – то чувствовал, как возбуждается, вспоминая нежную и щедрую страстность Эмили.

Он все еще ощущал ее нежные руки у себя на плечах и тепло ее бедер, когда она смело сидела верхом на нем, околдовывая и дурманя до того, что он едва не сошел с ума, стараясь сохранить самообладание.

Но больше всего вспоминались Саймону ее тревожащие слова: «Порой я ненавидела своего отца так же, как вы, долж-

но быть, ненавидели вашего».

– Дело в том, Саймон, – объясняла Эмили, сосредоточенно хмурясь, – что ваш секретарь просто подготовил очень длинный список фамилий, из которых мне надо выбирать. Многих из этих людей я не знаю, и мне не хочется ошибиться. Ваша тетя объясняла, как важно, чтобы на моем первом приеме присутствовали все нужные люди.

– Могу вас заверить, что в списке нет ненужных людей, – проворчал Саймон. – Мой секретарь достаточно опытен, чтобы не включать туда кого попало. Более того, нет совершенно никакого риска нанести кому-нибудь обиду, не послав приглашение. Это просто подчеркнет и укрепит вашу власть как хозяйки.

Она с изумлением взглянула на него:

– Я не размышляла об этом с такой точки зрения. Но мне не хотелось бы задеть чьи-либо чувства, милорд.

Как я задел твои этой ночью? – молча спросил себя Саймон, а вслух произнес:

– Ну, если вам так легче, отправьте приглашения всем, кто есть в списке.

У Эмили от удивления широко раскрылись глаза.

– Но мы же не сможем разместить всех в доме.

– Вы посетили уже достаточное количество балов и приемов, чтобы понять: вечер не считается успешным, если дом не набит до отказа. Экипажи должны растянуться по улице вверх и вниз на целые кварталы, а гости – набиться в гости-

ную как сельди в бочке. Если повезет, парочка леди упадет в обморок от духоты. Тогда уж точно объявят, что вечер был жутко привлекательным и потрясающе интересным. Приглашайте всех, Эмили.

Она покусала нижнюю губу:

– Не знаю, Саймон. Это представляется очень неудобным. Полагаю, легче поддерживать беседу и обслуживать гостей, если их не слишком много.

– К черту умные разговоры и надлежащее обслуживание, дорогая моя. Не время и не место для них. Наша главная цель – как моя тетьа вам, несомненно, объяснила – обеспечить вам успешный дебют в качестве хозяйки дома. Сделать так, чтобы о приеме потом много и долго говорили. А чтобы о нем говорили, он должен быть чрезвычайно большим и шумным. Приглашайте всех, кто в списке, Эмили.

– А как насчет Канонбери, Пеппингтонов, Эдли и Рентонов? Я никого из них не знаю как следует и...

– Канонбери и Пеппингтонов непременно, – тихо произнес Саймон. – Нам надо особо проследить, чтобы они обязательно получили приглашения.

Эмили опустила листок и, задумчиво склонив голову набок, глядела на него:

– Ну, раз вы так считаете, Саймон. – И тут она вновь нахмурилась от внезапной тревоги. – А что, если на приглашение никто не отзовется?

Саймон подавил легкую удовлетворенную улыбку:

– Поверьте, дорогая моя, они все непременно отзовутся. – Он перегнулся через стол и нетерпеливо выхватил листок у нее из пальцев. – Я прослежу, чтобы мой секретарь взял список и разослал приглашения. А теперь, Эмили, я хочу с вами побеседовать.

– Да, милорд? – с готовностью откликнулась она.

– Проклятье! Вы всегда будете так смотреть на меня, эльф? Клянусь, вы меня доведете до сумасшествия этим своим дьявольским сочетанием наивности и лукавства. Вам почти удалось заставить меня забыть, что вы только вчера предприняли попытку нанять головореза.

– Очень сожалею, милорд, – пролепетала Эмили, правда без малейших признаков раскаяния. – Вы собираетесь еще раз отчитать меня за это?

– Нет. – Саймон поднялся и прошел к окну, повернувшись к ней спиной. Он смотрел на вымокший садик за окном, собираясь с мыслями. – Передо мной стоит трудная задача, Эмили.

– Какая, милорд?

– Я хочу извиниться перед вами, – тихо произнес он.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Эмили осторожно спросила:

– За что же?

– За свое негалантное поведение прошлой ночью, – пробормотал Саймон. – Я не слишком хорошо обошелся с вами, эльф. Невоспитанно и совсем не по-джентльменски.

– Вы имеете в виду то, как велели мне лечь в постель? Пустяки. Прошу вас, не надо об этом думать, милорд, – беспечным тоном завершила Эмили. – Попад туда, я прекрасно провела время.

Саймон почтительно покачал головой:

– Вы меня поражаете, Эмили.

– Ну, вы ведь не были ни злы, ни жестоки. У вас было просто дурное настроение, и для него имелись все основания, учитывая, что вам пришлось только что нарушить двадцатитрехлетнюю клятву мести. Если бы я по-настоящему встревожилась, то сбежала бы в свою комнату и закрылась на ключ. Вы меня ничуть не испугали.

– Видимо, так... – Долгое время он молчал. – И есть еще кое-что, за что мне надо извиниться.

– Вы начинаете пугать меня, Блэйд, – сказала она, и в голосе ее послышался смех. – Каков же другой ваш смертный грех?

– Я недооценил вас, дорогая моя. Вы возникли на моем пути такая наивная и оптимистичная, готовая видеть только светлую сторону во всем и вся, чертовски убежденная, что я какой-то герой, когда мне известно, что это вовсе не так. И я не поверил, что вы способны трезво судить о положении своей семьи. Мне бы следовало знать, что столь проницательная в денежных делах особа, как вы, не может быть полностью слепа к человеческой сути. Вы действительно временами ненавидели своего отца?

– Да. – В голосе Эмили больше не слышалось беспечных ноток.

– Вы правы, утверждая, что, наверное, и я ненавидел отца за то, что он оставил меня подбирать осколки семьи и дома, пустив себе в лоб эту проклятую пулю. – Саймон медленно сжал кулак, а потом заставил себя разогнуть пальцы по одному. – Я и не сознавал, как же я его ненавидел, пока вы не сказали об этом вчера ночью.

– По-моему, вполне естественная реакция, милорд, – мягко заметила Эмили. – На нас обоих свалилась взрослая ответственность, когда мы были еще совсем детьми, и нам пришлось повзрослеть... Нам пришлось заботиться о других, в то время когда, по сути, кому-то следовало бы позаботиться о нас.

– Да. Я не думал об этом. – Саймон неотрывно смотрел в серый туман за окном. – В ту ночь, когда я нашел его, тоже лил дождь. Минуло два часа, как он вернулся из Лондона. Я слышал, как мать спросила его, что случилось. Он не стал с ней разговаривать, удалился в библиотеку и велел, чтобы его не беспокоили ни под каким видом. Мама поднялась к себе и плакала. А немного погодя раздался выстрел...

– Боже мой, Саймон.

– Я первым добежал до библиотеки и раскрыл дверь. Он лежал на столе вниз лицом. Пистолет выпал из его руки. Всюду была кровь. И я увидел, что он оставил записку... Мне. Прости, Господи, его душу! Он не прощался, не объ-

яснял, почему покончил с собой и как, бога, ради, мне расхлебать ту кашу, которую он заварил. Он просто оставил мне эту идиотскую записку с просьбой позаботиться о матери.

– Саймон. Дорогой мой Саймон...

Он не слышал, как она поднялась с кресла, но Эмили вдруг оказалась позади него, ее руки обвились вокруг его талии. Она обнимала его, яростно защищая, как будто могла каким-то образом навеки стереть из его памяти кровавые пятна на стене, за креслом мертвого отца.

Долгое время Саймон не шевелился. Он просто позволял Эмили обнимать себя. Он чувствовал ее мягкое тепло и понимал, что это сродни тому, что он ощущал, когда предавался с ней любви. Сродни но несколько иное... Сейчас он чувствовал не страсть, а какую-то особую близость. Такого у него раньше не было ни с никакой другой женщиной.

Немного погодя Саймон осознал, что чувствует себя спокойнее и, пожалуй, в большей гармонии с самим собой. То бередящее душу ощущение вины, от которого он проснулся утром, ушло.

В библиотеке стояла тишина, пока Гривз не постучал в дверь и не доложил о приходе секретаря Саймона.

В сопровождении груга Эмили совершала прогулку в парке. Она гордо восседала верхом на красивой серой кобыле с тонкими, чуткими ушами, изящными ноздрями и превосходным экстерьером. Лошадь была подарком Саймона, которым он удивил жену два дня назад после их разгово-

ра в библиотеке. Эмили с горничной тут же решили, что ее новенький, очень модный костюм для верховой езды а la militaire идеально подходит к этому благородному животному.

– А вот и вы, – леди Мерриуэдер подъехала к Эмили на лоснящейся гнедой лошадке. – Вы превосходно смотрите в этой черной амазонке. – Она оценивающе оглядела красную с золотом отделку на воротничке и высоких манжетах. – Признаюсь, я несколько сомневалась, когда мы его заказывали, но мне очень нравится, как он оттеняет вашу белую кожу и рыжие волосы. Весьма выразительно.

Эмили улыбнулась:

– Благодарю вас, Араминта.

– Но право же, вам следовало бы снять очки, – добавила Араминта. – Они совершенно не идут к вашему костюму.

– Араминта, не могу же я ездить верхом вслепую, не видя, что делаю и куда еду.

– Должен же быть какой-то выход. Что-нибудь придумаем...

Араминта направила лошадь рядом с лошадью Эмили, и они поехали по дорожке. Слуги следовали за ними на почтительном расстоянии.

– Саймон, похоже, не возражает против моих очков, – заметила Эмили.

– У Саймона довольно своеобразное чувство юмора. Он находит вашу экстравагантность чрезвычайно забавной. И я

должна признать, что, по-видимому, она не помешала вашему успеху в свете. Высшее общество просто очаровано вами в последние дни. Вашему бедному мужу пришлось немало потрудиться, чтобы заполучить у вас хоть один танец на балу леди Крествуд прошлой ночью.

Эмили покраснела:

– Саймон мог бы получить столько танцев, сколько ему захотелось бы, и он прекрасно об этом знает.

– Да, думаю, вы правы, – подтвердила Араминта, бросив на нее многозначительный взгляд. – А еще он прекрасно знает, что вы с легкостью перешагнете через горы ваших бедных преданных поклонников, стоит ему лишь пальцем поманить из дальнего угла танцевального зала. И в свете тоже уже знают...

– Право же, Араминта, у вас это прозвучало так, словно я собачка, которая послушно бежит на зов своего хозяина.

– Ну, у вас и вправду есть склонность открыто выказывать совершенно явное предпочтение своему мужу. Что сейчас не очень в моде, моя дорогая. И откровенно говоря, ваше поведение не представляется мне слишком умным. Вы же не хотите, чтобы Блэйд начал думать, будто вы нечто само собой разумеющееся.

– Блэйд ничего не считает само собой разумеющимся, – заявила Эмили. – Он обладает истинным пониманием всего, чего хочет достичь, и прекрасно знает всему цену.

Араминта усмехнулась:

– Я вижу, вас бесполезно убеждать в тех преимуществах, которые получаешь, когда не выдаешь мужу своих истинных чувств. А теперь, моя дорогая, вы должны рассказать мне о планах на ваш первый светский прием. Вы уже разослали приглашения?

– Вчера. Араминта, я пригласила всех, кто был в списке, составленном секретарем Саймона. Надеюсь, я поступила правильно. Будет ужасная толчея.

– Как раз то, что нужно. Поверьте мне, дорогая. Вы должны быть уверены, что дом будет трещать по швам и что гостям понадобится целых полчаса, даже чтобы просто войти в двери.

Эмили состроила гримаску:

– Вот и Саймон говорит то же самое, но мне это кажется несколько неудобным.

– Дело не в удобстве, а в том, чтобы укрепить в haute monde вашу позицию в качестве хозяйки дома.

– Да, я знаю. Мне никак нельзя бросать тень на Саймона, – серьезно сказала Эмили. – Поверьте, Араминта, я прекрасно понимаю, как важен для моего мужа этот вечер. Мой долг жены – сделать так, чтобы наш первый прием имел большой успех. Пусть светское общество внимательно изучает, что за хозяйку взял в жены граф Блэйд. Я намерена ни в чем не уронить чести Саймона. Араминта нахмурилась:

– По-моему, вы не совсем понимаете, Эмили. Это ваш дебют в качестве хозяйки дома. Это ваш вечер.

– Но все, что делаю я, отразится и на Саймоне, – твердо заключила Эмили. – Поэтому прием должен пройти безупречно. Я провела целые часы, продумывая его до мельчайших деталей. Признаться, ужасно утомительное занятие.

Араминта сдалась и кивнула леди, подъезжающей к ним в коричневом ландо.

– Улыбайтесь, – шепотом скомандовала она Эмили. – Это леди Пеппингтон. Я вас представлю.

Эмили сияюще улыбалась элегантно одетой женщине средних лет, пока Араминта представляла их друг другу. Кивнув с ледяным видом, леди Пеппингтон отвернулась. Ландо резко тронулось и покатило по дорожке.

Эмили охватила паника.

– Черт подери!

Араминта вздернула брови:

– Что случилось, Эмили?

– Вы сказали, это была леди Пеппингтон, – прошептала Эмили.

– Ну и что же?

– Она есть в списке гостей, а я ей, очевидно, не слишком понравилась. А если она не захочет посетить мой прием? Саймон будет в ярости. Он мне ясно сказал, что хочет, чтобы Канонбери и Пеппингтоны пришли на вечер. Что же мне делать, Араминта?

– Совершенно ничего. Не волнуйтесь, Канонбери и Пеппингтоны посетят ваш прием впрочем, и все остальные, кто

получит приглашение, тоже.

Эмили бросила на свою спутницу задумчивый взгляд.

– И почему вы с Саймоном так уверены?

– Саймон не рассказывал вам о Канонбери и Пеппингтоне?

Эмили вспомнила мрачное лицо мужа, когда он говорил, что Канонбери и Пеппингтоны непременно явятся.

– Араминта, есть что-то такое, что мне следовало бы знать об этих людях?

– Не мое дело вам рассказывать, – задумчиво протянула Араминта, – но, кажется, придется в ваших интересах узнать, что вас тут ожидает. А я не уверена, что Саймон поспешит вас предупредить. Он имеет обыкновение до конца хранить свои секреты.

– Араминта, перестаньте ходить вокруг да около. В чем дело, бога ради?

– Канонбери, Пеппингтон, отец Норткота – все они были когда-то близкими друзьями и деловыми партнерами отца Саймона.

– Вот как?

– Когда его отец застрелился, Саймону было всего двенадцать. Но он знал из разговоров отца, что Норткот, Канонбери и Пеппингтон – все трое вместе с его родителем вложили деньги в торговую компанию Южных морей. В ту ночь, перед самоубийством, граф написал Саймону записку, где, помимо прочего, говорилось, что после уплаты его карточных

долгов единственным средством существования для жены и сына останется то, что они получают с акций компании.

– О господи! – Эмили уже догадывалась, что сейчас последует.

– Саймон тогда сел за письма. Двенадцатилетний мальчик обратился ко всем трем с просьбой одолжить его матери немного денег под те доходы, которые ожидались от доли его отца.

– И они отказали?

– Даже не потрудились ответить. Наоборот, они воспользовались параграфом о смерти вкладчика, предусмотренным в контракте с компанией, чтобы продать долю Блэйда другому инвестору. Саймон с матерью оказались полностью выброшенными из партнерства. Они не получили ни пенни.

– Черт подери!

– В том, что сделали Норткот, Канонбери и Пеппингтон, нет, как вы понимаете, ничего противозаконного. Обычное деловое решение.

– Но Саймон с матерью навсегда лишились последнего источника доходов.

– Да Саймон никогда не простит и не забудет такого.

Эмили нахмурилась.

– Странно, что он не искал возможности отомстить им, как моему отцу.

– Искал, Эмили – Араминта кивнула очередной знакомой. – Искал и нашел. Очень тонкая месть. Он устроит так,

что все трое каким-либо образом оказались в его власти. Месяцев шесть назад он наложил лапу на Канонбери и Пеппингтона. А вы, дорогая, очевидно, совершили какой-то подвиг и преподнесли ему на блюдечке и Норткота.

Эмили потрясенно приоткрыла рот, вспомнив спасение Селесты и холодную настороженность Саймона и маркиза, так понятную теперь.

– Черт подери! Но ведь сегодняшний маркиз только сын того, кто нанес обиду Саймону и его матери, не он же продавал долю Блэйда. – Она вспомнила жесткие слова своего мужа и осеклась.

– Вот именно, – пробормотала Араминта. – Саймон долгое время жил на Востоке. По его мнению, грехи отцов падают на детей, а точнее – на всю семью.

– Неудивительно, что Саймон так странно повел себя, когда я сообщила, что успокоила леди Норткот, сказав ей, что никто никому не должен...

– Да. Полагаю, Блэйд был несколько шокирован. – Губы Араминты дрогнули в веселой усмешке. – Но говорят, он все же выполнил ваше обещание простить старый долг.

– Мой отец как-то обмолвился, что Канонбери и Пеппингтон во власти Саймона. Но я тогда не поняла его. Я подумала, что он просто хотел показать, как влиятелен Саймон.

– Но он действительно очень влиятелен. Он добился этого, обеспечив себе знание самых сокровенных, самых темных тайн всех, с кем имеет дело. Информация дает ему

власть. И он не колеблясь использует ее.

– Точно так же он узнал, что я – слабое место моего отца, – сказала Эмили едва слышно. – Мой муж необычайно умный человек, не правда ли?

– И очень опасный. Похоже, вы единственная во всем Лондоне, кто не испытывает перед ним страха. Несомненно, это одна из причин, по которым общество находит вас столь обворожительной. Вы беспечно танцуете там, где боятся ступать ангелы... Вы действительно уверены, что не сможете ездить на лошади без очков, Эмили?

– Я бы тут же съехала с дорожки и врезалась в дерево, – уверила ее Эмили. Она поплотнее усадила на носу вызывающие недовольство очки. – Араминта, я вижу впереди Селесту, и лик не теряется показать ей мою новую кобылу.

– Погодите минутку, Эмили. Вам не удастся так легко сменить тему. Что вы собираетесь делать? Я же вижу, вы что-то замышляете.

– Ничего особенного, Араминта. Правда, я хочу как можно скорее пригласить леди Канонбери и миссис Пеппингтон на чашку чая. Вы к нам присоединитесь?

– Бог мой! – Араминта уставилась на Эмили. – Непременно. Этот чай обещает быть очень интересным.

Салон в гостиной леди Тернбулл, состоявшийся на следующий вечер, несколько разочаровал Эмили. С тех самых пор, как она получила приглашение, ее не покидало волне-

ние. Она опасалась встретить там некоторых из самых утонченных лондонских интеллектуалов...

Эмили потратила не один час, чтобы выбрать подходящее случаю платье и прическу, В конце концов она остановилась на строгом классическом стиле, решив, что обществу тех, кто интересуется романтической поэзией и прочими интеллектуальными вещами, это должно понравиться.

Она приехала к леди Тернбулл в строгом платье из тонкого золотистого муслина с высокой талией, скромным вырезом и черными драконами по подолу. Лиззи было велено сделать хозяйке прическу *a l'antique* .

Но едва войдя в гостиную леди Тернбулл, Эмили увидела, что на всех леди платья с модным глубоким декольте и игривые маленькие шляпки, кокетливо сдвинутые немного набок.

Когда леди Тернбулл поднялась ей навстречу, среди присутствующих дам пробежал шепоток. Усаживаясь, Эмили ощущала на себе любопытные и радостно возбужденные взгляды окружающих. Слово ее наняли развлечь их своим эксцентричным поведением, раздраженно подумала она.

Она уже начинала волноваться, не совершила ли ошибку, приняв приглашение присоединиться к этому кружку. И тут она увидела Эшбрука. Он изящным жестом захлопнул элегантную эмалевую табакерку и лениво оторвался от каминной доски, о которую только что опирался с небрежной грацией. Он подошел поцеловать Эмили руку, как бы отмечая

ее мгновенной печатью своего внимания. Эмили благодарно улыбнулась в ответ.

Но какое же ее постигло разочарование, когда вместо обсуждения последних новинок романтической литературы беседа сразу же обратилась к последним светским сплетням. Эмили нетерпеливо слушала болтовню и гадала, как скоро ей удастся сбежать отсюда. Совершенно ясно, что она попала вовсе не в кружок утонченных интеллектуалов. Правда, у всех присутствующих был замечательно модный тоскующий вид, и каждое сказанное слово произносилось со всезнающим цинизмом, но к литературным событиям не выказывалось ни малейшего интереса. Эшбрук, находившийся в другом конце комнаты, поймал ее взгляд и заговорщицки подмигнул.

– Кстати, – протянул мужчина, которого ей представили как Крофтона, – недавно я имел удовольствие играть в карты с вашим отцом, леди Блэйд.

Это замечание полностью приковало внимание Эмили. Она с удивлением повернулась к говорящему. Очки были на ней, так что она смогла разглядеть Крофтона – жестокое лицо с явными следами разгульной жизни. Она догадывалась, что когда-то это был красивый мужчина с резко очерченным замкнутым лицом. Но теперь он казался увядшим и изрядно помятым. Крофтон не понравился Эмили с того самого момента, как его представили ей.

– В самом деле? – Она отпила глоточек чаю.

– Да. Очень рискованный игрок ваш отец.

– Да. – Эмили страстно желала сменить тему.

– В последнее время он выглядит несколько подавленным, – заметил Крофтон. – А казалось бы, его должен переполнять восторг от вашего блистательного замужества.

– Ну, вы же знаете, каковы отцы, – в отчаянии произнесла Эмили. – Я у него единственная дочь.

– Вы, надо полагать, были очень ему дороги, – пробормотал Крофтон – Пожалуй, даже жизненно необходимы.

Заставив себя улыбнуться, Эмили с надеждой взглянула на Эшбрука.

– Вы читали последнюю работу миссис Фордайс, милорд?

– Миссис Фордайс просто глупая клуша, печально лишенная ума и таланта. – Эшбрук произнес свой уничтожающий отзыв с видом глубочайшей скуки.

Эмили прикусила губу.

– А мне понравился ее новый роман. Очень необычно и интересно, – высказалась она.

Все снисходительно посмеялись над этим проявлением провинциального вкуса и вернулись к обсуждению последних эскапад лорда Байрона. Эмили рискнула бросить взгляд на часы, надеясь, что уже можно бы и попрощаться. Невольно вслушиваясь в болтовню, она решила, что их маленькое общество в Литл-Диппингтоие достигло на своих литературных четвергах гораздо большего, чем когда-либо удастся этому изысканному салону. И как всегда, когда ей бывало

скучно или грустно, она мысленно обратилась к работе над новыми строфами к «Таинственной леди».

Привидение просто просится в поэму, решила она. И мелодрамы нужно добавить. Пожалуй, героине следует набрести на призрак в заброшенном замке... Эмили принесла с собой рукопись в ридикюле, но сомневалась, можно ли ее отдать в таком виде. Не лучше ли подождать, пока она принесет в нее привидение.

Беседа в гостиной свернула в новое русло.

– Если говорить о подходящих капиталовложениях, – с напыщенным видом произнес один щеголеватый джентльмен, – то могу вам посоветовать новое предприятие, которое я присмотрел. Акции навигационного канала, предполагаемого к постройке в Хэмпшире.

Эмили неохотно вернулась в своих мыслях к происходящему в комнате. Она подняла вопросительный взгляд на закончившего свое высказывание джентльмена:

– Это не проект ли канала Кингсли, сэр?

Джентльмен живо повернулся к ней:

– Ну да, он самый. Поверенный недавно обратил на него мое внимание.

– На вашем месте я бы не стала иметь дело с этим предприятием, сэр, – посоветовала Эмили. – Мне кое-что известно о предыдущих финансовых предприятиях того джентльмена, что стоит за проектом канала, и их можно назвать просто рекордными по провалам я убыткам.

Джентльмен внимательно посмотрел на Эмили:

– В самом деле, леди Блэйд? Я был бы весьма рад побольше узнать об этом проекте, так как собираюсь вложить туда немалую сумму.

– Если вы желаете вложить деньги в навигационные каналы, – сказала Эмили, – я предложила бы вам изучить сначала районы добычи угля. Или рассмотреть районы керамической промышленности. Я обнаружила, что там, где отыскивается изделие, требующее экономичного пути на рынок, возникает и необходимость в каналах. Но следует учитывать, кто стоит за данным предприятием, уделяя этому не меньшее внимание, чем тому, что же представляет собой само предприятие.

При этом небрежном замечании все мужчины устремили свои взоры на Эмили, а вскоре и женщины последовали их примеру. Эмили, как соенок, захлопала глазами от этого неожиданного испытующего внимания к своей особе. Здесь, в столице, она конечно же не оставила своей деятельности по вложениям капитала. В конце концов, леди из литературного общества Литл-Диппингтона по-прежнему зависели от нее. Но сегодня Эмили никак не ожидала столкнуться с обсуждением подобных тем. Она пришла сюда побеседовать о более высоких материях.

– Скажите, – начал один из мужчин, мгновенно отбросив в сторону свое тщательно отработанное выражение непреходящей скуки, – вы отдаете предпочтение каким-либо определенным проектам?

– Ну, – медленно произнесла Эмили, – у меня есть несколько корреспондентов в центральных графствах, и недавно двое из них сообщили мне о новом проекте канала. Признаюсь, в последнее время я не слишком много внимания уделяла финансовым вопросам, но эти последние сведения меня чрезвычайно заинтересовали. В прошлом я уже имела весьма успешные дела с этой группой инвесторов.

Вся видимость литературной беседы исчезла окончательно, и Эмили стала центром всеобщего внимания. Ее засыпали вопросами и просьбами о более полной информации относительно финансовых проектов. Предмет знакомый, хотя и мало вдохновляющий, и Эмили, желая произвести приятное впечатление, приступила к ответам.

Прошло немало времени, прежде чем ей удалось взглянуть на часы. Она поразилась, что провела за беседой почти полтора часа.

– Надеюсь, вы меня извините, – обратилась она к хозяйке, берясь за сумочку и вскакивая. – Я должна покинуть вас. Чрезвычайно благодарна за ваше любезное приглашение.

– С нетерпением будем ждать посещения вами нашего маленького кружка на следующей неделе, – сказала леди Тернбулл, бросив быстрый оценивающий взгляд на замороженные лица джентльменов. – Надеемся, вы одарите нас новыми сообщениями о капиталовложениях и тому подобном.

– Да-да. Пожалуйста, приходите на следующей неделе, – настоятельно попросил один из джентльменов.

– Мне бы очень хотелось услышать ваше мнение о видах на урожай кукурузы нынешним летом, – добавил другой.

– Благодарю вас. – Эмили быстро пробиравалась к двери. Мысленно она решила по возможности оказаться на следующей неделе занятой где-нибудь в другом месте. – Прошу меня извинить.

– Я провожу вас к экипажу, – произнес Эшбрук с мрачной галантностью.

Эмили удивленно взглянула на него.

– Ах, благодарю вас.

Выйдя на крыльцо, она в напряженном молчании ждала, спросит ли он о рукописи. Не обрушиваться же на него, пока он сам не осведомится об этом.

– Я рад, что вы пришли сюда сегодня, – тихо проговорил Эшбрук, наблюдая, как к крыльцу подъезжает черная с золотом карета Блэйда. – Я надеялся, что вы придете. И понимаю, что теперь с нетерпением буду ждать новой встречи. Вы собираетесь завтра вечером к Олмстеду?

– Кажется, да.

Эмили стиснула сумочку, соображая, как бы ей между прочим упомянуть о рукописи. Или сказать что-нибудь очаровательно случайное об Уиттенстолле, издателе Эшбрука? Она лихорадочно пыталась придумать подходящий предлог.

– Вы успели поработать над вашей поэмой? – спросил Эшбрук в самый последний момент, когда уже подкатил экипаж.

Эмили облегченно вздохнула – он все же не забыл.

– Да-да, конечно. Она у меня как раз с собой.

– Вот как? – Эшбрук понимающе улыбнулся. – В таком случае могу ли я взглянуть на нее, чтобы сказать, годится ли она для публикации.

– Ах, Ричард, вы так добры. Я боялась, что вы забыли, а мне не хотелось быть навязчивой. – Эмили раскрыла сумочку и извлекла драгоценную рукопись. – Я твердо решила добавить сюда привидение, – торопилась она, протягивая ему рукопись. Пальцы ее дрожали. – Имейте это в виду, когда будете читать.

– Разумеется, – Эшбрук взял рукопись и вкрадчиво улыбнулся. – А пока вы обещаете оставить мне завтра один танец?

– Да, конечно! – радостно воскликнула Эмили, усаживаясь в экипаж с помощью Гарри. – Спасибо вам, Ричард. И умоляю вас, будьте совершенно откровенны в своем мнении о моей работе.

Дверцы кареты захлопнулись, и Эмили унеслась прочь, прежде чем Эшбрук успел ответить.

Несколько минут спустя экипаж остановился перед лондонским домом Блэйда Эмили поспешно выскочила и тут же устремилась наверх в свою спальню.

Она проходила мимо закрытой двери в старую давно пустующую детскую, когда громкий удар с последовавшим за ним отчетливым стоном заставил ее мгновенно замереть.

– Что за... – Эмили открыла дверь и, заглянув в комна-

ту, с изумлением увидела до пояса обнаженных Саймона и близнецов.

Чарльз поднимался с ковра. Саймон стоял над ним, а Девлин смотрел на них с видом глубокой сосредоточенности.

– Бейте не кулаком, – сурово поучал Саймон. – Дайте противнику приблизиться к вам вплотную, а потом чуть отклонитесь вправо. Он инстинктивно последует за вами и потеряет равновесие. Равновесие – это все. Понятно?

– Как будто. – Чарльз потер голое плечо. – Позвольте мне еще разок попробовать.

– Что здесь происходит? – спросила замороженная Эмили. Трое мужчин резко повернулись к ней лицом в едином порыве мужского негодования.

– Эмили! – возопил Чарльз.

С выражением ужаса на лицах оба близнеца потянулись за своими рубашками, висевшими на стоящих вблизи стульях.

– Черт знает что, Эмили! – в бешенстве закричал Саймон. – Здесь не место для женщины. Немедленно убирайтесь и закройте за собой дверь.

– Вы тренируетесь в какой-то необычной форме бокса, Саймон? Это вы на Востоке научились? Мне бы ужасно хотелось посмотреть. Пожалуй, я даже могла бы взять несколько уроков... – Эмили с надеждой посмотрела на него.

– Вы сию же минуту покинете эту комнату, мадам! И закроете за собой дверь! – прогремел Саймон.

Эмили бросила быстрый взгляд на нахмуренные лица бра-

тьев и нашла их столь же неумолимыми.

– Ну и ладно. Но должна сказать, вы просто шайка жалких зануд.

Эмили ретировалась в коридор и закрыла за собой дверь.

Глава 17

– Ну пожалуйста, милорд, скажите мне, что вы делали в детской с Чарльзом и Девлином, – не унималась Эмили вечером того же дня, сидя за обеденным столом напротив мужа. – Мне ужасно любопытно.

– Любопытство отнюдь не самая восхитительная женская черта.

Саймон изучал экзотически уложенное карри по остиндски, которое только что поставил перед ним Гривз.

Эмили метнула в него лукавый взор:

– Вряд ли можно было ожидать, что, проходя мимо двери детской, я не услышу эти громкие звуки ударов.

Саймон понимал, что Эмили нарочно поддразнивает его. Понимал он и то, что прислуживавшие за столом Гривз и Джордж ловят каждое слово.

– В будущем, дорогая моя, будьте любезны стучаться, прежде чем врываться в комнату, где слышны звуки.

– Ну разумеется, – сказала Эмили, кивнув в знак согласия. – Ведь никогда не знаешь, что можно обнаружить, отворив дверь на звуки, так похожие на удары. Там может оказаться все, что угодно. Можно даже наткнуться на трех снявших рубашки мужчин или еще что-нибудь столь же из ряда вон выходящее...

– Хватит разговоров на эту тему, мадам жена. – Он бросил

на Эмили свирепый взгляд.

В ответ послышался неукротимый смех.

– Я отказываюсь прекращать беседу, пока не узнаю, что вы там делали. Вы тренировались в каком-то особом виде борьбы?

Саймон сдался:

– Ну да. Не очень понимаю, как это вышло, но вашим братьям удалось уговорить меня продемонстрировать им один прием. Кое-что из того, чему я научился за годы, проведенные на Востоке.

– А меня научите?

Саймон был поистине потрясен подобным предложением. Очаровательное своеобразие Эмили могло быть временами забавным, но порой она заходила слишком далеко.

– Разумеется, нет. Совершенно не подходящее занятие для женщины. И несомненно, не принадлежит к тому, чему муж должен обучать свою жену.

– Хм. А по-моему, это не такая уж плохая мысль – дать мне урок борьбы, – задумчиво протянула Эмили, все еще не смирившись. – В конце концов, лондонские улицы не так уж безопасны, не говоря о таких местах, как Воксхолл-гарденс. Нельзя угадать заранее, когда, например, повстречаешь на темной аллее опасного злодея и будешь вынуждена защищаться от участи худшей, чем смерть...

– Довольно, мадам!..

Прислуживавшего за столом в этот вечер лакея Джорджа

вдруг охватил приступ сильнейшего кашля. Он выскочил из комнаты. За дверью в коридоре кашель превратился в хохот. У дворецкого Гривза тоже был чрезвычайно страдальческий вид.

Саймон свирепо уставился на Эмили:

– Опасность улиц и есть одна из причин, почему вы никогда не должны ездить в город без сопровождения, мадам. И раз уж речь зашла о поездках... Тетя сказала мне, что получила для вас приглашение в Олмак.

– Она упоминала об этом, – рассеянно заметила Эмили, угощаясь чатни. – Но признаться, Саймон, мне не особенно хочется туда идти. Селеста говорит, что балы у Олмака ужасно скучны. Туда ходят только для того, чтобы подыскать мужа, а мне ведь этого не требуется, правда?

– Да, но появиться в Олмаке не помешает, – твердо сказал ей Саймон. В конце концов, еще один бриллиант в короне светского успеха Эмили за последнее время. – По-моему, вам следует поехать в следующую среду.

– Я предпочла бы не ездить. Саймон, ваш шеф-повар готовит совершенно изумительные блюда. Вы отыскали его на Востоке?

– Да, Смоук был там со мной несколько лет.

– А почему его так прозвали – Смоук? «Дым»? Потому что у него еда пригорает?

– Нет, потому что он незаконный сын островитянки и британского моряка. Он был никому не нужен с самого рожде-

ния и выжил, потому что научился передвигаться, словно струйка дыма. Всегда тут как тут, но никем не замеченный.

Весьма полезная способность, когда зарабатываешь на жизнь, выживая у людей кошельки в грязных портовых городах, заметил про себя Саймон.

– А как вы с ним повстречались?

– Кажется, он попытался меня ограбить, – проворчал Саймон.

Эмили рассмеялась от удовольствия:

– И это заставило вас предложить ему место повара?

– Он просто счастлив готовить пищу, к которой я пристрастился на Востоке. Имея его на кухне, мне не придется есть традиционные английские блюда, вроде седла барашка, жирных колбас и тяжелых пудингов.

– Я обратила внимание, что мы едим много блюд с лапшой и рисом, – заметила Эмили. – Они мне нравятся. А чудесные приправы весьма будоражат чувства...

Саймон бросил на нее нетерпеливый взгляд, прекрасно понимая, что она пытается сменить тему.

– Вы отправитесь в Олмак, дорогая моя, – тихо и подчеркнуто выразительно произнес он.

– Да? – Она казалась восхитительно равнодушной к светской суете. – Я посоветуюсь с леди Мерриуэдер. Ведь она просто кладезь мудрости во всем, что касается умения вести себя в свете, не так ли? Саймон, я подумываю открыть свой литературный салон. Я посетила один сегодня днем и, при-

знать, была очень разочарована. Мы едва коснулись литературных тем. Всем хотелось поговорить о капиталовложениях.

Последним замечанием ей удалось сразу переключить внимание Саймона.

– Вот как? – Он откусил еще кусочек карри и внимательно посмотрел на жену. – И кто же посещает этот салон?

– Он проходит в доме леди Теркбуля, – легким тоном отвечала Эмили. – Собрался небольшой кружок. Признаюсь, я забыла некоторые фамилии... – Она сосредоточенно, нахмурилась. – Но там был некто Крофтон. Его я запомнила, потому что он мне не особенно понравился.

Раз там был Крофтон, значит, неподалеку находился и Эшбрук, мрачно заключил Саймон. Он решил попробовать узнать побольше:

– По-моему, я как-то познакомился с Крофтоном у входа в его клуб. На меня он тоже не произвел приятного впечатления. Не припомните ли еще кого-нибудь из посетителей салона леди Тернбулл?

– Ну... – Эмили метнула в него осторожный взгляд. – Еще двое других. Я же сказала, что не уловила всех имен.

Значит, Эшбрук действительно был там, и Эмили почему-то пытается это скрыть. Саймон вдруг похолодел от гнева, одним взглядом услав из комнаты Гривза. Он подождал, пока останется наедине с женой, усердно трудившейся над куском карри с чатни.

– Эмили, мне бы хотелось знать все, что произошло сегодня в салоне леди Тернбулл.

– Дело в том, милорд, – серьезно заявила Эмили, – что я предпочла бы не говорить вам, пока не буду знать наверняка, что все получится...

Саймон уставился на нее в яростном недоумении.

Черт подери! Уж не собирается ли она сбежать с Эшбруком во второй раз? Конечно, он не верил ни во что подобное, но в то же время внутри у него уже начала разгораться ревность.

– А что же именно должно получиться, мадам?

– Пока секрет, милорд.

– Я хочу знать.

– Если я вам скажу, милорд, это уже не будет секретом, – рассудительно заметила Эмили.

– Эмили, вы замужняя женщина. У вас не должно быть секретов от мужа.

– Дело в том, что мне будет ужасно стыдно, если все кончится неудачно.

Саймон, взявший было бокал с вином, поставил его обратно, чтобы он не хрустнул в его невольном сжавшихся пальцах.

– Вы скажете мне, в чем дело. Боюсь, я вынужден настаивать, мадам.

Эмили тяжело вздохнула и бросила на него пытливый взгляд:

– Вы даете мне честное слово не говорить об этом ни единой живой душе?

– Уж конечно я не собираюсь сплетничать о своей собственной жене.

Эмили немного успокоилась. Глаза ее вспыхнули, и возбуждение, которое она явно сдерживала весь день, вдруг прорвалось наружу.

– Да, думаю, что так. Ну что ж, милорд, секрет заключается в том, что Эшбрук обещал прочесть мою поэму и сказать, достаточно ли она хороша, чтобы передать ее издателю Уиттенстоллу. Я так волнуюсь, что теряю всякое терпение.

Саймон почувствовал, как под выжидательным взглядом Эмили холодный узел внутри него ослаб. Разумеется, она не собиралась сбежать с Эшбруком. Он, должно быть, спятил, подумав о таком. Он достаточно хорошо ее знает. Эмили беспомощно влюблена в своего мужа-дракона.

Однако его реакция на столь маловероятную угрозу ясно показывала, как сильно влияет эта женщина на его самообладание. Саймон нахмурился.

Но теперь другая проблема встала перед ним. Эмили-то, может, и не собирается позволить поэту соблазнить себя, но Саймон ни на минуту не сомневался, что у Эшбрука далеко не невинные цели. Эмили быстро становилась гвоздем сезона, а Эшбрук считал себя необычайно модным. Любовная связь с очаровательной своеобразной женой графа Блэйда, без сомнения, привлекала поэта как интересное и опасное

приключение. Возможно, ему любопытно, что же он потерял пять лет назад, когда Эмили опустила на его голову горшок.

Эшбрук, ах ты негодяй! Ты же сразу догадался, что единственно верный путь привлечь внимание Эмили – проявить интерес к ее поэзии.

Саймон решил, что непременно наведается к поэту. Но пока можно успокоиться – Эмили вовсе не собирается бросать его.

Внушая себе, что причин для тревоги нет, Саймон невольно понял, как дорога ему Эмили. Он пытался справиться с этой неуютной мыслью, и тут Эмили заговорила вновь:

– Ну как, Саймон? Разве это не чудесная возможность для меня?

Он чуть заметно усмехнулся, видя взволнованное ожидание в ее прелестных глазах:

– Несомненно, чрезвычайно интересное развитие событий, дорогая моя.

Эмили удовлетворенно кивнула:

– Да, и теперь вы понимаете, почему я не хочу, чтобы кто-нибудь об этом знал прежде, чем Ричард скажет мне свое мнение. Будет слишком унижительно, если он решит, что «Таинственная леди» не годится для издания. Я обнаружила, что свет питает особое пристрастие к низким сплетням.

– Вы совершенно правы, дорогая моя, держите это в тайне, – пробормотал Саймон. – И я считаю очень недурной мысль об основании собственного литературного салона,

вместо того чтобы посещать салон леди Тернбулл. Боюсь, она не отличается искренней любовью к литературе. Ее салоны служат просто предлогом для определенного круга лиц, чтобы собраться и обсудить последние сплетки. И как вы заметили, здесь, в столице, эти сплетни бывают порой очень жестоки.

– Да, именно такой вывод я и сделала. – Эмили вернулась к трудам над своим карри. – Надо как можно скорее организовать собственный салон! Полагаю, я приглашу Селесту с матерью и леди Мерриуэдер, конечно. И еще двух-трех леди, с которыми я недавно познакомилась и которые проявляют большой интерес к последним новинкам литературы. Надеюсь, они откликнутся.

– Вы должны дать мне список тех, кого собираетесь пригласить.

Эмили быстро взглянула на него, в глазах ее появилась настороженность.

– Нет, милорд, я не собираюсь этого делать.

Он замолчал от неожиданности, получив такой отпор.

– Могу я узнать почему?

Она обвиняюще наставила на него вилку:

– Потому что я наконец узнала от вашей тети, каким образом вы управляетесь с делами, милорд. У вас явно имеется привычка запугивать людей, чтобы они выполнили то, что вам нужно. Если говорить совсем уж честно, мне бы не хотелось, чтобы вы просто вынудили всех из моего списка

принять приглашение посетить мой салон.

Саймон сначала был поражен, а потом нехотя рассмеялся:

– Ну ладно, Эмили. Приглашайте всех, кого пожелаете, а я обещаю полностью устраниваться.

Она окинула его подозрительным взглядом:

– Я буду твердо стоять на своем.

– Да-да, я понимаю. Не бойтесь, Эмили. Я не распугаю ваших гостей.

– Вот и замечательно. – Она одобрительно улыбнулась, морщинки на лбу разгладились как по волшебству. – Тогда я немедленно приступаю к составлению планов.

– Не забывайте, что вам еще надо проследить за последними приготовлениями к приему.

Эмили мгновенно приняла озабоченный вид:

– Я усердно тружусь, милорд. Клянусь, я делаю все возможное, чтобы он имел успех. Хотя так и не понимаю, как мы сумеем всех разместить в доме. ***

Саймон наконец попал на след Эшбрука в одном из клубов Сент-Джеймса. Поэт уютно пристроился в кресле у камина с бутылкой портвейна, явно в перерыве между партиями карточной игры.

– О, Эшбрук, какое приятное совпадение. – Саймон уселся в кресло напротив поэта и тоже взял себе портвейна. – Я уже с час вас разыскиваю. А где ваш друг Крофтон?

– Мы встретимся с ним позже. – Эшбрук раскрыл табакерку небрежно элегантным жестом, несомненно отрепетировав

ванным долгими часами. – Собираемся прогуляться по более интересным заведениям.

– Это к лучшему, что его здесь нет. – Саймон отведал портвейна и нашел его излишне сладким. – Я хотел поговорить с вами наедине.

Пальцы Эшбрука плотнее обхватили бокал.

– Не вижу причин для этого. Я соблюдаю наше маленькое соглашение. Я не проронил ни слова о скандале в прошлом Эмили.

Саймон мрачно улыбнулся:

– Не имею представления, о чем вы говорите. В прошлом моей жены не было никакого скандала. А вы намекаете, что мог бы произойти скандал?..

– О господи, да ни на что я не намекаю. – Эшбрук залпом проглотил портвейн. – Какого дьявола вы от меня хотите, Блэйд?

– У вас на руках, я полагаю, есть нечто, принадлежащее моей жене. Мне хотелось бы, чтобы оно было немедленно отослано обратно.

Во взгляде Эшбрука на миг зажглось изумление, быстро сменившееся, ленивым безразличием.

– Мы говорим о поэме, как я понял?

– Вот именно, – без тени юмора улыбнулся Саймон. – Эшбрук, не стоит играть со мной. Мы оба знаем, зачем вы предложили Эмили свои услуги. Вы не отказались от попытки соблазнить ее в конце концов, не правда ли? Она теперь, без

сомнения, кажется вам более интересной, чем пять лет назад. Чем больше пресыщаешься, тем сильнее тянет к невинности и наивности? И вы рассчитываете привлечь ее к себе, похвалив поэму.

Эшбрук вздернул бровь.

– Похоже, путь вам знаком. Не так ли вы сами убедили ее выйти за вас замуж, Блэйд? Расточая комплименты ее стихам вместо ее глаз?

– Как я заполучил ее в жены, вас не должно интересовать. Единственное, что вам следует помнить, – что она моя жена. И предупреждаю вас, если вы попытаетесь заманить ее к себе в постель, я прослежу, чтобы ростки вашей поэтической карьеры завяли, не дожив до расцвета.

– Вы угрожаете мне вызовом на дуэль, Блэйд?

– Только в случае крайней необходимости. Я предпочитаю более тонкие методы убеждения. В вашем случае, я полагаю, моим первым шагом стал бы разговор с вашим издателем Уиттенстоллом – с тем чтобы убедить его, что у вас все же нет таланта.

Эшбрук рот раскрыл от удивления:

– Вы заплатили бы ему, чтобы он не издавал меня?!

– Я проследил бы, чтобы ни один уважающий себя книготорговец или издатель в городе не счел бы выгодным издавать вас. Я все достаточно понятно объяснил, сэр?

Эшбрук захлопнул рот и откинулся в кресле. Первоначальное потрясение на его лице перешло на выражение

невольного восхищения.

– Вы просто невероятны, Блэйд. Я кое-что слышал о том, как вы добиваетесь своего, но, сознаюсь, не совсем этому верил. Право же, я восхищен!

– Вам совсем не обязательно восхищаться. Важно лишь, чтобы вы перестали дразнить мою жену приманкой возможного опубликования поэмы.

– Вы не считаете ее произведение достойным публикации? – понимающе спросил Эшбрук.

– Я пришел к выводу, что внушительный список талантов моей жены лежит вне мира литературы. Я не возражаю, пока она забавляется попытками писать стихи или еще чем-то в том же роде. Но я ни в коем случае не позволю ни вам, ни кому-либо другому использовать ее интерес к литературе как средство привлечения ее внимания к себе.

– Вы думаете, что ее так легко отвлечь от вас? – Губы Эшбрука изогнулись в насмешливой улыбке. Саймон допил портвейн.

– Моя жена не способна к измене. Это просто не в ее характере. Но ей может быть нанесена обида из-за обещаний некоторых людей, не имевших ни малейшего намерения их выполнять. Она склонна видеть в людях, лучшую сторону.

– А вы не допускаете, что я действительно собирался прочитать «Таинственную леди» самым внимательным образом?

– Нет, – сказал Саймон, вставая. – Я не поверил в это ни

на миг. Буду ждать возвращения рукописи завтра утром.

– Черт возьми, Блэйд, попридержите лошадей... Как, по-вашему, я объяснюсь с Эмили?

– Скажите ей, что не считаете себя в силах дать беспристрастную оценку, – предложил Саймон. – К тому же это истинная правда. Как может человек вынести справедливое суждение о чьей-то рукописи, если знает, что его собственная писательская карьера висит на волоске?

– Негодяй! – Но в голосе Эшбрука слышалась скорее приниженность, чем вызов. – Вы бы поостереглись, Блэйд. Вы обрели целую кучу врагов. В один прекрасный день кто-нибудь из них может решиться и попытаться счастья, проскользнув мимо всех разбойников и телохранителей, которых вы любезно называете прислугой.

Саймон улыбнулся:

– Маловероятно. Видите ли, Эшбрук, у меня не так много врагов, как вы думаете. Потому что в целом я делаю больше добрых услуг, чем произношу угроз. Я могу оказаться и полезным. Запомните на всякий случай.

Эшбрук кивнул, глядя на него:

– Теперь я понимаю, как вы действуете. Вы и в самом деле так умны и загадочны, как о вас говорят, Блэйд. Полезные услуги в обмен на содействие, определенная кара, если вам станут поперек дороги. Любопытный метод.

Саймон пожал плечами и удалился, не потрудившись ответить. На сегодняшний вечер с делами он покончил. По-

ра отыскать Эмили. Она должна появиться на балу у Линтонов, вспомнил он. Он с удовольствием предвкушал еще один вальс со своей женой.

Через двадцать минут он вышел из экипажа и поднялся по ступеням большого особняка. Суетливо подскочившие лакеи в ливреях взяли у него шляпу и проводили в холл, в затем наверх в бальный зал.

Сквозь смех и жужжанье разговоров слышались звуки контрданса. Саймон остановился в дверях, осматривая переполненную залу в поисках Эмили. В последнее время угадать, где она, было совсем не трудно. Нужно просто найти взглядом самый оживленный кружок гостей вокруг его рыжеголового эльфа. Кружок этот будет состоять из множества новых друзей и поклонников Эмили. Из мужчин там непременно окажется несколько пожилых джентльменов, желающих потолковать об акциях и капиталовложениях; группка вдохновенных поэтов с мятежно взлохмаченными кудрями и пылающим взором, жаждущих порассуждать о романтической поэзии; и стайка юных денди, заботящихся о том, чтобы их увидели беседующими с настоящей оригиналкой.

И как было известно Саймону, который, углядев свою добычу, пробирался к ней сквозь толпу, в окружающей Эмили свите будет не меньше и женщин. Во-первых, леди, столь же вдохновленные романтической поэзией, как сама Эмили, а также те, кто, подобно леди Норткот и ее дочери Селесте, нашли в Эмили обворожительную подругу.

В ее кружок войдут и те дамы, чьи мужья поощряли их к усиленной дружбе с молодой графиней Блэйд. Будут девушки, не так давно оставившие классные комнаты, чьи мамы очень верно сообразили, что, находясь поблизости от новоявленной графини, их дочери смогут завязать знакомства со многими достойными молодыми людьми. И наконец, несколько «синих чулков», считающих Эмили чрезвычайно умной и замечательно своеобразной особой.

Саймон как раз добрался до весьма оживленной свиты Эмили, когда она почувствовала его присутствие. По толпе ее поклонников пробежал шепоток, и они расступились, уступая ему дорогу.

– Блэйд! – подняв на мгновение лорнет, Эмили увидела мужа. Она улыбалась, приветствуя его, глаза ее вспыхнули от радости. – Я надеялась, что вы найдете время заглянуть сюда.

– Я хотел просить у вас танец, дорогая моя, – сказал Саймон, склоняясь над ее рукой. – Вы, случайно, не оставили один для меня?

– Не будьте глупым. Разумеется. – Она бросила извиняющийся взгляд на молодого человека с тщательно уложенными с помощью щипцов белокурыми волосами. – Вы не станете возражать, если мы отложим наш танец, не правда ли, Армистэд?

– Нисколько, леди Блэйд, – ответил Армистэд, окинув Саймона уважительным взглядом.

Эмили, смеясь, с готовностью повернулась к мужу:

– Вот видите, Блэйд. Я совершенно свободна для танца с вами.

– Благодарю вас, дорогая моя.

Ведя Эмили на танец, Саймон ощутил прилив удовлетворенного чувства собственника. Когда Эмили с сияющим видом шагнула в его объятия, он с холодной уверенностью подумал, что все в зале знают то, что знал он.

Эмили принадлежит ему.

И пусть свет знает еще и другое: он сумеет защитить то, что принадлежит ему.

Два дня спустя Саймон приехал домой в середине дня и с изумлением услышал от дворецкого, что его жена принимает в гостиную трех леди.

– Леди Мерриуэдер, леди Канонбери и миссис Пеппингтон, – доложил Гривз без всякого выражения на лице.

– Черт подери! – пробормотал Саймон, шагая к двери в гостиную. – Какого дьявола она замышляет на этот раз?

– Мадам приказала подать самого лучшего чая «Лэп Сэнг», – тихонько добавил Гривз, открывая хозяину дверь. – Смоука попросили приготовить сладкое печенье. Он до сих пор не перестал жаловаться.

Саймон бросил на дворецкого хмурый взгляд и вошел в библиотеку. При виде жены, непринужденно беседующей с женами его двух старинных врагов, он остановился как вко-

панний.

Эмили подняла на него глаза и улыбнулась:

– А вот и вы, Блэйд. Вы присоединитесь к нам? Я как раз собиралась позвонить, чтобы принесли еще чаю. Вы, я полагаю, знакомы с леди Канонбери и миссис Пеппингтон?

– Да, мы встречались раньше. – Саймон приветствовал обеих дам с ледяной вежливостью. Те в свою очередь, казалось, испытывали смущение и неловкость.

– Боюсь, нам уже пора. – Леди Канонбери величественно поднялась с дивана.

– Да, у меня еще несколько визитов, – быстро проговорила миссис Пеппингтон.

– Я понимаю. – Эмили бросила на мужа негодующий взгляд.

Когда за ними закрылась дверь, она спокойно налила Саймону чашку чая и протянула ему, как только он устроился:

– Необязательно было их пугать, Саймон.

Араминта Мерриуэдер издала смешок:

– У Саймона это неплохо получается.

Саймон не обратил на тетушку внимания и с самым угрожающим выражением лица уставился на сидящую с невинным видом жену.

– Мне интересно узнать, какой предмет вы нашли для беседы именно с этими леди, мадам.

– Да-да, я так и думала, что вас это заинтересует. – Эмили победоносно улыбнулась. – Ну что ж, милорд, сказать по

правде, мы вели деловой разговор.

– Ах вот как? – Уголкем глаза Саймон заметил, как по-морщилась тетушка от его холодного тона, но Эмили, казалось, ничего не замечала. – И о каких же делах вы беседовали?

– О разработках полезных ископаемых, – ответила Эмили. – Речь идет о том, что и лорд Канонбери, и мистер Пеппингтон вложили значительные суммы в разработки рудных месторождений. Теперь перед ними встала задача перевозки руды на рынок, и они сделали ошеломляющее открытие, что канал, которым они собирались воспользоваться, куплен неким частным лицом. Владелец не дает им твердого согласия на пользование каналом. Уже несколько месяцев он держит их в постоянном напряжении.

– Понятно.

– Канал принадлежит вам, милорд, – разоблачающим тоном заявила Эмили. – Ничто не передвигается по каналу без вашего соизволения. В вашей власти сделать разработку этих месторождений финансовым крахом Канонбери и Пеппингтона. Они оба просто в ужасном беспокойстве. Такие убытки могут их погубить. Они очень много вложили в свой проект.

Саймон пожал плечами, не пытаясь скрыть злорадного удовлетворения:

– Ну и что дальше?

– Ну, и я как раз говорила леди Канонбери и миссис Пеп-

пингтон, что вы несомненно примете решение продать канал их мужьям.

Чай резко плеснулся в хрупкой фарфоровой чашке в руках у Саймона. Несколько капель скатилось по ней и упало вниз на его безукоризненные желтовато-коричневые бриджи.

– Черт подери!

Эмили с беспокойством разглядывала пятна:

– Позвонить Гривзу?

– Нет, не позвонить – ни Гривзу, ни кому-нибудь еще. – Саймон со стуком водрузил чашку с блюдцем на ближайший столик.

– Какого черта вы решили, что вправе раздавать подобные обещания леди Канонбери и Пеппингтон? Как, черт возьми, вы собираетесь их выполнять?

– Она не собирается выполнять никаких обещаний, поскольку их не давала, – мягко заметила Араминта, и в глазах ее заиграли насмешливые огоньки. – Она собирается посмотреть, как это сделаешь ты, Саймон.

Саймон сверкнул на тетушку свирепым взглядом и вновь обернулся к Эмили. Похоже, его жена совершенно уверена в себе, отметил он. Он явно был к ней слишком снисходителен в последнее время.

– Не угодно ли вам объяснить, мадам?

Эмили откашлялась.

– Мне хорошо известно, почему вы хотите обрушить свое

возмездие на Канонбери и Пеппингтона, Саймон. Ваша тетька мне все объяснила, и вы имеете полное право наказать их.

– Очень рад, что вы это признаете.

– Дело в том, милорд, – мягко продолжила она, – что они уже много страдали, и, право же, зачем усугублять еще их несчастье.

– В самом деле? И как же они страдали? – процедил сквозь зубы Саймон.

– У лорда Канонбери, по-видимому, больное сердце. Доктора предупредили его, что он может не протянуть и года. Кроме того, в последние несколько лет он потерпел ряд крупных финансовых неудач. Единственная радость его жизни – внучка. Помните ее? Та, которой стало дурно и которая упала в обморок, когда вы появились в бальном зале?

– Допустим, помню.

– Бедняжка ужасно боялась, что граф Блэйд собирается потребовать ее руки, желая отомстить ее деду, – пробормотала Араминта.

– Чепуха, – возразила Эмили. – Как я уже говорила Селесте, Блэйд никогда бы не женился на молодой леди, склонной падать в обмороки. Ну так вот, внучка – самая большая радость в его жизни. Он хочет использовать прибыль от рудных разработок, чтобы обеспечить ей приданое. Если вы его погубите, Саймон, она останется без единого пенни. Я знаю, вы не захотите, чтобы бедная девочка оказалась вынуждена появиться на брачном базаре без приличного приданого.

– О господи! – пробормотал Саймон.

– А что касается Пеппингтона, я с глубоким огорчением узнала, что три года назад в результате несчастного случая на верховой прогулке погиб его любимый сын. И видимо, единственное, что теперь поддерживает несчастного, – это сознание, что его внук обещает стать весьма деловым человеком, проявляющим большой интерес к фамильным землям. Пеппингтон надеется оставить ему хорошее наследство.

– Не вижу, почему я должен проявлять хоть какой-то интерес к будущему внучки Канонбери и внука Пеппингтонов, – заметил Саймон.

Эмили мимолетно улыбнулась:

– Я знаю, милорд. Сначала я тоже не слишком задумалась над этим, но потом начала размышлять, какую важную роль в жизни человека играют его дети и внуки, если вы понимаете, что я имею в виду...

Саймон глядел на нее, не отрываясь:

– Нет, я не понимаю, что вы имеете в виду. О чем вы сейчас вообще говорите?

– О наших детях, милорд. – Эмили скромно отпила глоточек чаю.

На мгновение Саймон потерял дар речи.

– О наших детях? – выдавил он наконец. И тут его охватило небывалое, неведомое ранее возбуждение. – Уж не говорите ли вы мне, что ждете ребенка?

– Ну, пока я этого утверждать не могу. Скорее всего нет.

По-крайней мере, сейчас. Но полагаю, это скоро случится при наших отношениях... – Эмили порозовела, но по-прежнему улыбалась.

Араминта вздрогнула и поперхнулась глотком чая.

– Прошу прощения, – сказала она, с трудом хватая ртом воздух.

Саймон не обратил на свою тетушку никакого внимания. В этот миг он думал только о том, как начнет округляться Эмили, вынашивая его ребенка. Он вдруг понял, что до сих пор не слишком-то задумывался о будущем. Все его планы сконцентрировались на прошлом. А теперь Эмили сидит здесь и говорит, что у нее могут быть дети. Его дети.

– Вот проклятье! – пробормотал он.

– Да, я вас понимаю, милорд. Несколько шокирует, когда об этом начинаешь думать подобным образом, правда? Но нам несомненно нужно задуматься. И признаюсь, именно мысль о том, как мы будем любить и лелеять наших собственных детей, заставила меня понять, что вы не можете желать зла внучке Канонбери или внуку Пеппингтона. Жестокость вам не свойственна, милорд. В глубине души вы благородны и великодушны, я-то знаю...

Саймон молча смотрел на Эмили. Он понимал, что ему следовало бы сделать ей хорошее внушение, чтобы она не смела касаться его деловых проблем, но он, похоже, был не в силах отогнать от себя видение своего сына у нее на руках...

– Как вы думаете, у нашего сына будут ваши глаза? –

медленно произнесла Эмили, словно прочтя его мысли. – Я представила сейчас, как он будет бегать по дому. Неугомонный и озорной. Вы станете учить его своим приемам борьбы, как учите сейчас моих братьев. Мальчики обожают подобные вещи.

– Я полагаю, мне пора, – тихо сказала Араминта, поднимаясь. – С вашего позволения.

Саймон едва заметил, как удалилась его тетушка. Когда за ней тихо закрылась дверь, он понял, что все еще смотрит на Эмили, представляя ее с темноволосым золотоглазым младенцем у груди. Или, пожалуй, с зеленоглазой рыжеволосой малышкой.

– Саймон? – Эмили вопросительно заморгала.

– Прошу прощения, но, кажется, кое-какие дела требуют моего внимания в библиотеке, – рассеянно произнес Саймон, вставая со стула.

Двадцать три года он цеплялся за прошлое. Это давало ему силы, волю, стойкость. Но он осознал наконец, что в тот день, когда женился на Эмили, он уже ступил в будущее, хотел он этого или нет.

Тем же вечером, входя в один из своих клубов, Саймон все еще пытался отогнать видение – Эмили, окруженная их детьми. Он все еще чувствовал неловкость и странную неуверенность в собственных намерениях.

По велению судьбы первыми, кого он увидел в клубе, ока-

зались Канонбери и Пеппингтон.

Перед Саймоном вдруг возникли образы глупой внучки Канонбери, падающей в обморок на балу, и серьезного юноши Пеппингтона, постигающего науку управления земельными угодьями. С глубоким вздохом он направился к двум своим старым врагам.

Без дальнейших размышлений Саймон сделал Канонбери и Пеппингтону предложение о продаже канала... Огромное потрясение, отразившееся на лицах обоих джентльменов, принесло ему чрезвычайное удовлетворение.

Канонбери поднялся с болезненной медлительностью.

– Весьма признателен вам, сэр. Мне хорошо известно, что еще совсем недавно у вас были другие намерения – намерения, которые погубили бы Пеппингтона и меня. Можно спросить, что заставило изменить решение?

– Это не какая-то уловка, нет, Блэйд? – подозрительно спросил Пеппингтон. – Последние шесть месяцев вы держали нас на грани катастрофы. С чего бы вам отпускать нас теперь?

– Моя жена не устает повторять, что я благороден и великодушен по натуре. – Саймон холодно улыбнулся.

Канонбери порывисто сел и взял свой бокал портвейна.

– Понимаю.

Пеппингтон достаточно пришел в себя от изумления, чтобы смерить Саймона изучающим взором.

– Странные создания жены, не правда ли?

– У них, определенно, есть склонность к усложнению жизни мужчин, – согласился Саймон. Пеппингтон задумчиво кивнул:

– Благодарю вас за великодушие, сэр. Мы с Канонбери прекрасно понимаем, что не заслужили его. То, что случилось двадцать три года назад... не было хорошим поступком с нашей стороны.

– Мы в долгу перед вами, Блэйд, – пробормотал Канонбери.

– Нет, – сказал Саймон. – Вы в долгу перед моей женой. Постарайтесь не забывать этого.

Он повернулся на каблуках и зашагал прочь от двух стариков, которых ненавидел в течение двадцати трех лет.

Он вышел в ночь, смутно почувствовав, как его отпустила какая-то тяжесть. Ему стало легче, свободней, спокойней, словно он развязал старую ржавую цепь и высвободил какую-то частицу себя, долгие годы томившуюся в плену.

Отчаянное послание Бродерика Фарингдона пришло на следующий день. Эмили как раз обсуждала с поваром меню приема. Обсуждение переросло в бурные споры.

– Я не против того, чтобы на столах были некоторые из ваших замечательных экзотических восточных яств, – решительно убеждала Эмили этого странного человека с золотой серьгой в ухе. – Но не следует забывать, что большинство гостей непривычно к заморским деликатесам. Англичане не

слишком любят рисковать с необычной пищей.

Смоук гордо выпрямился:

– Его светлость никогда не жаловался на мою кухню.

– Ну разумеется, – успокаивающе сказала Эмили. – Вы готовите просто превосходно, Смоук. Но боюсь, у его светлости гораздо более изысканный и тонкий вкус, чем у большинства тех, кого мы собираемся угощать на этом приеме. Речь идет о людях, которые не считают трапезу полноценной, если не подадут гору вареного картофеля и мяса.

– Мадам совершенно права, Смоук, – вмешалась экономка. – Пожалуй, нам надо подать немного заливного палтуса. А также колбасы и, возможно, немного языка...

– Колбаса! Язык! – Смоук пришел в неистовство. – Я не позволю, чтобы в этом доме подавали какие-то жирные колбасы или языки.

– Ну, тогда прекрасно подойдет немного холодной ветчины, – с надеждой предложила Эмили.

Их спор был прерван громким, настойчивым стуком в кухонную дверь. Гарри поспешил ее открыть и после недолгих переговоров с кем-то, стоявшим за порогом, приблизился к хозяйке.

– Прошу прощения, мадам. Тут для вас сообщение.

Эмили с чувством облегчения отвлеклась от перепалки:

– Мне? Где же?

– Паренек у дверей, мэм. Утверждает, что может отдать записку только вам. – Гарри воинственно поднял свой крю-

чок-протез. – Сказать ему, чтобы убирался?

– Нет-нет, я с ним поговорю. Эмили прошла через кухонные помещения к двери и увидела поджидающего ее маленького оборванца.

– Ну, дружок, в чем дело?

Мальчишка уставился на рыжие волосы Эмили и ее очки, а потом утвердительно кивнул, словно удостоверившись, что перед ним именно та, кого он ищет.

– Ваш папаша хочет повидать вас прямо сейчас, мэм. Он велел передать вам вот это.

Маленький листочек бумаги, порядком испачканный грязным кулачком, был надлежащим образом передан по назначению.

– Очень хорошо. – Эмили опустила монетку на ладонь мальчишки, взглянула на бумагу, и острое предчувствие чего-то недоброго охватило ее.

Мальчишка тщательно осмотрел монету, попробовал ее на зуб и широко ухмыльнулся:

– Всегда готов помочь, мэм.

Гарри подошел закрыть дверь. Мальчишка с изумленным восхищением уставился на крюк и через мгновение пустился наутек.

– Мы закончим обсуждение меню позднее, – сказала Эмили Смоуку и экономке и заспешила прочь из кухни.

Со жгущей ей руку запиской она взбежала наверх, опасаясь самого худшего. Уединившись в своей спальне, она за-

крыла дверь и заперла ее на ключ.

Трепеща от ужаса, она уселась и прочла послание.

«Моя дорогая любящая дочь!

Час несчастья пробил. В последние недели фортуна от-вернулась от меня. Я крупно проигрался и теперь вынужден продать оставшиеся акции и паи, чтобы раздобыть наличные на последние долги. К несчастью, и это не покроет всей суммы. Ты должна помочь мне, моя дорогая дочка. Молю, чтобы в горький час нужды ты вспомнила об узах крови и любви, навечно связывающих нас. Ты знаешь, что твоя милая мама хотела бы, чтобы ты помогла мне. Я скоро свяжусь с тобой.

Твой любящий отец.

P. S. Учитывая сложившиеся обстоятельства, не следует упоминать мужу о нашем маленьком семейном затруднении. Ты ведь знаешь, что он питает ко мне глубочайшую противоестественную ненависть»

Медленно складывая записку, Эмили почувствовала дурноту. Она понимала, рано или поздно нечто подобное должно было случиться. Она пыталась сделать вид, что ее отец проявит некоторое благоразумие в игре, но в глубине души знала: его страсть к картам и риску слишком сильна. Ее мать часто повторяла, что он никогда не переменится.

И вот теперь он взывал к дочери о помощи, отдавая себе отчет, что тем самым вынуждает ее выбирать между преданностью мужу и дочерним долгом.

Это было слишком. Реальность снова вторглась в ее мир,

отдернув завесу романтики, которой она пыталась защитить свой мир.

Эмили уронила голову на руки и разрыдалась.

Глава 18

Вечером того же дня Эмили одевалась к театру, когда в ее спальню из соседней комнаты вошел Саймон. При виде его она слегка вздрогнула, но ей все-таки удалось изобразить слабую улыбку.

– Спасибо, Лиззи. Пока все.

– Да, мэ. – Лиззи присела в реверансе и удалилась.

Эмили встретила в зеркале с взглядом Саймона и отвела глаза. Какой он могущественный, какой властный в своем строгом вечернем костюме.

– Вы собираетесь куда-то, милорд?

– Пообедаю сегодня вечером в клубе, пока вы будете в театре с леди Норткот и ее дочерью. – Саймон внимательно наблюдал за ней. – А позже я отыщу вас у Бриджтонов.

Эмили поспешно кивнула, перья в ее волосах слегка качнулись. Она нервничала, понимая, что ей надо быть осторожной, иначе Саймон заметит ее смятение.

– Значит, увидимся там. Я не показывала вам новый бинокль, который купила вчера? – Она потянулась к сумочке и принялась усердно в ней что-то искать. Только бы не встретиться с его чересчур пристальным взглядом.

– Очень мило, – одобрительно кивнул Саймон, принимая у нее изящный бинокль.

– В него все так хорошо видно. Я уже воспользовалась им,

чтобы разглядеть птичку за окном, и, представьте, мне были видны мельчайшие узоры на ее крылышках, – Эмили отчаянно старалась изобразить воодушевление.

– Не сомневаюсь, что это прекрасный бинокль, дорогая моя.

Эмили не нравилась некоторая задумчивость в глазах Саймона.

– Селеста с матерью уверяли меня, что постановка «Отелло», которую мы собираемся сегодня смотреть, одна из лучших, которые когда-либо появлялись на сцене.

– Должно быть, чрезвычайно интересно.

– Да, несомненно. Я, кажется, не говорила вам, что сегодня я долго беседовала со Смоуком, обсуждая, какие блюда подавать на приеме?

– Нет, вы не упоминали об этом. Эмили, вас что-то тревожит, не так ли?

– Нет-нет, милорд. – Она изобразила ослепительную улыбку и даже осмелилась, взглянув в зеркало, на мгновение встретиться с ним глазами. – Просто я немного взволнована перед походом в театр.

– Эмили...

– Так вот, Смоуку очень не хочется готовить обычные блюда для наших гостей. Он говорит, что вы предпочитаете восточную кухню. Я понимаю, это очень вкусно, но боюсь, наши гости сочтут ее несколько странной.

– Смоук приготовит все, что вы ему велите, или пусть при-

готовится искать другое место работы. – Саймон шагнул вперед, положил на плечи Эмили свои сильные руки и, похоже, очень хотел бы еще раз встретиться с ней взглядом. – Не беспокойтесь о меню, дорогая моя. Скажите мне, почему вы так встревожены сегодня?

Она сидела, не шевелясь, испуганно глядя в зеркало.

– Я не могу вам сказать, Саймон.

Губы Саймона слегка изогнулись в усмешке.

– Боюсь, я буду вынужден настаивать на этом. Ведь мы общаемся на более высоких уровнях, и я уже знаю – что-то не так, дорогая моя. Если вы не скажете мне правду, я промучаюсь весь вечер. Вы хотите, чтобы я страдал?

Эмили охватило чувство вины.

– Нет, конечно, милорд. Просто это... затруднение личного характера, и я не хочу вас беспокоить. – Она вздохнула и добавила:

– Все равно уже ничего не исправить. Рок настиг нашу семью.

Но когда она произнесла свое трагическое заявление, в ее глазах замерцал огонек надежды, и она знала – Саймон заметил это. Его пальцы сильнее сжали ей плечи.

– Похоже, речь идет о карточном проигрыше, – предположил Саймон. – Я прав?

– Боюсь, что и не об одном... А последний из них обернулся катастрофой. Ах, Саймон, это совершенно ужасно, и я не знаю, что делать. Я знаю, что не имею права просить у

вас помощи.

Саймон вздернул брови.

– Вы, случайно, не проигрались в пух и прах, эльф? Леди играют иногда между собой по слишком большим ставкам, но никогда не думал, что вы относитесь к тем, кто может наделать долгов.

– Не я проигралась в пух и прах, – не выдержала Эмили, – а мой отец. Ах, Саймон, он прислал мне сегодня записку, где сообщил, что проиграл все, что у него есть, и даже больше.

Саймон не шевельнулся, но его глаза в зеркале вспыхнули. Он сильнее стиснул обнаженные плечи Эмили.

– Неужели? Ну разумеется. Мне бы следовало догадаться. Ведь это был лишь вопрос времени, но я все же ожидал, что ваш родитель протянет немного дольше.

Эмили увидела на лице мужа жестокое удовлетворение, и что-то внутри нее съежилось и умерло. Она поняла, что до сих пор вопреки всему надеялась, что, когда случится неизбежное, Саймон смягчится к отцу, так же как смягчился к близнецам, Норткоту, Канонбери и Пеппингтону.

– Саймон? – беспомощно прошептала она.

– Вы совершенно правы, дорогая моя, – пробормотал он. – На сей раз вы не можете просить меня о помощи. Я слишком долго ждал этого мгновения. – Руки на ее плечах разжались. Он опустил взгляд и нахмурился, увидев красные следы, которые оставил на ее нежной белой коже. Он легонько коснулся красного пятнышка, а потом направился к двери. –

Я увижу вас позже у Бриджтонов. – У двери он чуть помедлил. – Эмили?

– Да, милорд.

– Помните, вы уже не Фарингдон...

Дверь тихо затворилась за ним.

Эмили сидела стиснув на коленях руки. Ни в коем случае она не должна позволить себе опять расплакаться.

Но на самом деле она не чувствовала себя такой беспомощной и одинокой с того самого дня, когда умерла ее мать, оставив ее нести полную финансовую ответственность за отца и братьев.

«Ковент-Гарден» был заполнен шумливыми театрами из различных кругов общества. Высший свет блистал в лужах и прогуливался по фойе. Простым смертным предназначалась галерка и балкон. Все были преисполнены воодушевления и готовности дать актерам понять, что они думают о спектакле. Для подтверждения своего мнения многие прихватили с собой овощные очистки, колокольчики и самые разные погремушки.

– Вы не забыли ваш новый бинокль? – спросила Селеста, когда их маленькая компания пробиралась сквозь переполненное фойе.

Леди Норткот ненадолго остановилась поболтать с приятельницей.

– Да, он у меня с собой. – Эмили подслеповато озиралась,

поскольку уже спрятала очки в сумочку. Она видела вокруг лишь расплывчатые двигающиеся цветные пятна.

Их с Селестой нещадно толкали, и Эмили как раз собиралась надеть очки, чтобы не чувствовать себя в толпе такой беспомощной, когда на плечо ей опустилась тяжелая мужская рука.

– В чем дело? – Эмили резко повернулась и увидела расплывчатый ореол седеющих белокурых волос. У нее упало сердце. Она знала, как любопытна Селеста... – Папа! Ты здесь?

– Решил прийти на спектакль и увидел тебя в фойе, – с наигранным оживлением объяснил Бродерик Фарингдон. – Как поживаешь, моя дорогая?

– Прекрасно, папа. Позволь представить тебе мою подружку. – Эмили быстро проговорила положенные фразы, моля в душе, чтобы леди Норткот вернулась и побыстрее увела их в ложу.

Бродерик ответил на представление с обычным для Фарингдона обаянием. А потом крепко ухватил Эмили за руку.

– Мне бы очень хотелось поболтать с тобой, дорогая, если не возражаешь. Целую вечность тебя не видел!

– Как же я оставлю Селесту одну? – с отчаянием попыталась возразить Эмили.

– Не беспокойтесь, Эмили, – непринужденно сказала Селеста. – Я вернусь к маме. А ваш отец проводит вас потом в нашу ложу.

– Да, разумеется, – сдалась Эмили, видя, что выхода нет. Когда Селеста скрылась в толпе, она справилась с собой и повернулась к родителю:

– Ну, папа?

– Ты получила мою записку? – резко спросил Фарингдон, отбросив всю свою притворную вежливость. Было ясно, что он в страшном напряжении...

– Да. Мне очень жаль, папа. Ты же знаешь, тут я бессильна помочь тебе. – Ах, папа, ну как ты мог допустить такую глупость?

– Это не глупость. Просто полоса невезения. Бывает. – Отец придвинулся поближе и забормотал ей на ухо:

– Слушай, Эм, я уверяю, что сумею выкрутиться – нужна лишь твоя небольшая финансовая поддержка.

– Со временем Блэйд смягчится. Но сейчас еще слишком рано ждать от него прощения. Ты должен понять, папа.

– Тысяча чертей, Эм, у меня просто нет времени. Надо разобраться с долгами.

– Ты действительно все продал?

– Все, – мрачно ответил Бродерик. – Но, Эмили, этого все равно не хватает, чтобы расплатиться полностью...

Эмили прекрасно знала своего отца, но последние слова потрясли ее.

– Папа, как ты мог все проиграть? У меня годы ушли на то, чтобы обеспечить благополучие тебе и близнецам. Это ужасно. Просто ужасно. Что же нам делать?

– Не стоит впадать в панику, дорогая. Прежде всего тебе надо заставить Блэйда оплатить мои долги, Эм.

Эмили во все глаза смотрела на отца, стараясь определить выражение его лица.

– Но, папа, ты же понимаешь, что он никогда не согласится.

– Ты должна добиться этого, Эм! Дело не терпит отлагательств. Эмили, дорогая, я должен признаться тебе, что вчера совершил ужасную ошибку. Наверное, немного перебрал... Знаешь, как бывает, когда мужчина выпьет лишнего. Боюсь, я проговорился...

– О чем? Кому? – Эмили была просто вне себя от волнения, улавливая напряженную нотку в отцовском голосе. Видно, дело посерьезнее, чем просто огромный проигрыш в карты.

Вдруг рядом с Бродериком Фарингдоном возникла темная фигура.

– Ваш папа совершил ошибку, немножко поболтав со мной, леди Блэйд, – сказал знакомый издевательский голос.

– Мистер Крофтон? – Эмили пыталась взглянуть в зловещную тень. Предчувствие чего-то ужасного охватило ее, и она отчаянно пыталась собраться с силами. – Я не совсем понимаю. Что здесь происходит?

Крофтон придвинулся ближе, голос его зазвучал тихо, откровенно вкрадчиво:

– Мы стали близкими друзьями с вашим отцом за послед-

нее время. Он так расстроен своим проигрышем, леди Блэйд. Не сомневаюсь, что вы сочувствуете ему, понимаете, что он испытал, придумывая, как уплатить долг чести. Боюсь, он опустошил не одну бутылку и в конце концов проговорился о весьма неприятном скандале в вашем прошлом...

У Эмили пересохло во рту. Она уставилась на отца:

– Папа?

– Это правда, девочка, – угрюмо подтвердил Фарингдон. – Бог мне судья, но я рассказал ему о несчастном происшествии. Напился, понимаешь, как сапожник. Я знаю, ты меня простишь. Но дело в другом... Он грозитя распространить услышанное по всему городу, если я ему не заплачу.

– Боюсь, грязные слухи о прошлом жены весьма неблагоприятно отразятся на положении Блэйда в обществе, – проворчал Крофтон. – Практически все перестанут его принимать, и ему, несомненно, придется покинуть столицу и уехать в свое загородное имение. Вряд ли он будет вам за это благодарен.

– Скорее он уничтожит за это вас, мистер Крофтон, – в гневе выпалила Эмили.

– Но урон его чести будет уже нанесен. Пойдут разговоры. Подумайте о скандале, который непременно разразится, о запятнанном имени графа Блэйда, об унижении, которое грозит вашему мужу. В тяжелой борьбе он обрел власть и положение в обществе, мадам. И он нажил много врагов. Есть люди, которые его ненавидят и не поколеблются использо-

вать скандал в вашем прошлом, чтобы низвергнуть его. И виноваты в этом будете вы, леди Блэйд.

Эмили почувствовала дурноту и головокружение, но пыталась сохранить невозмутимость и глядела на темное расплывчатое пятно – лицо Крофтона...

– Вы не слишком-то дорожите жизнью, мистер Крофтон? – холодно осведомилась она.

– Не стоит угрожать мне гневом вашего мужа, мадам. Вы блефуете. Вы не допустите такого поворота событий! Если все пойдет слишком далеко, честь Блэйда пострадает, не так ли?

– Мистер Крофтон...

– Вы проследите, чтобы долги вашего отца были уплачены полностью. Весь свет знает, как вы обожаете своего мужа. Если называть вещи своими именами, вы с очаровательным постоянством глупеете, когда дело касается Блэйда. Думаю, вы сделаете все, чтобы оградить его от скандала.

Эмили перевела дыхание, стараясь успокоиться.

– И как же именно, полагаете вы, я сумею заплатить долги своего отца? Я получаю ежеквартально некоторую сумму, но ее, вероятно, не хватит, чтобы покрыть его проигрыши.

Крофтон коротко хохотнул:

– Говорят, Блэйд весьма снисходителен к вам, моя дорогая. Бог знает почему, но это так. Секрет полишинеля... По-видимому, он находит вас забавной. Не думаю, что для вас составит трудность притвориться, что это ваш проигрыш, и

мило склонить его к уплате «ваших» долгов. Скажете, что проиграли леди Малькольм или жене Бриджтона. Обе славятся страстью играть по-крупному.

– Вы с ума сошли! – выдохнула Эмили. – Он легко обнаружит подобную ложь.

– Если вам не нравится подобный способ заставить мужа раскошелиться, попробуйте более женский подход. Блэйд, как я уже упоминал, к вам благоволит. Может, вы добьетесь большего успеха, выпросив у него бриллиантовое ожерелье или нитку жемчуга. Сделав копию, продадите оригинал какому-нибудь умеющему хранить тайны ювелиру.

– Это ни за что не пройдет. Блэйд сразу поймет, что перед ним фальшивка, как только я ее надену. У него острый глаз на такие вещи.

– Ну, тогда проявите больше изобретательности, мадам, если хотите спасти вашего мужа от унижения и скандала. Дайте мне подумать... Может, лучше всего просто совершить небольшую кражу?

– Кражу?

– Ну да, а почему бы и нет? Я слышал немало историй о стоящей баснословных денег коллекции изукрашенных драгоценностями драконов, которую Блэйд, по слухам, привез с собой из Ост-Индии. Говорят, статуэтки этих чудищ расставлены у него по всей библиотеке и каждая из них оценивается в целое состояние. Кто заметит, что одна пропала? А если даже ее и хватятся, достаточно просто свалить вину на

кого-нибудь из слуг.

– О господи! Папа, пусть он замолчит. – Эмили в отчаянии обернулась к отцу, но она знала, что с этой стороны помощи ждать не приходится.

– Мне чертовски жаль, Эм, – сказал Фарингдон, огорченный таким поворотом событий, но явно ощутивший облегчение, по своему обыкновению переложив ответственность на другого. – Ничего бы этого не случилось, если бы ты не поспешила отдать свое глупое сердце Блэйду. Я ведь тебя предупреждал, но тебе надо было обязательно за него выйти.

– Печально, но факт, – согласился Крофтон. – Вот что, леди Блэйд: у меня есть идея, как вам успешно осуществить кражу без всякой угрозы быть обвиненной в ней. Вы дождитесь, пока наступит вечер вашего приема, и подготовите все, чтобы взять дракона... Там соберется весь город. Дом будет битком набит гостями и нанятыми на вечер слугами. Когда пропажа дракона в конце концов обнаружится, можно свалить вину на кого-нибудь из приглашенных со стороны слуг.

– Но вам нигде не удастся заложить такую необычную вещь, как дракон из коллекции Блэйда, – попыталась возразить Эмили. – Любой ювелир заподозрит неладное.

– Нет необходимости закладывать статуэтку. Я просто сниму с нее камни, которыми она изукрашена, и продам их по одному, – хохотнул Крофтон. – Просто блестящий план, вы не находите?

– Черт подери! – прошептала Эмили, чувствуя, что клетка

захлопнулась.

– Как вы красочно изъясняетесь, дорогая моя, – усмеялся Крофтон. – Ничего удивительного, что Блэйд находит вас забавной. У него всегда была склонность к необычному. – Он иронически поклонился Эмили и ее отцу. – А теперь, если вы меня извините, я должен удалиться и разыскать свою ложу. «Отелло» такая интересная пьеса, не правда ли? Взбешенный муж, в гневе удушающий свою невинную жену, – мой любимый эпизод. Конечно, в вашем случае, леди Блэйд, ситуация несколько иная. Вы, в конце концов, не так уж невинны...

С растущей беспомощностью Эмили смотрела, как темная фигура смешалась с толпой. Когда Крофтон исчез из виду, она повернулась к отцу:

– Как ты посмел, папа? Как ты посмел поступить так с моим мужем?

– Тише-тише, девочка, не надо обвинять меня. – Бродерик Фарингдон изобразил праведное возмущение подобным обвинением. – Блэйд сам создал эту ситуацию, отлучив тебя от твоей семьи.

– Он меня не отлучал, папа, ты же знаешь.

– Все твои романтические бредни, из-за них ты вообразила, что влюблена в Блэйда. Ни одна здравомыслящая женщина не сваяла бы такого дурака. В сложившихся обстоятельствах виновата только ты, Эм. Я знал, что невозможно сохранить в тайне твое запятнанное прошлое. Блэйду тоже

не следовало обольщаться. Если уж на то пошло, он виноват так же, как и ты. И клянусь Богом, пора заставить его заплатить за все.

– Черт подери! – Эмили резко повернулась на каблуках своих новеньких зеленых туфелек и невидяще побрела прочь от отца.

Несколькими часами позже Эмили одиноко лежала в своей постели и глядела на вышитый полог. Она не могла и подумать о сне, после того как вернулась домой от Бриджтонов.

Час назад она услышала, как поднялся в свою спальню Саймон, и напряженно ждала, что он придет к ней, как приходил почти каждую ночь. Но он не открыл двери, соединяющей их спальни. Теперь за дверью царил тишина. Саймон лег один...

Эмили рывком повернулась на бок и в бессильном гневе ударила кулаком по подушке. Ее мысли были в полном смятении. Она все еще не понимала, как ей удалось досидеть до конца спектакля, не выдав своим видом леди Норткот и Селесте, что случилось нечто ужасное. Правда, Селесте пришлось напомнить Эмили о ее новом бинокле...

Когда настал черед ужасной сцены, где Отелло обрушивает свой гнев на невинную жену, Эмили смотрела ее, застыв от ужаса. Слова Крофтона жгли ее разум: «Вы не так уж невинны».

Но дело не в виновности или невинности... Дело в скан-

дале. Блэйд женился на ней при условии, что ужасный скандал не последует за ней из Литл-Диппингтона в Лондон.

А теперь им грозило именно это.

Эмили села и еще раз ударила по подушке. Затем отбросила одеяло и соскользнула с кровати. Она должна спасти Саймона от унижения и позора, которые падут на его голову, если о ее прошлом узнают в свете.

Отец прав. Вся эта заваруха целиком по ее вине... Эмили металась по комнате. Она сама уговорила Саймона согласиться на брак. Она добилась этого, убедив его, каким выгодным приобретением для его дел будет такая жена. Надежная защита от финансовых неудач!

Ей хотелось плакать. Теперь Саймон не нуждается в защите своего состояния. Он нуждается в защите от скандала в ее прошлом.

Эмили вдруг нахмурилась и даже остановилась на месте от внезапно пришедшей ей в голову мысли – надежная защита, вот что нужно. Заставить Крофтона замолчать навсегда...

Она вновь начала свое хождение по комнате, сосредоточившись на первой разумной и полезной мысли за весь этот долгий вечер. Чем больше она размышляла, тем яснее становился ей ответ. Если требуется защитить Саймона от скандала, она должна обеспечить молчание Крофтона.. Нужен план, как избавиться от Крофтона. Навсегда.

Эмили резко опустила в кресло у окна. «Навсегда» озна-

чало что-то невозвратное... То, что найдется способ заплатить долги отца, не решит проблем. Крофтон всегда будет рядом, угрожая уничтожить то могущество и положение в обществе, которое так долго создавал себе Саймон.

Эмили очень долго размышляла и пришла к выводу; если она хочет защитить Саймона, для нее существуют только две реальные возможности.

Первая – навсегда исчезнуть из его жизни, заставив всех думать, что она трагически погибла. Но Эмили достаточно хорошо знала Саймона, чтобы понимать: он будет искать ее, пока не отыщет живую или мертвую.

Другой возможностью было заставить навсегда исчезнуть Крофтона.

От этой мысли у Эмили на мгновение перехватило дыхание. Заставить Крофтона исчезнуть.

Постепенно Эмили приходила в себя, и способность мыслить четко и логично возвращалась к ней. И вскоре она уже знала, что ей следует сделать.

Но прошло немало времени, прежде чем она поднялась с кресла и, шагнув к двери в соседнюю спальню, дрожащими пальцами открыла ее.

Комната Саймона была погружена во мрак. Без очков Эмили едва различала очертания кровати. Мгновение она стояла на пороге, глядя в комнату и чувствуя, как захватывает ее сильнейшее желание оберечь и защитить этого человека и не меньшее желание любить его и всецело принадле-

жать ему.

– Я сделаю все, чтобы защитить тебя, дракон, – прошептала она.

– Эмили? – хрипло прозвучал во тьме голос Саймона.

Эмили подскочила:

– Простите, милорд. Я не хотела разбудить вас.

Они не разговаривали друг с другом, после того как он ненадолго появился у Бриджтонов. Он не попросил у нее танец – он едва обменялся с ней парой слов. Удостоверился, что она там, и исчез.

– Вы явились спрашивать меня, эльф? – бесстрастным голосом спросил Саймон. – Если так, то вы зря тратите время. Я не стану спасать вашего отца, как спасал вашего брата. И не сниму его с крючка, как снял Норткота, Канонбери и Пеппингтона. Здесь совсем другое дело.

Эмили слышала в его голосе неумолимый холод и знала, что он говорит правду.

– Я не буду просить вас оплатить папины долги, Саймон. Я согласна, что это уже чересчур.

– Вы могли бы с тем же успехом просить звезду с неба. Слишком долго я ждал своей мести.

– Я понимаю, милорд.

С кровати не доносилось ни звука. Через мгновение Саймон вновь заговорил, голос его был еще более хриплым:

– Ну так что же? Вы собираетесь всю ночь простоять в дверях? В ночной рубашке вы похожи на маленькое приви-

дение.

Эмили машинально взглянула на тонкий светлый муслин, облачком окутавший ее тело:

– Правда, милорд? Я никогда не видела привидений.

– А я видел, – ровным голосом сказал Саймон. – Своего отца. Клянусь, этот проклятый призрак преследовал меня с двенадцати лет. Но наконец-то он исчезнет. Идите спать, Эмили.

– Да, милорд. – Она послушно отступила назад в свою спальню и начала закрывать дверь.

– Подождите, – вдруг повелительно остановил ее Саймон.

– Что такое, милорд?

– Зачем вы явились в мою комнату, если не собирались умолять меня?

– Не знаю, как вам объяснить, – тихо сказала Эмили. – Просто я почувствовала... желание взглянуть на вас.

– Вы уверены, что пришли сюда не затем, чтобы просить меня забыть о мести?

– Я знаю, что это бесполезно. Вас снедает жажда мести. Я надеюсь только, что это принесет вам желанный покой.

– Проклятье, женщина! В настоящий момент именно вы представляете сильнейшую угрозу моему душевному покою. И так весь вечер...

Резким движением Саймон отбросил одеяло, встал и шагнул к ней.

– Саймон? – Эмили в смятении отступила. – Вы на меня

сердитесь?

– Нет. – Он подошел к ней и подхватил на руки, прежде чем она успела выйти. Потом повернулся и понес ее к массивной кровати. – Не знаю, что я сейчас чувствую, и не хочу знать. Вы в моей спальне, и я понял, что хочу видеть вас в своей постели. И этого достаточно, мадам жена.

Эмили не спорила. Когда он нежно уложил ее посреди кровати и приник к ней с внезапно обжигающей страстью, она раскрыла свои объятия и прижала его к себе.

Губы Саймона прильнули к ее губам, неумолимо и всепоглощающе. Он требовал ее, и Эмили приникла к нему в ответ и молча поклялась, что сделает все, чтобы защитить его.

Долгое время спустя Эмили проснулась и обнаружила, что ее несут обратно в ее собственную спальню. Она тихонько пошевелилась в объятиях Саймона, наслаждаясь его мощью и силой.

– Вы останетесь со мной? – сонно спросила она, когда он опустил ее среди сбившихся простынь постели.

– Нет. – Саймон стоял около кровати, глядя на нее задумчивыми глазами. – Я, наверное, не отважусь, эльф. Не сегодня. Я начинаю подозревать, не сыграли ли Фарингдоны со мной напоследок злую шутку, убедив меня жениться на моей самой большой слабости.

– Я вовсе не ваша большая слабость, – мягко возразила Эмили. – У вас нет больших слабостей.

– Да? Надеюсь, вы правы. Но я намерен соблюсти осторожность. Я не позволю вам разрушить все, что я вынашивал и чего ждал в течение двадцати трех лет.

– Я не стану этого делать, Саймон.

– Интересно будет взглянуть, так же ли охотно вы придете ко мне в постель, после того как ваш отец с позором оставит город. Спокойной ночи, мадам жена.

Саймон вернулся в свою спальню, подчеркнуто прикрыв за собой дверь.

Не проронив ни слезинки, с ясной головой Эмили пролежала без сна до рассвета. Она продумывала подробности своего плана. Вечер приема прекрасно подойдет для того, что ей придется совершить.

Первой задачей было достать пистолет – такой, чтобы она смогла спрятать его в сумочке или под накидкой. Или лучше взять сразу два – на всякий случай.

А потом трудности с телом...

Эмили вдруг забил страшный озноб. Ее ладони сделались влажными и холодными, сердце бешено колотилось. При мысли о том, что она задумала, ее охватил приступ дурноты.

Героиня «Таинственной леди» не проявила бы такой слабости, подбодрила себя Эмили. А разве она не представляла себя всегда этой храброй женщиной, пустившейся в путь ради спасения своего возлюбленного? Выстрелить в Крофтона не намного страшнее, чем оказаться лицом к лицу с настоя-

щим привидением или чудовищем.

Эмили молила судьбу, чтобы в день приема нервы ее выдержали все до конца. Она понимала, что, если план не работает, второго шанса ей уже никто не даст.

Жена Саймона – под арестом... Для него это будет ничуть не меньший скандал, чем предание гласности несчастного происшествия в ее прошлом.

Глава 19

Саймон ждал Эмили в библиотеке. Он только что послал за ней. Он сказал себе, что будет любопытно посмотреть, отзовется ли она сегодня на его вежливое приглашение со своей обычной поспешной готовностью. До нынешнего дня она влетала в дверь библиотеки через считанные секунды, после того как кто-нибудь из прислуги уведомлял ее, что граф желает ее видеть.

Эмили еще не научилась тонкому искусству заставлять своего мужа ждать.

Но в это утро Саймон не знал, на что ему можно рассчитывать. Отнеся Эмили обратно в ее спальню, он всю ночь до рассвета пролежал без сна, пытаясь ощутить хоть какое-то удовлетворение от победы над ее отцом. Но думал только о том, какой холодной и пустынной кажется его большая постель, когда рядом с ним нет Эмили.

Последовал быстрый стук в дверь, и через мгновение Эмили в утреннем платье, отделанном по подолу черными и золотыми драконами, вихрем ворвалась в комнату. Она совсем запыхалась, прическа и одежда ее были в некотором беспорядке. На носу красовался пыльный след, задорно торчащий на ее рыжих кудрях муслиновый чепчик лихо сбился набок...

– Вы посылали за мной, милорд? – Она остановилась пе-

ред его письменным столом, поправляя очки и вопросительно глядя на мужа.

– Я не хотел мешать, если вы чем-то заняты. – Саймон поднялся, когда она вошла в комнату и жестом показал ей на кресло.

– Я следила за уборкой в гостиной, – объяснила Эмили. – До приема осталось всего два дня. Столько еще нужно успеть в последний момент.

– Ах, ну конечно! Дальнейшие приготовления к этому дурацкому приему. Мне бы следовало догадаться.

– Я хочу, чтобы все прошло безупречно, милорд, – тихо сказала Эмили. – Я прекрасно понимаю: все, что я делаю, – в том числе и мое выступление в роли хозяйки дома – отражается и на вас.

– Не стоит чрезмерно беспокоиться, дорогая моя. Мое положение в обществе достаточно прочно, чтобы выдержать несколько пятен на коврах в гостиной или на занавесях.

К его удивлению, Эмили внезапно побледнела и рухнула в кресло.

– Некоторые пятна особенно трудно скрыть, милорд. Иногда приходится принимать самые решительные меры.

Он нахмурился, услышав странные нотки в ее голосе.

– Эмили, вы не слишком утомляете себя приготовлениями? Я держу достаточно большой штат прислуги и надеюсь, что вы их всех привлекли к делу. Если же кто-то не выполняет своих обязанностей, скажите немедленно. Гривз легко

уладит это затруднение.

От намека на недостаточное, усердие прислуги Эмили ментально пришла в себя:

– Ваши люди – замечательные помощники, что вам, без сомнения, известно. Все трудятся изо всех сил.

Он только кивнул, не совсем удовлетворенный ответом. Эмили что-то тревожит, и он, кажется, знает, что именно. Она беспокоится о своем негодяе папаше.

– Прекрасно. Рад это слышать. Так вот, я хотел увидеть вас, чтобы вернуть вам вашу рукопись.

– Мою рукопись? – Эмили впервые взглянула на пакет, лежавший на краю его стола. Потом перевела глаза обратно на мужа. – Я не понимаю, милорд. Откуда у вас рукопись? Ричард вернул ее?

– Я попросил его прислать рукопись обратно. Буду совершенно откровенен, Эмили. Он еще не имел возможности ее прочесть, и я считаю, что ему этого делать не следует. Я не хочу, чтобы вы искали его мнения.

– Но он известный поэт, милорд. Я полагала, он сумеет оценить, есть ли какая-нибудь надежда на то, что мою рукопись удастся издать.

– Не думаю, что его суждение окажется непредвзятым, – решительно сказал Саймон. – И вы убедитесь сами, что в этом он со мной совершенно согласен.

Эмили одарила мужа быстрым, исполненным надежды взглядом:

– Так вы все же ревнуете к нему, Саймон? Я как-то уже говорила вам, что для этого нет никаких оснований. Уверяю вас, наши отношения с Ричардом носят чисто деловой характер.

– Я не ревную вас к Эшбруку. – Саймон тщательно взвешивал каждое слово. – И надеюсь, у вас хватит здравого смысла не пытаться вызвать во мне ревность.

– Нет, милорд, то есть да, милорд. Я бы не стала этого делать. – Прикусив нижнюю губу, Эмили некоторое время изучала свою рукопись, а потом, порывисто вскочив, схватила пакет. – Теперь мне лучше вернуться к работе... После того как будет сделана надлежащая уборка гостиной, я собиралась окончательно обсудить со Смоуком меню. А потом проверить вместе с Гривзом кладовые, чтобы убедиться, что все необходимое уже прислали...

– Прошу вас, мадам, одну минуту.

Эмили уже в дверях обернулась, прижав к груди рукопись:

– Да, милорд?

– Если вам будет угодно оставить мне «Таинственную леди», я берусь устроить, чтобы она попала к Уиттенстоллу, или Паунду, или еще к какому-нибудь издателю, – тихо сказал Саймон.

В глазах Эмили мелькнул веселый огонек.

– Я и помыслить не могу о том, чтобы позволить вам отнести мою рукопись к издателю, Саймон.

– Вы доверяете Эшбруку больше, чем мне? – бархатным

голосом спросил он. Она хмыкнула:

– Да нет. Просто я вас слишком хорошо знаю. Вы бы, наверное, заставили Уиттенстолла или Паунда взять мою рукопись, прибегнув к угрозам или пообещав заплатить. В любом случае я бы так и не узнала, действительно ли моя поэма достойна того, чтобы ее издавать. Я бы скорее предпочла попытаться счастья, как все начинающие авторы.

Саймон побарабанил пальцами по столу.

– Понятно.

– И все равно, даже если бы вы сумели добиться издания «Таинственной леди», вы не можете гарантировать, что ее станут покупать. Существует предел даже для вашего огромного влияния в Лондоне, милорд. Но за предложение спасибо. – Эмили повернулась и быстро вышла из комнаты.

Саймон посмотрел, как закрылась за ней дверь библиотеки, и глубоко вздохнул:

– Черт подери!

Она, конечно, права. Устроить публикацию рукописи не так уж трудно. Уиттенстолл или Паунд были бы счастливы издать поэму за определенную мзду или чтобы избавиться от угрозы... Но заставить читателей покупать творение Эмили – совсем другое дело.

Он все еще размышлял над этим, когда дверь снова открылась и на пороге появилась Араминта Мерриуэдер.

Саймон встал ей навстречу:

– Доброе утро, тетя. Я полагаю, ты собираешься предло-

жить совет и помощь новоявленной хозяйке?

– Я обещала ей осмотреть поле битвы, – улыбнулась Араминта, изящным жестом снимая перчатки и опускаясь в кресло, где только что сидела Эмили. – Твоя супруга намерена сделать все, чтобы прием прошел безупречно и твоя честь перед лицом beau monde не потерпела урона.

Саймон простонал:

– Я знаю. Я говорил ей, чтобы она перестала об этом беспокоиться.

– Вряд ли она послушается. Бедная девочка влюблена в тебя по уши и сделает для тебя все, Блэйд. Особенно она страшится подвести тебя в глазах общества. Ты несешь огромную ответственность. Надеюсь, ты понимаешь.

Саймон бросил на нее недовольный взгляд:

– Уверяю тебя, я полностью понимаю свои обязательства перед женой.

– Н-да, пожалуй. Она тоже в это верит. Верит, что ты не можешь сделать ничего дурного...

– За последние сутки ее мнение могло измениться, – мрачно произнес Саймон. – Ее никчемный мот отец уже погубил себя. Замечу, на несколько месяцев раньше, чем предполагалось. Он имел наглость обратиться к ней за помощью.

Брови Араминты взлетели вверх.

– Понимаю. А она обратилась к тебе?

– Она очень верно рассудила, что вряд ли имеет смысл просить меня о его спасении, и я подтвердил, что она не

ошиблась. – Саймон хлопнул ладонью по столу и поглядел на раскрытую пасть драгоценного дракона, который стоял в углу на книжкой полке. – Я не стану этого делать, Араминта! Слишком долго я ждал. Уберечь ее брата от глупой дуэли и отпустить с крючка Норткота, Канонбери и Пеппингтона – это одно. А спасти Бродерика Фарингдона – совсем другое. Эмили сразу все поняла.

– Да, но Эмили так подвержена романтическим идеалам и любит истории со счастливым концом. И до сих пор ты был к ней снисходителен.

– Если она питает напрасные надежды, это ее беда. Для таких надежд нет никаких оснований.

– Ты прав, разумеется... Совершенно никаких оснований, кроме, пожалуй, убеждения, что ты исключительно героичен и что ты самый лучший в мире муж...

Саймон сузил глаза.

– Ты находишь, что это смешно?

– Я считаю, что это наивно, – откровенно заявила Араминта. – Но полагаю, ты постепенно развеешь ее иллюзии. Эмили слишком умна, чтобы всю жизнь оставаться наивной.

Саймону с трудом удалось сдержать охвативший его гнев.

– Тетя, не дразни меня. Это тебя не касается.

– Возможно, и так, – быстро согласилась Араминта и пожала плечами. – Эмили на тебя сердится?

Саймон встал и подошел к чайному столику. Он взял зе-

ленный с золотыми узорами чайник и налил две чашки «Лэп Сэнга».

– Если уж совсем откровенно, то я не могу понять, что сегодня творится с Эмили... Она в странном настроении.

– Что ты имеешь в виду?

Саймон протянул Араминте ее чашку и, не садясь, отхлебнул изысканного напитка.

– Она встревожена. Измучена. Бегает повсюду с таким видом, будто у нее на уме нечто поважнее, чем катастрофа, грозящая ее отцу. Но сердитой она не кажется.

– Ну что ж, я полагаю, скоро ты выяснишь, злится она на тебя или нет.

– И каким же образом я получу столь ценные сведения? – пробормотал Саймон.

– Посмотришь, как она поведет себя в постели, разумеется. – Араминта многозначительно усмехнулась в свою чашку. – Она еще не начала отказывать тебе в своих ласках?

Саймон с изумлением почувствовал, что густо краснеет.

– Проклятье! Араминта, я не собираюсь обсуждать с тобой мою личную жизнь!

– Ну разумеется.

Он бросил на нее испепеляющий взгляд:

– Эмили не имеет понятия о том, как воспользоваться силой своего пола, для того чтобы что-то получить или чтобы наказать меня.

– Наверное, ты прав. – Араминта покачала головой. – Твоя

графиня действительно чересчур наивна, чтобы прибегнуть к таким обычным женским уловкам.

– Будь так любезна, перестань повторять одно и то же, – в ярости сказал Саймон. – То, что у Эмили нет обычного набора женских фокусов, еще не означает, что она наивна, черт подери.

– А как насчет того, что она считает тебя идеалом мужа? Разве это не наивность?

– Черт подери, совсем... – Саймон хотел добавить еще что-то, но тут дверь библиотеки снова отворилась и в комнату впорхнула Эмили.

– Извините, милорд. Араминта, слава богу, вы здесь, – выдохнула Эмили. – Я только что узнала, что надо дать музыкантам список произведений, которые мне бы хотелось услышать во время приема. Я пытаюсь решить. У вас нет никаких предложений?

– Придерживайтесь Моцарта, моя дорогая, – посоветовала Араминта, поставив свою чашку и поднимаясь с кресла. – С Моцартом никогда не ошибетесь. Весьма изысканный композитор!

– Да-да, вы совершенно правы, – немедленно согласилась Эмили. – Мне как раз хотелось, чтобы прозвучала по-настоящему изысканная музыка. Ведь все знают, что Блэйд прекрасно образован. И все будут ожидать соответствующей музыки.

– И мы не должны их разочаровать, правда? – выходя из

библиотеки вслед за Эмили, Араминта безмятежно улыбнулась Саймону.

Саймон остался в библиотеке один, снова и снова спрашивая у себя, почему он не испытывает того бурного триумфа и удовлетворения, которое должен был бы чувствовать в такой день.

Вести переговоры с шантажистом и одновременно готовиться к светскому приему и в самом деле многовато для женщины, мрачно решила Эмили, отправляясь на следующий день в литературный салон леди Тернбулл.

Пока экипаж подпрыгивал и раскачивался по мостовой, она в последний раз лихорадочно ломала голову, нет ли какой-нибудь другой возможности уладить дело с Крофтоном. Но в глубине души она понимала, что существует лишь один способ осадить шантажиста, лишь один способ защитить Блэйда. В тот миг, когда Эмили вошла в переполненную гостиную и встретила в порочным, насмешливым взглядом Крофтона, она приняла решение окончательно и бесповоротно. Если она не сумеет убедить Крофтона отказаться от его планов, ей придется сделать решительный шаг. Она припугнет его так, чтобы он никогда не появился снова.

Эмили с трудом прогнала ком в горле и постаралась встретить взгляд Крофтона как можно спокойнее. Он выждал, пока беседа в салоне приняла оживленный характер, и отвел ее в сторону, к окну. Никто не обращал на них внимания.

– Так как, леди Блэйд? Вы придумали что-нибудь? – Крофтон отхлебнул кларета и посмотрел на нее из-под полуприкрытых век. Его жесткий рот выжидательно искривился.

– Ждите завтра в полночь на подъездной дороге по ту сторону ограды за нашим садом, мистер Крофтон. Дракон будет со мной...

– Дорожка довольно близко, а улицы будут запружены экипажами ваших гостей, – пробормотал Крофтон.

Эмили вздернула подбородок.

– То, что в доме и на улицах полно народу, вам только на руку. Никто не заметит еще одного человека. Я все устроила, мистер Крофтон, и не собираюсь отступать. Я хочу покончить с этим делом раз и навсегда.

Крофтон пожал плечами:

– Прекрасно, мадам. Значит, на дорожке. Не так уж важно, где мы встретимся. Однако помните, я в засаде и наблюдаю за вами. Если вы попытаетесь кого-нибудь привести с собой – ну, скажем, одного из братьев, – я просто не появлюсь. А в следующий раз мои требования будут уже значительно выше.

– Я приду одна. Но поклянитесь, что больше ничего не потребуете. Я не желаю вас больше видеть, мистер Крофтон. Вам ясно?

– Разумеется. Одного из драконов Блэйда вполне достаточно, чтобы покрыть долги вашего отца. Я исчезну из вашей жизни, моя дорогая.

Эмили глянула прямо в его жуткие глаза и поняла, что он лжет. Крофтон собирался появляться снова и снова. Он собирается выжать ее до нитки, и угроза Саймону будет вечно висеть у нее над головой. Блэйд никогда не будет в безопасности.

– До скорой встречи, мадам. – Крофтон поклонился с издевательской галантностью и направился через комнату к Эшбруку и другим гостям.

Эмили постояла у окна еще минуту-другую, стараясь успокоиться и вернуть самообладание. А потом, решительно вздернув подбородок, пересекла комнату и присоединилась к одному кружку гостей, где обменивались последними сплетнями о Байроне.

В тот же вечер, вскоре после одиннадцати, Саймон, все еще злясь на себя за свою необъяснимую слабость, отыскал Бродерика Фарингдона в одном из игорных домов Сент-Джеймса. Ему не верилось, что он принял такое решение, не верилось, что он собирается поступить подобным образом.

Когда эта мысль пришла ему в голову в первый раз, он сказал себе, что Эмили, видимо, как-то повлияла на его разум своими глупыми иллюзиями и наивной верой в его несуществующие героические качества, заставив его смягчиться.

Он несколько часов спорил с самим собой, спрашивая себя, не повредился ли он в уме окончательно. Он достиг всего, чего желал. Фарингдон на грани катастрофы. Не время

проявлять слабость.

Но он проявлял.

Саймон нашел Бродерика за столиком в углу переполненного шумного зала. Тот сидел один, явно только что покончив с бутылкой кларета и с очередной партией в карты. При виде возникшего перед ним мстителя на лице Бродерика расцвела неотразимая улыбка Фарингдона.

– Еще рано торжествовать, Блэйд. Старый конь еще жив!..

Саймон смотрел на своего врага с нескрываемым удивлением. Судя по всему, этому человеку следовало бы сейчас находиться в отчаянии.

– Мои поздравления, Фарингдон. Вы действительно не похожи на джентльмена, который не в состоянии отдать долг чести.

– Я намерен полностью выполнить свои обязательства, сэръ. Не стоит беспокоиться.

Саймон медленно сел, удивляясь, как может этот человек быть настолько уверенным в себе, когда очевидно, что он погиб.

– Надеюсь, вы не рассчитываете на помощь дочери?

– Эмили хорошая дочь. Я всегда мог на нее положиться. – Фарингдон поднял свой бокал с портвейном и сделал порядочный глоток.

– Но не на этот раз, Фарингдон, – возразил Саймон.

– Посмотрим. – Бродерик обвел взглядом комнату, словно отыскивая партнеров, готовых к предстоящей игре.

Саймон наблюдал за ним.

– Значит, вас бы не заинтересовало кое-какое предложение, Фарингдон? – мягко спросил он.

Бродерик резко обернулся, его голубые глаза насторожились.

– О чем вы говорите?

– Я готов оплатить ваши долги на определенных условиях.

Бродерик стал похож на гончую, почуявшую зайца.

– О господи! Значит, она все же обратилась к вам? Уговорила поступить со мной благородно? Я так и знал, что она поможет. Она хорошая девочка, я всегда это говорил. Есть в ней что-то такое славное, правда? Совсем как ее мать.

– Эмили тут ни при чем. Это строго между нами, Фарингдон. Так как, интересуется вас мое предложение?

Бродерик ухмыльнулся:

– Еще бы. Финансовые предложения меня всегда интересовали. И что же вы предлагаете, Блэйд?

– Полностью заплатить ваши долги в обмен на ваше согласие принять место управляющего в моем поместье в Йоркшире.

– В Йоркшире? – Бродерик поперхнулся глотком вина.

– Я развожу там лошадей, и мне пришло в голову, что ваше единственное бесспорное достоинство – верный глаз на породу. Вы дадите мне слово, что никогда больше не вернетесь в Лондон и перестанете играть. Это хорошее место, Фарингдон, и я надеюсь, что вы будете работать там с тем же

усердием, которое всегда проявляли за карточным столом.

– Вы, должно быть, просто спятили! – взорвался Бродерик. – Услать меня в Йоркшир присматривать за каким-то идиотским конезаводом? Никогда, Блэйд. Я светский человек, а не конюх. Убирайтесь вон. Я не нуждаюсь в вашем чертовом месте. Я сам позабочусь о своих долгах.

– Без помощи дочери?

– О господи! Да кто сказал, что моя дочь мне не поможет?

– Я. – Саймон встал, презирая себя за то, что вообще предлагал ему что-то. – Эта часть договора неизменна, Фарингдон. Я больше никогда не позволю вам использовать Эмили.

– Негодяй. Мы еще посмотрим.

Саймон пожал плечами, взял шляпу и направился к двери.

Его приводило в недоумение, почему всех так прельщала возможность даровать прощение, подчиняясь внезапно-необдуманному порыву. Совершенно ясно, что подобная наивность не ценится в этом мире, и, поддаваясь таким порывам, только начинаешь потом чувствовать себя идиотом.

И все же Саймон в душе был рад, что сделал Бродерику это сумасшедшее предложение. Он решил, что после приема упомянет Эмили о своем великодушном поступке. Она посмотрит на него с прежним обожанием и скажет, что с самого начала знала, что он останется великодушен и героичен и в своей победе. А то, что ее отец отказался принять предложение о Йоркшире, проблема Бродерика, а не Саймона.

Саймон не будет больше мучиться угрызениями совести, глядя в глаза Эмили.

Да, решил он, выходя из игорного дома, ему уже гораздо легче. Ему бы хотелось рассказать о своем добром деянии Эмили сегодня же, но она сходит с ума, готовясь к приему. Она просто не почувствует надлежащей благодарности и восхищения. Лучше подождать, пока в доме вновь установится что-то больше похожее на спокойствие.

– Эмили может не волноваться, – прошептала Араминта Саймону вечером следующего дня. – Ее вечер имеет блестящий успех. Дом набит гостями, улица запружена экипажами, кушанья представляют собой идеальное сочетание экзотики и доброй английской кухни, а музыка просто чудесна. Завтра утром все заговорят, что прием у вас стал гвоздем сезона.

Саймон холодно кивнул, оглядывая переполненную залу. По всему дому разносилась музыка, смех, шум голосов. Прием Эмили имел действительно ошеломляющий успех.

– Вы не видели Эмили?

– Недавно она разговаривала с леди Линтон. – Араминта оглянулась. – Но сейчас я ее что-то не вижу.

Не пошла ли она с Гривзом проверить, все ли в порядке у прислуги? Она трясется над каждой мелочью. Чудо, как она еще не падает с ног от крайнего беспокойства и усталости.

Саймон нахмурился, вдруг ощутив какую-то смутную тревогу. Это чувство вспыхнуло в нем несколько минут на-

зад и очень быстро усиливалось...

– Если ты меня извинишь, я попробую ее разыскать.

– Желаю удачи. Спроси у дворецкого. Он за всем следит.

– Непременно.

Саймон начал прокладывать путь через группки элегантно одетых гостей, время от времени останавливаясь, чтобы обменяться любезностями и выслушать комплименты по поводу очарования Эмили в роли хозяйки дома.

Наконец он добрался до холла, так же заполненного людьми, как и гостиная. Он почти сразу отыскал Гривза.

– Вы не знаете, где леди Блэйд? – спросил Саймон.

– Несколько минут назад она была здесь, милорд. – Гривз огляделся вокруг. – Но сейчас я потерял ее из виду. Послать за ней кого-нибудь из слуг?

Тревожное чувство усилилось.

– Да, – сказал Саймон. – Непременно. Я посмотрю на кухне.

– Вряд ли она там, сэр. – Гривз неодобрительно нахмурился. – Я посоветовал ей заниматься гостями и предоставить слугам самим проследить за пополнением угощения.

– Возможно, она решила немного передохнуть в библиотеке. Я загляну сначала туда.

Тревога превратилась в полную уверенность, что надо действовать как можно быстрее! Саймон устремился в библиотеку, куда гостей было решено не пускать, и закрыл за собой дверь.

Тихое уединение библиотеки принесло некоторое облегчение. Но Саймон сразу понял, что Эмили здесь нет, и ощущение, что нужно спешить, превратилось в предчувствие чего-то ужасного.

Он прошел к окну и выглянул в сад. Света, льющегося из окна, хватило как раз, чтобы уловить мелькание какой-то тени неподалеку от изгороди.

Саймон застыл, узнав плещущийся подол знакомой темной накидки.

Он говорил себе, что, наверное, кто-нибудь из гостей вышел подышать свежим воздухом, но, еще не перестав уверять себя в этом, он уже знал: что-то случилось!

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, Саймон открыл окно, перекинул ногу через подоконник и легко спрыгнул на влажную траву.

Через мгновение он неслышно скользил за легкой тенью вдоль самой высокой изгороди. И еще чуть погодя он разглядел, за кем шел.

Эмили, мрачно решил он. Сомнений нет... На ней ее черная бархатная накидка...

Саймон видел, как она отперла ворота и осторожно шагнула в темный переулок. Саймон двинулся следом. Внутри у него все похолодело. Услышав знакомый мужской голос, раздавшийся из темноты по ту сторону изгороди, он резко остановился.

– Так-так-так... – презрительно протянул Крофтон. – Зна-

чит, вам удалось повернуть наше дельце, да? Надеюсь, у вас хватило здравого смысла принести под накидкой один из лучших экземпляров коллекции Блэйда, моя дорогая? Мне не хотелось бы отправлять вас – вот так сразу же – еще за одним.

– Других не будет, мистер Крофтон, – с яростью произнесла Эмили.

– О нет, я полагаю, будут, леди Блэйд. Богатство вашего мужа – предмет всеобщего обсуждения, но, без сомнения, оно велико. Я не думаю, что он хватится еще парочки своих необыкновенных статуэток.

– Вы негодяй, мистер Крофтон. Крофтон злорадно хохотнул:

– Не забывайте, что произойдет, если вы окажетесь несговорчивой, моя дорогая. Муж, которого вы так обожаете, будет выставлен на посмешище из-за скандала в вашем прошлом. Он будет навечно опозорен из-за вас. Но мы с вами знаем, что вы сделаете все, чтобы защитить своего мужа, не правда ли? Такая любящая женушка...

Носком сапога Саймон нащупал выемку и беззвучно взобрался на широкую каменную стену. Припав к шершавой поверхности, он взглянул вниз и увидел две слабо освещенные лунным светом фигуры. От охватившего бешенства рука его сжалась в кулак.

Эмили надвинула капюшон накидки до самого носа, руки ее скрывались в бархатных складках. Крофтон стоял в

нескольких футах от нее, запахнувшись в пальто и низко на-
двинув на глаза шляпу, чтобы спрятать лицо.

– Вы уверены, что не хотите отказаться от своего ужасного замысла? – тихо спросила Эмили. – Есть ли хоть какая-нибудь надежда воззвать к лучшей стороне вашей натуры?

– Абсолютно никакой, моя дорогая. Абсолютно никакой. Мне, знаете ли, ужасно любопытно. По-моему, было бы очень интересно узнать, почему Блэйд счел вас столь забавной. Уверен, мы договоримся о следующей – и очень скорой – встрече, мадам. Где-нибудь в уединенном месте, я полагаю, где вы сможете показать мне, как вы умны и забавно своеобразны в постели.

– Крофтон, вы чудовище!

– Ну-ну-ну, моя дорогая. Вы только не забывайте, что произойдет, если вы будете несговорчивой. Я знаю, что вы, пожалуй, слишком оригинальны, чтобы заботиться о собственной репутации, но вы ведь сделаете все, что потребуется, чтобы защитить от унижений Блэйда, правда? А мне доставит такое наслаждение переспать с вами. Я определенно чувствую, что это будет совершенно необычное приключение. Он уже обучил вас каким-нибудь любопытным восточным штучкам для услаждения мужчины?

– Вы правы в одном, мистер Крофтон. Я сделаю все, чтобы защитить своего мужа.

Руки Эмили вынырнули из-под накидки. Саймон увидел, как блеснул в лунном свете маленький пистолет, который

она держала в руках, и с содроганием понял, что она собирается сделать.

Эмили готовилась всадить в Крофтона пулю, чтобы защитить его – Саймона – от скандала в своем прошлом!

При виде оружия Крофтон растерялся. Его глаза широко раскрылись от изумления.

– Черт подери, ты что, спятила? Убери пистолет.

– Я давала вам шанс, мистер Крофтон. И вопреки всякому здравому смыслу надеялась, что мне не придется прибегать к таким крайним мерам, чтобы заставить вас исчезнуть. Но вы не желаете уходить. Есть только один способ защитить от вас моего мужа... – Она прищурилась, стиснула зубы и начала нажимать на курок.

– Черт подери! – пробормотал Саймон.

Столь самоотверженный жест со стороны Эмили, конечно, грел его сердце, и он будет беречь его в памяти до последних дней своих, но нельзя же в самом деле позволить Эмили застрелить Крофтона...

Саймон спрыгнул прямо со стены, столкнувшись с Эмили мгновением раньше, чем она успела выстрелить.

Глава 20

Эмили показалось, будто сама каменная стена обрушилась на нее.

– Это я, черт возьми! – прорычал ей в ухо Саймон, когда под ударом его тела она распростерлась на камнях мостовой. – Не стреляйте.

– Саймон? Но как?..

Пистолет при падении выпал из ее руки. Эмили слышала, как он застучал по камням, отлетев к противоположному краю узенькой улочки. Свободные складки ее просторной накидки защитили ее от пыли и песка мостовой, но они же закрыли ей лицо. Какое-то мгновение она ничего не видела.

– Блэйд?! Так, значит, эта стерва вам все разболтала? Я же ее предупреждал, чтобы она никому ничего не говорила! – завопил Крофтон. – Она оказалась дурой. Клянусь Богом, я убью вас обоих!

Саймон быстро поднялся на ноги. Эмили сразу села, отбрасывая черный бархат с лица. Она высвободилась из накидки, но обнаружила, что различает лишь расплывчатые фигуры двух мужчин. Очки при падении тоже свалились. Она лихорадочно зашарила вокруг, и ее пальцы сомкнулись на тонкой металлической оправе. Не разбились, с облегчением поняла Эмили.

Она надела очки как раз вовремя, чтобы увидеть, как

Крофтон вытянул пистолет из кармана пальто и направил его на Саймона.

– Нет! – выдохнула Эмили, пытаюсь вскочить.

Но Саймон мгновенным движением выбросил вперед ногу и ударил Крофтона по руке с такой силой, что раздался хруст. Пистолет отлетел в сторону.

Глаза Крофтона расширились от неподдельного ужаса, а Саймон приближался к нему... Крофтон отшатнулся, но бежать было поздно. Схватив лежащий на мостовой камень, он запустил его Саймону в голову, но промахнулся, и камень глухо стукнулся о стену. Тогда Крофтон нырнул за пистолетом, который уронила Эмили.

В мгновение ока Саймон преодолел несколько шагов, отделявшие его от Крофтона. И как раз в тот момент, когда Крофтон схватил пистолет, Саймон ребром ладони ударил его по шее.

Крофтон рухнул на мостовую и замер.

Эмили поглядела на упавшего, потом на подчеркнуто спокойное лицо Саймона. Когда он повернулся к ней, его глаза пылали в холодном свете луны.

– Я же предупреждала его, что дракон будет со мной, – прошептала Эмили.

– Отправляйтесь в дом, – негромко сказал Саймон. – Найдите Гривза и передайте ему, чтобы немедленно послал сюда Джорджа или Гарри. Потом возвращайтесь к гостям.

Эмили стряхнула странное оцепенение, вдруг охватившее

ее.

– Саймон, стойте, у меня был очень хитрый план.

– Неужели? – Саймон подошел к ней, глаза его по-прежнему горели каким-то странным огнем. Эмили инстинктивно попятилась:

– Да, милорд. Я собиралась сделать вид, что на него напал бродяга, здесь, в переулке. Я провела немало времени, разрабатывая детали...

– Я позабочусь о деталях.

– Он мертв?

– Нет. Не думаю, что есть необходимость его убивать. Существуют другие способы избавляться от подобных типов. – Саймон обнял ее за плечи и подтолкнул к воротам в сад. – Вы сию же минуту отправитесь в дом и сделаете все точно, как я сказал. Вам все ясно, мадам?

– Да, Саймон.

Эмили еще раз оглянулась через плечо и содрогнулась при виде распростертого на камнях мостовой неподвижного Крофтона. А затем она вновь очутилась в безопасной тишине сада, заспешив к теплым огням и веселому смеху, доносившемуся из дома.

Последние гости разъехались лишь на рассвете. Перед тем как сесть в экипаж, леди Мерриуэдер отвела Эмили в сторону и заверила ее, что вечер имел огромный успех и что завтра к полудню ее прием будет главным предметом светских разговоров.

Если бы она только знала, каким поистине волнующим был этот вечер, подумала Эмили, когда зевающая Лиззи закончила наконец приготовление своей хозяйки ко сну и удалилась из спальни.

Звук отворившейся и вновь закрывшейся двери в спальне Саймона сообщил ей, что Хигсон также справился со своей задачей. Эмили спрыгнула с кровати, схватила халат и кинулась скользя по ковру в соседнюю спальню. Ее снедало нетерпение с тех самых пор, как Саймон вернулся в дом и присоединился к гостям.

Остаток вечера он вел себя так, словно ничего не произошло, и Эмили, естественно, тоже ничем не выдала себя. Они вместе исполняли роли хозяина и хозяйки еще несколько мучительно долгих часов. Теперь наконец они смогут поговорить.

Эмили распахнула дверь и увидела Саймона, стоявшего у маленького столика. Облаченный в ночной халат, он наливал себе бренди из графинчика. Он взглянул через плечо на влетевшую в его спальню Эмили.

– Прошу вас, входите мадам. Я вас ждал.

– Саймон, я с ума схожу. Все в порядке? Вы избавились от Крофтона? Что вы с ним сделали?

– Прошу вас, потише, мадам. Вы же не хотите разбудить слуг?

– Да, конечно. – Эмили покорно присела на краешек кровати. – Саймон, ну пожалуйста, – торопила она его громким

шепотом. – Вы должны мне все рассказать.

– Нет, Эмили, это вы должны мне все рассказать. – Саймон пересек комнату и сел на другой край кровати. Откинувшись на подушки и вытянув ноги, он встретился взглядом с Эмили. – И будьте так любезны, с самого начала.

Эмили повернулась и с беспокойством уставилась на него. Потом глубоко вздохнула:

– Это довольно трудно объяснить.

– Все же попробуйте.

– Так вот, помните, я говорила вам, что отец наделал делов?

– Прекрасно помню, – подтвердил Саймон. – Я так понимаю, что Крофтон и есть тот человек, кому он проиграл.

– Да. Я встретила их обоих – отца и Крофтона – вчера в театре.

– Где они, без сомнения, вас поджидали...

– Скорее всего, – признала Эмили. – Ну, как бы там ни было, папа сказал, что он просто пришел в отчаяние, когда понял, что проигрался дотла. Видимо, слишком много выпил в тот вечер. А будучи навеселе, разговорился с Крофтоном и упомянул о несчастном происшествии в моем прошлом...

– Вы, я полагаю, имеете в виду то самое несуществующее происшествие? Эмили нахмурилась.

– Ну да, понимаете, Крофтон ведь узнал от отца, что оно было на самом деле.

– Негодяй прибегнул к шантажу. – Саймон отхлебнул

бренди.

– Крофтон сказал, что, если я не помогу папе выплатить его проигрыш, в свете станет известно о происшествии.

– Понятно.

– Мне самой угроза была безразлична. Я привыкла жить с запятнанной репутацией. Да и, казалось, никто в Литл-Диппингтоне не обращал на это внимания. Но если бы правда всплыла здесь, в Лондоне, разразился бы кошмарный скандал. На вашем титуле появилось бы позорное пятно. Ваша честь была бы также запятнана, и все по моей вине, а я не вынесла бы этого, Саймон. Я знаю, что вы женились на мне с расчетом, что сумеете скрыть скандал.

– И вы решили застрелить Крофтона?

– Ну да. Понимаете, я ничего больше не могла придумать. Он прослышал про ваших прекрасных драконов и сказал, что даже одного из них достаточно, чтобы покрыть папины долги. И я пообещала прихватить одну статуэтку с собой. Я солгала. Я хотела его ранить!.. Понимаете, я хотела напугать его...

– Вы собирались его убить, чтобы защитить меня от унижения. – Саймон, не веря себе, покачал головой. – Боже мой, вы не перестаете меня изумлять, мадам.

От его странного тона ее захлестнул страх. Сложив на коленях руки, она пристально посмотрела на Саймона.

– Я вас наконец шокировала, Саймон? – прошептала она.

– Да, Эмили.

Эмили начала понимать, как вся эта история должна выглядеть в глазах Блэйда... Ничего удивительного, что он ведет себя так странно. Он, без сомнения, испытывает теперь отвращение к ней. Она все погубила. Эмили медленно поднялась, слезы навернулись ей на глаза.

– Простите, милорд. Я, признаться, до сих пор не смотрела на все это с вашей точки зрения. Я представляю, какое отвращение вы должны испытывать, узнав, что женились на девушке, способной на убийство.

– Не то чтобы это имело какое-то значение... вы ведь сегодня никого не застрелили, Эмили.

– Но не потому, что не пыталась. Его губы слегка дрогнули.

– Да, не потому... Вы превращаетесь в лютую тигрицу, когда приходится защищать свою собственность, да, дорогая моя?

Эмили в смятении уставилась на него:

– Я не могла позволить, чтобы он вас унизил, Саймон.

– Ну разумеется. Вы меня любите. Вы меня обожаете. Вы считаете, что я благороден, великодушен, храбр, ну просто бриллиант, а не муж. – Саймон отпил бренди. – Вы ради меня на все пойдете...

– Саймон? – В голосе Эмили прозвучало удивление.

– Вы должны извинить меня за некоторую рассеянность в данный момент. Вообще-то я нахожусь в таком состоянии уже несколько часов. За всю мою жизнь никто никогда не

пытался защитить меня, эльф. Эмили по-прежнему не сводила с него глаз, не в силах вымолвить ни слова.

– Сколько я себя помню, я всегда заботился о себе сам, – продолжал Саймон. – А когда я встретил вас, то понял, что хочу заботиться и о вас тоже. Но от мысли, что кто-то пожелал защитить меня, рискнув ради этого своей жизнью, и был готов даже пристрелить негодяя, у меня временно помутился разум.

– Саймон, вы пытаетесь мне сказать, что мой поступок все же не оттолкнул вас?

– Я пытаюсь сказать, что я, наверное, не заслуживаю тебя, эльф. Но я убью всякого, кто попробует тебя у меня отобрать. – Его золотистые глаза сверкнули в свете свечей. – Видно, в этом мы с тобой похожи.

– Ах, Саймон!

– Когда-то давно я написал три письма с просьбой о помощи...

– Норткоту, Канонбери и Пеппингтону. Да, я знаю, – промолвила Эмили.

– Мне было в ней отказано, и я поклялся, что больше никогда никого ни о чем не попрошу – ни на этом свете, ни на том... Но теперь я обнаружил, что должен нарушить свою клятву. Пожалуйста, никогда не покидай меня, эльф. Если я потеряю твою любовь, я погибну.

– Ах, Саймон! – Пальцы Эмили гладили атласный отворот его халата. Она была вне себя от счастья.

– Я люблю тебя, Эмили, – тихо сказал Саймон, глядя ей прямо в глаза. – И наверное, любил с самого начала. Иначе никак не объяснить моего поведения в последнее время. Но когда я увидел, как ты собираешься выстрелить в Крофтона, чтобы меня защитить, я понял это окончательно. И понял, что должен сказать тебе об этом.

– Саймон! – Эмили была не в силах больше сдерживаться. Она кинулась в объятия к мужу.

Он притянул ее к себе. Пустая рюмка от бренди упала на ковер, и Саймон крепко прижал к себе Эмили, зарывшись губами в ее волосы. Он так крепко ее держал, что Эмили едва могла дышать, но она нисколько не возражала.

– Скажи мне, что дашь то, о чем я прошу, – прошептал он Эмили. – Скажи, что всегда будешь любить меня, эльф. – Саймон приподнял ей подбородок и заглянул в глаза.

– Всегда, Саймон.

– Хорошо. И мне бы хотелось договориться с тобой еще об одном...

– Да? – Она вопросительно посмотрела на него.

– Ты дашь мне слово, что никогда больше не попытаешься совершить что-нибудь такое же опасное, как встреча с Крофтоном, – хрипло сказал Саймон.

– Но, Саймон, у меня не было выбора. Скандал...

Он приложил палец к ее губам:

– Скандала не существует. Сколько раз мне тебе повторять?

– Но Крофтон знал о нем. Он рассказал бы всем.

– Нет, радость моя, он бы не посмел. Он знал, что за свою сплетню заплатил бы собственной жизнью. Зачем ему рисковать? Он понимал, что я так же легко уничтожил бы все слухи, как и его самого.

– Саймон, ты в самом деле настолько могуществен?

– Да, Эмили, да. Единственной надеждой Крофтона как-то использовать полученные сведения было пригрозить тебе. Именно так он и поступил.

– Ох! А я попала на удочку.

– Потому что ты меня любишь. Но в будущем ты еще и доверяй мне настолько, чтобы обращаться прямо ко мне, если вновь столкнешься с чем-нибудь подобным. Договорились?

– Да, Саймон. – Эмили робко улыбнулась.

Он осторожно снял с нее очки и приник к ее губам с такой пронзающей душу жадной, что Эмили охватила дрожь.

Она простонала под его губами и радостно откликнулась на объятие. С полной готовностью и пылкой страстью она прильнула к мужу.

– О боже, эльф, ты мне так нужна, – с трудом пробормотал Саймон, уткнувшись лицом ей в шею. – Люби меня. Люби меня.

– Ничего больше я и не желаю, Саймон.

Он нежно опрокинул Эмили на спину. Раздевая ее, его руки скользили по всему ее телу с нежной, требовательной настойчивостью – по груди и бедрам... Его яростная жажда

вызвала в ней ответное жгучее желание. Эмили вновь задрожала в объятиях дракона.

Когда мощным быстрым движением он вошел в нее, Эмили вскрикнула и впилась пальцами в его спину. Он крепко сжал ее бедра и притянул к себе, стремительно унося ее к наслаждению.

И они потерялись в волшебном мире, созданном ими для них самих.

Прошла вечность. Эмили сонно пошевелилась в объятиях Саймона:

– Так как, милорд?

Саймон зевнул. Он походил на ленивого, насытившегося дракона.

– Что как?

– Теперь вы наконец согласитесь, что есть только один способ описать вершину нашей любви?

– Вы, насколько я понимаю, подразумеваете ту бессмертную строку из вашей поэмы. Нас действительно «унесло к берегам любви золотым, манящим, чудным».

– Вообще-то, – задумчиво произнесла Эмили, проведя пальчиками своей ножки по ноге Саймона, – я думаю, что нам было даже лучше, чем описано в моей строчке. Помогает, она не передает полностью всей полноты ощущений.

– Вы совершенно правы. Не передает.

– Я поработаю над дополнительными строками моей поэмы.

– Возможно, вам следует еще несколько расширить диапазон ваших чувственных познаний, мадам поэт. – Пальцы Саймона нежно пробежались по ее бедру.

Эмили повернулась к нему. Она уже собиралась его поцеловать, как вдруг ей в голову пришла одна мысль.

– Саймон?

– М-м? – Он покрывал поцелуями ее шею.

– Как ты узнал об этой ужасной встрече с Крофтоном... что я там, в переулке?

Саймон небрежно пожал плечами:

– У меня просто возникло ощущение, что должно произойти какое-то несчастье. Я не нашел тебя среди гостей и отправился на поиски.

– Правда?! Я это знала.

– Что знала? – Саймон провел кончиком языка по ее соску.

– Мы действительно связаны на метафизическом уровне, Саймон, – взволнованно сказала Эмили. – События нынешнего вечера доказали это. Как бы ты узнал, что со мной происходит что-то ужасное, если бы не получил некоего таинственного сообщения на трансцендентальном уровне?

Саймон поднял голову и поглядел на нее. Сначала вид у него был довольно озадаченный. А потом его губы медленно изогнулись в лукавой усмешке.

– Ты совершенно права, любовь моя. Но в будущем я предпочел бы, чтобы ты не полагалась на метафизические

отношения. Дай мне слово, что когда в следующий раз ты замыслишь какую-нибудь авантюру, то обсудишь ее со мной словесно, помимо метафизических связей. Договорились?

– Как пожелаешь, Саймон. Знаешь, я решила кое-что изменить в поэме.

– В самом деле?

– Да. Я хочу изменить название с «Таинственной леди» на «Таинственного графа».

Саймон застонал.

– Ты только подумай, Саймон. Откроются самые разнообразные возможности для новых приключений и волнующих сцен любви.

– Иди сюда, люби меня, Эмили, – велел Саймон.

– Непременно, милорд.

Саймон сидел за черным лакированным столом в своей библиотеке – сегодня ее посетили Фарингдоны. Бродерик Фарингдон занимал кресло, ближайшее к графинчику с бренди. Девлин и Чарльз выжидательно расположились по бокам черной каминной доски, словно симпатичная пара золотых подсвечников.

Эмили, одетая в платье, украшенное по подолу драконами, скромно села в красное бархатное кресло около его стола. От Саймона не укрылся скрытый смысл выбранной ею позиции. Эмили была на его стороне.

– Я пригласил вас сюда сегодня, потому что настала пора

уладить кое-какие вопросы, – медленно произнес Саймон.

– Так-так. – Бродерик Фарингдон одобрительно кивнул. – Должен сказать, что пора бы уж вам выполнить свой долг по отношению к новым родственникам. Я могу прямо сейчас вручить вам список моих проигрышей и назвать дополнительную сумму, которая мне понадобится, чтобы протянуть до того времени, когда Эмили сможет исправить наше финансовое положение.

Саймон побарабанил пальцами по столу, заметив, что Эмили опять покусывает нижнюю губу.

– Сначала мы обговорим будущее Чарльза и Девлина. – Саймон обратился к молодым людям:

– Вы оба согласны с моим предложением?

– Точнее, ухватились за него двумя руками, – жизнерадостно отозвался Девлин.

– Ждем не дождемся рейса в Индию, – согласился Чарльз. – Хорошо, что я так и не сделал предложение Мэрианн Маттьюз. Лучше отправиться в колонии и сделать себе состояние. Индия – страна больших возможностей и приключений. Непременно вернемся оттуда богачами.

– Прекрасно, – пробормотал Саймон, которого позабавило удивленное выражение лица Эмили. – Я переговорил со своим поверенным, и он подыскал вам обоим подходящие места в Бомбее и заказал каюту на пароходе, где мне принадлежит контрольный пакет акций. Пароход отплывает завтра с утренним приливом. Капитан Адаме ждет вас на борту.

– Мы уже все упаковали и готовы, сэр, – радостно заверил его Девлин.

Бродерик Фарингдон хмуро посмотрел сначала на сыновей, потом на Саймона:

– О чем вы все говорите, черт побери? Дев и Чарльз отплывают в Индию?

– Они решили сколотить себе состояние сами, не полагаясь на сестру, – небрежно заметил Саймон. – И я уверен, что вы, как отец, захотите сделать то же самое. Вы ведь понимаете, насколько важно подать хороший пример.

Бродерик взорвался от возмущения:

– Послушайте, если это еще одна попытка запихнуть меня на какую-то лакейскую работенку на вашей лошадиной ферме в Йоркшире, то можете катиться ко всем чертям.

– Что это было за предложение? – требовательно спросила Эмили.

– Твой зарвавшийся муженек явился ко мне позавчера с дикой мыслью, что оплатит мои долги, если я соглашусь уехать в Йоркшир управлять каким-то чертовым конезаводом, – раздраженно произнес Бродерик. – Ты представляешь? Меня? Работать на конезаводе?

Эмили удивленно заморгала и повернулась к Саймону:

– Ты предлагал ему это? Саймон, как великодушно с твоей стороны. Я ничего не знала о твоём поступке.

Саймон пожал плечами:

– Мое предложение начисто отвергли.

– Вот именно, черт побери! – Бродерик пылал праведным гневом. – Нельзя же ждать от светского человека, чтобы он похоронил себя в Йоркшире.

– А по-моему, предложение блестящее, – заметил Девлин. – У тебя был всегда хороший глаз на лошадей, папа.

– Я думал, ты согласишься, – подтвердил Чарльз. – Идеальное решение проблемы.

– Ну вот что! – завопил Бродерик, пораженный предательскими замечаниями своих сыновей. – Ни на что подобное не соглашусь.

– У вашего отца имелось иное решение проблемы, – тихо сказал Саймон. – Но у него ничего не получилось.

По неизвестной ему самому причине, он не хотел говорить Чарльзу и Девлину, каким негодяем оказался их отец. Эмили была права. Сыновья не походили на своего родителя. Им лишь недоставало надлежащего примера, но, когда их направляли, они охотно воспринимали уроки.

– Не получилось? – Бродерик бросил озадаченный взгляд на дочь, а потом хмурый – на Саймона. – А теперь вы о чем?

– Я кое-что уладил для вас, – продолжал Саймон.

Бродерик кивнул, несколько смягчившись:

– Я рассчитывал, что вы войдете в мое положение. Говорил Эмили, что она сумеет вас убедить. Не правда ли, девочка?

– Да, папа. Так ты и выразился, – пробормотала Эмили.

– Всему свету известно, что Блэйд к тебе невероятно снис-

ходителен. И уж конечно ему нежелателен новый скандал. – Бродерик удовлетворенно улыбнулся. – Ну так что, Блэйд? Насчет восполнения моего капитала?

– Да, разумеется. – Саймон сложил руки на столе и встретил выжидательный взгляд Бродерика. – Вам не терпится начать как можно скорее, поскольку вы, очевидно, сейчас совсем без средств.

– Совершенно верно.

– Поэтому я взял на себя смелость заказать для вас билет в один конец на другой мой корабль... Правда, он идет не в Индию, так как мне кажется, что вашим сыновьям следует предоставить наконец полную самостоятельность. А вы отплываете к небольшому острову в Ост-Индии, где у меня имеются некоторые предприятия.

Бродерик вытаращился на него:

– Вы с ума сошли, сэр.

Саймон не обратил на него внимания.

– На острове вас ждет место на одном из моих предприятий. Пока вы вправе выбирать: принимать это место или отказаться. Но в любом случае вы отправляетесь на остров и не сможете вернуться в Англию, пока не заработаете себе на билет. Он весьма недешев.

– Послушайте, – в бешенстве заорал Бродерик, вскакивая, – я не поеду в Йоркшир, не говоря уже о каком-то идиотском острове в Ост-Индии!

– Насчет Йоркшира вы правы. Повторения предложения

не будет. Я хочу, чтобы вы вообще покинули Англию, и, поверьте моему слову, завтра вы окажетесь на борту «Морского демона». У вас только две возможности: или вы отправляетесь по своей воле, или я свяжу вас и доставлю на борт. Выбирайте.

– Вы не посмеете, черт возьми! – рявкнул Бродерик.

– «Морской демон» принадлежит мне – со всей командой, включая и капитана, – мягко напомнил Саймон. – Я уведомил капитана Конвэя, что вы отплываете с ним завтра в Ост-Индию. Два его человека поджидают сейчас на улице. Они проводят вас домой и помогут собрать вещи. Ночь проведете на борту, чтобы мы не беспокоились, как бы вы не ускользнули из Лондона.

Отчаянный взгляд Бродерика устремился прямо на Эмили.

– Ты же не позволишь ему, Эм?

Эмили выпрямилась и встретила взгляд отца:

– Мой муж, как всегда, проявил великодушие, и даже в отношении вас... Но впрочем, он по натуре склонен к благородным поступкам. Таков уж его характер. Желаю тебе приятного путешествия, папа. Не забудь написать, как приедешь.

– Эмили!

– Мне нужен надежный корреспондент в той части света. Я всегда чувствовала, что мне недостает информации из Ост-Индии при решении разнообразных вопросов по вложе-

ниям капитала. Ты сможешь оказать мне хорошую помощь, папа.

– Господи боже мой! – Бродерик был явно обескуражен. – Родная дочь отвернулась от своего любящего отца. Я не могу в это поверить.

– Я и сам с трудом поверил в те средства, к которым вы прибегли, чтобы добиться уплаты ваших карточных долгов. – Саймона вновь охватило чувство гнева при воспоминании о сцене в переулке.

– Вы знаете?.. – с тревогой спросил Бродерик.

– Я знаю все. Мы с Эмили имеем счастье находиться друг с другом в самых необычайных отношениях.

– Господи боже! Я никогда не думал... никогда не хотел по-настоящему, чтобы дело дошло до такого. Надеялся, что Эмили удастся уговорить вас уплатить мои долги. Это Крофтон предложил пришпорить события, – дескать, пора бы Эмили подтолкнуть к решительному шагу.

– На вашем месте я вообще бы помолчал, – мягко предупредил Саймон. – Однако вам, наверное, любопытно узнать, что вы совершите свое плавание на Восток не в одиночестве. Ваш добрый друг Крофтон составит вам компанию. Он вообще-то уже на борту – дожидается вашего прихода.

Бродерик открыл рот и закрыл его снова, когда холодная ярость Саймона прорвалась наконец наружу. Он впервые по-настоящему осознал, что его противнику все известно. Что бы он ни увидел в этот миг во взгляде Саймона, это, долж-

но быть, убедило его, что надежды больше нет. Бродерик с мольбой во взоре повернулся к Эмили. Она спокойно встретила его взгляд:

– До свидания, папа.

– Сослан в Ост-Индию... После всех превратностей судьбы. Хотел бы я, чтобы твоя мама была здесь. Она бы придумала, что предпринять.

Бродерик встал, медленно прошагал к двери и вышел в холл. Тяжелая тишина повисла в библиотеке. Девлин поглядел на своего брата-близнеца. Оба выпрямились у камина, став вдруг гораздо старше и взрослее, чем были еще несколько недель назад.

– Нам пора, – бодро заговорил Чарльз. – Еще куча дел до завтрашнего отъезда. – Он наклонился и с чувством быстро поцеловал Эмили в щеку. – Ты проводишь нас завтра на причал, Эм?

– Конечно. – Она улыбнулась ему.

– Мы тебе напишем, Эм. – Девлин тоже поцеловал сестру в щеку и усмехнулся. – И переведем тебе всю нашу прибыль, чтобы ты ее во что-нибудь вложила.

– Берегите себя. – Эмили поднялась и порывисто обняла близнецов.

– Непременно. – Чарльз одарил ее обворожительной улыбкой Фарингдона. – И когда ты нас увидишь в следующий раз, мы уже оба будем набобами. – Он повернулся к Саймону. – До свидания, сэръ. И спасибо вам за все.

– Да. – Девлин посмотрел Саймону прямо в глаза. – Спасибо вам. Мы знаем, что оставляем сестру в надежных руках. Заботьтесь о ней.

– Непременно, – заверил Саймон.

Он выждал, пока за близнецами закрылась дверь, и подошел к графинчику с бренди. Налив два бокала, он протянул один из них Эмили:

– Поднимем бокал, мадам жена.

Она улыбнулась и подняла свой бокал:

– За что мы пьем, милорд?

– За Англию, свободную от вертопрахов Фарингдонов. – Саймон сделал хороший глоток бренди.

– А как же я?

– Ты, – Саймон поставил свой бокал, – не Фарингдон. Ты перестала быть Фарингдон с того дня, как я на тебе женился.

– Понятно. – Сияющими глазами она следила за каждым его движением. – Саймон, я должна поблагодарить тебя за все, что ты сделал для моей семьи. Я никогда не видела, чтобы Чарльз и Девлин радовались так, как сейчас своему путешествию в Индию. А что касается отца...

– Что же про отца?

– Как я уже заметила, ты был к нему чрезвычайно великодушен. Он не заслуживает этого.

– Да.

– Ты такой добрый, Саймон, – порывисто проговорила она. – Такой великодушный, и благородный, и...

Он жестом велел ей замолчать:

– То, что я сделал только ради того, чтобы освободиться от Фарингдонов, простой эгоизм с моей стороны.

– Нет, то, что ты сделал, ты сделал ради меня, – понимающе сказала она и подняла на него смеющиеся глаза. – Всему свету известно, что ты бессовестно мне потакаешь.

– И всему свету известно, что ты влюблена в меня до потери сознания и находишься полностью в моей власти и моей милости. – Он развязал узел белого галстука и прошел обратно в комнату.

– Что ж, по-моему, достаточно справедливо.

– И всему свету, без сомнения, скоро станет известно, – Саймон разматывал длинную шелковую полоску, – что я влюблен в тебя так же, как ты в меня.

– Вас беспокоит такая возможность, милорд? Он подошел и встал перед ней, белый шелковый галстук свисал с его пальцев.

– Ничуть.

– Саймон? Что ты собираешься делать с галстуком? – спросила Эмили.

Он чувственно обмотал его вокруг ее шеи.

– То же самое, что и в прошлый раз, когда мы предавались любви здесь, в библиотеке.

– Вот как? – Ее глаза расширились. – Но сейчас день, милорд.

– Никогда не рано «унестись к брегам любви золотым, ма-

нящим, чудным», радость моя. – Он схватил ее в объятия и понес к одной из громадных атласных подушек. Уложив ее на золотое ложе, он опустился рядом. Она улыбнулась ему, в ее красивых глазах сияла любовь.

А когда на ней не осталось ничего, кроме полоски белого шелка, она пришла в его объятия так, как приходила всегда, – с радостной, исполненной любви страстью, такой сильной, что она продлится всю жизнь.

Уголком глаза Саймон заметил, как улыбается ему один из его драгоценных драконов. Граф рассмеялся, и этот смех превратился в музыку – песнь дракона, и весь дом наполнился ею.